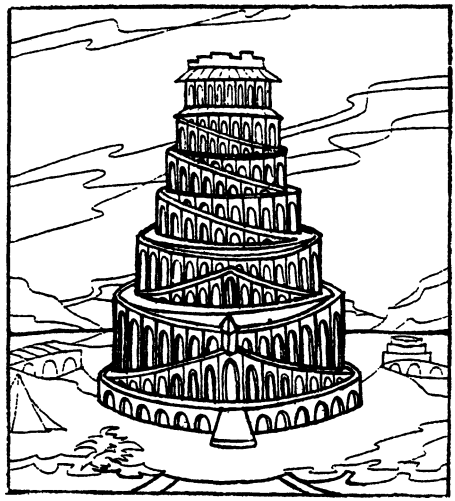
ГНОСТИКИ

ЗАПАДНО - ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

антология мировых проблем

ГНОСТИКИ
или
О
"ЛЖЕИМЕННОМ ЗНАНИИ"

Издание второе,
исправленное и дополненное

"УЦИММ-ПРЕСС"

Киев — 1997

Переводы с коптского, древнегреческого, английского, испанского и др.

Тексты печатаются в современной редакции

В оформлении использованы:

Абраксас — бог гностиков
(изображение на гемме III-го века н. э.)

Вавилонская башня
(акварель неизвестного художника XVIII-го века)

© "УЦИММ – ПРЕСС", 1997

ISBN 966-7026-02-7

О БАШНЕ ВАВИЛОНСКОЙ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Этой книгой мы намереваемся открыть серию "Антология мировых проблем". Почему именно гностики? Ведь, если говорить о действительно мировых проблемах (т. е. о тех вопросах, которые волновали и мучили человека на протяжении всей его истории, а не тех, о которых вещают политики и пресса), то, безусловно, центральной будет проблема зла. Именно этому вопросу мы и хотели посвятить первую книгу, но... Но "в наши дни, после векового развития критической философии и величайших успехов естествознания, нередко наблюдается возвращение к мистицизму, и притом в наиболее грубых его формах"*. В самом деле, обилие пост-, или, если угодно, неогностической литературы (прежде всего, т. н. "теософской") и повышенный к ней интерес — явный симптом чего-то нездорового в "датском королевстве". Эта книга — просто реакция, пусть даже и "тропизм", лечение гангрены аспирином, — но все же — это попытка понять, откуда сия напасть, где ее истоки и что представляет собою сток. Те, кто под гностицизмом понимают только раннехристианский гнозис, скажут, что мы трактуем гностицизм излишне широко и, потому, неопределенно, но для нас — это прежде всего способ мироощущения. Что же до псевдорелигиозных или псевдо-философских концепций гностиков — то они не более, чем попытки это мироощущение как-то оформить.

Гностицизм, как таковой, родился, собственно, тоже из проблемы мирового зла. Гностики для себя эту проблему решили, причем решили очень оригинально. Если Эмпедокл, рассуждая о причинах падения собственной души в собственное же тело, называл себя "дезертиром, бежавшим от Бога", то гностики предпочли дезертировать из мира.

Э. Берн, комбинируя попарно две позитивные и две негативные психологические установки по отношению к окружающему миру и самому себе, получил четыре типа

---

* С.Н. Трубецкой. "Основания идеализма".

мировосприятия, исчерпывающие все возможные варианты, а именно:

1) "я хороший и мир хороший" (в умеренной форме это, в частности, позиция христианства, для которого человек — образ и подобие Бога, а мир — Божие творение. При этом, однако, не забывается, что человек греховен, а мир — пал. В своих же крайних выражениях — это сытое самодовольство преуспевающего буржуа, отчего иные философы сделали несколько поспешный вывод о "благородстве пессимизма");

2) "я плохой и мир плохой" (в умеренной форме такая позиция находит выражение в учениях типа буддизма. Умеренность проявляется в том, что плохими или, попросту, иллюзорными полагаются чувственные "я" и "мир", все же умопостигаемое остается благим. В крайних формах — это либо самоуничтожение, либо вандализм);

3) "я плохой, но мир хороший" (умеренное выражение мы можем найти в некоторых формах христианской аскезы, неумеренное — похоже на то, что и в п.2, только здесь самоубийца будет долго стенать, а вандал — терзаться задним числом);

4) "я хороший, а мир — плохой" (весь диапазон, от умеренной формы до самой крайней, заполняют, по нашему мнению, представители гностицизма).

Таким образом, гностицизм — это проявление вполне конкретного мироощущения, а именно: "я хорош, но мир — сплошная дрянь". Отсюда необходимость бегства от мира. Но как и куда? Монах и отшельник тоже бежит мира, но при этом он молится о мире. Позиция гностиков совсем иная: раз мир плох, то он заслуживает гибели (даже если он и не совсем плох, то все же хорошего в нем слишком мало, чтобы с этим считаться). Ни мир, ни люди (за исключением, разумеется, гностиков) не заслуживают доброго слова даже у Спасителя апокрифических евангелий: "Тот, кто познал мир, нашел труп, и тот, кто нашел труп — мир недостоин его" (Евангелие от Фомы), "Адам съел от дерева, которое породило животных. Он стал животным. Он породил животных", "Этот мир — пожиратель трупов. Все, что в нем поедается, также ненавистно" (Евангелие от Филиппа), "Что должны сказать мы людям, которые слепы, какое знание

должны мы высказать несчастным смертным, которые говорят: "Мы пришли ради добра, а не для проклятья"? Спаситель сказал: "Поистине не признавайте сих за людей, но считайте их скотами... они изъяты из истины" (Книга Фомы Атлета).

Но, если мир столь плох, каков же его Создатель? "Мир произошел из-за ошибки" (Евангелие от Филиппа). Весьма сдержанная позиция, выгодно отличающая Филиппа от большинства других. Большинство же это решило однозначно: Создатель (Демиург), виновник творящегося безобразия, безусловно плох. "Он был благ, — пишет о Демиурге Платон в своем "Тимее", том самом диалоге, на который так часто и так незаслуженно ссылались многие раннехристианские гностики, — а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти". Демиург же (или Первый Архонт, иногда — Ягве) гностиков — напротив, крайне завистлив и высокомерен, и именно эти качества подвигли его на творчество. Но кто является воплощением завистливости и гордыни? Разумеется, Сатана. Итак, гностики ставят Сатану на место Творца. Господь же, по крайней мере в одном из своих проявлений, неизбежно должен занять место Сатаны. Так, собственно, и происходит. Некоторые, наиболее радикальные гностические секты, поклоняясь змею, полагали (и вполне справедливо), что первым гностиком был именно Сатана. В "Свидетельстве истины", одном и апокрифов, найденном в Наг-Хаммади, приводится библейское сказание о грехопадении Адама, за которым следует анализ текста: "Какой же он, этот Бог? Во-первых, он позавидовал Адаму и не захотел, чтобы тот съел с древа познания, и, во-вторых, он сказал: "Адам, где ты", т. е. Бог не имел предвиденья. И после этого он сказал: "Давайте прогоним его из этого места, чтобы не съел он с древа жизни и не стал жить вечно". Если же он показал себя злым завистником, то что же это за Бог? Ибо велика слепота тех, которые взывают к нему и не познали его". Продолжение текста испорчено, но, зная общее направление гностической мысли, вывод сделать нетрудно: Творец Адама, да и всего нашего мира, — злое и завистливое существо, создавшее все из праха и для праха. Мудрый Сатана, сжалившись над людьми, открыл им истинное знание (или

направил их на этот путь). Испуганный и озлобленный Демиург проклял и без того уже проклятое им творение.

"Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется". Так ли? Предугадать наверняка — да. Но с достаточной степенью вероятности предвидеть последствия все же можно. Если кто-то кричит в пещере, он, скорее всего, услышит эхо. Если он кричит в местах возможного схода лавин, то вряд ли поступает благоразумно. "Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо", — говорит Мефистофель. Отец лжи верен себе — все обстоит с точностью до наоборот.

Сатана (вернее, Сатанаил) был, как известно, самым могущественным, умным и светлым ангелом (одно из его имен, Люцифер, переводится как "светоносный"), и, как Божье творение, не мог ни быть злым, ни стремиться ко злу. Но, обладая свободой воли, он мог сам избирать свой путь.

Сатану подвела его же сила, чрезмерная вера в свою силу. Возможно, что единственным, но вполне достаточным грехом его был грех гордыни. Он хотел именно творить добро, но только при том условии, что сам стал бы Первым Благом. Если же нет — что ж, "лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме". Гордыня заставила Сатану предпочесть роль первого злодея роли второго благодетеля. И на этом пути своего отпадения ему прежде всего следовало:

1) заявить о своей исключительности, основанной на некоем особом "знании" путей Господних (знание, как известно, и вообще — сила, магическое же знание — почитай, абсолют);

2) отвратиться от окружающего мира, субъективно считая его "злом" (ведь мир этот его обидел — Богом не признал).

Короче, "я хороший, мир — плохой".

Таков путь любого гностика, и неважно, чтит ли он Христа, полагая, что тот явился в сотворенный гадким Демиургом мир, дабы спасти "избранных" из его тенет, или плюет на крест, открыто поклоняясь Сатане; считает все, что так или иначе связано с материей, злом, мечтая лишь об умопостигаемом, или же объявляет, что нет ничего, кроме материи, да только хорошая материя — "тонкая", что же до

"толстой", то с ней все ясно из определения (впрочем, иные не опускаются и до подобных дефиниций).

Гностицизм не породил отдельной "гностической" религии. Ряд школ попытался опереться на "тайные божественные откровения" (ведь без "божественного откровения" религии нет), но, не сумев объединить силы (что, впрочем, было и невозможно), эти религии быстро зачахли. Провалилась также и попытка привить "культурный" гностицизм на "дичок" христианства — здоровый организм сумел, хоть и весьма для себя болезненно, справиться с пагубой. Позднее, когда "просвещенные" умы стали бежать всевозможных "суеверий" (трактуя, однако, "суеверия" до неприличия однобоко), на смену тайным евангелиям пришли еще более кошмарные тайны "древних мудрецов", т. е. началась уже явная абсолютизация пусть и "неведомых", но вполне земных авторитетов. Таким образом, идолопоклонство (читай: сатанизм) стало откровенным. Подобное, кстати, наблюдается и в нынешнем, почти магическом отношении к науке. Наукой можно восхищаться (точнее, не наукой, а ее достижениями и самими учеными-подвижниками), ее плодами — с благодарностью пользоваться, можно, наконец, посвятить ей всю свою жизнь. Но вера в науку — одна из форм поклонения "князю мира сего", и результат этого — налицо... Впрочем, мы отвлеклись.

Ах, как приятно ощущать себя избранником (особенно, если забесплатно), как славно "знать", что таких, как ты, как пошутил Хлебников, "и вовсе нет"! Но, если разобраться, подобное "избранничество" — не более, чем духовное мародерство. Нам возразят, что ощущение избранности — признак аристократизма. Если говорить об аристократизме, и, прежде всего, об аристократизме духовном, то более уместным был бы термин не "избранность", но "призванность". Но, Бог с ним, с термином. Важна не избранность сама по себе, но тот вывод, который из этого следует. Для истинного аристократа его избранность подразумевает такие понятия как служение, верность, долг и честь. Чувство сострадания, которое испытывает аристократ по отношению к "неизбранным" (слово, кстати, претящее любому аристократу), на вершинах духовности перерастает в любовь. Вывод гностиков — диаметрально противоположный, что неудивительно, ибо они

есть крайнее выражение духовного плебейства. Гностики — парвеню, удачливые буржуа, вытянувшие выигрышный билетик и потому искренне презирающие всех, кто остался за бортом "корабля избранников". И, так как сей мир, по их мнению, дрянь и грязь, то выражение "из грязи да в князи" можно отнести к ним буквально.

Признав собственную "избранность" (почему бы и нет!) и презрев падший мир, гностик мог бы на этом и остановиться. Вероятно, наиболее последовательные из них так и поступали — история, естественно, их имена не сохранила. Менее последовательные поддавались мирским соблазнам и, большинство ради славы, иные из-за денег, прочие же — чтобы не скучать, создавали свои школы. Поскольку окружающий мир был, по определению, враждебен, школы эти, если только быстро не распадались, превращались в тайные сообщества тоталитарного типа. Последнее диктовалось жизненной необходимостью — ведь, еще Плотин заметил: невозможно найти хотя бы двух гностических учителей, чьи "знания" бы совпадали. Конечно, такой простор для фантазии! — любая мало мальски яркая индивидуальность не могла здесь не развернуться! Совпадать могли лишь мнения тех, кто своего мнения не имел — бездарных "избранных" адептов, слепо следующих за своим гуру. Появление самостоятельно мыслящего ученика неизбежно вело к расколу (яркий пример тому — провал "проекта" вавилонской башни — типично гностической затеи. Поначалу дело, судя по всему, спорилось, но достаточно было "смешаться языкам", что, очевидно, означает не что иное, как идейный разброд, и вот, пожалуйста...). Значит, инакомыслящий "избранный" гораздо хуже, чем "злой" мир, ведь он — предатель. А так как мир заслуживал гибели, то отступник — тем более.

Конечно, тайные общества нередко создавались и для достижения земных, порой очень даже благородных целей (например, сицилийская мафия — для борьбы с оккупантами), но все же мы не слишком ошибемся, если скажем, что история тайных обществ и история гностических движений — это почти что одно и то же.

О разных, с нашей точки зрения гностических, направлениях в книге будет сказано достаточно, мы же остановимся

на двух самых свежих примерах, настолько свежих, что серьезный анализ этих феноменов — дело весьма отдаленного будущего. Мы имеем в виду коммунизм и нацизм.

Поражает тот факт, что многие исследователи, отмечая частые внешние совпадения, не перестают удивляться: что же это, дескать, происходит — столь различные установки и столь схожие результаты! Да так ли уж разнятся их установки? На уровне деклараций — да. Но в истории гностицизма есть немало примеров того, как у одной и той же секты параллельно существовали сразу две теории — одна для "самых избранных" (иногда их называли "совершенными"), другая — для всех прочих. Бывали и многоступенчатые теории (различные уровни "посвящения"). Так что декларациям не всегда стоит доверять, очень часто они — реверанс в сторону тех, в ком "учителя" чают найти себе физическую или финансовую опору. Сущность же обоих упомянутых течений общая и чисто гностическая. Их основатели (учителя, вожди) заявляли об осенившем их "знании" — абсолютном и окончательном во веки веков. Все прочие, отличные от этого знания заведомо объявлялись ложными, причем их ложность проистекала не столько из-за заблуждений, сколько являла собою происки сил зла. Суть же "истинных знаний" заключалась в том, что существующий мир отвратителен и неизбежно погибнет (как вариант: заслуживает уничтожения, впрочем, тоже неизбежного). Спастись могут только избранные (в одном случае пролетарии, руководимые своими "совершенными", во втором — арийцы, тоже руководимые "совершенными"). Спасенных ожидает блаженство в Плероме, которая (о, плоды "просвещения") и в том, и в другом случае помещается на земле под именем или "мировой коммунизм", или "тысячелетний рейх".

То, что большевизм и нацизм были тоталитарны и создали тоталитарные общества — отнюдь не причина многих их общих черт, но неизбежное следствие их гностической установки. Главной опасностью для них обоих было инакомыслие внутри элиты. Отсюда и бесконечные чистки, и "ночь длинных ножей" — для подобных структур возможны только два варианта: или один "богоподобный" вождь — гарант чистоты

учения, или раскол и вырождение ("коллективное руководство" было началом конца).

Там, где есть "избранное" меньшинство, появление "недочеловеков", людей "второго сорта" неизбежно. А так как они, кроме того, часть враждебного и злого мира, то любая мораль по отношению к ним — абсурдна. И большевизм, и нацизм "отменили" мораль. Массовое истребление обреченных, под определенным углом зрения, может даже казаться актом гуманизма. Действительно, их мир погибнет и, возможно, гибель его будет ужасной (как мило перекликается "мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем" с "мировым пожаром" стоиков, воспринявших эту идею у гностицизирующих пифагорейцев), так не лучше ли избавить несчастных от страданий, предложив им (насильно, разумеется, ибо они не только злы, но и глупы, и счастья своего не понимают) "легкую" смерть в газовой камере?

Существенно отличаются, на первый взгляд, метафизические установки коммунизма и нацизма, но только что на первый взгляд, поскольку в первом случае мы имеем лишь имитацию философии, во втором же не находим и этого. Тотальный материализм, на который ссылаются коммунисты (как выразился зощенковский персонаж, когда "все — одна химия"), есть субъективный идеализм, низведенный до уровня магизма. Ведь, если материя — все, то ее попросту нет, так как она, не имея себе иного, невыделима и, как понятие, бессмысленна. Нацизм в этом смысле был честнее, откровенно пытаясь найти опору в древнегерманской демонологии. Все свелось, в конечном счете, к антихристианству и вульгарному идолопоклонству, т. е. к сатанизму.

Вернемся к тому, с чего начали: дано ли нам предугадать, как наше слово отзовется? В тот момент, когда общество утрачивает позитивные идеалы, когда крепнет ощущение, что мир гибнет, расцветают учения, обещающие спасение "избранных" за счет остальных. Поначалу они выглядят достаточно безобидно: группка любопытствующих чудаков "раскапывает" некие тайны "древних мудрецов" (в прежние эпохи — "тайные откровения"). Все это — неудобоваримая и скучнейшая галиматья (Бердяев сравнивал книги Блаватской со справочником по минералогии), однако, она обладает одним

притягательным свойством — эффектом "дедушкиных очков" (помните мультик: совенок заметил, что его дед — мудрая сова — перед тем, как дать очередной совет, надевал очки. Ничтоже сумняшеся, совенок решил, что все тайны премудрости заключены в этих очках. Очки он, конечно, стащил, да еще и песенку пропел: "Есть у меня волшебные очки... Надену их, и вмиг, раз-два, раз-два, узнаю все, как дедушка сова!"). О, эти "раз-два"!.. Как бы трудно ни было читать подобные писания (а запомнить и того трудней!), самое главное, что их не нужно осмысливать, понимать. Никаких напряженных раздумий, никаких духовных усилий — прочел брошюрку, и "в курсе" (если под столь ненавидимой им "образованщиной" Солженицын понимал именно это — с ним нельзя не согласиться). Легкость "восхождения" привлекает все новых адептов, и постепенно в обществе создается определенное умонастроение, фон, на котором такие явления, как, скажем, нацизм, уже не кажутся чем-то диким.

Нечто подобное мы наблюдаем и в наши дни. Невинное, казалось бы, увлечение широких масс оккультизмом уже отозвалось печальноизвестным (особенно в Киеве) "Белым братством" и еще более зловещей "АУМ Синрике". Что дальше?

Пресловутый "масонский заговор", если понимать его не буквально, но аллегорически, конечно же существует. Это уходящее вглубь веков брожение сил тьмы, время от времени оформляющееся и кристаллизующееся в разного рода жизнеотрицающие гностические учения и секты. В здоровом общественном организме такие "заговоры" обречены на провал и быстро лопаются, как "пузыри земли", губя лишь души своих адептов. В кризисные же годы они иногда реализуются, унося тысячи, а то и миллионы жизней невинных людей.

Какой же из всего этого следует вывод? Тут мы как бы стушуемся и сошлемся на великого, хоть и не очень древнего мудреца Козьму Пруткова, который сказал: "Бди".

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Книга разбита на три раздела, суть которых явствует из их названий. Каждый раздел, в свою очередь, состоит из трех частей. В ***первой*** *представлены исследования (или их фрагменты), посвященные проблемам гностицизма рассматриваемого периода. Во* ***второй*** *— гностические тексты или же почитаемые таковыми (редакция не всегда и не во всем согласна с мнениями авторов, но, высказав свои суждения в предисловии, далее, по возможности, будет стараться их не навязывать).* ***Третья*** *часть — приложение к разделу. Это — "сборная солянка", в которой предложены документы, в чем-то соприкасающиеся с гностическими, или просто художественные тексты и эссе, связанные с проблемой "лжеименного знания".*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДО-ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСТИЦИЗМ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Э. ПОСНОВ

ДО-ХРИСТИАНСКИЙ И ВНЕ-ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСИС*

I

Синкретическое течение, охватившее античный мир в самые последние столетия перед рождеством Христовым, начало со временем постепенно консолидироваться и кристаллизовываться в виде различных теогоний, космогоний, учений о происхождении человека, смешанных мистических культов и религиозных союзов или общин. Правда, нет возможности составить цельный и ясный образ тогдашних религиозных общин и выработать определенное представление об их мистическом учении и культе. Сохранившиеся с того времени памятники — следы великих религиозных движений — скудны, неполны и отрывочны. К ним относятся: 1) различные космогонические отрывки, напр., миф о творении в Лейденском папирусе, или космогония в Страсбургском, миф о творении человека у наассенов, разные гимны и молитвы из таинственных и мистических культов древности, известные из особых изданий папирусов, 2) так называемая "герметическая" литература и 3) мандейские писания.

Если одни из сохранившихся памятников суть только отрывки великих поэм или осколки и обломки грандиозных построений, то другие представляют более или менее уцелевшие здания, как, напр., "герметическая" литература,

* Фрагменты из книги "Гностицизм II-го века и победа христианства над ним".

и, наконец, третьи рисуют живые явления, существующие еще и в наши дни, как секта мандеев (сабеев).

Религиозное синкретическое течение, незначительными следами которого являются указанные памятники, незадолго до рождества Христова принимает ту главную и характерную особенность, что начинает усвоять исключительное значение религиозному знанию. Насколько стремление к знанию овладело тогдашним религиозным движением — это видно не только из того, что в уцелевших памятниках часто упоминается о гносисе, говорится о необходимости религиозно-мистического знания и т. п., но главным образом из того, что целое религиозное общество назвало себя мандеями, т. е. гностиками, знающими и полагающими путь спасения в знании. Это знание не было обыкновенным теоретическим знанием, но совершенно особым: это знание — сила, несущая человеку небесное спасение. Часто оно приближается к внутреннему созерцанию или чувству, и таким образом как бы уравнивается с религиозным, благочестивым настроением. По меткому определению одного исследователя, "все, чего желает сердце, об этом умоляет или это вынуждает знающий (т. е. гностик) у своих многочисленных богов"*. Здесь схвачена суть гносиса, указана его движущая пружина. Отсюда понятно, почему более или менее влиятельные гностики стремились к составлению своих особых систем учений и мистических культов. Ведь желания сердца столь разнообразны, а пути к их удовлетворению могут быть столь различны! Здесь-то и открывалось широкое поле для деятельности религиозной мысли и фантазии. При этом, если системы учений составляли главный предмет занятий образованных лиц, то широкие массы нуждались в более понятных им средствах удовлетворения пробудившихся стремлений души и сердца. Различные мистерии, таинственные обряды, заклинания были единственной доступной для народа областью. Магия была гносисом народа. Ей предавались, чтобы "познать", что представляет мир в своем внутреннейшем существе, дабы посредством тех или иных мистерий,

* A. Dieterich, Abraxas, S. 151.

заклинаний овладеть таинственной силой. Отсюда множество молитв, гимнов и вообще весь сложный мистический культ в тех или иных общинах. Следовательно, гносис, магия и мистические культы находились в неразрывной связи друг с другом. Если теолог-гностик стремился к сверхъестественному знанию, то маг — к сверхъестественной силе, которой овладевал благодаря сверхъестественному знанию.

Век указанных памятников далеко не всегда можно определить с достаточной достоверностью. Многие из них, напр., "герметическая" литература и мандейские писания, подверглись разным наслоениям. И если их древнейшие части относятся к до-христианским временам, то другие, более поздние, уже испытали на себе влияние христианства. Несомненно только одно: гностическое движение появилось в языческом мире раньше христианства, оно также существовало одновременно и параллельно с христианством, соприкасалось с ним, подвергалось его воздействию и само на него влияло, породив особый христианский гностицизм.

Из сохранившихся теогонических и космогонических отрывков мы познакомимся с одним мифом о творении из уже упомянутого издания Дитриха "Абраксас", весьма характерным для произведений подобного рода. Манускрипт, в котором содержится этот миф, датируется 395 г. н. э., но сама космогония относится к несравненно более раннему периоду — возможно, к началу II в. или к еще более раннему.

Космогония начинается словами: "Гермес, я призываю тебя, все содержащего, всяким голосом, на каждом диалекте я воспеваю тебя... Вот поднимается солнце на баркасе и вместе с сидящими на нем прославляет Бога. Здесь взывают к нему и обезьяна, и ястреб, просящий себе пропитание, и чудище с девятью ликами... Тут Бог засмеялся семь раз, отчего явилось семь богов, владеющих миром. Он засмеялся в первый раз, явился свет — бог космоса и огня. Он засмеялся вторично: все жидкое разделилось на три части, и явился бог бездны. При горькой улыбке Бога в третий раз, явился Нус (Ум). В четвертый раз явилась Гера, содержащая самые разнообразные семена (споры). Засме-

явшись в пятый раз, Бог тотчас же помрачнел, и явилась Мойра, держащая весы и потому претендующая на справедливость. Гермес оспаривал у нее это право.

В противоположность пятому, в шестой раз Бог смеялся особенно весело и создал Кроноса, наделив его скипетром. Смех в седьмой раз был грустный: смеясь, Бог заплакал и явилась душа. После этого Бог, наклонившись к земле, сильно зашипел. Раскрылась земля и произвела собственное существо — дракона. Глядя на дракона, Бог защелкал языком, и явился вооруженный Фобос. Затем Бог, глянув вниз, на землю, сказал: "ИАО"*; все остановилось, а из звука родился великий бог. Между Фобосом и высшим богом произошел спор относительно их могущества. Этот спор решил произведший их Бог таким образом: пусть могущество порождается из них обоих. Однако, только одному, последнему богу Бог подчинил всех остальных".

Кроме Лейденского папируса, сходный миф о творении содержится еще в одном Срасбургском папирусе и на плитке, который, по мнению его издателя и исследователя Рейтценштейна, еще древнее, чем первый. Недостаток "страсбургской" космогонии заключается в том, что она не может быть даже относительно точно воспроизведена. На папирусе не сохранилось начала мифа, а из имеющихся 46 строк только около 10 прочитаны полностью; во многих утрачены отдельные слоги, целые слова и выражения; от некоторых строк остались лишь отдельные слова или даже буквы. Текст плитки в еще более печальном состоянии. В начале сохранившихся строк папируса речь идет о преобразовании материи в космос, для чего Зевс становится Гермесом. Можно, таким образом, догадываться, что в не сохранившейся части поэмы говорилось о первобытном состоянии Зевса и об элементах материи. В плитке рассказывается о том, как Гермес решает населить космос живыми существами и хочет создать их прежде, чем сам

* Слово "ИАО" часто встречается в гностических системах. По объяснению, данному в "Пистис София", составляющие его буквы имеют следующий смысл: "И" означает вселенную, "А" — самососредоточение, "О" — конец концов.

превратится в солнце. Потом он приступает к созданию человека и ищет для этого "удобную страну".

Приведенные теогония и космогония отличаются от исторически известных теогоний и космогоний, напр., греческих, и суть уже порождения синкретического движения. Это особенно ясно видно из положения в них Гермеса. Гермес — греческий бог. Но греческая мифология отнюдь не приписывала ему тех функций, какие приписываются ему здесь. Поэтому большинство исследователей склонны видеть в нем уже Гермеса, перенесенного на египетскую почву. Рассматриваемые космогонии относятся к типу эманационных (но не дуалистических). В них нет упоминания о гносисе, да этого нельзя и ожидать, поскольку они подробно не рассматривают происхождение человека и его религии. Но несомненно эти и подобные им теогонии — гностического характера. Системы, развиваемые большинством известных гностиков, чрезвычайно близки космогониям, рассмотренным выше.

< ... > "Герметические" общины выступают достаточно бледно. С определенностью можно говорить лишь об их существовании и основном направлении, но, увы, нельзя составить их полного и живого образа. Между тем, в глубокой древности появилась секта мандеев, существующая и теперь, и представляющая собою живой мир людей, проникнутых гностическими началами. Возникшая на пороге нашей эры, эта секта, вероятно, в ряду многих других подобных, не была замечена бытописателями и не попала на страницы истории. Честь своеобразного ее открытия в первой половине XVII в. принадлежит миссионеру — кармелиту Игнатию. Он назвал последователей этой секты христианами — учениками Иоанна и описал их в своей книге "Narratio originis rituum et errorum Christianorum Sancti Joannis", Roma, 1652. Впрочем, мандеи не только не считают себя "учениками Иоанна", но, по свидетельству Петермана*, даже ничего об этом не знают.

Поводом миссионеру Игнатию признать их христианами послужил практикуемый мандеями обряд их частого кре-

* H. Petermann. "Reisen im Orient", Leipzig, 1861.

щения в качестве очистительного (от греха) средства, ибо на востоке "креститься" и "становиться христианином" — понятия почти тавтологические. Видеть же в мандеях христиан именно Иоанна Крестителя мог побудить покаянно-очистительный характер их крещения — внешне очень напоминающий Иоаннов, а также и почитание ими Иоанна, как пророка.

Мандеи известны также под именем "сабеев" и "назареев". Сами себя мандеи "сабеями" не называют, но, противополагая себя другим верующим, иногда определяются как "Sabba", в смысле "крестящиеся", баптисты, но не как "звездопоклонники" (в трактовке некоторых исследователей), что очевидно уже хотя бы потому, что мандеи видят в небесных светилах творение дьявола и трактуют их, как злых духов. Но мандеи знают, что "сабеями" их называют последователи Магомета и на этом основании считают их учение, наряду с христианством и иудаизмом, терпимым, ибо коран щадит почитателей звезд, приравнивая их к монотеистам. Имя же "назореев" не только известно мандеям, но и прилагается ими к лицам их среды, отличающимся особенным благочестием. Самоназвание же их (мандеи) происходит от слова "manda" (знание), т. е. означает не что иное, как "гностики".

Вся религиозная система мандеев изложена в одной важной книге, которую они называют "Sidra rabba" ("Великая книга") или "Ginsa" ("Сокровище"). Она состоит из двух частей, первая и большая называется "Jamina" ("Правая"), вторая и меньшая — "Smala" ("Левая"); "Правая" — для живых, "Левая" — для мертвых.

"Sidra rabba" — пестрое собрание текстов, принадлежащих различным временам и многим авторам. Последний исследователь мандейской религии В. Брандт делит рассматриваемую книгу на четыре главных раздела, полагая, что каждый из них написан в разное время. Самым поздним наслоением он считает учение о "царе света", представляющее собой переработку и своеобразный синтез персидского дуалистического воззрения о противоположности царства света и мрака и монотеистической идеи христианства. Более древними являются трактат и литур-

гические песни о судьбе души после смерти, которые еще не отмечены позитивным влиянием христианства и представляют собой главным образом оттолоски парсизма в мандейской интерпретации. Почти к тому же периоду относятся мандейские воспроизведения христианско-гностического трактата "О низложении божества мироздания" (Демиурга?) и часть работы об "исходе Иоанна" (Крестителя). И, наконец, древнейшая часть книги состоит из гностических отрывков, которые еще не предполагают христианства*.

В виду поставленной нами задачи, мы остановимся лишь на последней части. К этой части Брандт относит 6, 8 и 28 трактаты "правой" Гинзы и считает их несомненно до-христианскими.

Теогония и отчасти космогония в 6 и 8 трактатах изображены следующим образом: "Когда Пира была в Пире и Ахар — в Ахаре, и когда была великая Мана славы, от которой произошла могучая великая Манас, блеск которой обширен и свет которой велик, раньше которой никого не было в великой Пире, пространной и не имеющей конца... (тогда) от нее произошли тысячи Пир без конца и десятки тысяч Скин без числа; в то время как в каждой отдельной Пире образовались 1000x1000 Пир без конца и 10000x1000 Скин без числа, которые прославляют великую Ману славы, обитающую в великом Ахаре жизни, существующем в великой реке Иордане мудрых вод, что произошли от великого Мана, которым дышат все корни света, и великого первого блеска (вспышки). Появилась великая река без конца и числа, на которой стоят растения и радуются, и ликуют, которые все полны хвалы и стоят от одного конца до другого. И от великой реки возникли реки без конца и числа". Непосредственно за этим следует тот же рассказ с некоторыми изменениями и дополнениями: "Когда Пира была в Пире и Ахар в Ахаре, и когда был великий блеск, сияние и свет которого пространны и велики, раньше которого ничего не существовало, от него произошла великая река (Иордан) живых

* W. Brandt. "Mandaische Schriften", Gottingen, 1893.

вод и возникла сама жизнь, и имела для себя жилище. И жизнь приравнивала себя к великой Мане, от которой произошла, и просила за себя. На первую просьбу явилась сотворенная Утра (Демиург), которую жизнь назвала "второй жизнью". Возникли также Утры без конца и без числа. Река, которая появилась от жизни, излилась, подобно первой реке, в страну света, и там обрела себе жилище вторая жизнь. И эта вторая жизнь вызвала к бытию Утр и ту реку, в которой обитали Утры.

И были три Утры, обратившиеся ко второй жизни с просьбой о новом жилище... И отвечала им вторая жизнь: "Я вам отец, меня вызвала к бытию жизнь; и река жизни, и вы произошли от силы жизни". Они же говорят ей: "Дай нам от блеска твоего, и от света твоего, и от всего, что в тебе есть, чтобы мы могли спуститься в водные ручьи, устроить тебе жилища и создать тебе мир; и мир этот будет наш и твой". Просьба эта понравилась второй жизни и она изъявила свое согласие. Но все это не понравилось (первой) жизни, и она обратилась с мольбой к великой Мане, обитающей в великой Пире. И тогда поднялась великая Мана в своем блеске, свете и величии и вызвала к жизни великого Кбара... и сказала ему: "Ты возвышаешься над Утрами и смотри за всем, что они замышляют... Нравится ли тебе, что они оставили свет и обратили свой взор на мрак?... Ты не будешь отделен от нас и мы с тобою". То же обещали ему кроткие и верные Утры".

Далее Кбар отправляется в дом жизни, где жизнь подтверждает ему, что некоторые Утры отпали. Восхвалив жизнь и осмотрев место мрака, он спрашивает о происхождении злого мира и его обитателей. Вместо ответа следует научение: "Прежде, чем возникли все миры, была великая Пира. Когда великая Пира была в Пире, произошел великий царь света. От великого царя света возник Ахар, а от великого Ахара — живой огонь, от живого же огня — свет. Силой царя света появилась жизнь и великая Пира (?); в ней образовалась река (Иордан). И произошла великая река, и произошла живая вода... И от живой воды произошли мы, жизнь и Утры...". О происхождении зла

сообщается лишь то, что мрак и принадлежащие ему силы ("пожирающий огонь") возникли позже мира света и когда-нибудь погибнут...

Приведенные места из шестого трактата показывают, что какой-либо определенной религиозной системы у древних мандеев не существовало. Как мы видели, в одном небольшом трактате предлагаются три варианта одной и той же теогонии, местами значительно противоречащие друг другу. По первым двум рассказам, выступают три первых существа: Пира (Плод), Ахар (Эфир) и великая Мана (мировая Душа). О Мане сказано, что она живет в Пире и Ахаре, последние же, очевидно, всеобъемлющи и самодостаточны. Поэтому у древнейших мандеев Пира и Ахар представляли собой универсум, пространственную и материальную основу всего, а Мана — высшее олицетворенное существо, ибо только она действует активно и сознательно. Из Пира истекают эманации "без конца и числа". Особое место занимает река Иордан, из которой происходит первая жизнь и множество других рек, изливающихся в царство эфира. Из первой жизни возникает "вторая жизнь", которая, вместе с тем, есть сотворенная Утра, Демиург и первый ангел. Затем от "второй жизни" появляются другие Утры. Они выражают желание создать мир и просят об этом своего "отца", "вторую жизнь". Последняя соглашается. Но этого не желает первая жизнь; она сообщает Мане о замыслах Утр. Мана, желая помешать Утрам, создает Кбара, или Манда д'Хайя. Между тем, неизвестно откуда, появляется мрак, великое бескрайнее море, клокочущая пучина, гибельные, всепожирающие воды — место всех злодеев и испепеляющий огонь. В это царство зла и мрака посылается Манда д'Хайя, чтобы покорить мятежные силы тьмы. Во мраке царствует Руха и его сын Ур. В 8-ом трактате миссия Манда возлагается уже на его сына Хибил-Зива, и там подробно рассказывается о его победоносных подвигах в темном царстве.

К теогонии тесно примыкает космогония, которая в древнейшем 8-ом трактате развита слабо. Творение мира приписывается сыну Абатура Птахилю. Отец поручает сыну произвести уплотнение в темной воде. Последний делает

это, бросив некоторые из своих блестящих одежд в черную воду. "Отвердела земля на 12 тысяч парасангов, и возник целый мир (на ней); темная вода была кругом мира". Дальнейшая деятельность над устройством мира принадлежит уже известному сыну Манды д'Хайи — Хибил-Зиве, который в 8-ом трактате часто действует вместо отца. Хибил, который называется еще Явар, Асганда и чистая мана, одобрил громким голосом действия Птахиля и установил небесные светила. "Я назвал (говорит Хибил-Явар) Самес (Солнце) его именем, и Цум (Луну), и Кевон (Сатурн), и Бел (Юпитер), и Длибат (Венеру), и Нбу (Меркурий), и Ниреr (Марс) — каждому в отдельности я дал его (имя)... И посадил я их в колесницы, и освещали они мир 360 тысяч лет в пустыне. После этого я, Явар, подумал и говорю им: "образуйте телесный образ". И они сделали, как я им сказал. А я принес душу из сокровища великой жизни, которое было сокрыто в жилище Нитуфта, и вложил ее в тело Адама, и создал ему супругу Еву (Хаву), чтобы через них возник, пробудился и продолжал существовать человеческий мир... И жизнь благодарила Манда д'Хайя и его сына Хибиля, который упорядочил жизнь". Далее, безо всякого пропуска в тексте, следует: "И жизнь есть для знающих нас, и жизнь есть для наших сведущих, и жизнь есть для просвещенных относительно нас мужей".

Вот древнейшее учение мандеизма. Из него нельзя составить системы, ибо, очевидно, много частей отсюда выпало, а некоторые имеют свои дуплеты и даже триплеты. Разумеется, в последующих наслоениях, в том числе и христианских, представлена уже полная система мандеизма, как живого религиозного общества. Однако, в рамках сформулированной нами задачи, последующие эпохи в развитии мандеизма нас не интересуют. Для нас важно, что из отрывочных древнейших текстов мандеизма можно сделать два вывода: во-первых, что мандеизм в своей первоначальной форме никак не был зависим от влияния христианства, и, во-вторых, что и на первой ступени своего развития он носил гностический характер. Первый вывод отрицательного свойства и в разъяснениях не нуждается:

уже из приведенных выше текстов следует, что христианский элемент в них совершенно отсутствует. Второй вывод явно требует доказательств. Здесь следует прежде всего принять во внимание само название секты мандеев. Объяснение смысла этого слова мы находим, что особенно важно, в самой великой Гинзе. Так царь света, между прочим, повелевает своему посланнику: "Научи Адама и Еву, и все роды знанию ("манде")"... Слова "манда", "мандайя" означают то же, что и греческие "гносис" и "гностик". Затем, важнейшей эманацией божества у мандеев является Манда д'Хайя. По мнению большинства исследователей — это центральная фигура мандеизма; это "логос", учитель и спаситель человечества. Он нисходит в царство мрака и связывает дьявола — уже это приводит к естественному выводу, что у мандеистов придается особое значение знанию в деле спасения. Подтверждение этому мы находим в древнейшем 8-ом трактате: "жизнь для знающих нас и жизнь — для просвещенных относительно нас мужей". Знание, по такому представлению, есть сила господства, привлечения блага и устранения зла и вреда. Она приобретается благодаря различным мистериям и выражается через систему разнообразных таинственных знаков. Так, в частности, говорится, что богиня мрака Руха совращает людей "тайнами похоти и пожеланий", "тайной опьянения", и что люди "извращают добро, то, что Господь мира создал; они извращают и истинные мистерии". В древнейшем учении мандеистов часто говорится о "великой тайне" и "скрытой тайне". Хибил, отправляющийся в преисподнюю, наделяется, помимо всего прочего, "силой великой тайны". Там же идет речь о волшебствах и таинственных изречениях и именах, упоминается о культовом обряде содействия умершему попасть в царство света, говорится о крещении, "чтениях, молитвах и очищениях". Все это свойства и принадлежности гностических мистических систем и культов.

На основании указанных и некоторых других признаков исследователи мандеизма не сомневаются в том, что мы имеем в его лице языческий, до-христианский гносис. В.Брандт заявляет, что мандеизм — "гносис, оперирующий

над вавилонскими, иудейскими и персидскими представлениями, который был распространен на пороге нашей эры в Междуречьи и Сирии". А. Кеслер относит мандеев даже к определенной форме гносиса — офитской, которая, по его мнению, обязана своим происхождением главным образом сасанидскому парсизму.

Среди новейших исследователей гностицизма, кроме знаменитого А. Гарнака и его немногочисленных — и то с оговорками — последователей в данном вопросе, нельзя указать лиц, которые бы видели в гностицизме явление лишь внутренней христианской жизни и ставили бы его в зависимость только от эллинизма. Действительно, если считать характерными признаками гносиса отождествление знания с благочестием и усвоение веденью высочайших имен и всего таинственного, а также участию в магии и мистериях — спасающую силу, то нужно признать существование языческого, до-христианского гносиса. При таком воззрении, завершением языческого гносиса является манихейство, которое было лишь слегка отлакировано христианством и сущность которого состояла в дуалистическо-гностическом учении о происхождении мира и первочеловека. Такая точка зрения была не чужда и древним христианским антигностикам. Так, св. Ириней упоминает о "матерях, отцах и дедах гностицизма". Св. Ипполит считает, что для изучения гностицизма необходимо знакомство с древними языческими религиозными и философскими учениями, с преданиями древней магии, астрологии и т. п. Ориген упоминает о гностических сектах, которые относились к христианству крайне отрицательно. Подобное же упоминание встречается и у Епифания. Последний, кроме того, ясно говорит: "все ереси из эллинских басен".

Говоря о языческом гносисе, нельзя не обратить внимание, что, собственно, на основании исторических документов данный вопрос освещается главным образом со стороны эллинизированного Египта. Только отсюда мы имеем соответствующие папирусные книги и надписи на черепках. Для восточного гносиса, за исключением мандейских и, отчасти, манихейских писаний, положительных

исторических данных не имеется. Однако, восточному язычеству гносис отнюдь не является кем-то навязанным. Он постулируется на основании очень определенных фактов. Все движение гностицизма, как мы покажем ниже, началось именно с востока. Египет же был лишь более или менее продолжительным этапом на пути в Рим.

II

Общая тенденция античного мира в век рождества Христова к культурному взаимообщению и идейному сближению была до того сильна, что она увлекла и иудеев — народ, по библейскому выражению, живший отдельно и среди других народов не числившийся. Палестинские иудеи, быть может, еще со времени плена начали испытывать на себе воздействие ассиро-вавилонской и персидской культуры и религии. Иудеи же, жившие в рассеяньи, особенно те, кто поселился в Египте, подверглись влиянию греческой философии. На палестинской почве следы влияния восточных идей можно видеть в иудейской апокалиптике, в ессействе и в талмуде. Среди иудеев диаспоры в Александрии явилось религиозно-философское движение, которое выразилось в искажении Моисеева закона со стороны некоторых лиц, затем в секте терапевтов и, наконец, в филонизме.

Секта ессеев, появившаяся среди иудеев во II-ом веке перед рождеством Христовым, явно обнаруживает в своей организации и учении вне-иудейские влияния. Так ессеи отрицали кровавые жертвы, брань, рабство, клятву, не допускали помазанья маслом, доводили до крайности омовения и очищения, учили особым, не похожим на иудейский, образом о происхождении души, признавали судьбу и широко использовали аллегорический метод толкования текстов. Конечно, можно указать моменты подобного учения и в иудействе, но нельзя вывести все особенности ессейства в их известном выражении и связанные с определенной организацией из чистого иудаизма. Никакая ревность к закону не могла привести благочестивого иудея

к тому, чтобы видеть в кровавых жертвах — существенной части национального культа — дело, противное закону, — и отвергать их. Конечно, ессеи следовали отнюдь не иудейскому преданию, когда считали осквернением помазанье маслом, обильно изливавшееся на еврейских первосвященников и царей. И не иудейскому закону следовали они, отвергая клятву, каковую закон во многих случаях считал необходимой. Отрицая брак, ессеи грубейшим образом противоречили не только закону, но и всем самым дорогим еврейским чаяньям. Не согласно также было со строгим иудейским монотеизмом и почитание солнца, и усердно развитое учение об ангелах. Словом, образование ессейства на почве чистого иудаизма объяснить никак нельзя, но необходимо допустить чужеземное влияние. Какое это было влияние — со стороны ли греческой философии, особенно пифагорейства, как думают одни, напр., Бауэр и Эд. Целлер, или со стороны восточных, буддистских и персидских идей, как полагают Неандер, Гильгенфельд, Бунзен и др., — этот вопрос для нас является второстепенным. Нам представляется более естественным видеть в ессействе влияние восточных идей, в особенности парсизма; ибо у ессеев явно просматривается дуализм и в учении о Боге, и в антропологии, и в этике. Так ессеи признавали рок, судьбу, считая в то же время Бога единым владыкой и своим руководителем. Однако, от Бога они производили лишь одно доброе, не относя к нему злого. Человеческие же души, по их учению, являются с неба и как бы насильственно заключаются в тела, чувствуя себя в них, будто бы в темницах; благодаря смерти души освобождаются от тел и радостно возносятся в высоту. Раз тело есть оковы и темница души, то отсюда легко возникает аскетический принцип — взгляд на желания, как греховные сами по себе, и требование максимального ограничения в удовлетворении всех потребностей. В связи с этим сам только взгляд на женщину, как на порождение злого начала, уже греховен, хотя и были ессеи, вступавшие в брак. Гностический характер ессейства дает о себе знать в их рассуждениях о бытии Бога и рождении мира, в их таинственном учении об

ангелах и о происхождении человеческой души, в их неумеренном аскетизме и в самом устройстве секты — делении членов на классы и т. п. Очевидно, учение ессеев заключалось в особых тайных книгах, скрытых от непосвященных. Подобными таинственными писаниями изобиловали гностические секты.

В древнейших частях Талмуда, относящихся к изучаемому времени, встречаются неясные и отрывочные указания на какие-то особые богословские течения, уклонявшиеся от ортодоксального учения, и в крайнем своем выражении трактуемые Талмудом как еретические ("Minim"). Прежде всего следует отметить, что среди раввинов в описываемый период процветали занятия космогонией и теогонией, относившиеся к I-ой главе кн. Бытия и к видению пр. Иезекииля. Так древняя Мишна говорит о таинственных учениях, известных под названием "Maassch-Bereschith" и "Maassch-Merkaba". Содержанием первого учения является рассмотрение следующих вопросов: что вверху и что внизу, что было раньше миротворения и что будет потом. Занятие "Меркабой" (колесницей) состояло в исследовании природы самого божества. Углубление в эти таинственные учения имело особую прелесть. Раввинская сага выводит, напр., раввина бэн-Сома, пылкого почитателя таинственных учений. Однажды он сидел, окруженный огнем, погрузившись в изучение писаний. Его спросили, не углубился ли он в тайну божественной колесницы ("меркабы"). Он ответил, что присоединяет слова торы к словам пророков и слова последних к словам агиографов, и поэтому радуются слова торы, как в тот день, когда они были открыты на Синае в огне. О том же самом бэн-Сома рассказывается: однажды он сидел удивленный и погруженный в себя; в это время проходил раввин Иисус бэн-Ханайа и приветствовал его несколько раз, не получая ответа. После очередного приветствия бэн-Сома, наконец, очень быстро ответил. Тогда Иисус бэн-Ханайа спросил его: "Бэн-Сома, откуда ты пришел и где бродят твои мысли"? Ответ был такой: "Я размышляю". Но раввин Иисус сказал: "Я призываю в свидетели небо и землю, что не отступлю от тебя, пока ты не скажешь мне, о чем ты размышляешь". На это

бэн-Сома ответил: "Я был погружен в занятие космогонией. Мне кажется, что между верхними и нижними водами пространство от двух до трех пальцев". О другом раввине одна из древнейших частей Талмуда рассказывает следующее: "Раввин Иоханан бэн-Саккей ехал на осле, а за ним шел пешком раввин Елеазар бэн-Арох. Последний сказал: "Равви, научи меня отделу из Меркабы". Учитель возразил: "Не учили ли мудрые, что нельзя излагать Меркабу даже перед одним слушателем. Не значит ли это, что мудрый должен исследовать ее самостоятельно?" "Так позволь, — сказал Елеазар, — чтобы я предложил тебе об этом речь". "Говори", — ответил тот. Когда Елеазар приготовился говорить о Меркабе, учитель сошел с осла, заметив: "Неприлично, чтобы я, сидя верхом, выслушивал речь о славе моего Творца". После этого они сели под деревом и повели речь, и тут сошел с неба огонь и окружил их, и готовые на служение ангелы скакали и ликовали перед ними. Один ангел воскликнул из огня: "Как точно ты изображаешь — это и есть Меркаба!" Тогда начали петь радостную песнь уже все деревья. Когда Елеазар закончил свою речь, Иоханан встал, поцеловал его в голову и сказал: "Пусть будет благословен Бог Авраама, Исаака и Иакова, который дал нашему отцу Аврааму столь мудрого сына, способного так говорить о славе нашего Отца на небе".

Насколько велика была притягательная сила этих таинственных учений и как она необоримо влекла к себе, это видно из талмудических предостерегающих слов по поводу напряженных занятий бэн-Сома: "Если ты нашел мед, то наслаждайся им в меру, чтобы не изблевать его, если ты вкусишь его в излишестве". По другому преданию, желание учеников быть введенными в изучение Меркабы отклоняется из-за указания на учение древних, которые объясняли слова писания: "мед и молоко под твоим языком" следующим образом: "вещи, которые слаще меда, остаются ниже языка", т. е., что о тайнах мироздания нельзя говорить. В другом месте Талмуда говорится: "Нельзя излагать историю творения перед более, чем двумя слушателями, а Меркабу — более, чем перед одним, да и

то лишь тогда, когда тот сам мудр и способен исследовать самостоятельно". Или вот совсем уж грозное предостережение: "Кто исследует четыре вещи, тому было бы лучше никогда не родиться. Эти четыре вещи суть: что вверху и что внизу, что было раньше творения и что будет потом. И кто не щадит чести своего Творца, тому лучше было бы не родиться". Гемара, содержащая толкование на приведенную часть Мишны, подробно обсуждает границы любомудрых исследований. Она говорит о миротворении, о семи небесах, о "троне славы" и окружающих его херувимах и серафимах, о священных животных и служащих ангелах — и... всегдашний ее припев: от сих не дальше! Очевидно, таинственные учения висели над бездной ереси, так что требовалось проведение самых строгих и точных границ, чтобы, напр., не сбиться на ложный путь отличения Творца от высшего Бога, и этим не унизить первого перед последним...

III

<...> Среди евреев диаспоры в Александрии мы встречаемся с подобными же уклонениями от ортодоксального иудаизма, что и на палестинской почве. Из сочинений Филона мы узнаем о т. н. либеральной партии, отрицавшей обрядовый закон Моисея, о секте терапевтов и о каких-то мистах. Учение же самого Филона можно поставить в один ряд с теми космогониями и теогониями, которыми так увлекались раввины.

Филон также имел своей целью сблизить иудейство с греческой философией, привить евреям начатки греческой философии и сделать в глазах греков заслуживающим внимания еврейское учение. В своем учении Филон придерживается мысли о формальном превосходстве иудейства. Для него все записанное в священных книгах Моисея — божественные изречения: пророки говорили по вдохновению от Бога. С этим убеждением Филон не расставался, заимствуя материал для своей системы из греческой философии, ибо, по нему, греческие философы все свое действительно ценное заимствовали у Моисея, "пили из

источника иудейского божественного закона". Но так как предположение Филона было в последнем отношении неправильно, и в действительности существовало глубокое различие между учением греческих философов и божественным откровением в иудействе, то Филону пришлось для оправдания своего неверного принципа обратиться к искусственному методу, аллегоризму, перетолковыванию в каком угодно смысле того, что по прямому смыслу не подходило к его системе. От искусственного соединения несоединяемого получилось не только явная нестройность системы Филона, но и ее противоречивость.

Характерным свойством учения Филона является дуализм между Богом и материей. Дуализм обусловливает собой развитие всей системы Филона и окрашивает в известный цвет ее частности. Филон исходит из трансцендентного понятия о Боге, к чему не было поводов ни в иудейском раввинистическом учении, ни в греческой философии. Бог стоит на надосягаемой высоте и резко отличается от мира. Только Ему одному в собственном смысле и свойственно бытие. Но, утверждая Божие бытие, нельзя, однако, составить или дать положительное понятие о Боге. Ведь божество бесконечно возвышено над миром, а все наши понятия слагаются из миро- или самосознания. Поэтому можно только говорить о том, что Бог есть, но не о том, каков Он есть. Бог лишен всяких свойств — Он нерожденный, нетленный, неизменяемый. Бог не может быть положительно определен. Бытие божие есть единственный предикат, который можно приложить к Богу.. Филон восстает не только против пантеистического смешения Бога с миром, но он избегает всяких вообще сравнений Бога с тварями. Бог, говорит он, не человекообразен.

Но в учении о Боге Филон не остался верен самому себе: признав Бога неопределимым, он, тем не менее, приписывает ему положительные черты. Бог, по Филону, объединяет в себе все совершенства, и от него они рассеваются в тварном мире. Бог все наполняет собой и все проникает; Богу свойственно делание. Среди положительных свойств Бога Филон особенно выделяет благость и могущество.

Бог, будучи отделен, но Филону, глубокой пропастью от мира, не может войти в непосредственное с ним столкновение, ибо всесовершенный не должен осквернятся соприкосновением с материей. Резкая противоположность Бога миру и полная зависимость последнего от Бога заставили Филона искать посредников, благодаря которым божеству, столь удаленному от мира, открылась бы возможность в этом мире действовать. Учение Филона о существах-посредниках совмещает в себе самые разнородные представления. Сюда привлекаются и платоновские идеи, как первообразы, и деятельные первопричины стоиков, и иудейское учение об ангелах, и греческое — о демонах. Господствующее место занимают стоические деятельные первопричины: перед созданием чувственного мира, Бог, по Филону, повторяющему Платона, произвел сверхчувственный мир идей. Эти идеи должны были служить не только прототипами вещей, но и причинами или силами, их производящими.

Названные духовные силы, через которых Бог приводит в порядок беспорядочную материю, суть слуги и заместители, посредники между ним и тварным миром, а также его посланники к людям. По функциям существ-посредников, равно как и по приписываемым им именам, трудно определить, являются ли они существами личностными или нет; вероятно, они одновременно и те, и другие. В учении Филона о посредниках пересекаются двоякие представления: религиозные (когда подразумеваются существа-личности) и философские (когда он имеет в виду отвлеченные эйдосы). Он связывает оба представления, не замечая их противоречивости. Неустойчивое воззрение Филона на природу посредников неизбежно отразилось и на его представлении об их происхождении. В его сочинениях встречаются высказывания, из которых будто бы следует, что он ведет их происхождение от божества в виде эманаций. Однако, поскольку Филон нигде прямо не говорит об этом, мы не имеем права усвоять ему учение об эманации наподобие восточного или стоического.

Численность сил в системе Филона определить невозможно: их количество беспредельно. Отношения, т. е. координация или субординация этих сил весьма неопределенны. Сравнительно яснее представлены высшие силы: у единого истинного Бога, согласно Филону, живут две высшие силы — благость и могущество. Своей благостью он все создал, через могущество всем управляет. Третья сила, объединяющая две первые, называется логос... Логос занимает весьма важное место в системе Филона. Он есть всеобщий посредник между Богом и миром. Логос — это идея, совмещающая в себе все другие идеи (эйдос эйдосов); это сила, заключающая все прочие силы; это — объединение всего сверхчувственного мира. Он и не создан по образу конечных существ, и ни не создан. Он есть представитель и посланник Бога: он — архангел, сообщающий людям божью волю; он — орудие, с помощью которого Бог создал мир. Равным образом, логос есть и представитель мира в его отношении к божеству, первосвященник, возносящий за мир молитвы к Богу. Отношение логоса к Богу, а в связи с этим и личность логоса, у Филона также неопределенны и невыясненны. С одной стороны логос, как атрибут Бога, тождественен с его премудростью; а с другой, — он отдельное существо, как бог в несобственном смысле, или второй бог. К миру логос относится как первообраз к образу, как сила к явлению; вместе с тем, он — как бы душа мира, — сила, двигающая его внутреннюю жизнь; он есть связь, соединяющая все части мира, вечный закон Бога, данный миру, живой всеобщий разум...

Мир, как произведение посредствующих существ, особенно логоса, как образ своих божественных первообразов может заключать в себе лишь одно доброе и прекрасное. Следовательно, зло и всякого рода несовершенства, несомненно существующие в мире, не могут быть отнесены к производящей силе посредствующих существ и, тем более, иметь своего основания в Боге. Отсюда появляется необходимость в другой первопричине всех существующих изъянов. Таковой определяется материя. Она есть нечто безобразное, бескачественное, безжизненное, — косная и

беспорядочная масса. Из нее, при посредстве логоса и других сил, Бог образовал чувственный мир (так как материя выступает в качестве второго принципа наряду с Богом, то у Филона не может, собственно, идти речи о миротворении, но только о мирообразовании). Все отношения Бога с созданным миром, равно как и его хранение, происходит через тех же посредников — идей и божественного логоса, так что попечение о мире является, в сущности, продолжением творческой мирообразующей деятельности.

С особенной ясностью дуализм Филона проявляется в его учении о происхождении человека. Людские души принадлежат к тем силам, которыми наполнено воздушное пространство между Богом и материей, т. е. к ангелам и демонам. Просто они находятся ближе к земле, вследствие чего ею притягиваются и спускаются в тела. Следовательно, души представляют собой эманации божества. Только низшие части или способности душ возникают путем рождения и передаются из рода в род. Разум же всегда приходит к людям извне. Бог вдувает свой дух (пневму) в человека. Тело же, напротив, принадлежит материальному миру. Оно — источник всякого зла, темница, в которую заключен дух, труп, который душа влачит с собою, гроб или могила, из которой она снова восстанет к истинной жизни. Чувственность, грех — связаны с телом человека и прирождены ему.

Кроме рассмотренных религиозно-нравственных движений и уклонений от иудейства на палестинской и египетской почве, история сохранила имена неизвестных нам иудейских сект, которые стоят, по положительному и определенному свидетельству древности, в прямой связи с признанными родоначальниками христианского гностицизма. "До того времени (смерти Иакова праведного), — говорит Егезипп, — церковь называлась девою чистой, ибо она не была еще растлена суетными учениями. Началось растление с Февуиса, недовольного тем, что его не сделали епископом; он принадлежал к одной из семи народных сект. Из них же вышли и Симон, родоначальник симониан, и Клеовий, от которого произошли клеовиане,

и Досифей, от которого — досифеане, и Горфей, от которого — горфиане, и Масвофей. От сих произошли менандриане, маркиониты, карпократиане, валентиниане, василидиане и сатурнилиане...". Егезипп повествует и о тех сектах, которые издавна существовали у иудеев, и говорит так: "У обрезанных, т. е. у сынов Израиля, существовали различные толки касательно колена Иудина и Христа; это были толки ессеев, галилеян, имеробаптистов, масвофеев, самаритян, саддукеев и фарисеев". Наконец, существовала большая семья гностиков — офитов: сефиан, каинитов и др., о которых речь впереди. Вообще теперь не может быть разногласий о том, что иудейский гностицизм существовал прежде, чем появился христианский и иудео-христианский, — это несомненно. Он проник в иудейство, как доказывают апокалипсисы, во II-ом веке до рождества Христова, впитав в себя вавилонские и сирийские учения.

С. Н. ТРУБЕЦКОЙ

НАЧАТКИ ГНОСТИЦИЗМА*

I

Ягве был Богом Израиля, и Израиль не знал иного Бога, кроме Ягве. Но, как мы уже указывали, наряду с верой в святого Израилева, которая жила в пророках и господствовала в законе, мы находим обильные следы всевозможных языческих суеверий в частной, а иногда и в общественной жизни евреев. Атмосфера, в которой жил Израиль, была языческой атмосферой. Народы, с которыми он соприкасался, египтяне, сирийцы, халдеи, персы, греки, превосходили его в культурном отношении, и, несмотря на все национальное обособление Израиля, языческие верования этих народов невольно просачивались в его среду. Этого мало: в самом Израиле, несомненно, была почва для восприятия таких влияний. Старинные обще-

* Глава из книги "Учение о логосе в его истории".

семитские верования и суеверия, восходящие к седой старине, к эпохе до-народной, до-Моисеевой, никогда не были забыты, и постоянное общение с другими семитскими племенами, постоянное внешнее влияние среды никогда не давали заглохнуть этим верованиям, коренившимся в первобытном анимизме. Высоты Сиона были доступны не всем, и в народе таилось двоеверие. Священные книги Ветхого Завета отражают лишь свет религии Ягве, ясный как день. Этот день проникал не всюду; он светил среди тьмы, которая не могла его объять, но сама не проникалась светом или, точнее, не везде его пропускала. Не все сыны Израилевы были "сынами света", и в сердце каждого было место для "тьмы".

Изучая позднейшую еврейскую литературу, мы поражены возрастающей массой языческого суеверия в представлениях о мире всевозможных демонов и духов, добрых и злых. В апокалиптике мы встречаем пневматологию и космологию, приближающуюся к миросозерцанию гностиков; апокалиптика переходит к гностицизму, и самые памятники ее, попадая в руки гностиков, перерабатываются в новом смысле. Но напрасно было бы видеть в фантастических и мифологических представлениях этой литературы явления, относящиеся всецело к позднейшей эпохе, и объяснять их как результат общего смешения, синкретизма верований, знаменующего собой эпоху гностицизма. Самый синкретизм этот начался задолго до эллинизма: трудно сказать, когда он начался, когда его не было. Наши апокрифы все, несомненно, принадлежат к сравнительно позднему времени — многие из них относятся к христианской эпохе, Но верования и представления, высказывающиеся в них, нередко коренятся в несравненно более древних временах.

Поверхностный наблюдатель может подумать, что древние евреи не знали загробного мира, магии, мифологии, что они не знали иного культа, кроме культа Ягве. Все суеверия, коренящиеся в первобытном анимизме, он может объяснять чужеземными заимствованиями, отступничеством. Но если закон не признает этих суеверий, карает их, упорно борется с ними, то отсюда еще не следует,

чтобы их не было и чтобы они не носили национального традиционного характера. Следует помнить, что книги Ветхого Завета суть священные книги, из которых составляется канон, и что ими, очевидно, далеко не исчерпывалась не только светская, но даже и религиозная литература Израиля. Канонизация отдельных книг естественно должна была обречь на гибель остальные, и те немногие памятники внеканонической еврейской литературы позднейшего времени, которые до нас дошли, уцелели лишь случайно под покровом священных псевдонимов или благодаря христианским симпатиям. Поэтому в священных книгах Ветхого Завета мы далеко не можем искать полного выражения народных верований и воззрений. "Закон" — а впоследствии все писание понимается евреями под именем закона — борется с национальным язычеством и суеверием и во всяком случае не служит их проводником, отражая религиозное сознание высшего порядка. Поэтому лишь тщательное археологическое исследование может осветить нам живые остатки общесемитского язычества, составлявшие низший слой народных верований. Изучение "остатков арабского язычества" и семитских культов, обличения пророков, запреты закона, наконец, отдельные черты еврейского обычая и ритуала дают нам много ценных указаний. Уже Иисус Навин увещевает колена Израилевы отвергнуть богов, которым служили их отцы за Евфратом и в Египте, или же избрать, кому служить — этим ли богам или богам аморреев, в земле которых они поселились; позднее Иезекииль указывает не раз на отечественное язычество Израиля. Рассматривая, в чем заключалось это язычество, мы находим, что у Израиля, подобно сродным ему народам, были — вне ягвизма — и культ мертвых, и культ стихийных демонов, и магия, точно так же как и совокупность мифологических представлений, связанных с такими суевериями. Борьба с этими старинными культами была исконной; уже Саул, первый из царей, помазанный Богом, изгоняет волшебников и гадателей, что не мешает ему самому идти к эндорской волшебнице, когда он сознает, что Ягве его оставил, и эта волшебница видит бога — elohim — в призраке усопшего.

Аналогичный порядок вещей наблюдается у всех народов древности: наряду с официальным, законом установленным культом общенародной святыни встречается суеверие двоякого характера, отечественное и заимствованное извне, нередко преследуемое законом, но уживающееся и упорно держащееся на старой или на новой почве. Таким образом, и в еврействе хранился запас анимистических верований, постепенно обогащавшийся заимствованиями сиро-финикийскими, халдейскими, персидскими, а впоследствии даже и греческими. Упорная борьба с язычеством, строгая и всеохватывающая дисциплина закона, объединение и регламентация религии, разумеется, не могли не оказать самого сильного давления на этот низший, подпочвенный слой верований. Там, где не произошло полного подчинения, претворения, ассимиляции, там образовались компромиссы. Многие суеверия стали традиционными, получили санкцию (напр., козел отпущения, которого выгоняли к Азазелю в пустыню); другие все же держались настолько сильно, что пробивались наружу многочисленными путями — в легенде, в устном предании, в апокалиптике. Впоследствии религиозная мысль пыталась согласовать различные элементы народной веры и народного суеверия. Языческие элементы были в некоторых случаях претворены ягвизмом, как это показывает нам изучение еврейских праздников, еврейской космологии или в особенности изучение загробных верований позднейшего иудейства. В других случаях, наоборот, язычество брало перевес, как, напр., в магии и связанных с нею суевериях, столь сильно распространенных среди того же позднейшего иудейства.

Так или иначе, процесс религиозного синкретизма начался задолго до тех форм гностицизма, которые являются лишь позднейшим из его продуктов. Он сказывается уже в еврейской апокалиптике, в которой мы наблюдаем и гностическую тенденцию — стремление проникнуть путем откровения в тайны неба, земли и преисподней, в тайны мира духов. Задолго до христианской эпохи мы наблюдаем в еврействе стремление к магическому знанию и магическому искусству; до христианства евреев занимают умозрения о силах, посредствующих между миром и трансцендентным

Божеством, учение об именах Божиих, о небесных сферах, ангелах и демонах; до него они обогащают свою апокалиптику преданиями халдеев и персов, и, наконец, до него они пытаются сблизить учение своих раввинов с греческой философией, как мы видим это в Александрии.

Но если так, то не следует ли искать в еврействе источник гностицизма? Не следует ли признать, что до христианства в еврействе существовал гностицизм, который впоследствии попытался овладеть христианством? Это важный вопрос для истории мысли, и это вопрос первостепенной важности для всей истории Церкви первых веков, в особенности для истории первоначального христианского учения.

В последнее время в ряде ценных трудов греческое влияние на христианскую мысль было подвергнуто тщательному рассмотрению. Но, как нам кажется, это бы не должно было приводить к одностороннему отрицанию или умалению еврейских влияний. Еврейство было почвой, на которой зародилось христианство, но в этой почве сеяли многие народы, на ней росло много различных злаков, и на ней впервые взошли и семена гностицизма.

Надо иметь в виду, что ранние гностические секты не имели той философской окраски, какую они получили впоследствии у Валентина или Василида. Первоначальная суть гностицизма заключалась в магии (теургии) и апокалиптике — откровении тайн небесного мира, учении об ангелах, демонах, посредствующих духах, описании мытарств и т. д. "Родословия" и "местоположения ангельские", небесная иерархия, таинственные имена сил небесных и заклинательные формулы, астрологические суеверия и всякого рода кабалистика переносились с востока на запад, и деятельными факторами этого обмена между восточным и западным суеверием были евреи и самаряне.

II

Вопрос о происхождении гностицизма служит предметом оживленных споров. Одни ищут его источников в Ва-

вилонии (Кеслер, Анц), другие — в Египте (Амелино), третьи — в Персии или Греции. Но самое происхождение гностицизма указывается обыкновенно в христианстве, и притом преимущественно в "христианстве языков", т. е. в крещенном эллинизме, сплавившем в себе различные мифологические и мистические верования Востока. Так, например, большинство учеников А.Ричля с знаменитым историком Гарнаком во главе видят в гностицизме "острое" вырождение христианства на почве эллинизированного древнего мира, точно так же как в церковном догмате они признают "продукт греческого духа на почве христианства". И здесь и там христианство эллинизируется и принимает в себя языческие элементы, причем в гностицизме наблюдается острый процесс, а в Церкви — процесс постепенной эллинизации христианства. История раннего христианства и его учения, очевидно, явится нам в ином свете, если мы убедимся, что колыбелью гностицизма был не эллинизм, а еврейство и что гностицизм предшествовал христианству. Вместе с этим нам станет очевидной и необходимость раннего развития богословского учения о Христе среди самого первоначального христианства; нам выяснится специально христианский смысл и интерес этого богословия, завершившегося учением о Логосе.

Существование дохристианского гностицизма среди евреев признается всеми, но этому еврейскому гностицизму не придается никакого исторического значения на том основании, что о еврейских сектах мы почти ничего не знаем, кроме имен. Тот факт, однако, что древние ересеологи, как Егезипп, видели в них источник позднейшего гностицизма, заслуживал бы большего внимания.

Между тем гипотеза о еврейском происхождении гностицизма обладает уже тем преимуществом, что она не только не исключает другие гипотезы, но согласует и дополняет их собою. Говоря о еврействе, мы разумеем не ветхозаветную веру Израиля, а скорее наоборот, те элементы, которые заключались в нем наряду с нею, то двоеверие, которое мы уже отметили и которое послужило почвой для дуализма и синкретизма гностиков. В перво-

начальном своем зерне гностицизм и был, как мы полагаем, специально еврейской формой религиозного синкретизма, в которой скрещивались всевозможные влияния — греческие, персидские и прежде всего сиро-вавилонские.

Новейшие исследования шаг за шагом выясняют то необычайное богатство и разнообразие духовной жизни, какое наблюдается в среде раннего христианства и в иудействе, ему современном. С каждым днем становится очевиднее, что еврейство эпохи Христа совершенно невозможно принимать за какую-то однородную, компактную массу, дисциплинированную одной верой, одним законом. Власть книжников была, бесспорно, сильна, но все же недостаточна для подавления всех центробежных стремлений; этим оправдывается ритуализм еврейских учителей, их стремление "создать ограду вокруг закона". Чем стало бы еврейство без их деятельности и без их авторитета, показывает пример самарян, которые в эпоху Христа действительно не знали, чему они поклонялись (Иоан. 4, 22). Центробежные стремления сказывались среди иудеев рассеяния, и сам Филон обличает либертинизм, освобождавший себя от исполнения закона. В самой Палестине власть книжников была далеко не безусловной и проникала не всюду, как это показывает постоянная борьба с беззаконием и противниками закона. То же самое доказывает самое христианство и секты. Но и помимо сект была в правоверном иудействе целая область верований, которою книжники долго не могли овладеть и в которой религиозный синкретизм проявлялся с особой силой: я разумею те новые верования относительно загробного мира и воскресения, относительно ангелов и сил небесных, которые получали все большее и большее распространение. Здесь книжники и законники сами не имели тех твердо установленных норм, какие принесло с собою христианство; здесь сами они нередко теряли почву под ногами и погружались в бездну гнозиса, упоенные новым "медом". И мы увидим, какой хаос представлений господствовал в этой сфере.

При всем глубоком различии между еврейской религией предхристианской эпохи и религиозным состоянием язы-

ческого мира существовал некоторый параллелизм между ними, обусловливавший возможность взаимодействия. Религиозное состояние разлагавшегося язычества было верою во множество отдельных демонов, господствующих над миром, причем над этим неопределенным множеством религиозная и философская мысль все энергичнее утверждала высшее божественное единство. В этом смысле многие греческие философы и даже еврейский мыслитель Филон признавали аналогию между ангелами позднейшего юдаизма и божественными демонами народов. Разница была в том, что у иудеев центр тяжести религии лежал в Боге, а у язычников — в демонах или богах. Но в той мере, в какой Бог юдаизма становился трансцендентным и бездна между Им и миром заполнялась посредствующими духами, религиозный центр тяжести грозил незаметно переместиться, и иудейское религиозное миросозерцание могло сблизиться с миросозерцанием языческого синкретизма, как это и случилось в гностицизме. При этом и здесь, и там было стремление к искуплению и искание посредника между душой человека и трансцендентным Божеством. И здесь, и там была вера в духов, в демонов, в магию и жажда откровения, жажда таинственного гнозиса, дающего человеку власть над духами и обеспечивающего ему загробное блаженство.

Отсюда легко объясняется то обстоятельство, что самые различные религии древнего мира могли влиять на гностицизм или представлять с ним значительные аналогии. Теогонические системы и мистика вавилонян, египтян, персов, офитов, неоплатоников представляют яркие примеры таких аналогий. Но какие же отличительные черты позволяют нам обособить гностические учения от аналогичных им систем языческой жреческой теософии или греческого мистицизма, в котором также сказываются следы восточных влияний? Обыкновенно указывают на христианство и видят в гностиках христианских сектантов. Но во-первых, мы знаем гностические секты, образовавшиеся независимо от христианства, какова, напр., секта "отца всех ересей", Симона Волхва или секта Менандра. Во-вторых, мы можем указать гностические секты, в которых

христианский элемент является как бы внешним заимствованием. Возьмем для примера офитские секты; уже одного разъяснения, которое дает Ориген в своей любопытной полемике с Кельсом, достаточно для того, чтобы доказать, что секта эта имеет мало общего с христианством; а между тем без еврейской ангелологии и без специального отношения к еврейской религии и еврейскому Богу офитства объяснить невозможно. В-третьих, наконец, характерный антиномизм гностиков и их восстание против еврейского Бога, против Бога Ветхого Завета, в связи со всей их философией мирового процесса не объясняется ни из христианства, которое, наоборот, прежде всего исходило из единства Бога Отца и видело во Христе "исполнение закона и пророков", ни из язычества, которому не было дела ни до Моисеева закона, ни до Бога Израилева; в среду крещеного язычества могла проникать проповедь иудействующих, но решительный успех апостола Павла показывает, что большого успеха она иметь не могла.

Но в таком случае как объяснить ту крайнюю оппозицию против всей ветхозаветной веры, против самого Бога Ветхого Завета, какую мы находим у гностиков? Не христианство могло внушить такую оппозицию, и не от Павла могли они научиться дуализму. Керинф, гностик, разделявший еврейские представления о происхождении закона (от ангелов), о происхождении и помазании Христа, о грядущем хилиазме, восставал против учения Павла и причисляется к иудействующим гностикам — не только по внутренним, но и по внешним основаниям. А между тем и он признавал, подобно другим гностикам, что мир сотворен не первым Богом, но некоторою силой, весьма отличной и отдаленной от Всевышнего и не ведающей Его. По свидетельству Епифания, он отчасти склонялся к юдаизму (Филастрий сообщает, что он соблюдал обрезание и субботы), но признавал "неблагим" того законодателя, закону которого он считал нужным повиноваться. Это учение отчасти напоминает нам земляка Керинфа, Филона, который также признавал, что закон дан не "благою силой" Божества, а "справедливостью", причем он различал между справедливым "Господом" и благим "Богом" —

различие, по-видимому заимствованное самим Филоном от его предшественников. Во всяком случае Керинф мог найти его в еврейской среде. И точно так же представление о том, что мир создан ангелами или творческою силою, отличною от абсолютного Божества, находит свой первый отголосок у Филона. Одного Керинфа достаточно было бы для того, чтобы показать, что не в "извращенном павлинизме" следует искать источник гностических учений. Но если мы не находим такого источника ни в язычестве, ни в христианстве, то остается обратиться к самому иудейству и близкому к нему самарянству.

III

Проф. Гарнак в своей истории древнехристианской литературы делает следующее характерное признание: "несомненно, что до христианского и иудейско-христианского гностицизма существовал иудейский гностицизм. Как показывают апокалипсисы, со II века до Р. Х. гностические элементы проникли в кровь иудейства, воспринявшего в себя сирийские и вавилонские учения; но, по всей вероятности, отношение этого иудейского гностицизма к христианскому более никогда не может быть выяснено. Из трудов современных раввинов об иудейско-христианском гностицизме немногому можно научиться". Сам Гарнак поэтому оставляет иудейский гностицизм в стороне и объясняет христианский гностицизм как продукт "острой эллинизации христианства".

Однако, если допустить, что апокалиптическая литература еврейства пропитана гностическими элементами, то почему не попытаться выделить такие элементы путем тщательного анализа этой литературы и почему не рассмотреть их отношения к системам позднейшего, христианского гностицизма? Неуспех "современных раввинов" вряд ли может иметь решающее значение. И самый вопрос настолько важен для всей истории раннего христианства, которому с первых шагов пришлось столкнуться с эле-

ментами гностицизма, что мы признаем необходимым выяснить значение этих элементов.

Прежде всего припомним те иноземные влияния, которым подвергался Израиль, и те долговременные условия, которые подготовили почву еврейскому синкретизму.

Первое место среди иноземных влияний занимает сиро-вавилонское влияние: оно было и наиболее древним, и более продолжительным, и наиболее обширным; оно простиралось на Палестину еще до поселения в ней евреев, оно охватывало Сирию, Персию и отчасти даже, в древнейший период, Египет, как это показывает знаменитая находка в Тель-ел-Амарне. Как могущественно было это влияние в Палестине среди самого расцвета пророческой проповеди, показывает IV Ц., гл. 23, или та картина языческого культа, которую рисует Иезекииль (напр., гл. 8). В эпоху пленения вавилонское влияние, а также и влияние других языческих семитов, сирийцев, сказывалось сильнее на населении, оставшемся в Палестине, чем среди эмигрантов в самой Вавилонии. Здесь мы находим начало настоящего религиозного синкретизма, который в еще большей степени развился в Самарии. Наконец, после пленения и вплоть до христианской эпохи сиро-вавилонские идеи продолжают просачиваться в иудейство и сказываются решительным образом в апокалиптике, магии и гностицизме. Вавилонская религия пережила вавилонское государство и сохраняла долгое время свою жреческую организацию. Селевкиды покровительствовали ей, и еще в эпоху Страбона и Плиния в Сиппаре, Уруке и Борсиппе были жреческие школы, которые сильно расходились в своих астрологических воззрениях. Из Вавилона евреи заимствовали имена планет, знаков зодиака, имена месяцев, имена многих демонов и ангелов в связи со множеством астрологических и магических суеверий.

Картину полнейшего синкретизма народностей и верований представляла Самария, согласно знаменательному свидетельству IV Ц. 17, 24—41: сирийцы и вавилоняне, поселенцы из Куфы, Авы, Хамафа, Сефарваима чтили каждые своих богов и вместе поклонялись Ягве в качестве местного бога; "да и дети их и дети детей их до сего

дня поступают так же, как поступали отцы их", — прибавляет летописец.

За вавилонскими влияниями следует влияние парсизма с его демонологией и эсхатологией. Чем обязано позднейшее иудейство, и в особенности Талмуд, специально персидским влияниям, — установить довольно трудно, ибо, во-первых, мы недостаточно знакомы с позднейшим фазисом развития вавилонской религии, а во-вторых, потому что самое происхождение Зенд-Авесты нам недостаточно ясно: мы еще не знаем, насколько сами арийцы, и в частности персы, были обязаны древней семитской культуре. Представление о семи небесах, напр. (и о семи верховных духах), которое играет важную роль в гностицизме, встречается в парсизме; а между тем всего вероятнее, что происхождение этого представления — вавилонское: парсизм и иудейство, по-видимому, пользовались общим источником. С другой стороны, и чисто персидские верования проникали в вавилонский пантеон, который никогда не отличался строгою замкнутостью: еще ранее входили в него некоторые иноземные божества, напр., сирские или эламские. Артаксеркс ввел в Вавилон культ богини Анахит, и культ Митры проник туда же. Впоследствии пришли и греческие боги, и мы знаем, что вавилонские боги отождествлялись с этими последними не только греками, но даже и некоторыми из своих собственных жрецов, как Берозом, который был жрецом Беля.

Мы переходим к последнему, греческому или, точнее, эллинистическому влиянию. Мы знаем, как сильна и напряженна была реакция против эллинизма со времен Маккавейского восстания. Никогда еще еврейство не подвергалось большей опасности, и недаром Антиох Епифан послужил прототипом антихриста. Надо вспомнить только, как ничтожно мала была Иудея в эпоху Маккавейскую. Менее чем в сорока верстах к северу от Иерусалима лежали пределы Самарии, а на юге, менее чем в тридцати верстах, за Бетзуром, начиналась область, в которой господствовали идумейцы. Язычники господствовали за Иорданом и занимали морское побережье. Правда, при

Хасмонеях пределы Иудеи были расширены на десятки и десятки верст, но победы Хасмонеев включили в самые владения иудеев города с языческой культурой, колонии эллинизма, которые могли только временно подчиняться еврейским князьям, не теряя своего характера.

Эллинизм господствовал в Палестине вокруг Иудеи и просачивался в самую Иудею. Один перечень языческих культов в городах Палестины дает наглядное понятие о ее религиозном состоянии: тут есть и греческие культы, занесенные Селевкидами и упрочившиеся в колониях, тут и местные семитские культы, эллинизированные завоевателями, напр., культы Астарты, оргии которой в древности праздновались в самом Иерусалиме. В религиозной области сила эллинизма состояла именно в его способности ассимилировать любые языческие элементы: религиозный синкретизм был его политикой, его системой, соответствующей его вере. Другая великая сила эллинизма состояла в его культуре, которую он насаждал повсюду; и в Палестине мы находим несколько центров эллинистической образованности, каковы были, напр., Аскалон, Гераза, Гадара, Дамаск, отдельные граждане которых составили себе громкие литературные имена, — как Антиох Аскалонский, учитель Цицерона, Никомах Геразский, Николай Дамаскин, Филодем, Мелеагр, Менипп, Феодор из Гадары.

В Самарии, где еще Александр Великий поселил македонских колонистов, эллинизм господствовал до конца II в. В 107 г. город Самария был завоеван и разрушен сыновьями Иоанна Гиркана, но Помпей вновь окончательно отделил ее от Иудеи. Она была построена Габинием, и Август передал ее Ироду, который укрепил ее и поселил в ней 6000 новых колонистов; в честь Августа Ирод окрестил ее Себастой и построил ему храм. Самые "самаряне", населявшие окрестные города и поклонявшиеся Ягве на Гаризиме, боролись с язычеством, подобно иудеям; и, подобно им, они в "законе" искали оплота против язычества. Но в своем положении раскольников они не обладали равными силами. В отдельных вопросах обрядового закона они превосходили самих иудеев своею строгостью, но зато и успехи эллинизма были сильнее в

самарянстве, чем в Иудее. Существовала, по-видимому, эллинистическая самарянская литература, от которой уцелели лишь фрагменты, свидетельствующие о смешении религиозных преданий иудейства и язычества. С другой стороны, были и попытки реформы, как, напр., попытка Досифея, выдававшего себя за "пророка", обещанного Моисеем; но реформа эта повела лишь к основанию секты — Досифей был предшественником Симона волхва.

В самую Иудею эллинизм проникал, несмотря на все усилия книжников и законников, вместе с культурой и торговлей, вместе со всей атмосферой, которою была окружена эта маленькая страна. В рассеянии невозможно было оградиться от эллинизма, и мы познакомились уже с еврейским эллинизмом, процветавшим в Александрии. Но и в самой Палестине и в Иудее самоограждение от язычества создавало верному иудею крайне затруднительное положение: в городах он ежедневно соприкасался с лицами и предметами, осквернеными язычеством, и постоянно рисковал нарушить требования закона и ритуалистической дисциплины книжников; в селениях, где жил народ — "невежда в законе", где двоеверие коренилось глубоко, опасности были не меньшими.

Таким образом, в самой Палестине была готовая почва для плевелов ереси и раскола, для религиозного синкретизма всякого рода. И здесь самое усердие к закону могло вести к сектантству: фарисеи обособлялись от прочих иудеев именно с целью строжайшего соблюдения отечественных преданий и ритуальной чистоты. По всем вероятиям и секта ессеев имела аналогичное происхождение: иерусалимское священство являлось им незаконным, неканоничным и вся жизнь их братий — нечистою; они удалялись из городов в деревни и пустыни и очищали себя постоянными омовениями. В результате получилась раскольничья секта, которая, несмотря на свое староверство и особенно ревностные заботы о святости и чистоте, вдалась во многие суеверия, частью старинные, а частью, по-видимому, и новые. Во всяком случае эти ревностные почитатели Моисея, которые не решались нарушать субботу даже для отправления естественной надобности, едва ли

имеют что-нибудь общее с пифагорейцами, с которыми их сближали по почину Иосифа Флавия, превращавшего фарисеев в стоиков, а саддукеев — в эпикурейцев.

Недостаточно, однако, перечислить внешние влияния, действию которых подвергалось иудейство. Если его апокрифическая литература отражает следы этих влияний, нужно рассмотреть самую эту литературу. Нужно рассмотреть результаты действительного синкретизма религиозных представлений в памятниках этой литературы, причем памятники эти имеют для нас тем большее значение, что они не составляли принадлежности отдельных сект, а отражают общераспространенные верования широких кругов еврейства. Мы обратимся еще раз к еврейской апокалиптике с ее откровениями тайн небесного мира и с теми суевериями, которые были связаны с познанием этих тайн.

IV

Обратимся к еврейской ангелологии занимающей нас эпохи. Если в Ветхом Завете в чистом сиянии Ягве образы ангелов меркнут, как звезды при свете солнца, то в апокалиптической литературе, где религиозное сознание затемняется, мы наблюдаем как бы ночное небо народного миросозерцания. Чем дальше подвигаемся мы во времени, тем темнее это небо и тем многочисленнее и ярче звезды на нем.

Это сравнение следует принимать не только в переносном, но и в прямом смысле слова, поскольку воинство небесное отождествляется со звездами и ангелология в весьма значительной степени соединяется с астрологией. В талмудическом трактате Хагига мы узнаем, что под каждым из 12 знаков зодиака, имена которых вынесены из Вавилона, стоит по 30 архистратигов, под каждым из последних — по 30 легионов ангелов, в каждом легионе — но 30 полковников, у каждого полковника — по 30 подполковников, а у каждого подполковника — по 365 тыс. звезд, и все созданы для Израиля! Когда Навуходоносор хотел вознести свой престол выше звезд и сравняться с

Всевышним, божественный голос сказал ему, что жизнь человека — 70, много 80 лет, а протяжение между землей и твердью — 500 лет пути и толща тверди еще 500 лет; на этой тверди стоят "животные", над головами которых помещается подножие престола Божия, и члены этих животных удлиняются в непрерывно возрастающей прогрессии: высота их ступеней — 1000 лет пути, высота связок — 2000 и т. д. Так недосягаемо высоко помещается Бог от земли и человека. Немудрено, что человек стремится заполнить пустоту, отделяющую его от Бога.

В Талмуде, правда, мы имеем памятники, относящиеся к позднейшей эпохе. Но в его ангелологии мы находим представления более ранние, принадлежащие времени, непосредственно предшествовавшему гностицизму, и послужившие материалом гностицизму. Со II в. до Р. Х. мы находим настоящий непрерывно увеличивающийся хаос образов и имен, еврейских, сиро-финикийских, вавилонских, персидских и греческих. Еще Талмуд помнит, что имена ангелов, как и названия месяцев, планет и знаков зодиака, вынесены из Вавилона.

В этом хаосе имен слагается жаргон магии, гностицизма, Кабалы. Каждый ангел или демон имеет свое имя, и самое солнце имеет тайные имена. Знание этих имен служит заклинаниям и магии, а в этом и состоит первоначальная суть гнозиса: гностик есть "ведун", повелевающий миром духов и знающий таинственные формулы или заклятия, которые приводят в трепет не только демонов, но и силы небесные и начальствующих духов (архонтов) как в этом, так и в загробном мире. Такими ведунами были Симон и Менандр, офиты и другие гностики. Простой народ довольствовался отдельными заговорами, отдельными амулетами и табличками с начертанными на них ангельскими именами; профессиональные гностики и книжники искали более полного знания. Уже книга Еноха с понятным интересом останавливается на перечислениях варварских имен ангелов и демонов, а ессеи хранили в тайне имена ангелов, составлявшие достояние секты.

За отсутствием других свидетельств одни послания апостола Павла могли бы убедить нас в популярности подобного

"лжеименного знания". Но если апостол не вменяет его ни во что, то гностики им превозносились и кичились своими откровениями, возводя их к самим ангелам. Так, неизвестный самарянский писатель, цитируемый Евсевием (Praep. ev. IX, 17), сообщает, что ангелы открыли тайное ведение Мафусаилу, сыну Еноха. В еврействе на этот счет существовали аналогичные мнения, праотцы получили высшие откровения через архангелов, а падшие ангелы научили людей магии, астрологии и всякого рода худым искусствам (Юбил. 10; Енох, 9).

Функции ангелов и их положение в небесной иерархии представлялись весьма различным образом в различных памятниках. В Талмуде верховным ангелом, ближайшим к Богу, обыкновенно является Метатрон, а в более ранних преданиях первенствуют Гавриил и в особенности Михаил, князь еврейского народа, стоящий одесную славы. Иногда признается четыре верховных ангела — Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, причем имена последних двух нередко заменяются другими.

Еще чаще встречаются семь первозданных верховных ангелов, имена которых также не всегда приводятся одинаковым образом. В книге Еноха они перечисляются в следующем порядке: Уриил — ангел, поставленный над миром и над преисподней; Рафаил, поставленный над душами человеческими; Рагуил — ангел отмщения, карающий самые светила небесные; Михаил — ангел народа Божия; Саракаэль, поставленный над грешными духами; Гавриил, поставленный над раем, драконами и херувимами и, наконец, Ремиил, по-видимому тождественный с Иеремиилом, о котором говорит Ездра.

Эти семь ангелов созданы от начала и вечны: ибо есть и преходящие, эфемерные ангелы, возникающие ежедневно из огненной реки под престолом славы, которые вновь уничтожаются в ней, пропев Богу свою хвалу. Над всеми ангелами служения стоит архистратиг Михаил, заступник Израиля и посредник между ним и Богом. В Еноховой книге он является как бы наместником Божиим: в его руки вверено то великое заклятие, силой которого утверждается небо, земля и преисподняя, которому подвластны

светила и знамения небесные и все духи. В книге "тайн Еноха" Михаил стоит пред лицом Господа на десятом небе, а в талмудическом трактате Хагига он является первосвященником в небесном храме на четвертом небе. Он — небесный привратник и впускает души праведных в места успокоения.

Власть над стихиями и над всеми частями природы распределяется между всеми ангелами. И это представление связывается с астрологией: звезды управляют природой, а над звездами поставлены ангелы, иногда отождествляемые с ними. Всякая трава на земле имеет свою звезду, своего ангела на небе, и народы земные распределены между князьями воинства небесного. Сообразно этому в некоторых еврейских магических текстах представление о семи архангелах связывается с представлением о семи планетах — старинное воззрение, заимствованное из родины астрологии, Вавилона, где семь планет были семью великими богами. Семь лампад светильника Захарии суть "семь очей Господа, которые объемлют взором всю землю". И в семи лампадах светильника второго храма Иосиф Флавий и Филон видели символ семи планет.

В христианском гнозисе семь первозданных ангелов встречаются нам в самых различных системах. Мы находим их и в "Пастыре" Гермы, и у Климента Александрийского, и прежде всего у гностиков. "Сии суть святые ангелы Божии, первые сотворенные, — говорит Герма, — им же Господь передал всю тварь свою, чтобы они растили ее, управляли и господствовали над всею тварью" (Vis. III, 4, 1). И среди них выделяется Господин строящегося здания (Sim. IX, 6), который есть, по-видимому, не кто иной, как архистратиг Михаил (Sim. VIII, 3, 3). По учению Саторнила Антиохийского, единый неведомый Отец сотворил ангелов, архангелов, начала и власти, а семь (низших) ангелов создали мироздание и человека. Седмерицу "эонов, богов или ангелов" находим мы и у офитов, причем, по замечанию Иринея (Adv. haer. I, 30, 9), под "святою седмицей" они разумеют семь планет. Во главе их стоит Ялдабаоф, Бог иудеев, избравший Авраама и даровавший закон Моисею. Кельс (Orieg, c. Cels. VI, 30) сообщает о

семи архонтах, обозначенных в диаграмме офитов под видом льва, быка, дракона, орла, медведя, собаки, осла: эти архонты стоят у врат небесных, и Ориген приводит те формулы, с которыми душа усопшего должна обращаться к ним, по учению этих "гоэтов", для получения свободного пропуска. В таких формулах архонты заклинаются именами Ялдабаоф (первый и седьмой), Иао, Саваоф, Астафей, Элоей, Орей, а на самой диаграмме архонт лев называется Михаилом и следующие за ним архонты суть Суриил, Рафаил, Гавриил и т. д. Таким образом, гностическому Ялдабаофу, Богу иудеев, соответствует в диаграмме архистратиг Михаил, князь еврейского народа. Любопытно также и то обстоятельство, что, по учению офитов, Ялдабаофу соответствует планета Сатурн, ангелом которой в других еврейских памятниках является Михаил.

V

В данном случае связь гностического учения с еврейской ангелологией представляется довольно ясной. Но оставим гностиков и вернемся к еврейской апокалиптике. Рассмотрев представление о семи первозданных ангелах, перейдем к одному из наиболее характерных представлений — о семи небесах, в котором мы находим полное смешение ангелологии и космологии.

Всего подробнее эти семь небес описываются в книге Тайн Еноха, но о них говорится и в заветах 12 патриархов, и в IV кн. Баруха, и в восхождении Исайином, и в Талмуде, и во многих других памятниках патристической литературы. Трудно выследить происхождение этого странного учения, которое вытекает из общего источника еврейской космологии и астрологии — из халдейской премудрости. Это воззрение, проникшее и в некоторые памятники древнехристианской литературы, но в конце концов осужденное и оставленное, важно нам потому, что оно получает весьма значительное развитие в раннем гностицизме. Целое учение о спасении и искуплении связывалось в гностических кругах с представлением о

множестве небес (первоначально семь небес), через которые душа усопшего проходит, восходя к горнему миру, встречая на пути своем всевозможные препятствия со стороны различных духов, причем эти духи побеждаются различными заклинаниями, ведомыми гностику: тут-то важно было знать тайные имена ангелов-архонтов.

Описания различных сфер небесных, разумеется, несходны между собой в различных еврейских памятниках, не говоря уже о гностических учениях. Есть, однако, и значительные совпадения, свидетельствующие о существовании апокалиптического предания, правда не особенно строгого и определенного, но все же заметного при большом разнообразии фантастических представлений.

Трудно найти более яркий образчик полнейшего смешения религиозных представлений, чем этот фантастический мир звезд, духов, сказочных птиц, крылатых крокодилов и змиев. Мы находим Заратустру на седьмом небе персов, жернова небесной манны — на третьем и горний Иерусалим — на четвертом небе Талмуда; мы находим солнце с его фениксами на четвертом небе Еноха и строителей вавилонской башни — на первом и втором небе Баруха. На небесах — жилища светил, хранилища снега, града и молний; на небесах — хранилища душ, еще не родившихся, места упокоения праведных и места мучений — рай и ад; на небесах — престол Божий и жилища духов, не только добрых, но и злых, не только ангелов, но и многих стихийных духов. В заветах 12-ти патриархов Левий видит первое небо — темное и "дряхлое" от людских грехов, а второе содержит в себе "огонь, лед и снег, готово в день повеления Господня" и "все дуси, пущаеми на месть человеком". Эти грозные, огненные, "немилостивые" ангелы-истязатели встречаются во многих апокалипсисах; в "Тайнах Еноха" описываются ключари и стражи врат адовых, "стояще, яко аспиди великые, и лица их, яко свеще, потухлы, и очи их огненны, и зубы их обнаженны до перси их".

Рассмотрим подробнее описание Еноха в книге "тайн". На первом небе, над твердью, он, как и следует ожидать, видит горние воды, "море превеликое, паче моря земного",

после чего ангелы проводят перед ним "старейшины и владыкы звездных чинов"; там же встречает он и двести ангелов, управляющих звездами и сокровищницами снега, града, облаков и росы. На втором небе Енох видит "тьму паче тьмы земныя", где в оковах "висят отпадшие ангелы, соблюдаемые на день суда". На третьем небе помещается рай (2 Кор. 12, 2, 3) с древом жизни и древом милости и в северной части — ад для грешников, которых терзают "лютые и немилостивые ангелы". На четвертом небе находятся пути солнца и луны и дивные твари, их окружающие, среди полчищ ангельских, поющих неизреченные песни. На пятом — несметное воинство стражей, или "григореев", погруженных в грустное молчание: из их среды под предводительством Сатанаила отпали ангелы, которые мучаются на втором небе. На пятом небе Енох видит 7 чинов ангелов, управляющих небесными явлениями, звездами, луною, солнцем: "сии суть архангели, иже над ангели и всяко житие смиряют небесное и земное. И ангели, иже суть над времяни и лети, и ангели, иже над реками и морем, и ангели, иже над плоды земными и над всякою травою и всяку пищу дающе всякому животу. И ангели всех душ человеческих и пишут вся дела их и житие их пред лицом Господним. И посреди их семь финик (фениксов), семь херувим, семь шестикрылат, един глас суще и поюще единогласно". Затем следует седьмое небо, где в великом свете являются огненные полчища великих архангелов и бесплотных сил — господства, начала, власти, херувимы, серафимы, престолы и многоочитые; за ними на престоле сидит Бог и по десяти ступеням от престола размещаются десять чинов. Соответственно этим десяти чинам в тексте, изданном Поповым ("Труды Общ. ист. и древн.", 1880), к семи небесам прибавляются еще три неба: восьмое "иже наречется еврейским языком Музалоф (mazzaloth — 12 знаков зодиака) променитель временем сухоти и мокроти, двенадесяти зодиям, иже суть верху седьмого небеси; девятое, еже по еврейскому зовем кухавым (звезды, небо неподвижных звезд?), идеже суть домове небеснии зодиям и двенадесяти", и, наконец,

десятое небо — "Аравоф", где Енох видит лицо Божие и встречает архистратига Михаила.

Таким образом, в еврейской апокалиптике мы находим семь небес гностиков-валентиниан и офитов. В своей монографии о происхождении гностицизма Анц (который ищет источник его в Вавилоне) справедливо указывает на первостепенное значение гностических представлений о мытарствах, через которые проходит душа усопшего: гнозис сообщает формулы и заклинания, дающие душе свободный пропуск в сферу блаженства. Перед очами "гностиков" Епифания возвышаются друг над другом семь небес, и в восьмом их ждет желанное блаженство, но в каждом небе душу подстерегает чудовищный архонт и преграждает ей путь: на первом небе — Иао, на втором — Саклас, на третьем — Сиф, на четвертом — Давид, на пятом — Елоей или Адонаи и т. д. То же самое находим мы у вышеупомянутых офитов, у барбелонитов, архонтиков и у множества других сектантов, хотя число небес и возрастает иногда много выше семи, как у фибионитов и Василида. По учению валентиниан, демиург создает семь небес, они же суть семь ангелов, так что, напр., они считают рай четвертым архангелом и помещают его над третьим небом. Это воззрение можно сблизить с тем, которое мы находим у офитов Оригена: семи ангелам соответствуют семь планет и семь сфер небесных.

Существенное отличие гностицизма от еврейской апокалиптики в учении о семи небесах и семи архонтах состоит не в астрологической основе обоих воззрений; в этом отношении они вполне однородны. Разница состоит в представлении о Боге Израилевом: апокалиптика видит в Нем истинного Бога, а гностики — верховного ангела, князя еврейского народа — Ялдабаофа, Саваофа, Адонаи или даже Михаила. Ялдабаоф говорит про себя: "я отец и Бог и нет выше меня", но мать его обличает его. Раз Бог апокалиптики, Бог седьмого неба, перестает быть истинным, благим и Всевышним Богом, — над ним раскрывается новое небо или новые небеса и сам Он со всеми подвластными ему архангелами обращается в архонта, в демиурга, узурпирующего божество. Он признается лож-

ным богом, и сообразно тому все архангелы прочих низших сфер или небес меняют свой характер, становятся враждебными силами.

Таким образом, в учении еврейской апокалиптики о небесах мы находим материал гностического учения об эонах; гностицизм вырабатывает свое учение на еврейской почве.

VI

В основании астрологических верований, вынесенных из Вавилона, лежит представление об одухотворенности планет и звезд, которые отождествляются с высшими существами. Еврейская апокалиптика вся пропитана этими представлениями: есть ангелы звезд, солнца, луны, знаков зодиака или, точнее, есть одно воинство небесное, в котором ангелы смешиваются с небесными телами.

Посмотрим, как описывается шествие солнца в книге Еноха. Оно несется в быстрой как ветер колеснице; четыре звезды, имеющие под собою 1000 звезд, идут одесную ее, и четыре таких же звезды — ошуюю; 15 тем шестикрылых ангелов ведут солнце днем и 1000 ангелов — ночью; сто ангелов дают ему огонь. Вместе с солнцем летят два духа в виде двух птиц — финика и халкедрия: образ их львиный, а ноги, хвост и голова крокодила (!?), "видение же их обагрено, яко дуга облачна" (радуга), величина их — 900 мер, и у каждого по 12 крыльев ангельских. Они следуют за солнцем и несут росу и зной — что повелит им Господь. Солнце выходит ежедневно в определенные ворота, смотря по календарю, и возвращается в другие ворота, на западе. Когда оно доходит до них, 400 ангелов снимают с него венец и несут его к Богу, а солнце без венца возвращается на восток, где ангелы утром вновь венчают его. И тогда финик и халкедрий начинают петь, и того ради все птицы трепещут крыльями и поют, радуясь светодавцу.

Еще более фантастическое, но весьма сходное описание находим мы в четвертом апокалипсисе Баруха (Texts and Studies, V,1,88 ed. James). Здесь в колесницу солнца впря-

жены "пернатые" ангелы в виде коней, а в колесницу луны — ангелы в виде быков и баранов. Само солнце является в виде мужа в огненном венце, а луна — в виде женшины: она лишена прежней славы за то, что при общем смятении сил небесных посмеялась наготе павших прародителей. По утрам ангелы с громом великим отворяют ворота солнца и отделяют тьму от света, а по вечерам 400 ангелов относят к престолу Божию венец солнца и очишают его, ибо лучи его оскверняются, падая на беззакония людские. Феникс, летящий перед солнцем, есть "хранитель всему миру": своими исполинскими крыльями он защищает его от палящего зноя солнечного, которого иначе не могла бы вынести никакая тварь; он питается манною небесною и росою, а пение его пробуждает все живые существа: заслышав его голос, петухи поют, возвещая восход солнца, и вся тварь славит Творца.

Откуда взялась эта солнечная жар-птица, напоминающая индийскую Гаруду? Предания о ней встречаются нередко и в древнейшей патристике, и в византийской литературе. Птица Феникс вместе с птицей Сирином и зверем Индриком была популярна и в Древней Руси. Солнце жжет крылья Феникса; грустный и печальный кончает он свой день, но, омывшись в океане, вновь обновляет опаленные перья. Климент Римский (1 Кор, 25), Тертуллиан (De ressur. 13), Амвросий (Шестоднев 5, 23), Епифаний (Анкорат, 84) и многие другие христианские писатели не сомневаются в существовании этой птицы, которая нередко изображается символом возрождения и воскресения.

Звезды столь же живы, как луна и солнце, и подчиняются сложной небесной иерархии. "Старейшины и владыки звездных чинов" встречаются уже на первом небе, а на шестом — семь славных чинов, сияющие паче солнца, "строят и изучают звездное хождение и солнечное обращение и лунное пременение". Эфиопская книга Еноха приводит и самые имена ангелов, заведующих небесными явлениями, а у Филона самые светила небесные признаются "архонтами", начальствующими (I De monarchia, 1). Старинные предания о блуждающих звездах и падших звездах продолжают развиваться. В бездне за пределами

неба и земли Енох видит страшную темницу воинства небесного; там, связанные на 10 000 лет, мучатся в огне звезды, ослушавшиеся велений Господа и не явившиеся в назначенные сроки.

Но не одни небесные тела имеют своих ангелов. Ангелы планет суть архангелы, которым подчинены служебные духи, а вместе с ними и всякая жизнь на земле и на небе, души людские, животные и растения. Четыре стихии, ветры, снег, град, гром и молния, реки, моря, металлы имеют своих духов. Воды над небом имеют мужской пол, а воды под землею — женский (Ен. 54, 8). Дух моря есть могучий дух мужеского пола, который мощно стягивает море вожжами или толкает его вперед, гонит его сквозь горы земли. Дух инея есть его ангел, и дух града есть благой ангел; есть дух снега и дух тумана, имеющий свое особое жилище; жилище духа росы примыкает к жилищу дождя, но дух дождя подчинен другим ангелам — функции его слишком важны, чтобы он мог действовать бесконтрольно. Величайшие ангелы имеют свои специальные функции, напр. Михаил, "князь Израиля", есть князь воды, зимы, серебра, а Гавриил — князь огня, лета, золота. В Vocabulaire de l'angelologie Шваб дает каталог имен и функций, напоминающий списки индигитамент римских понтификов: здесь есть ангелы, которые призываются в болезнях, в дороге, во все различные времена и во всевозможных случаях жизни, даже в таких, о которых упоминать неудобно.

Не забудем, что за ними стоит еще целый сонм духов и демонов, души исполинов — сынов ангелов от дочерей человеческих, падшие духи, черти массиким', косматые шедим' и волосатая Лилит — страшилища вавилонского происхождения; есть, далее, лешие, драконы, сирены; есть демоны, живущие в пустыне, и бесы, гнездящиеся в языческих капищах, в банях, в отхожих местах. Все болезни объяснялись действием демонов, — в особенности, как известно, эпилепсия и душевные болезни, в которых видели прямое беснование.

Отдельные из этих суеверий сами по себе не имеют большого значения, но получают свое место в общем строе народного миросозерцания еврейства. Важно общее положение: Бог, с точки зрения подобной пневматологии, не принимает непосредственного участия в управлении вселенной; оно поручено архангелам, архонтам планет и небесных сфер, ангелам стихий и подчиненным им духам: они являются подлинными "космократорами" — миродержателями; ими посредствуется вся деятельность Божества по отношению к миру. По справедливому замечанию Гфререра (Jahrhundert des Heils, 1, 376), такая вера была не без опасностей своего рода: "легко можно было впасть в заблуждение, что вместо Бога следует поклоняться ангелам", так как они доступнее, ближе к человеку, а след., и могут более помогать ему, чем Всевышний. Так возникло служение ангелам, от которого предостерегает апостол (Кор. 2, 18), или служение "немощным стихиям", которые, как мы только что видели, являлись в образе духов и ангелов.

Весьма возможно, что поклонение солнцу, приписываемое ессеям и сампсеям, было связано с их ангелологией. В древнехристианской проповеди служение ангелам вместе со служением солнцу и луне нередко обличается как иудейское заблуждение, если не как иудейское верование: сам Ориген, который отвергает последнее, говорит, что подобный культ есть не иудейское верование, а отступление от иудаизма. И в Талмуде не раз встречается указание на борьбу с культом ангелов, причем жертвоприношения "великому князю" Михаилу признаются таким же идолопоклонством, как жертвоприношения солнцу, луне, звездам, источникам и высотам.

Ортодоксальное еврейство твердо держалось веры в Бога как единого Творца, создавшего все Своим словом и Своей мудростью. Книга Тайн Еноха дает верное выражение этой мысли: "Сотворих от вышняго основания и до нижняго и нет советника ни наследника Моим тварем. Аз есмь вечен и нерукотворен, без пременения мысль

Моя. Советник Мой есть Мудрость Моя и Слово Мое дело есть". В умозрениях о сотворении мира заходит, однако, речь о различных силах Божества, о той же Премудрости (как мы видели у Псевдо-Соломона), о Слове (Филон), Духе, о Творческой и Правящей силе Божества (Филон), причем, по-видимому, еще до Филона учение об этих силах связывалось с учением об именах Божиих и вместе с учением об ангелах: у Филона самый Логос нередко изображается архангелом, а царственная и творческая сила — в виде ангелов. Умозрение о силах и славе Божества, как отличной от него энергии, связывалось с учением о "меркабе" — колеснице Иезекииля. Уже Иоханан бен-Саккай, ученик Гиллела Старшего и современник апостолов, ссылается на древние предания о меркабе; но умозрения эти считались опасными: из четырех великих раввинов, проникших в этот запретный сад, только один уцелел, а три других погибли — один умер, другой омрачился духом, третий — Ахер — впал в ересь. Поэтому Иезекииля не позволялось читать до тридцати лет, а мидраш о меркабе дозволялось излагать лишь в присутствии одного слушателя, и то лишь способного к пониманию. Но не все были так осторожны, в Александрии в особенности, где "вкушали слишком много меда" и упивались мистическим ведением.

Во всяком случае, если ортодоксальное иудейство твердо держалось учения о единстве Творца, то, как мы только что видели, в учении о Промысле и промыслительной деятельности ангелы-наместники нередко становятся на первое место. Между тем творческая и промыслительная деятельность столь тесно связаны между собою, что, раз ангелы являются посредниками Промысла, ничто не мешает видеть в высших силах духовного мира и посредников Творца, как это делает, напр., Филон в учении о сотворении человека: ангелы лица и ангелы служения могли быть носителями различных "имен" Божиих, или, что то же, — различных сил и аспектов Божества в самом творении. В книге Еноха архистратигу Михаилу вверена клятва, или заклятие, которым утверждены небо, земля и бездна: он,

следовательно, является носителем вседержительной силы Божией.

Во всяком случае мы имеем прямые памятники космогонического умозрения среди иудейства. В книге Тайн Еноха, вполне корректной по своему богословскому монотеизму и своей религиозной этике, мы находим космологию и космогонию, во многом приближающиеся к гностическим. Семь небес для семи планет, которые имеют обращаться в течение семи тысяч лет — срок, положенный миру, — были созданы в первый день творения, если не до него. Лицом к лицу Бог сообщает Еноху тайну об основаниях творения, какую Он не поведал и самим ангелам. Прежде чем было создано что-либо видимое, говорит Господь, "аз един прохождах в невидимых якоже солнце (ездит) от востока на запад и от запада на восток"; но солнце имеет покой, а Бог не обретал покоя, созидая все. Замыслив "поставити основание" видимой твари, Он повелел "в испренних да снидет (вар. "во преисподних да взыдет") едино от невидимых видимо. И сьниде (изыде) Адаел превелик зело и смотрих его и се в чреве те ими света великого. И рекох к нему разрешися Адоиле и буде видимо раждаемо из тебе. И разрешися изыде свет превелик и аз же среде света... И паки восклонися възрех от престола моего и възвах вторицеи в преисподних и рех да взыдет от невидимых тверди видимо. Изыде Архас (вар. Арухаз) тверд и тяжк и чрьмен (вар. черн) зело; и рех разверзися Архасе и буди видимо рождаемо из тебе. И разрешися. Изыде век тьмень (темно) превелик зело, нося тварь дольных всех и видех яко добро и рех к нему сниде ты долу и утвердися. И бысть основание нижним, и несть под тьмою иного ничего же" (XI, 6 — 20). Таким образом, мы имеем здесь два таинственных начала — Адаель и Архас, из которых выходят два зона — эон света и эон тьмы. Конечно, Архас и Адаель не суть архонты-эоны небесных сфер. Тем не менее мы, несомненно, находим здесь представление о двух эонах и двух мирах — мире света, превыше которого нет ничего, и мире тьмы, под которой также ничего не имеется. При этом оба мира рождаются из двух "невидимых" начал. Эта космогония

значительно приближается к идеям офитов и сифиан (или сефоитов), которые также признавали начала света и тьмы наряду с божественным духом, посредствующим между ними.

Далее книга Тайн Еноха повествует о том, как созданы были воды, небеса и бездна, т. е. те элементы, которые, по библейскому сказанию, предшествуют первому дню творения.

"(20) И повелех да возмется от света и от тьмы (21) и рех буди толсто и обито светом и то простреx и бысть вода. (22) И простреx врьху тьмы, ниже света и тако воды утвердих, сиречь бездну. (28) И основах светом округу воды и сотворих 7 круг внутрюду. И вообразих яко хрусталь, мокро и сухо сиречь стъкло и лед обхождение водам и иным стихиам. (24) И указах комуждо свой путь 7 звездам каждо их на свои небеси тако да грядут. (35) И видех яко добро и разлучих между светом и тьмою сиречь посре воды сюду и сюду. И рекох светови буди ты день и повелех тьме да будет нощь. (26) И бысть вечер и паки бысть утро, то есть "Аз" день. (27) Тако утвердих небесны круги. (27) И рекох да се соберет вода долняя иже есть под небесе в собрание едино и да иэсохнут волни ея и бысть тако. (28) И о камени согрузих сухо и нарекох сушу земля".

Чарльс отказывается понять первую половину этого текста, и нельзя сказать, чтобы он был ясен; но во всяком случае в ст. 21 говорится не о разделении света от тьмы, как думают Чарльс и Морфиль, а о создании воды из уплотненной смеси тьмы и света. "Тьма" и "свет" понимались в древности как тела особого рода (напр., в космогонии Парменида); тьма есть густая мгла, обладающая тяжестью ("толсто"). Недаром отец тьмы, Архас, "тверд и тяжек и чермен (черен?) зело". Тьма сгущается внизу и потому может служить "основанием дольным", т. е. основанием бездны водной. Вода, тело жидкое, создается из уплотненной смеси света и тьмы, — легкого и густого, тяжелого тела; вода, уплотненная светом, дает хрусталь, лед и град; вода, уплотненная тьмою, дает камни, из которых образуется суша. В эфиопской книге Еноха мы

узнаем, что самые металлы, как цинк или олово, образуются из источников особого рода, в которых действуют особые духи (Ен. 65, 8).

Вот, как мы полагаем, наиболее подходящее объяснение: вода есть смесь тьмы и света и вместе с тем то, что отделяет чистую тьму от чистого света; и она же есть та стихия, из которой образуются прочие тела. В ней есть и огонь, который присутствует и в тверди, и в камнях. Господь высекает его из камней, как из огнива, а из этого огня создает десять тем ангелов.

Таким образом, мы имеем космогонию, весьма близкую к гностическим, в памятнике, который стоит всецело на почве еврейского монотеизма и религиозной морали, отличающей собою последнюю эпоху дохристианского иудейства. Никаких признаков антиномизма или оппозиции против закона мы в нем не замечаем; напротив, помимо нравственных предписаний, он содержит и предписания обрядовые, показывающие в авторе верного сына Израиля.

VIII

Если творение мира возводится непосредственно к Богу, как абсолютной первой причине, то промысл, как мы видели, посредствуется ангелами. Ими же посредствуется законодательство — положение, которое было, по-видимому, общепризнанным среди раввинов эпохи Христа, в особенности среди фарисеев. "Закон преподан через ангелов рукою посредника" (Гал. 3, 19); Моисей говорил с ангелом на Синае, евреи приняли закон "устроением ангельским", и он есть "слово, возвещенное через ангелов".

В книге Юбилеев "ангел лица" получает повеление от Бога — записать для Моисея все события с первого дня творения до построения Иерусалимского храма и диктует Моисею "повествование о творении"; он же дает ему предписания о праздниках, жертвах и субботах. В Талмуде и мидрашим'ах сохранилось даже имя этого ангела: его зовут Иефифиа.

Известно, что многие исследователи искали в учении апостола Павла о законе корень того антиномизма, который мы находим у гностиков. В этом смысле толкуется и представление апостола о происхождении закона: "...закон Моисея, — говорит Ричль, — имеющий прямою целью вызвать прегрешения (нарушение заповедей), есть установление ангелов и не есть непосредственное установление Бога". Но, по мысли Павла и, ранее его, Стефана, закон дан не ангелам, а через ангелов и служит "детоводителем" ко Христу для человечества, вверенного попечению "домоправителей" Божиих в период младенческой незрелости. Стефан и Павел ссылались на общераспространенное в их время мнение о посредничестве ангелов и нисколько не отрицали божественности закона и провиденциального его значения вплоть до пришествия Христа.

Правда, в их эпоху мы находим и следы другого мнения. Мы видели, что уже Филон различает между творческою благостью Сущего, которую он называет "Богом", и законодательною справедливостью Его, которую он называет "Господом"; и мы знаем, что это различение между "именами" Божьими, Ягве и Елогим, было унаследовано Филоном от его предшественников. Тем не менее Филон еще не выводил отсюда никакого отрицания или упразднения закона, и даже Керинф, который развил еще далее это положение, признавши, что Господь закона не был "благим" Богом, — учил соблюдать закон и не был антиномистом.

Для отпадения от закона, для упразднения закона требовалось признание законодателя падшим богом или падшим ангелом; требовалось учение о том, что не только над миром, но и над самим Израилем господствует низшее начало, архонт, не ведающий истинного Бога, отличный от Него или даже враждебный Ему. Находим ли мы в ортодоксальном еврействе следы подобных воззрений?

IX

Помимо прямого положительного воздействия тех народов, с которыми Израиль приходил в соприкосновение, большое значение имело для него и воздействие отрицательное, обусловившееся самим господством язычников. Все яснее становилось, что власть над миром находится в их руках и в руках их князей — их богов, или ангелов; настоящий век есть век язычников; настоящее время — их время. Тем настоятельнее является потребность в теодицее, в оправдании Бога в истории — как теоретическом, так и практическом: требуется суд над народами и их князьями, их пастырями; требуется упразднение начальств и миродержателей века, тех стихий, которые господствуют над миром. С другой стороны, зреет и нравственное размышление и являются сомнения. Отчего так долго торжествует зло? Откуда оно и откуда его сила? Отчего медлит Господь Своим судом и Своим пришествием? Этими вопросами проникнута апокалиптическая литература. Почему страдает праведник, почему томится народ Божий, а язычники торжествуют? Почему созданы люди, если все они грешны, если столь многие обречены на погибель?... Апокалипсисы Еноха, Ездры, Баруха и другие стремятся объяснить эту тайну, разрешить роковую загадку.

Апокалипсисы Ездры (IV кн.) и Баруха указывают на святость и правду Божию и на неисповедимость путей Промысла. Они утешают народ перспективой близкого суда и грядущей славы, а отдельных праведников — перспективой грядущего возмездия и загробной жизни. Все совершается в назначенные времена и сроки, предначертанные на скрижалях небесных: нужно, чтобы исполнилось число святых (4 Ездры 4, 36).

Но это не ответ на роковой вопрос о происхождении зла, о неправде, господствующей в мире. И с точки зрения того миросозерцания, которое видит в ангелах и силах небесных архонтов или правителей века сего, само собою напрашивается представление о грехопадении этих архонтов, которые "неправедно судят" вверенные им народы

(Пс. 57), неправедно пасут их и постольку подлежат посещению или суду Божию.

Это воззрение находит себе наиболее яркое выражение в эфиопской книге Еноха, где мы находим свод различных представлений о грехопадении ангелов. Первое и наиболее обычное представление связывается с гл. VI (1—4) Бытия, где повествуется о том, как "сыны Божии" входили к дочерям человеческим. Небесные стражи под предводительством своего архангела, которого Енох называет то Семиазом, то Азазелем, оставили Бога и во дни Иареда сошли на вершину горы Ермона и начали блудодействовать с женщинами до самого потопа и породили поколения гигантов, причем они научили своих чад и своих жен всякого рода волхвованиям, астрологии, аероскопии, медицине, а также и косметике и выделке панцирей и боевых снарядов. Таким образом, причиной грехопадения ангелов изображается чувственность, влечение к плотскому наслаждению, которое, по-видимому, и впоследствии продолжает служить искушением для ангелов и других духов, неравнодушных к женским прелестям. Филон развивает эту мысль в платоническом смысле в своем толковании на Б., 6, 1 — 4 (De gigantibus); но тем не менее источник ее лежит в подлинно еврейском предании. С незначительными вариантами повторяется это же сказание о грехопадении в книге Юбилеев и в книге Тайн Еноха. В кн. Юбилеев одним из главных возмутившихся духов является Мастема: по повелению Божию ангелы связывают девять десятых падших духов (в книге Еноха — всех без исключения), а одна десятая оставляется на службе у сатаны. В "Тайнах" главою отпадших называется Сатанаил, князь ангелов пятого неба, который вместе со многими из них возмутился против Бога еще до происшедшего на горе Ермоне: он хотел поставить престол свой над облаками, сравняться с Всевышним и через Адама возобладать и воцариться над миром (XI, 72); но он был свергнут с неба, и воздух, в котором он летит, стал его пребыванием, а приспешники его были заключены в месте мучений на втором небе. Впрочем, некоторые из них сошли на гору Ермон блудить с дочерями человеческими. Здесь явное

смешение двух преданий: в IV, 2 говорится, что возмутившиеся стражи казнятся на втором небе, а в VII,2 (эф. Ен. X) они помещаются в преисподней.

В человеческий мир грех проник завистью диавола (Тайны Еноха XI); диавол отождествляется со змеем, обольстившим прародителей, — мы знаем, что некоторые сектанты представляли себе серафимов в виде крылатых змеев, — представление, которое мы находим и в позднейшей еврейской литературе. Самый соблазн понимался различно: согласно некоторым преданиям, сатана вступил в связь с Евой, причем аналогичное воззрение мы находим у офитов и архонтиков. Чувственность, соблазнившая ангелов, плотский грех и здесь являются началом греха.

Другое начало — в гордости и ослушании. Сказание о возмущении Сатанаила, желавшего превознести свой престол на гору небес, напоминает древнее сказание об утренней звезде — Деннице, сыне Зари (Ис. 14, 12 сл.). Вместе с этим мы переходим к другому представлению о грехопадении — о падших и блуждающих звездах, которые ослушались божественных велений, нарушили космический порядок, не взошедши в положенные сроки, и за это были свергнуты на 10 тыс. лет в страшное место мучений за пределами неба и земли вместе с падшими ангелами (Ен. 13 и 21). В Филоновом трактате о монархии светила небесные прямо называются архонтами, начальствующими, и Филон полемизирует лишь с теми, которые видят в них самовластных богов и причины всего сущего. По Моисею, говорит он, весь мир сотворен; но, как величайший град Божий, он заключает в себе начальствующих и подчиненных: начальствующие, архонты, суть планеты небесные и неподвижные звезды, а подчиненные, подвластные существа, суть те, которые населяют подлунную область — воздух и землю. Названные же архонты не самовластны, а суть лишь наместники единого Отца.

Это воззрение объясняется легко и помимо каких-либо эллинистических влияний и вполне согласуется с общими представлениями эпохи. Если у Филона начальствующим подчинены служебные духи, управляющие явлениями природы, то же самое находим мы и в наших апокрифах,

напр., в Тайнах Еноха. Астрология была заимствована евреями не у греков, а у халдеев, и мы знаем, что она была сильно распространена между гностиками вообще и в частности между гностиками иудействующими (напр., среди лкезаитов). С другой стороны, общепринятым воззрением было и то, согласно которому все народы распределяются между особыми "начальствующими" или ангелами, управляющими их судьбою. И если нарушение порядка в природе, или беззаконие, совершающееся в небесах, есть грехопадение сил небесных, то исторические катастрофы также возможно сводить к борьбе, к беззаконию начальствующих, к их неправедному суду или неправедному управлению (Пс. 57). Господство неправды в истории, в особенности же угнетение народа Божия, объясняется дурным управлением ангелов-архонтов, пастырей, поставленных над народами. Таковы 70 пастырей в книге Еноха (эф.), гл. 89 — 90, или 70 ангелов, поставленных над 70 народами, согласно другим еврейским преданиям. В кн. Еноха Господь овец Израилевых предает их 70 пастырям и поручает им пасти их, назначив, сколько овец они должны сохранить и каких предать на гибель и растерзание диким зверям, олицетворяющим языческие народы. Но Господь предвидит, что ангелы не исполнят возложенного на них поручения, расхитят и погубят несравненно большее количество овец. Поэтому Он и поручает другому ангелу (80, 61) втайне наблюдать за всеми их действиями и доносить Ему; в день суда они получат свое возмездие и вместе с другими падшими ангелами и звездами будут ввергнуты в бездну огня (90, 24—5)*.

---

* 70 пастырей кн. Еноха долгое время служили предметом оживленного спора. После того, как Эвальд показал, что в них отнюдь нельзя искать царей Израиля, многие были склонны видеть в них языческих притеснителей Израиля. Но и это объяснение оказалось несостоятельным, и в настоящее время представляется несомненно доказанным, что эти пастыри суть ангелы... Каждый ангел имеет свой период господства над Израилем (идея, аналогичная учению об эонах); 70-ти периодам Даниила соответствуют 70 ангелов. Возможно, именно им было поручено управление народами земли...

Далее ортодоксальное иудейство идти не могло: все зло, вся неправда в мире объясняются грехопадением ангелов и архангелов, их злоупотреблениями, их дурным управлением: то же самое признавалось и гностиками, начиная с Симона волхва. Разница заключалась в степени, в ранге небесных тел. Иудеи ограничиваются стражами, архангелами и ангелами, а гностики делают дальнейший шаг вперед в направлении к дуализму. Причина сотворения мира лежит в "Благости" Божией, говорит Филон; в чем же тогда причина зла? Если оно господствует в веке сем, во всей вселенной, то не пал ли сам князь мира, настоящий эон, архонт мира? Если зло господствует в Израиле, то есть ли Бог его истинный Бог? Быть может, зло в мироздании объясняется отпадением самой демиургической силы Божества, Его творческой Премудрости, Советницы творения, которая уже ранее была гипостазирована в особое существо? Не пала ли эта "мать всех живущих"? Барбелониты и "гностики" Иринея отождествляли эту Премудрость со Св. Духом, в котором они видели женственное начало — пра-Еву. Это и есть блудная Мудрость, София Пруникос гностиков, мать архонтов. Или, может быть, сам демиург, создатель мира, есть лишь ангел, подчиненная сила Божества, также отпадшая от Него и лишенная высшей мудрости? Мы видели уже, что в ортодоксальном иудействе устанавливалось различие между Божеством и его силами, причем в особенности различались сила творческая и сила законодательная, благая и карающая силы. Это различие, установленное Филоном и резко выраженное у Керинфа, встречается в смягченном виде и в Талмуде; Талмуд и Филон, по-видимому, вдохновлялись однородным раввинническим преданием. Но, разумеется, ортодоксальное иудейство оставалось чуждым учению об отпадении Софии или демиурга: это было учение гностическое, хотя и такое, которое могло возникнуть лишь на почве иудаизма, ибо, помимо иудеев, кто же мог знать о Премудрости, об архонтах, архангелах семи небес и о Боге закона? Чем обусловливался антиномизм гностиков и их дуализм, об этом мы скажем ниже.

X

Мы рассмотрели, таким образом, ангелологию позднейшего еврейства и, как мы полагаем, выяснили те элементы гностицизма, которые в ней заключаются. Опасаясь натяжек и шатких предположений, мы отметили лишь те аналогии, которые казались нам несомненными. Нам остается рассмотреть еще некоторые пункты, имеющие непосредственное отношение к антропологии и сотериологии, или учению о спасении у гностиков. Здесь послехристианский гностицизм, разумеется, усвоил целый ряд представлений от Церкви, хотя самое христианство было понято гностицизмом по-своему. Раствор, в котором кристаллизовался позднейший гностицизм, был готов и насыщен до критической точки, и христианство с его новыми "дарами Духа" послужило толчком к его кристаллизации. В дуалистической системе гностиков нужен был Спаситель, "Сотер", освобождающий человека от планет, от эонов и архонтов, от демиурга и от еврейского бога, Спаситель, приносящий с небес таинственный гнозис и возводящий человека к блаженству божественного мира — "Плеромы". Христос, Сын Божий, сошедший с небес, привлекший к Себе такое множество верующих среди обрезанных и необрезанных, Христос, Искупитель мира, в Котором упразднялся закон и открывался новый путь к Отцу, — и был понят гностиками в качестве желанного "Спасителя". Отдельные волхвы, как Симон, выдававший себя за "Силу, именуемую Великою", естественно, и здесь не могли соперничать с Ним. Он занял место в гностических системах, но эти системы обратили Его в такое же мифическое, фантастическое существо, какими были их архонты и эоны. Это было несомненным переворотом в гностицизме, или, если угодно, рождением гностицизма в нашем, позднейшем смысле, он перестал жить утробною жизнью в еврейской среде и получил всемирно-историческое значение в качестве особой универсальной формы религии искупления. Гностицизм стал магической формой христианства, магической концепцией спасения. Эта форма, эта концепция могла рассчитывать на величайший успех в разлагавшемся языческом

мире с его религиозным синкретизмом и его мистериями. Гностицизм обогатился множеством новых образов, эонов, ипостасей, имен, суеверий, обрядов, мистических откровений и умозрений. Утробная связь, некогда соединявшая его с еврейством, была порвана; но историк первоначального христианства должен со всею тщательностью изучать и самый генезис гностических представлений о Христе и спасении — и самую эмбриологию гностицизма.

Характерною особенностью гностической христологии является признание Христа небесным эоном; при этом человек Иисус либо отличался от этого эона, сошедшего на него при крещении, либо признавался особым небесным существом, лишь кажущимся образом родившимся от Марии, либо, наконец, чисто призрачным явлением. Таким образом, мы имеем либо представление об особенном небесном эоне, небесном существе, входящем в человека, либо же простой докетизм, т. е. представление о небесном существе, являющемся под видом человека. Не забудем, что позднейшие гностические секты возникали и развивались при явном влиянии Церкви и церковного предания, из которого они черпали. Тут были неизбежные компромиссы, попытки переработки и перетолкования священных памятников, хранимых Церковью. Между богословием позднейших сект и богословием христианских писателей, причислявшихся к Церкви, существовали параллелизм и постоянное взаимодействие. В конце концов гностицизм должен был прийти либо к чистому дуализму манихейства, либо же настолько приблизиться к православному вероучению, чтобы по возможности попытаться проникнуть в богословие самой Церкви — как мы видим это в ересях эпохи вселенских соборов, в которых стираются первоначальные общие черты космологии гностицизма и остаются лишь разновидности гностической христологии. Восходя к ее источникам, мы не можем остановиться на полпути, на сектах третьего или второго века с их разработанным богословием и экзегезой, мы должны дойти до первоначальных представлений; а эти последние, при ближайшем рассмотрении, коренятся в еврейской апокалиптике. Такова уже рассмотренная нами адоптианская христология или в

особенности представление о небесном эоне, являющемся в образе Иисуса или входящем в Иисуса.

Докетические представления о Христе, которые столь ярко обрисовываются, напр., в недавно изданных Деяниях апостола Иоанна, всецело объясняются нам еврейской пневматологией. Совершенно аналогичным образом являются ангелы на земле — как существа чувственно-сверхчувственные, с призрачными телами, которые могут видоизменяться по произволу. Хотя ангелы, как мы уже видели, способны предаваться чувственным наслаждениям или испытывать физические мучения в пламени адском, некоторые стороны чувственной жизни им недоступны; будучи бесплотны, они не могут есть и не едят даже тогда, когда это кажется людям*, — как это учили докеты и относительно Христа, который, по мнению Климента Александрийского, не нуждался в пище, но ел исключительно в опровержение докетизма. В завете Авраама (гл. 4) рассказывается о затруднительном положении архистратига Михаила ввиду предложенной ему пищи: он выходит под благовидным предлогом и возносится во мгновение ока просить совета у Бога, который посылает ему на помощь "всепожирающий дух", долженствующий уничтожить пищу. Точно так же смерти и тлению тела ангелов, очевидно, недоступны.

Может ли ангел воплощаться в человеческом теле, входить в него, рождаться в нем? Ориген в своем толковании на Евангелие от Иоанна приводит пространную выдержку из еврейского апокрифа под названием "Молитва Иосифа", согласно которому души праотцев превосходят прочие человеческие души, будучи ангелами, сошедшими в человеческое естество. Иаков говорит, что он ангел Божий и "начальный дух" и что Авраам и Исаак были сотворены ранее всех тварей. Люди именуют его Иаковом, а Бог называет его Израилем, мужем, видящем Бога, ибо он есть первородный из всех живых созданий. Он повествует, далее, о своей борьбе и состязании с Уриилом.

* Ср. Товит XII, 19: "...все дни я был видим вам и не пил и не ел, но вам виделось так".

"Когда я шел из Месопотамии сирийской, — говорит он, — вышел Уриил, ангел Божий, и сказал, что я сошел на землю и поселился среди людей, и что я зовусь именем Иаков; он возревновал и стал со мною биться и боролся со мною, говоря, что имя его превосходит мое имя и имя всякого ангела. А я сказал ему имя его и сказал ему, какое место занимает он в числе сынов Божиих: не ты ли, Уриил, восьмой по мне, а я Израиль, архангел силы Господней и тысяченачальник в силах Божиих? Не я ли Израиль, первый служитель перед лицом Божиим?..". Любопытно, что из этого писания, к которому Ориген рекомендует относиться с должным почтением, он объясняет, почему Иаков был избран Богом еще до своего рождения. И вместе с тем он находит в нем объяснение пророчества о Иоанне Предтече ("вот Я пошлю ангела Моего пред лицом Моим..." Мал. 3, 1); Иоанн, по мнению Оригена, мог действительно быть ангелом.

Представление о том, что праотцы и Израиль были созданы до начала мира, встречается неоднократно в талмудической литературе: самый мир был создан ради праотцев и ради Израиля. Отдельные праотцы представляются особенными небесными существами. Они помещаются в раю и принимают праведных на свое лоно; подобно ангелам, им приписываются разнообразные специальные функции, а следовательно, они могут иметь и специальное значение для верующих, призывающих их имена. Вопрос о том, спасается ли человек их представительством, оправдывается ли он их заслугами, как известно, служил предметом оживленных споров: одни отрицали возможность такого оправдания (Тайны Ен. 13, 105; IV кн. Ездры, 7, 102—115); другие, наоборот, признавали его (Филон, 2 Макк. 15, 14, Сивилл. II 330—333) и даже полагали, что самое почитание и поминание имени праотцев может быть спасительным и обеспечивать человеку царство небесное.

Мы не можем перечислять здесь все различные предания о праотцах, указывающие на особое положение их в небесной иерархии, и мы ограничимся лишь древнейшими примерами. В Завете Авраама Авель является в роли Сына Человеческого, судии мертвых. "Я не сужу вас, говорит

Господь, но всякий человек человеком судим будет" (Texts and Studies, 1,2,42). По другой рецензии прокурором на этом суде служит Енох, "учитель неба и земли и книжник праведности", записывающий все грехи людские и свидетельствующий о делах их. Обе наши книги Еноха вполне согласуются с таким представлением. Енох — обличитель ангелов, великий писарь Божий; его место уготовано на вышнем небе, и в палестинских таргумах он отождествляется с самим Метатроном, верховным ангелом лица Божия.

Другие праотцы тоже приближаются к ангелам, как сверхъестественные, небесные существа. Таков Ной, в "ноахических" фрагментах книги Еноха и Мельхиседек в "мельхиседекианской" части "Тайн Еноха". Считаем нужным оговориться, что в этих "ноахических" и "мельхиседекианских" текстах мы решительно отказываемся видеть следы каких-либо позднейших гностических влияний. И здесь и там мы имеем дело с чисто еврейской традиционной легендой (хаггада). Отец Ноя Ламех испуган его рождением, ибо дитя подобно ангелу или сыну ангелов: очи его подобны лучам солнечным, его тело белее снега и алее розы, волосы белы, как шерсть, и тотчас по своем рождении он начинает славить Творца. Еще чудеснее рождение Мельхиседека. По вознесении Еноха первосвященство принял Мефусалам, который, умирая, облек в ризы святительства внука своего Нира и поставил его у главы алтаря. 202 года его царственного священства были периодом мира и порядка, но затем начались смуты, нечестие и идолопоклонство. И вот жена Нирова, Софанима, с которой Нир не имел сожительства за все время священства, зачала. Нир хотел прогнать ее, но она пала мертвою к его ногам; он пошел за братом Ноем, чтобы втайне похоронить ее, но вернувшись, они увидали младенца, вышедшего из нее и сидящего одесную ее; на вид ему можно было дать три года, он был одет и славил Бога, а на груди его была печать святительства. Ной и Нир поняли, что Бог обновляет священство; они омыли отрока, облекли его в священнические ризы, дали ему хлеб священнический и нарекли ему имя Мельхиседек. Затем, когда беззаконие умножилось,

Бог явился Ниру во сне и открыл ему, что пошлет на землю великое погубление, а Мельхиседек будет перенесен Михаилом-архангелом в рай, где пребывал Адам 7 лет до своего грехопадения. Отрок спасется от общей гибели, говорит Господь, "яка Аз показал да будет жрец жрецем священним вовеки Мельхиседек и поставлю его, да будет глава иереам прежде бывшим". Проснувшись, Нир благодарит Господа, образовавшего "иереа велика" в ложеснах Софанимы, и размышляет о том, как через Мельхиседека сохранится преемство первосвященства — от Сифа и допотопных праотцев "в род ин" после потопа. Через 40 дней Мельхиседек переносится в рай, а по смерти Нира прекращается жречество и наступает потоп.

Таким образом, мы имеем здесь легенду о допотопном первосвященстве, заключающую в себе явную идеализацию этого учреждения в духе еврейской хаггады. Уже Мефусалам преображается, всходя на жертвенник, лицо его сияет как полдневное солнце, алтарь сотрясается и нож сам собою вскакивает в его руки. Самое наступление потопа следует за смертью последнего первосвященника. Но в раю пребывает живой царственный "первосвященник вовек". В "Послании к евреям" Мельхиседек определяется как не имеющий ни отца, ни матери, ни начала дней, ни конца жизни, — что имеет явное отношение к вышеизложенному преданию: Мельхиседек не имеет родословия, не имеет отца, хотя он и родится видимым образом от матери, рождение его сверхъестественно; оно есть результат бессеменного зачатия. Бог непосредственно образовал его в "ложеснах" Софанимы, и Мельхиседек родился на свет в виде трехлетнего младенца. Начало дней его неизвестно, и в раю он пребывает вовек. Видеть в этом представлении измышление какой-либо христианской гностической секты нет оснований. Напротив, оно указывает на чисто иудейские интересы, из которых оно возникло. А между тем таинственный первосвященник является здесь сверхъестественным существом небесного происхождения.

Мы могли бы привести и других праотцев и пророков, напр. Авраама и Моисея. Талмудическое богословие признавало спасительную искупительную силу их заслуг, их

страдания, самой их смерти. Самый мир был создан ради их заслуг, ради обрезания и закона, ради Авраама, Исаака и Иакова и ради Моисея, "посредника" Божия, которого Филон сближает с Логосом. Немудрено, что они были предобразованы до создания мира.

Чудесно их появление на свете, чудесен и исход их. В завете Авраама повествуется о том, как Авраам отказывался умирать, как сам Михаил затруднялся возвестить ему смерть и как сама Смерть препиралась с ним. По требованию Авраама она явилась ему во всем своем ужасе, и от одного вида ее умерло 3000 слуг Авраама, который затем воскресил их своею молитвой. Умирать отказываются и Ездра, и Моисей, и Седрах, и смерть других праотцев окружена чудесными явлениями. Кроме Еноха, Мельхиседека, Илии еще некоторые другие праведники вошли в рай живыми, напр. Барух, Елиезер, раб Авраама, царь тирский Гирам, дочь Фараона и даже некоторые раввины, напр. Iosa ben Levi.

Естественно, что праотцы являлись носителями откровения, спасения и ведения. Они восходили на небо, беседовали лицом к лицу с Богом и ангелами или, подобно Илии и Аврааму, катались на "колеснице херувимской". Многие из них оставили свои книги — иногда целые собрания книг, как Адам, Енох, Ламех, Ной и другие. Господь дает Еноху архистратига Михаила — для хранения его рукописания и рукописаний его отцов — Адама, Сифа, Еноса, Каинана, Малелеила иАреда. А на земле Он приставил хранителями их двух ангелов — Ариуха и Париуха — блюсти эти рукописания во время потопа (Ен. XI, 93). Книги праотцев должны передаваться от поколения к поколению, но остаются неизвестными до последних дней, когда наступает время для их публикации и их понимания; обязанность ангелов и состоит в своевременном открытии и издании этих старинных анекдотов. Эта любопытная историко-литературная теория была весьма удобна для объяснения внезапного появления на свет сочинений столь древнего происхождения. С другой стороны, был запрос на древние писания; от кого было учиться мудрости, как не от отцов, читавших в скрижалях небесных и заживо

перенесенных на небеса? Недаром Авраам, Енох, Мефусал и Каинан, сын Арфаксада, считались великими астрономами, а Ной, наученный ангелами, написал Медицинское сочинение, которое он передал Симу с прочими своими книгами. Подобные апокрифы усиленно распространялись в еврейских кругах и пользовались большим уважением и среди христианских писателей. Немудрено, что и среди гностиков литература такого рода имела успех и что отдельные секты возводили свои апокалипсисы к праотцам, от которых они вели свое начало.

Но, независимо от тех откровений, которые им приписывались, праотцы останавливают на себе наше внимание как особого рода небесные люди, сходившие на землю (некоторые из них, как Илия или Енох, ожидаются вновь). Между этими людьми и ангелами исчезает граница, а в отдельных случаях они ставятся выше ангелов, как Енох или Израиль в "Молитве Иосифа"; другие праведные также могут сравняться с ангелами или возвышаться над ними (Ап. Бар. 51, 12). Эти небесные люди суть духовные силы высшего порядка — воззрение, находимое нами и у гностиков, начиная с самых ранних. Симон выдает себя за "великую Силу", досифеяне верят в бессмертие Досифея, а другие видели во Христе одну из таких сил, подобно тому, как современные Ему иудеи видели в Нем Илию, Иеремию или другого пророка, или же предвечного небесного "Человека", "Сына Облаков", или "Сына Человеческого". У отдельных гностиков, напр. у барбелонитов, у "гностиков" Иринея, у наасенов Ипполита, мы находим специальные умозрения о небесном Адаме, о Человеке и Сыне Человеческом, который иногда отличается от первого Человека, как его сын. Наконец, и отдельные эоны нередко получают имена мужей Ветхого Завета, напр. Сифа, Давида, Баруха.

Не забудем, что в занимающую нас эпоху в еврействе встречается учение о предсуществовании человеческих душ, которое мы находим и в талмудической литературе. Быть может, в связи с этим стоит различие отдельных классов человеческих душ, какое встречается у Филона, а впоследствии у гностиков, — я разумею деление на пнев-

матиков, психиков и гиликов (от "гилос" — материя). Во всяком случае, в связи с учением о предсуществовании душ стоит представление о том, что они сходят на землю и затем восходят к небу. Видеть в этом прямой результат заимствования греческих идей едва ли необходимо. Пифагорейство и платонизм, разумеется, влияли на Филона, но и он со своим эклектизмом отказался бы от платонической психологии в пользу какого-либо иного представления, если бы эта психология не казалась ему сообразной с еврейскими верованиями. Еврейское воззрение на праотцев и соответственный взгляд на человеческую природу вообще объясняется и помимо греческих влияний, и мы должны иметь в виду это обстоятельство и при историческом объяснении христианских воззрений первых веков. Даже там, где они были особенно сильными, как, например, в александрийской школе, они не были столь исключительными, как это принято думать: так, Оригеново учение о предсуществовании душ, хотя и обусловливается платоническими воззрениями, несомненно основывается в глазах самого Оригена на еврейском предании.

XI

Мы рассмотрели, таким образом, те элементы гностицизма, которые заключались в миросозерцании иудейского народа в эпоху Христа. Мы должны помнить, что немногие дошедшие до нас памятники и фрагменты апокрифической литературы суть лишь случайные остатки, уцелевшие от общего и систематического уничтожения, какому подверглась вся внеканоническая письменность, не согласовавшаяся с нормами иудейской и христианской ортодоксии. Те апокрифы, которые, прикрываясь древними именами, заключали в себе диавольские семена ереси и "лжеименного знания", преследовались с особою строгостью, истреблялись беспощадно и с давних пор: в Ефесе, где подвизались некоторые бродячие иудейские заклинатели — "какие-то семь сыновей иудейского первосвященника Секвы", — проповедь апостола Павла имела такой успех, что "из

занимавшихся чародейством многие, собрав книги свои, сожгли их перед всеми и сложили цену их, и оказалось их на 50 000 драхм" (Act. 19, 19). Наряду с магическими книгами уничтожались и другие. Уцелели (в отдельных списках и большею частью в переводах) лишь наиболее невинные, и то — благодаря христианским интерполяциям и переработкам. Но поэтому уцелевшее имеет для нас двойную цену; если даже в том, что сохранилось, несмотря на двойную цензуру иудейства и христианства, так много гностических элементов, то мы имеем полное право предполагать, что их было еще больше в тех памятниках, которые истреблялись за явное нечестие и лжеучение.

Какое же практическое употребление делалось из всего этого гностического материала? Что в еврействе и самаритянстве развивалось сектантство, это не подлежит сомнению, как ни скудны наши сведения об этом сектантстве. Но гностические идеи, рассмотренные нами, были распространены в еврействе и помимо сект, и повсюду они вели к однородным результатам: теоретическому суеверию соответствовало суеверие практическое, "лжеименное знание" вело к магии.

В магии и состояла суть премудрости первоначального гностицизма — "вершина премудрости", по свидетельству Кельса. Волхвами были первые самарянские гностики — Симон, симониане и Менандр, "который и сам достиг высших степеней в магии" (Iren. I, 23, 5 Just. Apol. I, 26, 4). Ессеи славились своим знахарством, ведением имен ангельских и тайных целебных средств (Jos. de bello Jud. II, 8, 6—7); ебионеи и елкезаиты занимались волхвованиями, смущая простой народ, причем елкезаиты в качестве предвещателей именовали себя "прогностиками". Магии преданы были "ведуны", или "гностики" всевозможных толков, офиты, которых Ориген прямо называет "гоетами", Василид, карпократиане, валентиниане, Марк, гностики, о которых свидетельствует Плотин, и те, которым принадлежала книга Pistis Sophia (стр. 277 сл.). Магия обнимала в себе заклинания, дававшие господство над архонтами небесных сфер и над духами и демонами поднебесными; она давала свободный пропуск через за-

гробные мытарства и чудодейственную силу врачевания от всяких зол в настоящем веке. Она обнимала в себе гадания всякого рода, мантику, астрологию, "математику" и иные художества — между прочими, любовные фильтры и талисманы. Магия основывается на познании тайн духовного мира, на сверхъестественном откровении, которое сообщалось путем предания. Нередко такое предание простиралось лишь на имена и заклинательные формулы: самое гностическое миросозерцание или "системы" различных гностиков служили лишь обоснованием, подстройкой этой практической мистики. Не умозрительный, а практический интерес обусловливал успех гностицизма.

Но магия процветала не в одних гностических сектах; Она имела громадное распространение в еврействе вообще, и влияние ее на всю духовную атмосферу его было громадно. Разница была лишь в оттенках и степени суеверия и в отношении к нему. Одни осуждали магический гнозис как результат откровения падших ангелов, другие различали между черной а белой магией и без зазрения совести употребляли ладанки, амулеты, заклинания и пользовались священными именами Божиими (Адонаи, Иао, Сабаоф, Елои и др.) и именами ангелов для заклинательных формул, так как все болезни приписывались демонам. В массах господствовало двоеверие, а в некоторых кругах суеверие вело к положительному извращению монотеистического миросозерцания: центр тяжести религиозной жизни переносился в "лжеименное знание" об ангелах, планетах или "стихиях", демонах и силах Божества и в результате получалось дуалистическое миросозерцание, характеризующее гностицизм. Силы Божии, силы небесные, не только обособлялись от Божества как особые миры или эоны, но прямо противополагались Ему. Бог закона, или демиург, был признан ложным богом, а змей, давший вкусить плодов познания, явился носителем истинного гнозиса.

Магия была распространена во всем древнем мире и помимо еврейства; мало того, сами евреи учились ей у халдеев и египтян, которые считались особенно сведущими по этой части. В период разложения язычества магия процветала более чем когда-либо. Но замечательно, что

именно на почве еврейства она развивалась в особую форму религии — в гностицизм. Оно и понятно: хотя в общем магия нигде не пользовалась официальным признанием и осуждалась всякою государственною религией, но в религиях политеистических, выросших на почве анимизма и пандемонизма, граница между магией и публичным культом официально признанных богов и демонов была весьма неопределенной и колеблющейся. Магия процветала в отдельных культах в связи с фетишизмом, мантикой, мистериями, религиозной медициной. В монотеизме, наоборот, между религией и суеверием, между культом и магией не могло быть компромисса; в чистой религии закона, в вере Моисеевой, суеверие не могло найти себе пищи, и потому в своем развитии оно должно было вести к отступничеству — к культу мудрого змея, или офитизму. Отсюда и объясняется, что, несмотря на всеобщее распространение суеверия, гностицизм как особая религиозная форма мог зародиться лишь в монотеистической среде, которая как бы выделила его из себя. Отсюда объясняется и дуалистический характер гностицизма, и его тенденция богоборства, выражающаяся как в его борьбе с демиургом и архонтами — относительными богами мира сего, так и в его антиномизме — в отрицании закона еврейского Бога, враждебного гнозису.

Магический гнозис евреев находил себе пищу в национальном двоеверии, а также и в суеверии всех окружавших его народов — халдеев, персов, египтян, греков. Он оказал величайшее влияние на гностические секты позднейших времен, но вместе с тем и помимо сект он повлиял на магию вообще во всем греко-римском мире, как об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки — магические папирусы, амулеты, таблицы, надписи, геммы. Прежде подобные памятники приурочивались обыкновенно к тем или другим сектам, что отчасти делается и теперь. Но такие знатоки позднейшего еврейства, как Шюрер, справедливо отвергают подобные предположения, указывая, что мы имеем дело с общим явлением, а не с суевериями отдельных сект.

Вера в тайную силу магии, в силу заклятия была всеобщей, и стоит глубже вникнуть в то миросозерцание, которое связывалось с этим верованием. Напомним только уже приведенное нами место из книги Еноха о великой клятве Акае, вверенной Михаилу: силою этой клятвы утверждены небо и земля, положены основания морю и бездне и пути светил небесных; все духи, все явления природы, все твари подчинены ей (69). Весь мир держится этой роковою силой. И это представление о мировом порядке, который держится магической силой заклятья, встречается не у одних евреев: оно лежит в основании магии, в основании астрологии и фатализма гностиков. Не божественный разум, не универсальный Логос, а роковая магическая клятва царит над миром, и власть над ним, искупление дается тому, кто знает эту клятву, кто знает заклятья и тайные имена миродержателей, архонтов. И сам Христос гностиков, облеченный всеведением, спускается чрез все эоны и все небеса, чтобы снять роковые цепи с околдованной души и сообщить ей сокровенные таинства гнозиса. Так говорит Он в гимне наасенов:

Сего ради пошли Меня, Отче:
Снизойду Я, держа печати,
Пройду через все эоны,
Все таинства Я открою,
Богов покажу отличье,
И сокровенное святого пути
Передам, именуя знаньем

Сила заклинаний лежит в таинственном "имени", и самые символы верховного неизреченного "имени", или символы магических имен, имеют величайшее кабалистическое значение. Кто сомневался в те времена в магической силе имен? Сам Ориген ссылается на магию как на неопровержимое доказательство этой силы: нельзя называть Божество любым именем, нельзя даже переводить заклинательные формулы на другие наречия — они действительны только по-еврейски; нельзя, например, слово "Саваоф" заменить выражением "Господь сил" или формулу "Боже Авраама, Исаака и Иакова" перевести по-гречески, заменяя

имена праотцев их греческими значениями, заклинание потеряет силу. Демоны связываются заклятием, силою имени, и еврейские заклинатели, славившиеся своим искусством повсюду, распространяли еврейские имена и формулы по всему греко-римскому миру. Впоследствии некоторые из них, не переходя в христианство, стали в своих заклинаниях употреблять и имя Иисуса (Марк. 9, 38 сл., Лк. 9, 49—50, Д. 19, 13) как особенно действительное против демонов; и мы знаем даже, что Симон волхв хотел купить у апостолов их силу, принимая ее за магический секрет (Д. 8, 18).

По свидетельству Оригена, распространение иудейской магии было настолько велико, что "Бога Авраама, Исаака и Иакова" призывали не одни иудейские заклинатели, "но почти все занимающиеся магией и заклинаниями", ибо в магических книгах часто находится эта формула. О смешении греческих слов с еврейскими в "обычных" формулах заклинателей говорит Ипполит. И в подтверждение этих свидетельств мы можем привести ряд заклинаний, дошедших до нас на геммах, амулетах и папирусах, где имена Зевса и других языческих богов, греческих или египетских, встречаются нам наряду с именами Ягве, Адонаи, Иао, Сабаофа, Баруха, Авраама, Израиля или ангелов.

Мы знаем, что страх перед священным и неизреченным именем приводил к замене его другими именами, как Эль, Саваоф или Адонаи, которые также были священны, или у эллинистов — "Всевышний", "Неизреченный", "Невидимый". Самое имя неизреченно, и вскоре сложилось даже представление, распространению которого, по-видимому, содействовали раввины, что это имя составляет тайну, сообщаемую лишь немногим и дающую сверхъестественную силу тем, кто ею обладает; мы знаем, что это имя под конец настолько вышло из употребления, что еще в нашем веке ученые расходились во мнениях о том, как его следует произносить. В магических текстах сохранились даже особые формулы, представляющие собою разнообразные систематические сочетания гласных, которые переставлялись и переворачивались на все лады, с тем,

очевидно, чтобы в каком-либо из таких сочетаний могло прозвучать святое имя. Священно не только самое имя, но и его элементы, его начертание, его буквы, его сокращения, как Иа, Иао или Аоф, Абаоф (от Саваоф). Священны и те имена, которые соединяются с именем Божиим; таковы все имена на "эль", как имена ангелов, носителей божественного имени или божественной силы, — Габриэль, Рафаэль и др. К самому Израэлю Бог привязал Свое имя, как золотой ключ к драгоценной шкатулке. Если имена языческих богов бессильны сами по себе, то и они приобретают магическую силу в сочетании с именем или именами Божиими, откуда получается невообразимый жаргон, господствующий в заклинаниях волхвов и гностиков.

Имена ангелов также служат магическим целям. Точно так же вместе с именами Божиими, а иногда наряду с именами языческих богов они покрывают геммы и магические папирусы и встречаются в системах гностиков. Мы говорили уже не раз о специализации имен и функций ангелов и о том употреблении, какое делалось из этих имен, списки которых служили арсеналом гнозиса. Археологические находки самого разнообразного происхождения показывают нам, какое широкое распространение имела позднейшая еврейская ангелология в языческой среде. Будучи продуктом религиозного синкретизма на еврейской почве, она легко вошла в общую систему этого синкретизма, охватившего весь древний мир. Египтяне отождествили Михаила с Горосом, убийцей Тифона, а греки с Аполлоном, убийцею Пифона; египтяне отождествляли его иногда с Анубисом, или Озирисом в качестве князя загробного мира, а греки — с Гермесом Психопомпом. Впоследствии старинное язычество проникало в такой форме и в христианство и продолжало жить в нем, как мы видим, напр., в Египте или Фригии, где еще в IV и V вв. Церковь боролась с этим злоупотреблением, которое лаодикийский собор (около 160 г.) предал анафеме в 35-м своем каноне.

Было бы чрезвычайно важно исследовать отношение уцелевших памятников дохристианской магии к послехристианскому гностицизму. Уже Ориген указывает, что

офиты заимствовали из магии имена некоторых своих архонтов, как Ялдабаофа, Астафея и Орея, и это подтверждается знакомством с магическими папирусами. То же следует сказать и об имени Иао и о целых списках варварских имен, напр. о той тарабарщине, какую мы находим в Pistis Sophia (375 стр. 234 lat ed Petermann): как ни бессмысленны эти слова и звуки, они повторяются в отдельности в магических папирусах, в которых мы находим и множество других гностических терминов, как, напр., эон, бездна, Абрасакс и др. Хотя существовало представление, что ангелы понимают только еврейский язык, но, по-видимому, было и другое представление об "ангельских языках", которыми могли говорить и люди под наитием свыше; уже апостол Павел указывал на злоупотребление этим даром (1 Кор. 14), а из полемики Кельса, точно так же как и из уцелевших гностических памятников и из магических папирусов, мы видим, что впоследствии отдельные гоеты и лжепророки пользовались этим исступленным "языкоговорением" для целей магии и обмана. Характерно в магических папирусах почти полное отсутствие христианских элементов при значительном количестве элементов еврейского происхождения: это — смешение "ангельского" языка с еврейским. Отсюда некоторые исследователи, как Анц, заключают с полным основанием, что не гностицизм послужил источником магии, а, наоборот, магия послужила ему источником. Мы бы сказали, что христианский гностицизм черпал из кладезя дохристианского, преимущественно еврейского гностицизма.

XII

Существует, по-видимому, одна черта, полагающая грань между христианским и дохристианским гностицизмом, — черта, все значение которой должным образом выяснится нам лишь впоследствии: христианские гностики были пневматики, "люди духа", противополагавшие себя психиками, или "душевным" людям. История христианского гностицизма начинается с попытки Симона волхва купить дар

Духа Святого у апостолов. Системы гностиков суть "пневматические" учения, пневматические апокалипсисы, или откровения; и если не все в них кажется нам новым и оригинальным, если они не производят на нас впечатления непосредственного вдохновения, которое им приписывалось, то мы еще не имеем основания утверждать, чтобы они были сочинены и составлены искусственно или чтобы все ересиархи были сознательные обманщики: самая нелепость некоторых гимнов, напр. сохранившихся в коптских памятниках, свидетельствует против такого предположения. Что в экстатическом или даже каталептическом состоянии человек нередко вдохновляется бессознательными или полусознательными воспоминаниями и нередко всего менее бывает оригинален, это факт, известный каждому психологу, изучавшему подобные явления, — факт, с которым следует считаться и иным критикам, в особенности в области религиозной. Возьмем только что указанные гимны, переведенные с коптского, или отдельные фрагменты гностической письменности, сохраненные Иринеем и Ипполитом, или, наконец, тот гностический гимн, который влагается в уста Христовы в недавно изданном (Левкиевом) житии Иоанна: мы находим в них многие характерные черты пневматического писательства, а иногда и пневматического языкоговорения, того духовного "варварства", которое обличал уже апостол Павел в вышеприведенном тексте (1 Кор. 14, 11), — того смешения бессмыслицы с туманным смыслом, которое отнюдь не следует признать деланным даже в том случае, если самый экстаз, в котором созданы эти произведения, был вызван искусственно. Гностики превозносились своими духовными дарами, говорили языками, называли подлинные тайные имена архонтов и ангелов, совершали пневматические радения и таинства, творили знамения, которые ересеологи приписывали их специальным (нечистым) духам или их обману. При этом нам, разумеется, трудно решать, насколько этот обман был искренней иллюзией, болезненным фокусничеством или сознательным шарлатанством — подобно фокусничеству и шарлатанству некоторых теперешних убежденных медиумов. Во всяком случае несомненно одно — гностики были

"пневматиками" или хотели прослыть таковыми, наподобие апостолов. Носительницей Духа была Церковь, и гностики в Церкви познакомились с "явлениями Духа", который они, подобно Симону волхву, стремились внешним образом у ней заимствовать. В отдельных случаях возникновение отдельных сект всего легче объяснить из необузданного произвола некоторых христианских пневматиков, упоенных новым вином и надмевавшихся своими дарами и откровениями. Послехристианский гностицизм предполагает, таким образом, не только пришествие Спасителя, но и проповедь и явления Духа в ранней христианской Церкви. Но это нисколько не подрывает достигнутых нами результатов: напротив того, более ценными являются нам указания на еврейские реминисценции, оживающие среди новых пневматиков. Как ни нов был самый факт духовной жизни, которая, однако, была уже возвещена пророками, понятие о ней было живо в еврействе еще и до Христа, а самое это понятие могло, очевидно, получиться лишь из опыта. Здесь мы можем сослаться на Филона, который, несмотря на свою греческую культуру и на влияние Платона, дает в своем учении об экстазе и боговдохновении новые и оригинальные религиозные черты, отличающие его от греческих философов. Но, разумеется, такое экстатическое вдохновение, то "упоение", о котором говорит Филон, описывая радения своих ферапевтов, всего менее могли оградить энтузиастов от усвоения всевозможных внешних религиозных влияний: недаром сам Филон уподобляет "всенощную" ферапевтов вакхическому торжеству. Что могло служить ручательством в чистоте подобного вдохновения, в чем заключалась объективная мерка его истинности, граница, отделяющая его от исступления языческих мистиков?

XIII

Мы подходим к концу нашего исследования еврейского, дохристианского гностицизма. Быть может, следовало бы еще остановиться на некоторых обрядах и таинствах гностических сект, имеющих параллели в еврействе, но мы и

без того опасаемся слишком отклониться от главного предмета нашего исследования. Во всяком случае уже те результаты, к которым мы пришли, представляются нам чрезвычайно важными для истории первоначального христианства и христианской мысли, проливают новый свет на ту среду, в которой оно зародилось. Ибо нам удалось не только доказать существование дохристианского, иудейского гностицизма, но и выяснить те представления и верования, которые составляли его содержание, пользуясь широким общим распространением и помимо сект. Разумеется, мы не можем выяснить в настоящее время, чему учили отдельные секты и насколько они были значительны. Но это сравнительно и не так важно, ибо и в послехристианском гностицизме нас более интересуют общие идеи и тенденции, чем отдельные причуды фантазии тех или других сектантов. "Служение ангелам" в связи с магией и астрологией, представление о небесных сферах, об архонтах и эонах, учение о восхождении и нисхождении душ и их загробной судьбе — вот общее содержание еврейского гнозиса, к которому примыкает и послехристианский гностицизм с Симоном волхвом во главе.

Как мы указывали, ангелологический и магический гнозис был распространен в самых широких кругах еврейства и чрез посредство рассеяния проникал и в языческие круги. Он неминуемо должен был столкнуться с религией закона и привести к сектантству и антиномизму; та дуалистическая тенденция, которую мы в нем отметили, могла развиться только в сектантстве, но для объяснения самого дуализма нам нет нужды прибегать к греческому умозрению или к непосредственному влиянию парсизма: он объясняется вполне из магии и демонологии, из общего еврейского синкретизма, из естественного развития еврейского двоеверия.

Все другие попытки объяснения гностицизма, помимо еврейства, являются нам либо неверными, либо неполными. Из язычества мы не поймем ни антиномизма гностиков, ни их иудаизма, ни их ангелологии, ни их учения об архонтах, о Софии, о демиурге, ни, наконец, самих христианских элементов их веры. А из христианства мы

также не объясним ни их дуализма, ни их иудейской магии и ангелологии. Видеть в гностицизме "острую эллинизацию христианства", как это делает Гарнак, едва ли представляется возможным ввиду подавляющего свидетельства фактов, хотя мы и не думаем отрицать, что начиная со II в. гностицизм все более и более подвергался "острой" эллинизации и притом иногда в самой значительной степени. С другой стороны, мы также отказываемся видеть в гностицизме "извращенный павлинизм", т. е. объяснять гностицизм извращением проповеди апостола Павла, или искать в гностиках крайних последователей его из числа "необрезанных". Откуда эти необрезанные могли усвоить все "старушечьи басни", все суеверия иудейства, его магические познания, его апокалиптику? Во всяком случае не этому учил их апостол.

Тюбингенская школа, связывавшая гностицизм с проповедью апостола Павла, заходила так далеко, что видела апостола языков в образе Симона волхва; сейчас это странное мнение, некогда пользовавшееся таким громким успехом, оставлено всеми, но старый взгляд на происхождение гностицизма держится упорно, причем не объясняется, каким образом гностицизм возник одновременно в еврействе и самарянстве, в крещеном иудействе и крещеном язычестве. Целый ряд положений современной критики обусловливается старым взглядом на гностицизм: до сих пор, например, одним из аргументов против подлинности посланий к Колоссянам и Ефесянам выставляют их "антигностическую" тенденцию; по сих пор гностицизм либо выводится из язычества, либо признается "извращенным павлинизмом"; до сих пор в Маркионе указывают "последовательного павлиниста", пытавшегося реформировать Церковь на основании "Павлова евангелия", которому он придал "дуалистическую" подстройку.

Что в посланиях апостола Павла мы постоянно встречаем следы его раввинического образования и что элементы иудейского гнозиса были ему известны (я разумею мистические идеи еврейской апокалиптики), — это не только справедливо, но даже не всегда признается в должной степени. Спрашивается только, каково было отношение к

этим элементам со стороны апостола, который вменял ни во что все таинства ведения перед любовью и был убежден, что "ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ли начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни иная какая тварь не могут отлучить нас от любви Божией — любви во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8, 38—39). Каким же образом Евангелие апостола Павла могло привести к дуализму или требовать дуалистической подстройки?

Не подлежит сомнению, что гностики ссылались на Павлово учение о законе в оправдание своего антиномизма, хотя антиномизм этот, как и весь гностицизм, имел совершенно иной, самобытный источник. Спор о законе возник на иудейской почве, и только в иудействе он имел весь свой смысл; для необрезанных он был непонятен во многом и во многом остается непонятен для большинства из них и доселе. Но во всяком случае позднейшие гностики и ересиархи заимствовали дуалистический антиномизм не от Павла, а от более ранних антиномистов, извративших его учение в дуалистическом смысле или же проповедовавших свой гнозис без всякого отношения к апостолу языков, иногда даже в явной оппозиции к его учению (напр., Керинф). Апостол Павел боролся против различных тенденций в первоначальном христианстве и против различных тенденций среди иудействующих: он обличал тех иудеев, которые под знаменем Христа вели национальную пропаганду обрезания и закона, и тех, которые под тем же знаменем распространяли запретную иудейскую пропаганду и, пользуясь упразднением закона, проповедовали суеверия лжеименного знания, служение ангелам, а иногда и освобождали себя от всяких нравственных норм. Апостол обличал и законников и беззаконников, и фарисейство и суеверие, надмевавшееся мнимым ведением, и для понимания его деятельности нужно иметь в виду не одну его полемику против христианских ревнителей закона Моисеева и не одну отрицательную сторону его учения о законе.

Таким образом, вопрос о происхождении гностицизма имеет преимущественное значение для ранней истории христианства. Позднейший, послехристианский гностицизм,

развившийся среди космополитического общества, в котором язычество боролось с христианством и стремилось вступить с ним в компромиссы, может рассматриваться нами сам по себе, как фазис этой великой духовной борьбы, — независимо от своей прежней порванной связи с иудейством. Но мы не можем изучать историю раннего христианского учения, не считаясь с теми элементами гностицизма, с которыми оно столкнулось в самый период своего возникновения.

XIV

Раннее христианское богословие с его учением о Логосе выработалось в борьбе Церкви с ересями, с мифологией гностицизма, с иудейством и язычеством, стремившимися ассимилировать себе христианство. Позднейшие историки, видящие в иудействующих сектах лишь "количество, которым можно пренебречь", рассматривают гностицизм как продукт "острой эллинизации христианства", а православный догмат — как продукт "греческого духа на почве евангелия"; возникновение церковного догматического учения, точно так же как и его развитие, происходит, таким образом, в эллинской атмосфере и под влиянием эллинских идей. Но если нам удалось доказать, что все элементы гностического миросозерцания были налицо в самом иудействе, что они бродили в нем еще до христианства и в эпоху возникновения христианства, если притом эти элементы пользовались самым широким влиянием и распространением, то мы должны признать и необходимость раннего развития христианского богословия, определяющего церковное апостольское учение о Христе в противоположность всевозможным раввиническим, апокалиптическим или попросту мифологическим представлениям о Нем. Появление Христа и проповедь апостолов, признавших в Нем истинного Сына Божия, потрясли весь мир, и прежде всего иудейство, поставив целый ряд задач его религиозной мысли; как мы видели, многие из этих задач уже предрешались апокалиптикой и гнозисом, и притом предрешались различно. "Что вам вздумается о Христе?",

— вот вопрос, стоявший перед всеми и вызвавший ряд новых умозрений, споров и расколов, который Церковь не могла оставить без ответа. Христос не эон, не ангел, пришедший в призрачном теле, не архистратиг Михаил, не "сила" Божия, не один из древних пророков, как Илия или Иеремия, не Енох, не Мельхиседек; Он не один из семи духов Божиих, не один из многих небесных Божиих сынов. Он не ангел, не дух, а совершенный человек; но по своему божественному содержанию, по своей духовной сути Он определяется Церковью как единственный, "единородный" Сын Божий, воплощенное Слово Божие, то Слово, в Котором смысл и разум вселенной и ее конечная цель, то слово, которое слышали пророки и которое воплотилось в Нем всецело. Его имя — превыше всякого имени, всех таинственных имен, с которыми носились апокалиптика и гностицизм. Христианский новозаветный апокалипсис сообщает это "имя", упраздняющее все прочие имена — Слово Божие.

Итак, вместе с началом гностицизма отодвигается ближе к источнику христианства и христианское богословие, которое с самого начала получает тот практический интерес и то историческое значение, какое оно сохраняет в дальнейшем своем развитии: раннее христианское богословие, завершившееся учением о Логосе, имело не эллинское, а христианское происхождение. С эллинским происхождением понятия Логоса мы уже знакомы, и мы всего менее склонны отрицать значение эллинизма для ранней христианской мысли, которая недаром облеклась во всеоружие греческого слова. Эта мысль не была греческою, но она не хотела быть и еврейскою; ее содержание было универсально, а в эллинизме она нашла и универсальную форму, в которой она могла выразить, высказать себя...

II. ДОКУМЕНТЫ

КНИГА ТАЙН ЕНОХА

Когда мне исполнилось сто шестьдесят пять лет, сказал Енох, у меня родился сын Мафусаил. Затем я прожил еще двести лет. А вся моя жизнь продолжалась триста шестьдесят пять лет. В один день первого месяца я, Енох, был в своем доме один и лежал на одре, почивая. Во время сна обильная скорбь охватила сердце мое, и я сказал: "Вот очи мои испускают слезы (ибо во сне я не мог понять, что означает сия скорбь). Что будет со мною?" И явились два пресветлых мужа, каких никто не видывал на земле. Лица их сияли, подобно солнцу, очи — будто горящие свечи, а из уст исходил огонь. Одеяния их напоминали пену морскую, тела переливались разноцветными красками, крылья были светлее золота, а руки — белее снега. Они встали у изголовья одра и окликнули меня по имени. Я пробудился и впрямь увидел стоящих предо мною мужей. Взглянул я на них, поклонился и ужаснулся, и лицо мое исказилось от страха. И сказали они мне: "Дерзай, Енох, не бойся! Послал нас к тебе вечный Господь. И еще сегодня ты вознесешься вместе с нами на небо. Накажи своим сыновьям и домочадцам, что им делать без тебя на земле в твоем доме. И пусть никто не ищет тебя, пока Господь не возвратит тебя к ним". Выслушав их, я быстро вышел из дома и закрыл двери, как мне и велели. И позвал я сыновей своих: Мафусаила, Регима и Гаидада, и поведал им, что сказали мне те дивные мужи.

"Послушайте, чада мои! Не знаю, куда я иду и что меня ждет. Вы же не отступайте от Бога, ходите пред Божьим образом и исполняйте заповеди. Не пренебрегайте молитвами о вашем спасении, чтобы не умалил господь плоды трудов ваших; ибо Он обделяет ими тех, кто копит сокровища и не приносит дары. Посвящайте Господу вожаков стада и первенцев вашей юности, чтобы были и вы благословенны во веки веков. Не отступайте от Бога и не поклоняйтесь идолам, что не создали ни небес, ни

земли, ни какой-либо иной твари. Ибо и сами они, и те, кто им поклоняется, погибнут. Пусть господь укрепит сердца ваши в вашем страхе. А теперь, чада мои, пусть никто меня не ищет, доколе Господь не возвратит меня к вам".

В то время, как давал я наказы сыновьям своим, те мужи позвали меня, приподняли на крылья, затем поставили на облака, которые устремились ввысь. И узрел я воздух, а еще дальше — аэр. И так вознесли меня на первое небо. Показали мне море великое, паче земного. Потом привели меня к старейшинам и владыкам звездных чинов и показали двести ангелов, владеющих звездами, управляющих движением небес, летающих на крыльях и обходящих все планеты. И здесь узрел я снежные и ледяные хранилища и ангелов, бдящих над этими страшными хранилищами, из которых появляются громады облаков. И показали мне хранилища росы и масличного цвета, который намного ярче любого цвета на земле. Увидел я и ангелов, стерегущих сокровища свои, и то, как они открывают хранилища и затворяют их.

И взяли меня мужи те, и возвели на второе небо. И показали его мне, и увидел я там тьму непроглядную, паче земной. И здесь узрел я висящих в цепях блудников, ожидающих Страшного Суда. И ангелы здесь были более темноликими, чем земная тьма, и непрестанно испускали плач. И спросил я мужей, бывших со мною: "Почему они мучаются непрестанно?" И отвечали те мужи: "Это богоотступники, ослушавшиеся заповедей Господних, следовавшие своей воле и отступившие от Господа вместе со своим князем; и поставлены они на пятое небо". Я же очень из-за них опечалился, а ангелы те поклонились мне и сказали: "Человек Божий, помолись о нас Господу!" И сказал я в ответ: "Да кто я такой? Как могу я, простой смертный, молиться за ангелов? Кто знает, куда я иду, что меня ожидает и кто будет молиться за меня?"

И взяли меня мужи те, и возвели на третье небо, и поставили среди рая. И было то место красоты неописуемой! Увидел я всякие благоцветные деревья со зрелыми и благоуханными плодами. Посреди места того росло древо

жизни, на котором почивает Бог, когда входит в рай. И древо это неописуемо по своей красоте и благоуханию и прекраснее любого творения. Оно отовсюду златовидно, красно, огнеобразно и покрывает собой весь рай. Оно сочетает достоинства всех растущих деревьев и плодов. Корень его находится в раю, у входа на краю земли. Рай же лежит между тлением и нетлением. Из-под корня выходят два источника: один источает мед и млеко, а другой — елей и вино. Разделяясь на четыре части, они тихо струятся и входят в Эдем между тлением и нетлением. Выходят же они с другой стороны, разливаясь на сорок ручьев, и бегут по земле, обращаясь по кругу, подобно остальным воздушным стихиям. И нет здесь неплодоносящего дерева, но всякое дает благие плоды. И место это благословенно! Триста светлейших ангелов охраняют рай и своим немолчным пением денно и нощно служат Господу. И воскликнул я: "Как прекрасно это место!" И сказали мне мужи: "Енох, место это уготовано праведникам, испытавшим за свою жизнь всяческие напасти. Даже когда их души озлоблялись, они отворачивались от неправды и вершили праведный суд. И подавали они хлеб алчущим, нагих одевали в ризы, поднимали павших, помогали обиженным и сиротам. Ходят они без порока перед лицом Господним и Ему единому служат. Им уготовано это место в вечное наследство".

И повели меня двое мужей на северную сторону и показали очень страшное место, где грешников подвергали всяческим мукам. Там стлалась непроглядная, мрачная мгла, и не было света. Пылал там темный огонь, и река огненная пересекала всю ту местность. По одну сторону — огонь, по другую — обжигающий холодом лед. Увидел я там темницу страшную зело и мрачных нечестивых ангелов, вооруженных невиданными орудиями, которыми они без милости мучили грешников. И воскликнул я: "О горе горькое! Как ужасно это место!" И сказали мне мужи: "Место это, Енох, уготовано для тех, кто не почитает Бога и вершит на земле злые дела: занимается чародейством, заговорами и бесовским волхвованием. Оно предназначено для тех, кто похваляется своим окаянным злодейством и

крадет человеческие души, кто притесняет бедных и, отбирая у них имущество, обогащается через их обиду. Сюда попадают те, кто может насытить голодных, но морит их из-за своей алчности, кто может одеть полуголых, но раздевает их донага. Это ожидает и того, кто не признает своего Творца и поклоняется бездушным и суетным истуканам. Ибо, сотворяя идолов, они молятся самому мерзостному рукотворению. Всем им уготовано это место в вечный удел".

И взяли меня мужи те и возвели на четвертое небо. И показали они мне здесь все шествия, движения и течения солнечного и лунного света. Соизмерив их шествия и сопоставив свет, увидел я, что свет солнца ярче лунного в семь раз. Солнечная же колесница с пречудной скоростью носится по кругу, подобно ветру, и нет ей покоя ни днем, ни ночью. Справа и слева от солнечной колесницы увидел я по четыре огромных звезды; под каждой из них было еще по тысяче звезд. Всего их насчитывается восемь тысяч, и все они зависят от солнца. Водят же солнце днем сто пятьдесят тысяч ангелов, а ночью — тысяча шестикрылых ангелов, идущих перед колесницей. А огонь ему дают сто ангелов. И два духа летят в образе двух птиц — один подобен фениксу, второй — халкедре. Лица у них львиные, ноги, хвосты и головы — крокодильи, окрашены они цветами небесной радуги; величиной по девятьсот мер, и крылья у них ангельские. У тех, что мчат колесницу солнца, по двадцать крыльев, и несут они росу и зной. И как повелит Господь, так и бывает: заходит и восходит солнце со своими лучами на небесах и на земле.

И понесли меня двое мужей к востоку того неба и показали врата, из которых круглый год выходит солнце в урочное время после захода луны, когда ночь сменяется днем. И увидел я шесть огромных врат, каждые по шестидесяти одному стадию с четвертью. И измерил я тщательно эти врата, откуда выходит солнце и куда всегда возвращается, обойдя всю землю. И уразумел я, сколь они велики. Из первых врат солнце выходит сорок два дня, из вторых, третьих, четвертых и пятых — тридцать пять, из шестых — сорок два. И по истечении времени снова

возвращается оно вспять через шестые врата и входит в пятые, четвертые, третьи и вторые по тридцать пять дней. И так истекают дни каждого года в соответствии со сменой его четырех времен.

И опять понесли меня мужи, теперь уже к небесному западу, и показали в пять раз большие врата, открытые в сторону, противоположную восточным вратам. В них солнце заходит по истечении трехсот шестидесяти пяти и одной четвертой дня. Так заходит оно именно в западные врата. Когда солнце выходит из западных врат, четыреста ангелов берут его венец и несут к Господу. Затем оно разворачивает свою колесницу и семь часов проводит в ночи без света. На восьмой час ночи четыреста ангелов приносят венец и венчают им солнце. Тогда феникс и халкедра начинают петь стихи, и все птицы на земле бьют крылами, радуются Дающему свет и поют каждая своим голосом: "Идет Дающий свет и дарит его Своей твари".

Показали мне также те мужи все шествия и круговращения луны и двенадцать огромных вечно обращенных к востоку врат. Через них заходит и восходит она в определенное время. Сменяя солнце, восходит она через первые врата тридцать один день, через вторые — тридцать пять дней, через третьи и четвертые — по тридцать дней, через пятые — тридцать один день изрядно, через шестые — тридцать один день, через седьмые — тридцать дней, через восьмые — тридцать один день изрядно, через девятые врата — тридцать один день со тщанием, через десятые — тридцать дней вестимо, через одиннадцатые — тридцать один день вестимо, через двенадцатые — двадцать два дня вестимо.

Так, обгоняя небесные ветры, луна движется день и ночь по небесным кругам, расположенным ниже всех других кругов. И перед нею летят духи, и у каждого ангела по шесть крыльев. Лунный круг проходят они за девятнадцать лет. Посреди неба видел я вооруженных воинов, которые служат Господу игрой на тимпанах и органах и непрестанно поют благими голосами. И насладился я, слушая их пение.

Потом взяли меня мужи и вознесли на крыльях на пятое небо. И здесь увидел я бесчисленных воинов, называемых григореями. Обликом они походят на людей, ростом — выше исполинов. Лица у них были мрачные, а уста вечно молчащие. Служба Господу на пятом небе не пелась. И спросил я бывших со мной мужей: "Почему они такие мрачные, с унылыми лицами и онемевшими устами, и отчего нет службы на этом небе?" И ответили мне мужи: "Это григореи, число которых двести тысяч. Они отвергли Господа вместе со своим князем Сатанаилом. За ними же бродят, ступая след в след, увешанные цепями те, кто ныне находится на втором небе, окруженном непроглядной тьмой. В свое время спустились они на землю от престола Господня в местность Ермона и нарушили обеты на горах Ермонских. И осквернилась земля их делами, а женщины их творят величайшее из зол в жизни. Совершая незаконные кровосмешения, они порождают на свет исполинов, великанов и сеют великую вражду. И того ради судил их Господь великим судом, и будут они укорены в великий день Господень".

И сказал я григореям: "Видел я ваших братьев, дела их, мучения и великое моление. И молился о них, но осудил их Господь пребывать под землей до скончания небес и земли". И сказал я: "Почему ждете вы своих братьев, а не творите службу перед лицом Господа? Оставьте молитвы ваши и служите Господу Богу вашему, чтобы не прогневать Его вконец". И послушавшись моего наставления, они выстроились на небе том в четыре чина. Вострубили разом четыре трубы великим гласом, запели стройно григореи, и взошел их глас перед ликом Господним.

Затем взяли меня те мужи и возвели на шестое небо. Там увидел я семь пресветлых и многославных ангелов. Лица их сияли ярче солнечных лучей, и не различались они обликом, поведением или облачением. Ведают эти чины движением звезд, обращением солнца и изменениями луны. Наблюдая добрые и злые мирские дела, они учиняют заповеди и поучения и творят сладкое богогласное пение и всяческие славные хвалы. Это — архангелы, стоящие над ангелами и каждым существом, будь оно небесное

или земное. Им подчиняются ангелы, бдящие над всяким земным плодом, всякой травинкой и всякой пищей, которая дается всякой живой твари. Они стоят и над ангелами всех человеческих душ, записывающими дела и жития людей перед ликом Господним. Среди них — семь фениксов, семь херувимов и семь шестикрылых. И у них — один глас, и поют они единогласно, причем пение их невозможно описать. И радуется Господь подножию своему.

Затем взяли меня те мужи и вознесли на седьмое небо. И увидел я безмерно яркий свет и все огненное воинство великих архангелов, бесплотных сил, господствующих начал и властей, херувимов, серафимов, престолы и десять полков многоокого светлостояния. И убоялся я и затрепетал от великого страха. Тогда те мужи взяли меня, ввели среди воинства и сказали: "Дерзай, Енох, не бойся!" И показали мне издали Господа сияющего на своем высочайшем престоле. И, подступив к нему, небесное воинство, выстраиваясь по чину десяти степеней, кланялось Господу и снова становилось на свои места в радости и веселии и в свете безмерном, воспевая песни тихими и кроткими голосами. И служили они Господу, не отходя от Него ни днем, ни ночью, стоя перед Его лицом и творя Его волю. Херувимы и серафимы окружали его престол, а шестикрылые покрывали Его и пели тихим гласом пред ликом Господним. И когда я все это увидел, сказали мне мужи: "Енох, нам велено сопровождать тебя лишь до этого места". И отошли они, и больше я их не видел. Оставшись один на краю небес, устрашился я и пал ниц, говоря про себя: "За что мне такое выпало!" И послал Господь одного из славных своих архангелов именем Гавриил, и тот сказал мне: "Дерзай, Енох, не бойся! Встань и иди со мной и предстань пред ликом Господним вовеки". И отвечал я ему, говоря про себя: "Господи, покинула меня душа моя от страха и трепета. Призови ко мне тех мужей, что привели меня сюда, ибо на них я уповал и с ними иду к лику Господню".

И поднял меня Гавриил, как поднимает ветер лист, и поставил пред ликом Господним. И увидел я лицо Господа. Было оно сильное и преславное, чудное и престрашное,

грозное и престранное. Но кто я таков, чтобы описывать необъятное существо Господа, Его лицо предивное и неисповедимое, Его лик многоученый и многогласный? Как рассказать о престоле Господнем, превеликом и нерукотворном, о ликостоянии окружающих Его херувимов и воинстве серафимов, о неумолчном их пении? Кто сможет передать неизменный и неисповедимый образ Его красоты и величие Его славы? И пал я ниц и поклонился Господу. И Господь устами своими сказал мне: "Дерзай, Енох, не бойся! Поднимись и предстань пред ликом Моим вовеки". И поднял меня архистратиг Михаил и подвел к лику Господа. И сказал Господь слугам своим, вглядываясь в них: "Пусть приблизится Енох, чтобы стоять пред ликом Моим вовеки". И поклонились ангелы господни и молвили: "Пусть приблизится он по слову Твоему". И сказал Господь Михаилу: "Приступи и совлеки с Еноха земные ризы, и помажь его благим мирром Моим, и облачи его в ризы славы Моей". И Михаил сделал так, как повелел ему Господь: помазал меня и облачил. И мирро светилось паче самого яркого света, а было оно, словно роса благодатная, а благоухание и аромат смирны его сверкали, будто солнечные лучи. И оглядел я самого себя — стал подобен я одному из славных ангелов Его и ничем не отличался от них.

И призвал Господь одного из своих архангелов именем Вревоиль, превосходящего остальных быстротой ума и записывающего все дела Господни. И возгласил Господь: "Принеси книги из Моих хранилищ и покажи Еноху. Дай ему и трость писчую".

Вревоиль немедля принес изящные благовонные книги и вручил мне своею рукою борзописную трость. И растолковал он мне все небесные и земные дела: о море и всех явлениях, движениях и разгулах природных стихий; о солнце, луне, звездах, об их движении и изменении; о временах года, летах, днях и часах; о восхождении облаков и дуновении ветров; об ангельских числах и песнях воинства; о жизни человеческой, заповедях и поучениях; о сладкоголосном пении и обо всем, чему следует поучиться.

Вревоиль просвещал меня тридцать дней и тридцать ночей, и все это время не умолкали его глаголющие уста. Я же без устали записывал все о знамениях и чудесах. И когда минуло шестьдесят дней и шестьдесят ночей, Вревоиль сказал: "Вот все, что я должен был тебе рассказать, а ты — записать. А теперь садись и запиши души неродившихся людей и отведенные им навеки места, ибо до сотворения мира было предопределено, какой быть всякой душе".

И сидел я ровно шестьдесят дней и шестьдесят ночей, и записал все точно. И написал я триста шестьдесят шесть книг.

Родился же Енох на шестой день месяца памовуса и жил триста шестьдесят пять лет. А взят он был на небеса месяца нисана в первый день. На небесах же пребывал он шестьдесят дней, записывая все о знамениях и тварях, созданных Господом. И написал Енох триста шестьдесят шесть книг и передал их своим сыновьям. И провел он на земле тридцать дней, рассказывая им обо всем, а потом опять был взят на небо того же месяца памовуса, в тот же шестой день и час, в который родился. Так каждое человеческое существо обладает тайнами сего жития: зачатия, рождения и преставления. В какой час оно зачато, в такой же рождается и преставляется.

Аминь.

АПОКАЛИПСИС БАРУХА

Когда царь Навуходоносор пленил град Иерусалим и умножил богатства Вавилона, тогда я, Барух, неутешно плакал и говорил: "Господи, за что посчитал Ты праведным царя Навуходоносора и почему не пощадил Ты свой славный град Иерусалим? Зачем сотворил Ты такое, Господи?" И предо мною, плачущим, предстал ангел Господень Фануил и сказал мне: "Умолкни, муж, и скорбь свою умерь, ибо так было суждено Иерусалиму. Говорит это пославший меня Господь, чтобы поведал я тебе тайны Божии, ибо слезы твои и глас твой вошли в уши Вседержителя Бога. Но обещай ничего не прибавлять от себя

и не утаивать от людей. И тогда я открою тебе многие тайны, которые не ведомы ни одному человеку". И Барух ответил ангелу: "Обещаю ничего не утаивать и не прибавлять ни единого слова. Если же не сдержу обещания, да возложит на меня Господь этот грех в день Страшного Суда".

И взяв мои силы, ангел понес их к небесной тверди — туда, где первое небо. Там показал мне врата превеликие и сказал: "Войди в эти врата". И вошли мы, и путешествовали целых семь дней. И увидел я огромное поле, на котором паслись люди. Лица у них были воловьи, рога оленьи, ноги козьи, туловища же бараньи. И вопросил я ангела: "Сколь велики небеса, которые мы миновали, и что означает сие поле, как рассказать о нем сынам человеческим?" И ответил ангел Фануил: "Врата, через которые мы прошли, простираются с Востока до Запада. Толщина же небес равна их расстоянию до земли, а ширина — вдвое больше". И вопросил я ангела о страшных обликом людей, пасшихся на поле. Он же ответил: "Это те, кто хотел воздвигнуть Вавилонскую башню, за что и были обезображены Богом".

Потом взял меня ангел и вознес на второе небо. И, указав на открытые врата, молвил: "Войди в них". И летали мы там семь дней. И показал он мне огромную клетку, в которой жили люди иные по образу. Лица у них были песьи, ноги оленьи и рога козьи. И спросил я ангела: "Господи, кто это?" Он же ответил: "Это те, кто, создав Вавилонскую башню, хотел взобраться на небо. На ее строительство они согнали мужчин и женщин со всей вселенной. Это нужно было видеть: одни рубили дрова, другие обжигали кирпичи, третьи подносили камни, четвертые размешивали известь. Попросту говоря, великая беда постигла людей от Востока до Запада, ибо лишились они покойной жизни. Скорбь и мука овладели людьми. Женщины, ожидавшие детей, не покидали своего места, продолжали размешивать известь, и если рождался ребенок, то его тут же пеленали и сбрасывали вниз. Воздвигнув башню высотой восемь тысяч и две сажени и шириной пятьсот, они выковали бурав, желая просверлить отверстие

в небе и поглядеть, какое оно внутри: каменное, стекляное или медное? И за высокомерие и дерзость Господь поразил их Своею невидимою палицей, разделив на пятьдесят два разных языка. И заговорили они с той поры каждый на своем языке — прежде же, от Адама до возведения башни, был один у всех язык, сирийский".

И затем взял меня ангел, и летели мы тридцать два дня. И показал он мне поле великое, непостижимое умом человеческим. На поле стояла высокая гора, а на ней лежала змея, вытянувшаяся от Востока до Запада. Припав к морю, она ежедневно выпивала из него воды на локоть и пожирала землю, точно сено. И сказал я ангелу: "Господи, выпивает эта змея каждый день из моря воды на локоть. Как же не оскудевает оно, если из него столько пьют?" И ответил ангел: "Слушай, Барух! Господь Бог сотворил 343 превеликие реки: первая река — Альфея, вторая — Авирия, третья — Горника, четвертая — Дунай, пятая — Евфрат, шестая — Азафа, седьмая — Затеус, восьмая — Неус, девятая — Перикула. Число же всех рек — 343, и все они впадают в море. Потому и сотворил Бог эту змею и повелел ей ежедневно выпивать из моря воды на локоть. Если бы она не пила, то на земле не было бы суши". И вопросил я ангела: "Господи, если змея выпивает столько воды, да еще пожирает землю, словно сено, сколь же громадна ее утроба?" И ответил мне ангел: "Какова глубина и ширина ада, такова и утроба змеи".

И снова вопросил я ангела: "Господи, покажи мне дерево, которым змей прельстил Еву, уговорив ее вкусить от плода и дать вкусить Адаму, после чего Бог изгнал их из рая". И сказал мне ангел: "Слушай, Барух! Когда Бог сотворил Адама, Он повелел архангелу Михаилу собрать двести три тысячи ангелов, чтобы посадить в раю деревья. И ангелы посадили всякие деревья. Михаил посадил тогда маслину, Гавриил — яблоню, Рафаил — айву, Напаил — орех, Саразаил — калину. А Саманаил — его тогда так называли — посадил лозу. После же изгнания из рая, Саманаила нарекли Сатанаилом".

А я, Барух, снова вопросил: "Господи, покажи мне дерево, которым змий прельстил Еву и Адама". И ответил

мне ангел: "Слушай, Барух, первое дерево — лоза. Это дерево греховной похоти, которую Сатанаил излил на Еву и Адама. И за это Бог проклял лозу, ибо ее посадил Сатанаил и прельстил первозданного Адама и Еву". И сказал я ангелу: "Господи, раз Бог проклял лозу и ее насаждение, почему же она произрастает и поныне?" И ответил мне ангел: "Правильно ты спрашиваешь. Когда Господь навел на землю потоп и истребил четыреста девять тысяч исполинов, водой покрылись все высокие горы. Тогда поднялась вода до рая и вынесла оттуда одну виноградную лозу, и, когда Господь осушил землю от воды, Ной вышел из ковчега и нашел на земле лозу. Он слышал о ней, но не знал, как она выглядит. И, поразмыслив, Ной сказал: "Воистину, это лоза, которую Сатанаил посадил посреди рая и которой прельстил Еву и Адама. И за это проклял Бог лозу и ее насаждение. Поэтому, если посажу ее, то разгневается Он на меня". И, встав на колени, он постился и молился два дня, говоря: "Господи, не разгневаешься ли Ты на меня, если посажу я росток лозы?" Тогда Бог послал своего ангела Саразаила, и сказал тот Ною: "Встань и посади найденный тобою росток, и я изменю его и обращу в добро". Но берегись, Барух! Дерево это несет в себе и зло: оно, подобно Сатанаилу, не изменяет своей злой сути, ибо люди пьют помногу вина. Оно источник всевозможных зол: из-за вина брат восстает на брата, а отец на сына; оно ведет к разбою, прелюбодеянию и блуду. Вот сколько бед приносит вино!"

И сказал мне ангел: "Иди, Барух, и я открою тебе другие тайны. Увидишь ты, откуда восходит солнце". И показал он четвероообразную колесницу, запряженную огненными крылатыми ангелами, и сидел в ней человек, держа огненный венец с перьями. Колесницу ту несли двадцать ангелов, перед которыми летела птица с крыльями, простиравшимися от Востока до Запада. И спросил я, Барух, ангела: "Скажи мне, Господи, что это за колесница? Что за муж с огненным венцом? Что за птица?" И ангел ответил: "Человек с огненным венцом, сидящий на огненной колеснице, есть солнце. А летящая птица есть

хранительница всего мира". И вопросил я ангела: "Как же хранит мир эта птица?" И объяснил мне ангел: "Птица эта простирает свои крыла, заслоняя ими огненные солнечные лучи. Если бы она этого не делала, то род человеческий и любая живая тварь не вынесли бы жара солнечного пламени. Повелел Господь этой птице трудиться во вселенной до скончания века. Но взгляни, что пишет Он на правом ее крыле". Буквы величиной с гумно сверкали золотом и гласили: "Не земля меня родила, не небо, но породил меня престол моего Отца".

И вопросил я ангела: "Как зовут эту птицу?" И ответил он: "Имя этой птицы — феникс". И продолжил: "Обожди, Барух, и узришь ты славу Божью". Стояли мы тогда и пели хвалу Богу. И услышав сильнейший гром с неба, вопросил я ангела: "Что за гром это, мой Господь?" И сказал ангел: "Гром, что ты слышал, отделяет свет от тьмы, когда ангелы выносят солнечный венец к Божьему престолу". И увидел я солнце, бредущее, словно унылый дряхлый старик. Увидел я и ковылявшую рядом с ним птицу, тоже весьма печальную. И задал я вопрос ангелу: "Отчего столь уныла эта птица?" И сказал мне ангел: "Она утомлена зноем и солнечным жаром". И слышал я, как та птица кричала: "О творец света, ниспошли миру свой свет!" И точно вторя ей, тут же раздавался крик петушиный.

И снова вопросил я ангела: "Господи! Скажи мне, долго ли почивает солнце?" И сказал мне ангел: "Почивает оно от крика петуха до рассвета, а после трогается в путь". И продолжал: "Слушай, Барух, расскажу я тебе и о солнечном заходе. Когда день кончается и солнце закатывается, девять ангелов берут солнечный венец и несут к Божьему престолу, ибо венец тот осквернен землей и земными грехами. Во время движения по небу солнце сильно страдает от творящихся на земле беззаконий, убийств и прелюбодеяний. И оплакивает солнце осквернение своего венца. Потому его очищают у престола Божия".

И попросил я ангела: "Господи, объясни мне, как заходит луна". И ответил он: "Луна подобна женщине,

сидящей в колеснице, которую везут двадцать волов, — они тоже ангелы". И молвил я: "Господи, ответь мне на вопрос. Почему луна, не давая света, как солнце, все же возрождается?" И сказал ангел: "Слушай, Барух! Я расскажу тебе, и ты поймешь. Когда змей обольстил Еву и Адама, они узнали наготу свою и убоялись. И опечалились небеса, звезды и солнце. И все твари до самого престола Божия пришли в волнение. Сильно возмутились преступлением Адамовым и ангельские силы. Лишь одна луна смеялась. И прогневался на нее Господь и помрачил ее свет. И сделал Он так, что она быстро старится и возрождается. Вначале все было иначе — луна была ярче солнца, и у нее была долгота дня".

Затем взял меня ангел и показал преширокую дымящуюся реку возле большого озера. И спросил я: "Что это за озеро?" И ангел объяснил: "Это озеро, из которого питаются облака и после орошают землю". И сказал я: "Но люди утверждают, будто облака опускаются в море и, напившись морской воды, посылают дожди на землю". И возразил ангел: "Заблуждается род людской и ничего не знает. Морская вода — соленая. Если б шли дожди с моря, то земля не производила бы плодов".

И ангел славы, подняв меня на пятое небо, показал превеликие врата. И на вратах тех были написаны человеческие имена. И сказал он: "Войдут сюда только те, чьи имена здесь отмечены". И спросил я: "Не откроются ли эти врата, чтоб войти нам внутрь?" И ответил ангел: "Не откроются они до тех пор, пока не появится Михаил из Царства Божия. Жди и узришь славу Божию". И когда мы ждали, с высокого неба разнесся глас, подобный раскатам грома. И спросил я ангела: "Что за глас это, Господи?" И пояснил он: "Это сходит Михаил принять человеческие молитвы". И раздался глас, повелевающий открыть врата. Они распахнулись, прогремел гром пуще прежнего, и явился Михаил. Ангел, бывший со мной, встретил его и поклонился. И увидел я, что Михаил несет огромную дарохранительницу, глубиной как от небес до земли. И спросил я: "Господи, что держит в руках Михаил?" И ответил ангел: "Это то, куда помещают молитвы чело-

веческие". И пока он объяснял, появились ангелы, несущие с земли дары, полные цветов. И поинтересовался я: "Господи, кто это?" И сказал ангел: "Это ангелы, служащие праведникам и приносящие от них добрые дары". Принял Михаил дары и поместил в дарохранительницу.

Видел я и других ангелов, возвращавшихся ни с чем и обиженных грешниками, ибо не обретали у них ничего. И жаловались они первоначальнику Михаилу, говоря: "Горе нам, ибо посылают нас в осквернённые человеком места, где нет ничего праведного. Будь на то наша воля, не являлись бы мы туда и не вдыхали бы тамошнего смрада. Ибо женщины там ходят в церковь для блуда и творят всякую нечистоту. Нет сил доле жить с нечестивыми". И сказал Михаил: "Слушайте, ангелы Божии! Не велено вам отступаться от грешников, но велено служить им, пока не покаются. Если же они не раскаются и не образумятся, буду Я сам судить их, говорит Господь". И тут снова раздался глас с неба, вещающий: "Идите и служите грешникам, пока они не покаются. Если же не внемлют вам, несите болезни, немочи и смерть нечаянную, саранчу и гусениц, ливень нещадный, гром и град, ярость и разрушение городам. И детей утопите, ибо не ведают они страха Божьего, и собираются в церкви не для молитв, а для заклятий".

И сказал ангел: "Взгляни, Барух, на обиталище праведных — царят там слава, радость и веселье! Посмотри и на обиталище нечестивых — здесь слезы, стоны и червь неустанный! И грешники взывают к небесам: "Помилуй нас, Судия!" И просил я ангела: "Господи, вели и мне поплакать о них". И дозволил ангел: "Поплачь и ты. Может, Господь услышит глас твой и помилует их".

Потом раздался глас с неба, говорящий: "Отпустите Баруха на лик земной, и пусть расскажет он сынам человеческим о том, что видел и слышал, и передаст им все тайны". Богу же нашему слава, честь и поклонение...

Аминь.

ПОИМАНДРЕС*

Как-то раз, размышляя о сущем, я был столь вознесен своею мыслью, что все телесное во мне пришло в оцепенение и было как бы объято глубоким сном. И явился мне кто-то огромный, позвал меня по имени и сказал: "Что хочешь ты увидеть и услышать, что желаешь постигнуть и узнать?" Когда я, пораженный, спросил его, кто он, он сказал: "Я — Поимандрес, Нус** всевластия, коему ведомы все твои пожелания и кто всегда пребывает с тобой".

Я сказал ему: "Желаю познать сущее, природу сущего и Бога. О, как хочу я постигнуть все это!" Он же ответил: "Смотри и запоминай, что я явлю тебе и в чем наставлю".

И вот он преобразился, и все открылось мне, и видел я безграничный свет, тихий и приятный, и возлюбил его безмерно. А потом сгустилась ужасная тьма, свиваясь кольцами наподобие змеи. Затем тьма обрела образ влажной природы, сотрясавшуюся и клубящуюся, испускавшую жалобные стоны...

И Поимандрес сказал: "... Свет — это я, Нус и твой Бог, воссиявший во тьме, а исходящее от меня — суть святой Логос — Сын Божий... Уразумей это так: видит и слышит в тебе Логос, а я — Бог-Отец. И мы нераздельны друг с другом, и наше единение — жизнь"...

Я спросил: "Откуда возникли элементы природы?", и он ответил: "Из воли Божьей, которая, восприняв Логос и увидев умопостигаемый космос, воспроизвела увиденное из себя и своих творений — душ. Нус же, будучи женой и мужем, жизнью и светом, породил другого бога — Демиурга, бога пневмы и огня, который создал семь верховных правителей — архонтов, охвативших телесный мир круговращением своих сфер. Управление же их суть судьба.

---

* Фрагменты. Поимандрес — "пастырь мужей" (греч.). От первого лица говорит Гермес Трисмегист.

** Нус (Νους) — вездеприсущий, всеобъемлющий, духовный и творческий Ум.

И тогда божественный Логос воспрянул из нижних стихий в чистую часть мироздания и соединился с Нусом-Демиургом, ибо он был единосущ ему, а нижние стихии остались бессловесными, став простой материей.

Нус же вместе с Логосом, создав и закружив орбиты, произвел вечное круговращение всех тварей... и это круговращение, по повелению Нуса, произвело из нижних стихий бессловесных животных: из воздуха возникли пернатые, из воды — водоплавающие; когда же земля и вода разделились, из недр земли вышли четвероногие и пресмыкающиеся.

Затем Нус, Отец всего сущего, будучи светом и жизнью, родил подобного себе Человека; он полюбил его как своего сына. Ведь он был прекрасен, имея образ Отца; так-то, в действительности, Отец полюбил собственный образ и передал ему все свои создания. Человек, созерцая творения Демиурга в огне, и сам пожелал творить; и ему это было разрешено Отцом. Опустившись в сферу Демиурга с тем, чтобы иметь власть над нею, он созерцал творения брата, и они полюбили его, и каждый уделил ему часть своего естества. Познав их сущность и получив удел в их природе, он пожелал разомкнуть вращение сфер и постичь власть того, кто восседает над огнем.

И вот владыка всего смертного мира с его бессловесными тварями прошел сквозь гармонию небес, разомкнув ее сферы; он явил нижней Природе свой прекрасный божественный образ; увидев его, вместившего в себе всю силу архонтов и подобие Бога, Природа ему улыбнулась, любя. А он, увидев свое подобие в ней, отраженное в ее воде, воспылал любовью к нему и пожелал вселиться в него; с желанием явилась и сила, и он вселился в бессловесное подобие. А Природа, залучив возлюбленного, обвила его, и они совокупились, став любовниками. И вот почему, в отличие от всех остальных существ земли, человек двойственен: будучи смертен своим телом, он бессмертен благодаря сущему Человеку. Обладая властью над всеми, он претерпевает, подчиняясь судьбе; пребывая над сферой, он — замкнут, как раб, внутри сферы...

И вот великая тайна, скрытая до сего дня: Природа, совокупившись с Человеком, произвела на свет чудо: так как Человек имел в себе природу гармонии семи архонтов, состоящую из пневмы и огня, то и Природа не остановилась, и родила семерых людей, соответствующих природе семи архонтов, обоеполых и устремленных ввысь... Порождение первых семи людей произошло так: женским началом была земля, оплодотворяющим — вода; огонь произвел созревание, а воздух — дыхание; тела же были порождены по подобию Человека. Человек же из жизни и света превратился в душу и ум... И когда исполнилось время, муже-женский союз был расторгнут по воле Бога, все двуполые существа разделились и стали мужскими и женскими сами по себе. И тогда Бог сказал святое слово: "Растите в росте и умножайтесь во множестве, все твари и создания; и да познает мыслящий человек самого себя, что он бессмертен и что причина смерти — любовь, и да постигнет он смысл всего сущего".

И после того, как Бог изрек это, Провидение судьбой и вращением сфер произвело союзы и установило поколения, и стала плодиться всякая тварь по роду своему, и познавший себя получил благой удел, возлюбивший же тело, плод ложной любви, пребывает во тьме заблуждений и претерпевает смерть"...

Сказав мне это, Поимандрес воссоединился с властями огдоады; а я, воздав благодарение Отцу всего сущего... начал вещать людям красоту благочестия и знания...

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАКОНЫ МАНУ*

1. Великие риши**, приблизившись к Ману***, сидевшему, углубившись в себя, почтив его должным образом, сказали такую речь:

2. "О божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке дхармы**** всех [четырех] варн и имеющих смешанное происхождение.

3. Ибо ты, Владыка, один знаешь истинный смысл обрядов всего непостижимого, неизмеримого предписания***** Самосущего".

4. Он, обладающий неизмеримым могуществом, так спрошенный теми, обладающими великой душой, должным образом почтив всех тех великих риши, ответил так: "Да будет выслушано!

5. Этот [мир] неведомый, непреодолимый, недоступный для разума, непознаваемый, как бы совершенно погруженный в сон, был тьмой.

6. Тогда божественный Самосущий невидимый, [но] делающий это — великие элементы****** и прочее — видимым, проявляющий энергию, появился, рассеивая тьму.

7. Тот, кто постижим [лишь] умом, неосязаемый, невидимый, вечный, заключающий в себе все живые существа, дивный (acintya), проявился сам [по собственной воле].

8. Решив произвести из себя различные существа, он вначале сотворил воды и в них испустил свое семя.

9. Оно стало золотым яйцом по блеску равным солнцу; в нем он сам родился [как] Брахма, прародитель всего мира.

---

* Фрагмент. Пер. С.Д. Эльмановича.

** Риши — вдохновенные певцы и святые.

*** Ману — первый прародитель всего живого на земле.

**** Дхарма — правило добродетельного поведения.

***** Имеется в виду Веда.

****** Великие элементы — эфир, воздух, огонь, вода и земля.

10. Воды называются нара, ибо воды — действительно порождение Нары*; они — первое местопребывание его, поэтому он именуется Нараяной.

11. Из этой [перво]причины, невидимой, вечной, образующей реальное и нереальное, возник [дух] Пуруша, который повсюду в мире прославляется [под именем] Брахмы.

12. Он, божественный, прожив в том яйце целый год, сам же силой своей мысли разделил это яйцо надвое;

13. и из тех двух половинок он создал небо и землю, между ними атмосферу (vyoman), восемь стран света и вечное местопребывание вод.

14. Из самого себя он также извлек разум (manas), образующий реальное и нереальное; из разума же — сознание (ahankara), имеющее способность самосознания [и] господствующее;

15. кроме того, Великую душу, все [творения], одаренные тремя качествами, и по порядку пять органов чувств, воспринимающие предметы мира.

16. Соединяя малые частицы этих шести, обладающие чрезвычайной энергией, с частицами самого себя, он создал все существа.

17. Так как эти шесть [родов] малых частиц его облика входят в эти существа, его облик мудрые назвали телом.

18. В него входят великие элементы со своими функциями и разум со своими малыми частицами — вечный творец всех существ.

19. Из малых [образующих] тело частиц этих семи могущественных принципов происходит этот [мир], приходящий из неизменного.

20. Среди них каждый последующий приобретает качество каждого предыдущего, и считается, что какое место каждый из них занимает, столькими качествами он обладает**.

---

* Нара — одно из наименований Великой (мировой) Души.

** Эфир обладает только звуком, воздух — звуком и осязаемостью, огонь — еще и цветом, вода — тем же, плюс вкусом, а земля вдобавок и запахом.

21. Вначале же он определил для всех — для каждого в отдельности, — в согласии со словами Вед, имена, род деятельности и особое положение.

22. Он, Владыка, создал богов деятельных и одушевленных и неосязаемый сонм садхьев*, а также вечное жертвоприношение.

23. Из огня, ветра и солнца он извлек тройную вечную Веду, состоящую из Риг, Яджур и Сама, ради снискания успеха в жертвоприношении.

24. [Он создал] время и разделение времени, звезды и также планеты, реки, океаны, горы, равнины и неровности,

25. аскетизм (tapas), речь, наслаждение, желание и гнев; и, желая сотворить эти живые существа, он создал это творение.

26. Для различения же деяний он отделил дхарму от адхармы и подчинил эти живые существа двойственным состояниям — [напр.], наслаждению и страданию и т. д.

27. Посредством тех, которые были упомянуты как мелкие, подвергшиеся изменениям частицы пяти [элементов], создано в должном порядке все это.

28. И к какой деятельности Владыка предназначил каждое [существо], ее только оно само и выполняет, возрождаясь опять и опять.

29. Какое качество он установил для каждого при сотворении — зловредность или безвредность, мягкость или жестокость, правду или ложь, — то само по себе проникло в него.

30. Как при смене времени года [каждое] само по себе приобретает свои отличительные признаки, так и существа, одаренные телом, — свои виды деятельности.

31. А ради процветания миров он создал из своих уст, рук, бедер и ступней [соответственно] брахмана, кшатрия, вайшия и шудру.

32. Разделив свое тело, он стал посредством [одной] половины мужчиной, [другой] половины — женщиной; от нее тот Владыка произвел Вираджа.

---

* Садхьи — второстепенные божества.

33. Но знайте, достойнейшие из дважды рожденных, что я, которого создал сам мужчина Вирадж, исполнив покаяние, творец всего этого [мира].

34. И я, желая произвести существа, совершив весьма трудный для исполнения аскетический подвиг, создал сначала владык существ — десять великих риши:

35. Маричи, Атри, Ангираса, Пуластью, Пулаху, Крату, Прачетаса, Васиштху, Бхригу и Нараду.

36. Они создали семь других Ману, преисполненных блеска, богов, местопребывания богов и великих риши, обладающих неизмеримым могуществом,

37. якшей, ракшасов, пищачей, гандхарвов, апсар, асуров, нагов, змей супари и разные сонмы предков,

38. молнии, громы и тучи, полные и неполные радуги, метеоры, небесные шумы, кометы и различные светила,

39. киннаров, обезьян, рыб, различных птиц, домашний скот и диких животных, людей и плотоядных животных с двумя рядами зубов,

40. червей и насекомых, молей, вшей, мух, клопов, всех жалящих и кусающих и недвижущихся разного рода.

41. Таким образом, все это — недвижущееся и движущееся — было произведено этими, обладающими великой душой, посредством аскетизма и по моему повелению, согласно карме.

42. Какого рода деятельность установлена здесь для каких живых существ, это я подлинно объявляю вам, а также способ рождения.

43. Домашний скот и дикие животные, плотоядные с двумя рядами зубов, ракшасы, пищачи и люди — живородящие.

44. Рожденные из яйца — птицы, змеи, крокодилы, рыбы с черепахами и разряды [животных], которые рождены на суше, а также в воде.

45. Рожденные от теплоты — жалящее и кусающее, вошь, муха, клоп и другое подобное, которое рождается от пота.

46. Все растения, размножающиеся посредством семени или стебля, растут из отпрыска; однолетние растения —

[те, которые], принеся много цветов и плодов, погибают после созревания плода.

47. Те, которые дают плод, не давая цветов, называются ванаспати, но приносящие цветы и плоды называются врикша.

48. Различные кустарниковые растения, а также разного рода травы, вьющиеся и ползучие растения произрастают от семян и стеблей.

49. Окруженные темнотой, имеющей многие виды, — следствием кармы — они наделены самоощущением и исполнены наслаждений и страданий.

50. [Таковы], начиная с Брахмы и кончая этими [растениями], упомянутые состояния в этом всегда страшном, постоянно движущемся круговороте душ.

51. Так все это и меня создав, он, чье могущество непостижимо, погрузился в самого себя, неоднократно выжимая время временем*.

52. Когда он, божественный, бодрствует, тогда этот мир находится в движении; когда он спокойно спит, тогда все спит.

53. Когда он спит в этом спокойном состоянии, одаренные телом существа, по природе деятельные, отвращаются от своих дел и разум (manas) расслабляется.

54. Когда же они одновременно погружаются в тот великий атман, то он — душа всех существ — мирно почивает в совершенном спокойствии.

55. Погрузившись же в темноту, он долго сохраняет способность чувствовать, но не исполняет своих функций; затем он выходит из тела.

56. Когда, состоя из крошечных частиц, он проникает в семя — растительное или животное — тогда, соединившись [с ним], он принимает телесный облик.

57. Так он, неизменный. пробуждением все движущееся и недвижущееся всегда оживляет и разрушает.

58. И эту шастру** создав, он сначала меня должным образом ознакомил, я же — Маричи и других мудрецов.

---

* Т. е. сменяя период творения периодом разрушения.

** Шастра — сборник поучений в различных областях знания.

59. Эту шастру вам без остатка изложит Бхригу; ибо этот мудрец узнал ее всю без пропусков от меня".

60. Тогда тот великий риши Бхригу, когда ему было так сказано тем Ману, сказал всем тем риши: "Да будет выслушано!

61. Другие шестеро Ману, принадлежащих к роду Ману, происшедшего от Самосущего, — все творящие существа, обладающие великой душой и неизмеримым могуществом,

62. [это] — Сварочиша, Ауттами, Тамаса, а также Райвата, Чакшуша, обладающий великим блеском, а также сын Вивасвата.

63. Эти семь Ману, начиная с происшедшего от Самосущего, обладающие большим блеском, каждый в свое время произведя все это движущееся и недвижущееся, владели [им].

64. Восемнадцать нимеш* [составляют] каштху; те тридцать — калу; мухурта состоит из тридцати кал; столько же [мухурт составляют] день и ночь.

65. Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные; ночь [предназначена] для сна живых существ, день — для совершения дел.

66. У предков день и ночь — месяц, но разделенный на две половины: темная — день для совершения дел, светлая — ночь для сна**.

67. У богов день и ночь — [человеческий] год, опять разделенный надвое; день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу.

68. Теперь выслушайте вкратце, каков размер ночи и дня Брахмы и веков*** — одного за другим по порядку.

69. Сказали, [что] четыре тысячи лет [составляют] век Крита; сумерки, предшествующие ему [имеют] столько же сотен [лет], сумерки последующие — столько же.

---

* Нимеш — миг, время мигания глаза.

** Лунный месяц: темная половина — время убывания луны, светлая — прибывания.

*** Век — Великая Юга — период от сотворения до разрушения мира — состояла из четырех юг: Крита, Трета, Двапара и Кали.

70. В другие три [века] с их сумерками — предшествующими и последующими — тысячи и сотни уменьшаются на единицу [в каждом случае].

71. Эти двенадцать тысяч [лет], только что упомянутые как сумма четырех [человеческих] веков называются веком богов.

72. Да будет известно, что сумма тысячи божественных веков — один день Брахмы, столько же — ночь.

73. Те [лишь, которые] знают, что святой день Брахмы оканчивается по [прошествии] тысячи веков [богов], и ночь такова же, [суть именно] люди, знающие, [что такое] день и ночь.

74. По окончании того дня и ночи он, спящий, пробуждается, а пробудившись, создает разум — реальный и нереальный.

75. Разум, побуждаемый желанием [Брахмы] творить, видоизменяет сотворенное [и] поэтому порождает эфир; они объявили, что его качество — звук.

76. От эфира, вследствие его видоизменения, происходит разносящий всякий запах, чистый, могучий ветер; он считается обладающим качеством осязания.

77. От ветра, вследствие его видоизменения, происходит озаряющий и разгоняющий тьму лучезарный свет; качеством его считается форма;

78. а от света, вследствие его видоизменения, — воды; они считаются обладающими качеством вкуса; от вод — земля, обладающая качеством запаха. Так было сказано вначале.

79. Ранее упомянутый век богов — двенадцать тысяч [лет] — взятый семьдесят один раз, называется здесь манвантарой.

80. Манвантары, создания и разрушения [мира], бесчисленны; Высочайшее Существо (Parameshthin), как бы играя, создает их каждый раз.

81. В век Крита дхарма — четвероногая и полная, также и истина; никакой выгоды не было людям от адхармы.

82. Но в другие [века] из-за [стремления к] выгоде дхарма теряет постепенно по ноге; и из-за воровства

(caurika), лжи (anrta) и обмана (maya) дхарма исчезает четверть за четвертью.

83. Свободные от болезней, достигающие всех целей [люди] в век Крита живут по четыреста лет, но в Трета и прочих их жизнь уменьшается на одну четверть.

84. Жизнь смертных, упоминаемая в Веде, желанные результаты жертвенных обрядов и сила одаренных телом распределяются соответственно веку...

ПЛАТОН

КОСМОГОНИЯ*

<...> **Тимей.** Рассмотрим же, по какой причине устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил. Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи ей чужд, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому. Усмотреть в этом вслед за разумными мужами подлинное и наиглавнейшее начало рождения и космоса было бы, пожалуй, вернее всего. Итак, пожелавши, чтобы все было хорошо и чтобы ничто, по возможности, не было дурно, бог позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; он привел их из беспорядка в порядок, полагая, что второе, безусловно, лучше первого. Невозможно ныне и было невозможно издревле, чтобы тот, кто есть высшее благо, произвел нечто, что не было бы прекраснейшим; между тем размышление явило ему, что из всех вещей, по природе своей видимых, ни одно творение, лишенное ума, не может быть прекраснее такого, которое наделено умом, если сравнивать то и другое как целое; а ум не может быть ни в чем, кроме души. Руководясь этим рассуждением, он устроил ум в душе, а душу в теле и

* Фрагменты из диалога "Тимей". Пер. С С Аверинцева.

таким образом построил Вселенную, имея в виду создать творение прекраснейшее и по природе своей наилучшее. Итак, согласно правдоподобному рассуждению, следует признать, что наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения.

Коль скоро это так, мы сейчас же должны поставить другой вопрос: что же это за живое существо, по образцу которого устроитель устроил космос? Мы не должны унижать космос, полагая, что дело идет о существе некоего частного вида, ибо подражание неполному никоим образом не может быть прекрасным. Но помыслим такое [живое существо], которое объемлет все остальное живое по особям и родам как свои части, и решим, что оно-то и было тем образцом, которому более всего уподобляется космос: ведь как оно вмещает в себе все умопостигаемые живые существа, так космос дает себе место нам и всем прочим видимым существам. Ведь бог, пожелавши возможно более уподобить мир прекраснейшему и вполне совершенному среди мыслимых предметов, устроил его как единое видимое живое существо, содержащее все сродные ему по природе живые существа в себе самом.

Однако правы ли мы, говоря об одном небе, или вернее было бы говорить о многих, пожалуй, даже неисчислимо многих? Нет, оно одно, коль скоро оно создано в соответствии с первообразом. Ведь то, что объемлет все умопостигаемые живые существа, не допускает рядом с собою иного; в противном случае потребовалось бы еще одно существо, которое охватывало бы эти два и частями которого бы они оказались, и уже не их, но его, их вместившего, вернее было бы считать образцом для космоса. Итак, дабы произведение было подобно всесовершенному живому существу в его единственности, творящий не сотворил ни двух, ни бесчисленного множества космосов: лишь одно это единородное небо, возникши, пребывает и будет пребывать.

Итак, телесным, а потому видимым и осязаемым — вот каким надлежало быть тому, что рождалось. Однако видимым ничто не может стать без участия огня, а

осязаемым — без чего-то твердого, твердым же ничто не может стать без земли. По этой причине бог, приступая к составлению тела Вселенной, сотворил его из огня и земли. Однако два члена сами по себе не могут быть хорошо сопряжены без третьего, ибо необходимо, чтобы между одним и другим родилась некая объединяющая их связь. Прекраснейшая же из связей такая, которая в наибольшей степени единит себя и связуемое, и задачу эту наилучшим образом выполняет пропорция, ибо, когда из трех чисел — как кубических, так и квадратных — при любом среднем числе первое так относится к среднему, как среднее к последнему, и соответственно последнее к среднему, как среднее к первому, тогда при перемещении средних чисел на первое и последнее место, а последнего и первого, напротив, на средние места выяснится, что отношение необходимо остается прежним; а коль скоро это так, значит, все эти числа образуют между собой единство.

При этом, если бы телу Вселенной надлежало стать простой плоскостью без глубины, было бы достаточно одного среднего члена для сопряжения его самого с крайними. Однако оно должно было стать трехмерным, а трехмерные предметы никогда не сопрягаются через один средний член, но всегда через два. Поэтому бог поместил между огнем и землей воду и воздух, после чего установил между ними возможно более точные соотношения, дабы воздух относился к воде, как огонь к воздуху, и вода относилась к земле, как воздух к воде. Так он сопряг их, построяя из них небо, видимое и осязаемое.

На таких основаниях и из таких составных частей числом четырех родилось тело космоса, стройное благодаря пропорции, и благодаря этому в нем возникла дружба, так что разрушить его самотождественность не может никто, кроме лишь того, кто сам его сплотил.

При этом каждая из четырех частей вошла в состав космоса целиком: устроитель составил его из всего огня, из всей воды, и воздуха, и земли, не оставив за пределами космоса ни единой их части или потенции. Он имел в виду, во-первых, чтобы космос был целостным и совер-

шеннейшим живым существом с совершенными же частями; далее, чтобы космос оставался единственным и чтобы не было никаких остатков, из которых мог бы родиться другой, подобный, и, наконец, чтобы он был недряхлеющим и непричастным недугам. Устроителю пришло на ум, что, если к телу со сложным составом будут извне приближаться тепло, холод и другие резко действующие силы, в недобрый час на него обрушиваясь, они его подточат, ввергнут в недуги и дряхление и принудят погибнуть. По такой причине и согласно такому усмотрению он построил космос как единое целое, составленное из целостных же частей, совершенное и непричастное дряхлению и недугам.

Очертания же он сообщил Вселенной такие, какие были бы для нее пристойны и сродны. В самом деле, живому существу, которое должно содержать в себе все живые существа, подобают такие очертания, которые содержат в себе все другие. Итак, он путем вращения округлил космос до состояния сферы, поверхность которой повсюду равно отстоит от центра, т. е. сообщил Вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и подобные самим себе, — а подобное он нашел в мириады раз прекраснее того, что неподобно. Всю поверхность сферы он вывел совершенно ровной, и притом по различным соображениям. Так, космос не имел никакой потребности ни в глазах, ни в слухе, ибо вне его не осталось ничего такого, что можно было бы видеть или слышать. Далее, его не окружал воздух, который надо было бы вдыхать. Равным образом ему не было нужды в каком-либо органе, посредством которого он принимал бы пищу или извергал обратно уже переваренную: ничто не выходило за его пределы и не входило в него откуда бы то ни было, ибо входить было нечему. [Тело космоса] было искусно устроено так, чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия и состояния в себе самом и через себя само. Ибо построявший его нашел, что пребывать самодовлеющим много лучше, нежели нуждаться в чем-либо. Что касается рук, то не было никакой надобности что-то брать ими или против кого-то обороняться, и потому он счел излишним прилаживать их к телу, равно

как и ноги или другое устройство для хождения. Ибо такому телу из семи родов движения он уделил соответствующий род, а именно тот, который ближе всего к уму и разумению. Поэтому он заставил его единообразно вращаться в одном и том же месте, в самом себе, совершая круг за кругом; а остальные шесть родов движения были устроены, чтобы не сбивать первое. Поскольку же для такого круговращения не требовалось ног, он породил [это существо] без голеней и без стоп.

Весь этот замысел вечносущего бога относительно бога, которому только предстояло быть, требовал, чтобы тело [космоса] было сотворено гладким, повсюду равномерным, одинаково распространенным во все стороны от центра, целостным, совершенным и составленным из совершенных тел. В его центре построявший дал место душе, откуда распространил ее по всему протяжению и в придачу облек ее тело извне. Так он создал небо, кругообразное и вращающееся, одно-единственное, но благодаря своему совершенству способное пребывать в общении с самим собою, не нуждающееся ни в ком другом и довольствующееся познанием самого себя и содружеством с самим собой. Предоставив космосу все эти преимущества, [демиург] дал ему жизнь блаженного бога.

Если мы в этом нашем рассуждении только позднее попытаемся перейти к душе, то это отнюдь не означает, будто и бог построил ее после [тела], — ведь при сопряжении их он не дал бы младшему [началу] главенства над старшим. Это лишь мы, столь подверженные власти случайного и приблизительного, и в речах наших руководимся этим; но бог сотворил душу первенствующей и старейшей по своему рождению и совершенству, как госпожу и повелительницу тела, а составил он ее вот из каких частей и вот каким образом: из той сущности, которая неделима и вечно тождественна, и той, которая претерпевает разделение в телах, он создал путем смешения третий, средний вид сущности, причастный природе тождественного и природе иного, и подобным же образом поставил его между тем, что неделимо, и тем, что претерпевает разделение в телах. Затем, взяв эти три [начала],

он слил их все в единую идею, силой принудив не поддающуюся смешению природу иного к сопряжению с тождественным. Слив их затем с сущностью и сделав из трех одно, он это целое в свою очередь разделил на нужное число частей, каждая из которых являла собою смесь тождественного, иного и сущности.

Делить же он начал следующим образом: прежде всего отнял от целого одну долю, затем вторую, вдвое большую, третью — в полтора раза больше второй и в три раза больше первой, четвертую — вдвое больше второй, пятую — втрое больше третьей, шестую — в восемь раз больше первой, а седьмую — больше первой в двадцать семь раз. После этого он стал заполнять образовавшиеся двойные и тройные промежутки, отсекая от той же смеси все новые доли и помещая их между прежними долями таким образом, чтобы в каждом промежутке было по два средних члена, из которых один превышал бы меньший из крайних членов на такую же его часть, на какую часть превышал бы его больший, а другой превышал бы меньший крайний член и уступал большему на одинаковое число. Благодаря этим скрепам возникли новые промежутки, по 3/2, 4/3 и 9/8, внутри прежних промежутков. Тогда он заполнил все промежутки по 4/3 промежутками по 9/8, оставляя от каждого промежутка частицу такой протяженности, чтобы числа, разделенные этими оставшимися промежутками, всякий раз относились друг к другу как 256 к 243. При этом смесь, от которой бог брал упомянутые доли, была истрачена до конца.

Затем, рассекши весь образовавшийся состав по длине на две части, он сложил обе части крест-накрест наподобие буквы X и согнул каждую из них в круг, заставив концы сойтись в точке, противоположной точке их пересечения. После этого он принудил их единообразно и в одном и том же месте двигаться по кругу, причем сделал один из кругов внешним, а другой — внутренним. Внешнее вращение он нарек природой тождественного, а внутреннее — природой иного. Круг тождественного он заставил вращаться слева направо, вдоль стороны [прямоугольника], а круг иного — справа налево, вдоль диагонали [того же

прямоугольника]; но перевес он даровал движению тождественного и подобного, ибо оставил его единым и неделимым, в то время как внутреннее движение шестикратно разделил на семь неравных кругов, сохраняя число двойных и тройных промежутков, — а тех и других было по три. Вращаться этим кругам он определил в противоположных друг другу направлениях, притом так, чтобы скорость у трех кругов была одинаковая, а у остальных четырех — неодинаковая сравнительно друг с другом и с теми тремя, однако отмеренная в правильном соотношении.

Когда весь состав души был рожден в согласии с замыслом того, кто его составил, этот последний начал устроять внутри души все телесное и приладил то и другое друг к другу в их центральных точках. И вот душа, простертая от центра до пределов неба и окутывающая небо по кругу извне, сама в себе вращаясь, вступила в божественное начало непреходящей и разумной жизни на все времена. Притом тело неба родилось видимым, а душа — невидимой, и, как причастная рассуждению и гармонии, рожденная совершеннейшим из всего мыслимого и вечно пребывающего, она сама совершеннее всего рожденного. Она являет собою трехчастное смешение природ тождественного и иного с сущностью, которое пропорционально разделено и слито снова и неизменно вращается вокруг себя самого, а потому при всяком соприкосновении с вещами, чья сущность разделена или, напротив, неделима, она всем своим существом приходит в движение и выражает в слове, чему данная вещь тождественна и для чего она иное, а также в каком преимущественно отношении, где, как и когда каждое, возникая, находится вместе с каждым, — в своем бытии, в своих страдательных состояниях и в отношении к тождественному. Это слово, безгласно и беззвучно изрекаемое в самодвижущемся [космосе], одинаково истинно, имеет ли оно отношение к иному или тождественному. Но если оно изрекается о том, что ощутимо, и о нем по всей душе космоса возвещает правильно движущийся круг иного, тогда возникают истинные и прочные мнения и убеждения; если же, напротив, оно изрекается о мыслимом предмете и о нем подает

весть в своем легком беге круг тождественного, тогда необходимо осуществляет себя ум и знание. Если же кто на вопрос, внутри чего же возникает то и другое, назовет какое-либо иное вместилище, кроме души, слова его будут всем, чем угодно, только не истиной.

И вот когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить [творение] образцу. Поскольку же образец являет собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства; но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устрояя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный ее образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это — части времени, а "было" и "будет" суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она "была", "есть" и "будет", но, если рассудить правильно, ей подобает одно только "есть", между тем как "было" и "будет" приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то и другое суть движения. Но тому, что вечно пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем старше или моложе, либо стать таким когда-то, теперь или в будущем, либо вообще претерпевать что бы то ни было из того, чем возникновение наделило поток данных в ощущении вещей. Нет, все это — виды времени, подражающего вечности и бегущего по кругу согласно законам числа. К тому же мы еще говорим, будто возникшее есть возникшее и возникающее есть возникающее, а имеющее возникнуть есть имеющее возникнуть и небытие есть небытие: во всем этом нет никакой точности. Но сейчас нам недосуг все это выяснять.

Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность, между тем как [отображение] возникло, есть и будет в продолжение целокупного времени. Такими были замысел и намерение бога относительно рождения времени; и вот, чтобы время родилось из разума и мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени. Сотворив одно за другим их тела, бог поместил их, числом семь, на семь кругов, по которым совершалось круговращение иного: Луну — на ближайший к Земле круг, Солнце — на второй от Земли, Утреннюю звезду и ту звезду, что посвящена Гермесу и по нему именуется, — на тот круг, который бежит равномерно с Солнцем, но в обратном направлении. Оттого-то Солнце, Гермесова звезда и Утренняя звезда поочередно и взаимно догоняют друг друга. Что касается прочих [планет] и того, где именно и по каким именно причинам были они там утверждены, то все это принудило бы нас уделить второстепенным вещам больше внимания, чем того требует предмет нашего рассуждения. Быть может, когда-нибудь позднее мы займемся как следует и этим, если представится досуг.

Итак, после того как все [эти звезды], назначенные участвовать в устроении времени, получили подобающее каждой из них движение, после того как они, являя собою тела, связанные одушевленными узами, стали живыми существами и уразумели порученное им дело, они начали вращаться вдоль движения иного, которое наискось пересекает движение тождественного и ему подчиняется; одни из них описывали больший круг, другие меньший, притом по меньшим кругам они шли быстрее, по большим — медленнее. Однако под действием движения тождественного кажется, будто звезды, которые идут быстрее, нагоняемы теми, которые идут медленнее, в то время как в действительности дело обстоит наоборот: ведь движение

тождественного сообщает всем звездным кругам спиралеобразный изгиб по причине противоположной устремленности двух [главных движений], а потому как раз та [звезда], которая медленно отклоняется от самого быстрого движения, по видимости больше всего приближается к его скорости. Для того чтобы была дана некая точная мера соотношений медленности и быстроты, с которыми движутся они по своим восьми кругам, бог во втором от Земли круге возжег свет, который ныне мы называем Солнцем, дабы он осветил возможно дальше все небо, а все живые существа, которым это подобает, стали бы причастны числу, научаясь ему из вращения тождественного и подобного. Таким образом и по таким причинам возникли ночь и день, этот круговорот единого и наиразумнейшего обращения; месяц же [появляется] тогда, когда Луна, завершив свой оборот, нагоняет Солнце, а год — когда Солнце обходит свой круг. Что касается круговоротов прочих светил, то люди, за вычетом меньшинства, не замечают их, не дают им имен и не измеряют их взаимных числовых отношений, так что, можно сказать, они и не догадываются, что эти необозримо многочисленные и несказанно многообразные блуждания также суть время. Однако же возможно усмотреть, что полное число времени полного года завершается тогда, когда все восемь кругов, различных по скорости, одновременно придут к своей исходной точке, соотносясь с мерой единообразно бегущего круга тождественного. Вот как и ради чего рождены все звезды, которые блуждают по небу и снова возвращаются на свои пути, дабы [космос] как можно более уподобился совершенному и умопостигаемому живому существу, подражая его вечносущей природе.

Во всем прочем [космос] уже до возникновения времени являл сходство с тем, что отображал, кроме одного: он еще не содержал в себе всех живых существ, которым должно было в нем возникнуть, и тем самым не соответствовал вечносущей природе. Но и это недостававшее бог решил восполнить, чеканя его соответственно природе первообраза. Сколько и каких [основных] видов усматривает ум в живом существе, столько же и таких же он счел

нужным осуществить в космосе. Всего же их четыре: из них первый — небесный род богов, второй — пернатый, плывущий по воздуху род, третий — водный, четвертый — пеший и сухопутный род. Идею божественного рода бог в большей части образовал из огня, дабы она являла взору высшую блистательность и красоту, сотворил ее безупречно округлой, уподобляя Вселенной, и отвел ей место при высшем разумении наилучшего, велев этому последнему следовать за ней; притом он распределил этот род кругом по всему небу, все его изукрасив и тем создав истинный космос. Из движений он даровал каждому [богу] по два: во-первых, единообразное движение на одном и том же месте, дабы о тождественном они всегда мыслили тождественно, а во-вторых, поступательное движение, дабы они были подчинены круговращению тождественного и подобного. Но остальных пяти движений он им не придал, сделав этот род неподвижным и покоящимся, так чтобы каждый из богов был, сколь возможно, совершенен. По этой причине возникли все неподвижные звезды, являющие собой вечносущие божественные существа, которые всегда тождественно и единообразно вращаются в одном и том же месте; а меняющие свое место и, таким образом, блуждающие звезды возникли как это было сказано раньше.

Земле же, кормилице нашей, он определил вращаться вокруг оси, проходящей через Вселенную, и поставил ее блюстительницей и устроительницей дня и ночи как старейшее и почтеннейшее из божеств, рожденных внутри неба. Что касается хороводов этих божеств, их взаимных сближений, обратного вращения их кругов и забеганий вперед, а также того, какие из них сходятся или противостоят друг другу и какие становятся друг перед другом в таком положении по отношению к нам, что через определенные промежутки времени они то скрываются, то вновь появляются, устрашая тех, кто не умеет расчислить сроки, и посылая им знамения грядущего, — говорить обо всем этом, не имея перед глазами наглядного изображения, было бы тщетным трудом. Пусть поэтому с нас будет достаточно сказанного, и рассуждение о природе видимых и рожденных богов пусть на этом окончится.

Повествовать о прочих божествах и выяснять их рождение — дело для нас непосильное. Здесь остается только довериться тем, кто говорил об этом прежде нас; раз говорившие сами были, по их словам, потомками богов, они должны были отлично знать своих прародителей. Детям богов отказать в доверии никак нельзя, даже если говорят они без правдоподобных и убедительных доказательств, ибо, если они выдают свой рассказ за семейное предание, приходится им верить, чтобы не ослушаться закона. Итак, мы примем и повторим их свидетельства о родословной этих богов: от Геи и Урана родились Океан и Тефия, от этих двух — Форкий, Кронос с Реей и все их поколение, от Кроноса и Реи — Зевс с Герой и все те, кого мы знаем как их братьев и сестер, а уже от них — новое потомство. Когда же все боги — как те, чье движение совершается на наших глазах, так и те, что являются нам, лишь когда сами того пожелают, — получили свое рождение, родитель Вселенной обращается к ним с такой речью:

"Боги богов! Я — ваш демиург и отец вещей, а возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля. Разумеется, все то, что составлено из частей, может быть разрушено, однако пожелать разрушить прекрасно слаженное и совершенное было бы злым делом. А потому, хотя вы, однажды возникнув, уже не будете совершенно бессмертны и неразрушимы, все же вам не придется претерпеть разрушение и получить в удел смерть, ибо мой приговор будет для вас еще более мощной и неодолимой связью, нежели те связи, что соединили при возникновении каждое из ваших тел. Теперь выслушайте, чему наставит вас мое слово. Доселе еще пребывают нерожденными три смертных рода, а покуда они не возникли, небо не получит полного завершения: ведь оно не будет содержать в себе все роды живых существ, а это для него необходимо, дабы оказаться достаточно завершенным. Однако, если эти существа возникнут и получат жизнь от меня, они будут равны богам. Итак, чтобы они были смертными и Вселенная воистину стала бы Всем, обратитесь в соответствии с вашей природой к образованию

живых существ, подражая моей потенции, через которую совершилось ваше собственное возникновение. Впрочем, поскольку подобает, чтобы в них присутствовало нечто соименное бессмертным, называемое божественным [началом], и чтобы оно вело тех, кто всегда и с охотой будет следовать справедливости и вам, я вручу вам семена и начатки созидания; но в остальном вы сами довершайте созидание живых существ, сопрягая смертное с бессмертным, затем готовьте для них пропитание, кормите и взращивайте их, а после смерти принимайте обратно к себе".

Так он молвил, а затем налил в тот самый сосуд, в котором смешивал состав для вселенской души, остатки прежней смеси и смешал их снова примерно таким же образом, но чистота этой смеси была уже второго или третьего порядка; из всей этой новой смеси он выделил число душ, равное числу звезд, и распределил их по одной между звездами. Возведя души на звезды как на некие колесницы, он явил им природу Вселенной и возвестил законы рока, а именно что первое рождение будет для всех душ установлено одно и то же, дабы ни одна из них не была им унижена, и что теперь им предстоит, рассеявшись, перенестись на подобающее каждой душе орудие времени и стать теми живыми существами, которые из всех созданий наиболее благочестивы; поскольку же природа человеческая двойственна, лучшим будет тот род, который некогда получит наименование мужей. Когда же души будут по необходимости укоренены в телах, а каждое тело станет что-то принимать в себя, а что-то извергать, необходимо, во-первых, чтобы в душах зародилось ощущение, общее им всем и соответствующее вынужденным впечатлениям; во-вторых, чтобы зародился эрос, смешанный с удовольствием и страданием, а кроме того страх, гнев и все прочие [чувства], либо связанные с названными, либо противоположные им; если души будут над этими страстями властвовать, их жизнь будет справедлива, если же окажутся в их власти, то несправедлива. Тот, кто проживет отмеренный ему срок должным образом, возвратится в обитель соименной ему звезды и будет вести

блаженную, обычную для него жизнь, а тот, кто этого не сумеет, во втором рождении сменит свою природу на женскую. Если же он и тогда не перестанет творить зло, ему придется каждый раз перерождаться в такую животную природу, которая будет соответствовать его порочному складу, и конец его мучениям наступит лишь тогда, когда он, решившись последовать вращению тождества и подобия в себе самом, победит рассудком многообразную, имеющую присоединиться к его природе смуту огня и воды, воздуха и земли, одолеет их неразумное буйство и снова придет к идее прежнего и лучшего состояния.

Распорядившись таким образом, чтобы впредь не оказаться виновником ничьей порочности, он перенес посев [душ] отчасти на Землю, отчасти на Луну, отчасти на прочие орудия времени. После этого посева он передоверил новым богам изваять смертные тела и притом еще добавить то, чего недоставало человеческой душе, а после, приготовив все к этому относящееся, осуществлять правление и возможно лучше и совершеннее вести смертное существо, чтобы оно не стало само для себя причиной зол.

Сделав все эти распоряжения, он пребывал в своем обычном состоянии. Между тем его дети, уразумев приказ отца, принялись его исполнять: они взяли бессмертное начало смертного существа, а затем, подражая своему демиургу, заняли у космоса частицы огня и земли, а также воды и воздуха, обещав впоследствии вернуть их. Эти частицы они принялись скреплять воедино, однако не теми нерушимыми скрепами, которыми были соединены их тела, но частыми и по малости своей неприметными, и таким образом сообщали каждому собранному телу целостность и единство; а круговращения бессмертной души они сопрягли с притоком и убылью в теле. И вот эти круговращения, вовлеченные в мощный поток не могли ни до конца одолеть его, ни до конца ему уступить, но временами насильственно сообщали ему свое направление, а временами получали направление от него. Поэтому все это существо было подвижно, однако устремлялось куда придется, беспорядочно и безрассудно; к тому же, обладая возможностью всех шести движений: вперед — назад,

направо — налево и вверх — вниз, оно продвигалось в шести направлениях и на все лады блуждало. Если уже поток пищи, переполнявший тело и затем снова из него уходивший, был достаточно мощен, то еще более мощную смуту вызывали внешние воздействия, когда, например, чье-нибудь тело натыкалось на поджидавший его извне огонь, или на твердость земли, или на влажную зыбкость воды, или было охвачено воздушными волнениями ветров.

Все эти движения, пройдя сквозь тело, настигали душу и обрушивались на нее, отчего все они тогда получили и доныне сохраняют наименование ощущений. Незамедлительно вызвав сильнейшее и величайшее движение и к тому же соединившись с непрестанно текущим водоворотом, ощущения стали воздействовать на круговращения души и мощно их сотрясать. Движение тождественного они вконец сковали, изливаясь ему навстречу и мешая как его правлению, так и продолжению, а бег иного расстроили до такой степени, что три двойных и три тройных промежутка, а также связующие члены (три вторых, четыре третьих и девять восьмых), которые не могут быть до конца разрушены никем, кроме того, кто их сопряг, все же пошли вкривь и вкось, всемерно нарушая круговое движение; они все еще с трудом неслись вместе, но движение это было беспорядочным: они то сталкивались, то двигались наискосок, то опрокидывались. В последнем случае дело обстояло так, как если бы некто уперся головой в землю, а ноги вытянул вверх, прислонив их к чему-то; в таком положении и ему самому, и всем тем, кто на него смотрит, все померещится перевернутым: правое станет левым, а левое — правым. Таким же и подобным состояниям очень сильно подвержены круговращения души: когда же вовне они встречаются с родом тождественного или иного, они всякий раз изрекают как о тождественном чему-либо, так и об отличном от чего-то такое суждение, которое противоположно истине, и выказывают себя лживыми и неразумными; при этом ни одно из круговращений не в силах властвовать и править: когда несущиеся ощущения извне овладевают кругами,

вовлекая в это движение и все вместилище души, круги лишь по видимости господствуют, на деле же подчиняются.

По причине всех этих состояний душа и теперь, вступив в смертное тело, поначалу лишается ума; когда же, однако, поток роста и питания ослабевает и круговращения, дождавшись затишья, возвращаются на свои стези и со временем все более выравниваются, тогда каждый из кругов направляет свой бег согласно природным очертаниям и все они изрекают справедливое суждение и об ином, и о тождественном, так что носитель их окончательно становится разумным существом. Если же к этому добавится некое правильное кормление и воспитание, он будет цел, невредим и здоров, избегнув наихудшего из недугов; а если он проявит нерадивость, то, идя по своей жизненной стезе, он будет хромать и сойдет обратно в Аид несовершенным и неразумным. Но об этом позднее; сейчас мы обязаны самым обстоятельным образом рассмотреть более близкий предмет, то есть прежде всего возникновение тела во всех его частях, затем возникновение души — по каким причинам и по каким предначертаниям богов оно совершилось. Наше исследование должно идти таким образом, чтобы добиться наибольшей степени вероятности.

Итак, боги, подражая очертаниям Вселенной, со всех сторон округлой, включили оба божественных круговращения в сферовидное тело, то самое, которое мы ныне именуем головой и которое являет собою божественнейшую нашу часть, владычествующую над остальными частями. Ей в помощь они придали все устроенное ими же тело, усмотрев, что голова причастна всем движениям сколько их ни есть; так вот, чтобы она не катилась по земле, всюду покрытой буграми и ямами, затрудняясь, как тут перескочить, а там выбраться, они даровали ей эту вездеходную колесницу. Поэтому тело стало продолговатым и по замыслу бога, сделавшего его подвижным, произрастило из себя четыре конечности, которые можно вытягивать и сгибать; цепляясь ими и опираясь на них, оно приобрело способность всюду продвигаться, высоко неся вместилище того, что в нас божественнее всего и святее. Таким образом и по такой причине у всех людей возникли

руки и ноги. Найдя, что передняя сторона благороднее и важнее задней, они уделили ей у нас больше подвижности. Сообразно с этим нужно было, чтобы передняя сторона человеческого тела получила особое и необычное устройство; потому-то боги именно на этой стороне головной сферы поместили лицо, сопрягши с ним все орудия промыслительной способности души, и определили, чтобы именно лицо по своей природе было причастно руководительству...

<...> Все до сих пор нами сказанное, за незначительными исключениями, описывало вещи как они были созданы умом-демиургом. Однако рассуждение наше должно перейти к тому, что возникло силой необходимости; ибо из сочетания ума и необходимости произошло смешанное рождение нашего космоса. Правда, ум одержал верх над необходимостью, убедив ее обратить к наилучшему большую часть того, что рождалось. Таким-то образом и по таким-то причинам путем победы разумного убеждения над необходимостью была вначале построена эта Вселенная; и, если мы намерены представить ее рождение так, как оно совершалось на деле, нам следует привнести также и вид беспорядочной причины вместе со способом действия, который по природе этой причине принадлежит. Поэтому мы должны вернуться вспять и, приняв в свой черед для тех же самых вещей другое, подходящее им начало, еще раз, от начала, вести о них речь, как мы это уже делали раньше. Нам необходимо рассмотреть, какова была самая природа огня, воды, воздуха и земли до рождения неба и каково было их тогдашнее состояние. Ибо доныне еще никто не объяснил их рождения, но мы называем их началами и принимаем за стихии ["буквы"] Вселенной, как если бы мы знали, что такое огонь и все остальное; между тем каждому мало-мальски разумному человеку должно быть ясно, что нет никакого основания сравнивать их даже с каким-либо видом слогов. Вот что мы думаем по этому поводу: мы не будем сейчас высказываться ни о начале всего, ни о началах, или как там это еще называется, и притом только по той причине, что при избранном нами способе исследования затруднительно было

бы привести наши мысли об этом предмете в должную ясность. Поэтому ни вы не должны требовать от меня последнего слова на этот счет, ни я не могу убедить себя, что поступлю правильно, если взвалю на себя такую задачу. Напротив, я намерен и здесь придерживаться того, что обещал в самом начале, а именно пределов вероятного, и попытаюсь, идя от начала, сказать обо всем в отдельности и обо всем вместе такое слово, которое было бы не менее, а более правдоподобным, нежели любое иное. Итак, приступая к речам, еще раз обратимся с молитвой к богу-спасителю, дабы он указал нам счастливый путь от странного и необычного повествования к правдоподобному выводу, и затем начнем сызнова.

Начало же наших новых речей о Вселенной подвергнется на сей раз более полному, чем прежде, различению; ибо тогда мы обособляли два вида, а теперь придется выделить еще и третий. Прежде достаточно было говорить о двух вещах: во-первых, об основополагающем первообразе, который обладает мыслимым и тождественным бытием, а во-вторых, о подражании этому первообразу, которое имеет рождение и зримо. В то время мы не выделяли третьего вида, найдя, что достанет и двух; однако теперь мне сдается, что сам ход наших рассуждений принуждает нас попытаться пролить свет на тот вид, который темен и труден для понимания. Какую же силу и какую природу припишем мы ему? Прежде всего вот какую: это — восприемница и как бы кормилица всякого рождения. Сколь ни верны, однако, эти слова, нужно определить предмет с большей ясностью, а это весьма затруднительно по разным причинам, и особенно потому, что ради этого необходимо наперед разрешить сомнение относительно огня и всего того, что стоит с ним в одном ряду. Нелегко сказать о каждом из них, что, в самом деле, лучше назвать водой, чем огнем, и не правильнее ли к чему-то одному приложить какое-нибудь из наименований, чем все наименования, вместе взятые, к каждому: ведь надо употреблять слова в их надежном и достоверном смысле. Что, собственно, желаем мы этим сказать, чем вызваны и оправданы наши недоумения? Но возьмем для начала хотя бы то,

что мы теперь называем водой: когда она сгущается, мы полагаем, что видим рождение камней и земли, когда же она растекается и разрежается, соответственно рождаются ветер и воздух, а последний, возгораясь, становится огнем; затем начинается обратный путь, так что огонь, сгустившись и угаснув, снова приходит к виду воздуха, а воздух опять собирается и сгущается в облака и тучи, из которых при дальнейшем уплотнении изливается вода, чтобы в свой черед дать начало земле и камням. Так передают они друг другу круговую чашу рождения. Если, стало быть, ни одно вещество не предстает всякий раз одним и тем же, отважимся ли мы, не испытывая стыда перед самими собой, настойчиво утверждать, что какое-либо из них — именно это, а не иное? Конечно, нет, и куда безопаснее будет выражаться так: когда мы видим, как нечто — хотя бы огонь — постоянно являет себя то одним, то другим, надо говорить не об "этом", но о "таком" огне и также воду именовать не "этой", но "такой", да и вообще не надо приписывать всем подобным вещам устойчивости, выражаемой словами "то" и "это", посредством которых мы обозначаем нечто определенное. Не дожидаясь, покуда мы успеем приложить к ним слова "то", "это", "нечто", или любое другое речение, описывающее их как пребывающие на одном и том же месте сущности, они от нас ускользают. Значит, таких слов мы и употреблять не будем, а станем описывать каждую из этих вещей в отдельности и все их вместе одинаково: "такое, постоянно вращающееся", — говоря, например, об огне как о вечно "таком" и соответственно обо всех вещах, которые имеют рождение. Только сущность, внутри которой они получают рождение и в которую возвращаются, погибая, мы назовем "то" и "это"; но любые качества, будь то теплота, белизна или то, что им противоположно либо из них слагается, ни в коем случае не заслуживают такого наименования.

Надо, однако, постараться сказать о том же самом еще яснее. Положим, некто, отлив из золота всевозможные фигуры, без конца бросает их в переливку, превращая каждую во все остальные; если указать на одну из фигур и спросить, что же это такое, то будет куда осмотрительнее

и ближе к истине, если он ответит "золото" и не станет говорить о треугольнике и прочих рождающихся фигурах как о чем-то сущем, — ибо в то мгновение, когда их именуют, они уже готовы перейти во что-то иное, — и надо быть довольным, если хотя бы с некоторой долей уверенности можно допустить выражение "такое". Вот так обстоит дело и с той природой, которая приемлет все тела. Ее следует всегда именовать тождественной, ибо она никогда не выходит за пределы своих возможностей; всегда воспринимая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящим в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и поэтому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи — это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом, к которому мы еще вернемся.

Теперь же нам следует мысленно обособить три рода: то, что рождается, то, внутри чего совершается рождение, и то, по образцу чего возрастает рождающееся. Воспринимающее начало можно уподобить матери, образец — отцу, а промежуточную природу — ребенку. Помыслим при этом, что, если отпечаток должен явить взору пестрейшее разнообразие, тогда то, что его приемлет, окажется лучше всего подготовленным к своему делу в случае, если оно будет чуждо всех форм, которые ему предстоит воспринять: ведь если бы оно было подобно чему-либо привходящему, то всякий раз, когда на него накладывалась бы противоположная или совершенно иная природа, оно давало бы искаженный отпечаток, через который проглядывали бы собственные черты этой природы. Начало, которому предстояло вобрать в себя все роды вещей, само должно было быть лишено каких-либо форм, как при выделывании благовонных притираний прежде всего заботятся о том, чтобы жидкость, в которой должны растворяться благовония, по возможности не имела своего запаха. Или это можно сравнить с тем, как при вычерчивании фигур на

каких-либо мягких поверхностях не допускают, чтобы на них уже заранее виднелась та или иная фигура, но для начала делают все возможно более гладким. Подобно этому и начало, назначение которого состоит в том, чтобы во всем своем объеме хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих вещей, само должно быть по природе своей чуждо каким бы то ни было формам. А потому мы не скажем, будто мать и восприемница всего, что рождено видимым и вообще чувственным, — это земля, воздух, огонь, вода или какой-либо другой [вид], который родился из этих четырех [стихий] либо из которого сами они родились. Напротив, обозначив его как незримый, бесформенный и всевосприемлющий вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый, мы не очень ошибемся. Если только предыдущие наши рассуждения помогают нам напасть на след этой природы, справедливее всего было бы, пожалуй, сказать о ней так: огнем всякий раз является ее воспламеняющаяся часть, водой — ее увлажняющаяся часть, землей же и воздухом — те ее части, которые подражают этим [стихиям].

Однако нам следует определить наш предмет еще более точно и для этого рассмотреть, есть ли такая вещь, как огонь в себе, и обстоит ли дело таким образом с прочими вещами, о каждой из которых мы привыкли говорить как о существующей самой по себе? Или же только то, что мы видим либо вообще воспринимаем телесными ощущениями, обладает подобной истинностью, а помимо этого вообще ничего и нигде нет? Может быть, мы понапрасну говорим об умопостигаемой идее каждой вещи, и идея эта не более чем пустой звук? Нехорошо было бы оставить такой вопрос неисследованным и нерешенным, ограничившись простым утверждением, что дело-де обстоит так и не иначе; с другой стороны, не стоит отягощать нашу и так пространную речь еще и пространным отступлением. Поэтому, если бы удалось в немногих словах определить многое, это было бы наилучшим выходом. Итак, вот каков мой приговор. Если ум и истинное мнение — два разных рода, в таком случае идеи, недоступные нашим ощущениям

и постигаемые одним лишь умом, безусловно, существуют сами по себе; если же, как представляется некоторым, истинное мнение ничем не отличается от ума, тогда следует приписать наибольшую достоверность тому, что воспринимается телесными ощущениями. Но следует признать, что это — два различных [рода]: они и рождены порознь, и осуществляют себя неодинаково. Так, ум рождается в нас от наставления, а истинное мнение — от убеждения; первый всегда способен отдать себе во всем правильный отчет, второе — безотчетно; первый не может быть сдвинут с места убеждением, второе подвластно переубеждению; наконец, истинное мнение, как приходится признать, дано любому человеку, ум же есть достояние богов и лишь малой горстки людей. Если все это так, приходится признать, во-первых, что есть тождественная идея, нерожденная и негибнущая, ничего не воспринимающая в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но отданная на попечение мысли. Во-вторых, есть нечто подобное этой идее и носящее то же имя — ощутимое, рожденное, вечно движущееся, возникающее в некоем месте и вновь из него исчезающее, и оно воспринимается посредством мнения, соединенного с ощущением. В-третьих, есть еще один род, а именно пространство: оно вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно. Мы видим его как бы в грезах и утверждаем, будто этому бытию непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует. Эти и родственные им понятия мы в сонном забытьи переносим и на непричастную сну природу истинного бытия, а пробудившись, оказываемся не в силах сделать разграничение и молвить истину, а именно что, поскольку образ не в себе самом носит причину собственного рождения, но неизменно являет собою призрак чего-то иного, ему и должно родиться внутри чего-то иного, как бы прилепившись к сущности, или вообще не быть ничем.

Между тем на подмогу истинному бытию выступает тот безупречно истинный довод, согласно которому две вещи, доколе они различны, не могут родиться одна в другой как единая и тождественная вещь и одновременно как две.

Итак, согласно моему приговору, краткий вывод таков: есть бытие, есть пространство и есть возникновение, и эти три [рода] возникли порознь еще до рождения неба. А о Кормилице скажем вот что: поскольку она и растекается влагой, и пламенеет огнем, и принимает формы земли и воздуха, и претерпевает всю чреду подобных состояний, являя многообразный лик, и поскольку наполнявшие ее потенции не были ни взаимно подобны, ни взаимно уравновешены и сама она ни в одной своей части не имела равновесия, она повсюду была неравномерно сотрясаема и колеблема этими потенциями и в свою очередь сама колебала их своим движением. То, что приводилось в движение, все время дробилось, и образовавшиеся части неслись в различных направлениях точно так, как это бывает при просеивании зерна и отсеивании мякины: плотное и тяжелое ложится в одном месте, рыхлое и легкое отлетает в сторону и находит для себя иное пристанище. Вот наподобие этого и четыре упомянутых рода [стихии] были тогда колеблемы Восприемницей, которая в движении своем являла собой как бы сито: то, что наименее сходно между собой, она разбрасывала дальше всего друг от друга, а то, что более всего сходно, просеивала ближе всего друг к другу; таким образом, четыре рода обособились в пространстве еще до того, как пришло время рождаться устрояемой из них Вселенной. Ранее в них не было ни разума, ни меры: хотя огонь и вода, земля и воздух являли кое-какие приметы присущей им своеобычности, однако они пребывали всецело в таком состоянии, в котором свойственно находиться всему, до чего еще не коснулся бог. Поэтому последний, приступая к построению космоса, начал с того, что упорядочил эти четыре рода с помощью образов и чисел. То, что они были приведены богом к наивысшей возможной для них красоте и к наивысшему совершенству из совсем иного

состояния, пусть останется для нас преимущественным и незыблемым утверждением; но теперь мне следует попытаться пояснить вам устройство и рождение каждого из четырех родов. Рассказ мой будет непривычен; но, раз вы сроднились с теми путями учения, без которых не обойтись моим речам, вы последуете за мной.

Во-первых, каждому, разумеется, ясно, что огонь, и земля, вода и воздух суть тела, а всякая форма тела имеет глубину. Между тем любая глубина по необходимости должна быть ограничена природой поверхности; притом всякая плоская поверхность состоит из треугольников. Однако все вообще треугольники восходят к двум, из которых каждый имеет по одному прямому углу и по два острых, но при этом у одного по обе стороны от прямого угла лежат равные углы величиной в одну и ту же долю прямого угла, ограниченные равными сторонами, а у другого — неравные углы, ограниченные неравными сторонами. Здесь-то мы и полагаем начало огня и всех прочих тел, следуя в этом вероятности, соединенной с необходимостью; те же начала, что лежат еще ближе к истоку, ведает бог, а из людей разве что тот, кто друг богу.

Теперь должно сказать, каковы же те четыре рожденных тела, прекраснейшие из всех, которые не подобны друг другу, однако способны, разрушаясь, друг в друга перерождаться. Если нам удастся попасть в точку, у нас в руках будет истина о рождении земли и огня, а равно и тех [стихий], что стоят между ними как средние члены пропорции. Тогда мы никому не уступили бы в том, что нет видимых тел более прекрасных, чем эти, притом каждое из них прекрасно в своем роде. Поэтому надо приложить старания к тому, чтобы привести в соответствие четыре отличающихся красотой рода тел и доказать, что мы достаточно уразумели их природу. Из двух названных раньше треугольников равнобедренный получил в удел одну природу, но неравнобедренный — бесчисленное их множество. Из этого множества нам должно избрать наилучшее, если мы хотим приступить к делу надлежащим образом. Что ж, если кто-нибудь выберет и назовет нечто еще более прекрасное, предназначенное для того, чтобы

создавать эти [четыре тела], мы подчинимся ему не как неприятелю, но как другу; нам же представляется, что между множеством треугольников есть один, прекраснейший, ради которого мы оставим все прочие, а именно тот, который в соединении с подобным ему образует третий треугольник — равносторонний. Обосновывать это было бы слишком долго (впрочем, если бы кто изобличил нас и доказал обратное, мы охотно признали бы его победителем). Итак, нам приходится отдать предпочтение двум треугольникам как таким, из которых составлено тело огня и [трех] прочих тел: один из них равнобедренный, а другой таков, что в нем квадрат большей стороны в три раза превышает квадрат меньшей.

Но мы обязаны более четко определить одну вещь, о которой прежде говорилось неясно. В самом деле, нам казалось, будто все четыре рода могут последовательно перерождаться друг в друга, но такая видимость была неправильной. Ведь четыре рода действительно рождаются из выбранных нами треугольников: три рода слагаются из одного и того же неравнобедренного треугольника и только четвертый род — из равнобедренного, а значит, не все роды могут разрешаться друг в друга и рождаться один из другого путем соединения большого количества малых [величин] в малое количество больших и обратно. Если это и возможно, то лишь для вышеназванных первых трех [родов]: ведь коль скоро все они произошли из единой [основы], то при разрушении более крупных [соединений] из тех же [частей] составится множество малых, принимающих свойственные им очертания; и, напротив, если разъять много малых соединений на отдельные треугольники, они образуют единое количество однородной массы, из которой возникает большое [тело] иного вида. Вот как обстоит дело с их переходом друг в друга. Следующая наша задача — изложить, какой вид имеет каждое тело и из сочетания каких чисел оно рождается.

Начнем с первого вида, состоящего из самых малых частей: его первоначало — треугольник, у которого гипотенуза вдвое длиннее меньшего катета. Если такие треугольники сложить, совмещая их гипотенузы, и повторить

такое действие трижды, притом так, чтобы меньшие катеты и гипотенузы сошлись в одной точке как в своем центре, то из шестикратного числа треугольников будет рожден один, и он будет равносторонним. Когда же четыре равносторонних треугольника окажутся соединенными в три двугранных угла, они образуют один объемный угол, а именно такой, который занимает место вслед за самым тупым из плоских углов. Завершив построение четырех таких углов, мы получаем первый объемный вид, имеющий свойство делить всю описанную около него сферу на равные и подобные части.

Второй вид строится из таких же исходных треугольников, соединившихся по восемь в равносторонний треугольник и образующих каждый раз из четырех плоских углов по одному объемному; когда таких объемных углов шесть, второе тело получает завершенность.

Третий вид образуется из сложения ста двадцати исходных треугольников и двенадцати объемных углов, каждый из которых охвачен пятью равносторонними треугольными плоскостями, так что все тело имеет двадцать граней, являющих собой равносторонние треугольники.

На этом порождении и кончилась задача первого из первоначал. Но равнобедренный треугольник породил природу четвертого [вида], и притом так, что четыре треугольника, прямые углы которых встречались в одном центре, образовывали квадрат; а из сложения шести квадратов возникало восемь объемных углов, каждый из которых гармонично охватывается тремя плоскими прямыми углами. Составившееся таким образом тело имело очертания куба, наделенного шестью квадратными плоскими гранями. В запасе оставалось еще пятое многогранное построение: его бог определил для Вселенной и прибегнул к нему, когда разрисовывал ее и украшал.

Если бы теперь кто-нибудь, тщательно обдумывая все сказанное, задался вопросом, следует ли допустить бесчисленные космосы или ограниченное их число, ему пришлось бы заключить, что вывод относительно неограниченности этого числа позволительно делать разве что тому, кто сам очень ограничен, и притом в вопросах,

которые следовало бы знать. Если, однако, поставить иной вопрос — существует ли один космос или их на самом деле пять, то здесь, естественно, причин для затруднения было бы куда больше. Что касается нас, то мы, повинуясь правдоподобному слову и указанию бога, утверждаем, что существует один космос; но другой, взглянув на вещи иначе, составит себе, пожалуй, иное мнение. Как бы то ни было, оставим этот вопрос и начнем разделять роды, только что рождённые в нашем слове, на огонь, землю, воду и воздух.

Земле мы, конечно, припишем вид куба: ведь из всех четырех родов наиболее неподвижна и пригодна к образованию тел именно земля, а потому ей необходимо иметь самые устойчивые основания. Между тем не только из наших исходных треугольников равносторонний, если взять его как основание, по природе устойчивее неравностороннего, но и образующийся из сложения двух равносторонних треугольников квадрат с необходимостью более устойчив, нежели равносторонний треугольник, причем соотношение это сохраняет силу как для частей, так и для целого. Значит, мы не нарушим правдоподобия, если назначим этот удел земле, а равно и в том случае, если наименее подвижный из остальных видов отведем воде, наиболее подвижный — огню, а средний — воздуху; далее, наименьшее тело — огню, наибольшее — воде, а среднее — воздуху, и, наконец, самое остроугольное тело — огню, следующее за ним — воздуху, а третье — воде. Но из всех вышеназванных тел наиболее подвижно по природе своей и по необходимости то, у которого наименьшее число оснований, ибо оно со всех сторон имеет наиболее режущие грани и колющие углы, а к тому же оно и самое легкое, коль скоро в его состав входит наименьшее число исходных частей. То тело, которое обладает такими же свойствами, но второго порядка, и место займет второе, а то, которое обладает третьим порядком этих свойств, — третье. Пусть же образ пирамиды, рожденный объемным, и будет, в согласии со справедливым рассуждением и с правдоподобием, первоначалом и семенем огня; вторым по рождению мы назовем воздух, третьим же — воду. Но

при этом мы должны представить себе, что все эти [тела] до такой степени малы, что единичное [тело] каждого из перечисленных родов по причине своей малости для нас невидимо, и лишь складывающееся из их множеств массы бросаются нам в глаза. Что же касается их количественных отношений, их движений и вообще их потенций, нам следует полагать, что бог привел все это в правильную соразмерность, упорядочивая все тщательно и пропорционально, насколько это допускала позволившая себя переубедить природа необходимости.

Исходя из всего того, что было сказано выше об этих четырех родах, дело наиболее правдоподобно можно описать следующим образом. Когда земля встречается с огнем и бывает развеяна его остротой, она стремительно несется, рассеиваясь либо в самом огне, либо в толще воздуха или воды, если ей придется там оказаться, покуда ее частицы, повстречавшись друг с другом, не соединятся сызнова, чтобы она опять стала землей: ведь она не может принять другую форму. Напротив, вода, дробимая огнем или воздухом, позволяет образоваться одному телу огня и двум воздушным телам, равно как и осколки одной рассеченной части воздуха могут породить из себя два тела огня. Но и наоборот, когда малая толика огня, оказавшись в больших толщах воздуха, воды или земли, подхватывается их движением, сокрушается в борьбе и дробится, два тела огня сплачиваются в единый вид воздуха; или когда воздух претерпевает насилие и разрушение, из двух его тел с половиной оказывается составлен один цельный вид воды. И вот что еще нам нужно принять в расчет: когда какой-либо иной род, охваченный огнем, рассекается лезвиями его граней и остриями его углов, этому роду достаточно принять природу огня, чтобы его дробление прекратилось, ибо никакой подобный и тождественный самому себе род не может ни понудить к изменениям такой же род, ни принять от него какие-либо изменения. Но до тех пор пока нечто, оказавшись слабее чего-то иного, ведет с этим иным неравную борьбу, оно продолжает разрушаться. Поэтому, если немногочисленные и меньшие тела, окруженные многочисленными и большими, дробятся и погашаются

ими и в то же время готовы соединиться в вид возобладавшего [тела], их угасание прекратится, с тем чтобы либо из огня родился воздух, либо из воздуха — вода; но, если с ними сойдется и на них нападет какой-либо из остальных родов, они не перестанут разрушаться, пока не произойдет одно из двух: либо они, вконец теснимые и разрушающиеся, спасутся бегством к тому, что им сродно, либо, уступив в борьбе, начнут сплачиваться воедино, уподобляясь возобладавшему роду, и останутся вместе с ним.

Претерпевая это, все роды, без сомнения, меняются местами; ибо, если их массы в силу движения Восприемницы распределяются в пространстве отдельно друг от друга, тогда то, что утратило собственное подобие и восприняло чужое, при каждом сотрясении отбрасывается в область того, чему эти роды уподобились.

Таковы причины, определившие собой рождение тел беспримесных и первичных. Но если внутри этих [основных] видов выявились еще дальнейшие родовые различия, виной этому способ построения обоих исходных [треугольников]: дело в том, что последние первоначально являлись на свет не с единообразными для каждого рода размерами, но то меньшими, то более крупными, и равных по величине треугольников было ровно столько, сколько родов различается ныне внутри [основных] видов. Сочетание их между собой и с другими треугольниками дало беспредельное многообразие, созерцателем которого надлежит стать любому, кто вознамерится изречь о природе правдоподобное слово.

Что касается движения и покоя, точнее, того, как и при каких условиях они возникают, то, не придя здесь к согласию, мы встретим в дальнейшем нашем рассуждении немало помех. Кое-какие замечания тут уже были сделаны, но сейчас нам необходимо добавить к сказанному вот что: внутри того, что однородно, движения быть не может. Ведь трудно, вернее сказать, невозможно представить себе движимое без движущего или, напротив, движущее без движимого, а движение немыслимо без того и другого; между тем никак нельзя движущему и движимому быть однородным. Итак, раз и навсегда отнесем покой к одно-

родному, а движение — к тому, что совсем не однородно. Причина же отклонений — это неравенство; а как родилось это неравенство, мы уже описали. Остается необъясненным, почему тела, распределившись по родам, не прекращают взаимопересекающегося движения и перемещения? Скажем же и об этом. Дело в том, что круговращение Вселенной, включающее в себя эти роды, по причине своей закругленности и природного стремления замкнуться на себе все сжимает и не позволяет ни одной части пространства остаться пустой. Огонь имеет наибольшую способность во все внедряться, воздух непосредственно за ним следует, ибо занимает второе место по тонкости своих частиц, и так далее: ведь то, что образовалось из самых крупных частиц, имеет в своем составе больше всего оставшегося между частями пустого места, а то, что возникло из самых мелких частиц, — меньше всего. Значит, когда происходит сжимание, меньшие тела втискиваются в промежутки между большими; и вот когда они оказываются рядом, так что меньшие силятся расторгнуть связь между большими, а большие сводят воедино меньшие, происходит перемещение их всех либо вверх, либо вниз к своим местам. Ведь каждое тело, меняя свою величину, меняет и свое местоположение. Таким-то образом и под действием таких причин обеспечивается беспрестанное воспроизведение неоднородности, а уж она в свою очередь поддерживает и всегда будет поддерживать вечное движение тел...

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

РЕЛИКТ*

<...> В начале христианской эры гностики смело подошли к этой проблеме**. Между несовершенным миром и совершенным Богом они поместили почти бесконечное

---

* Фрагмент рецензии Борхеса на книгу Э. Драуэр "Сабии Ирака и Ирана" (пер. Е. Лысенко).

** Имеется в виду попытка совместить понятие о всеблагом и всемогущем Господе и наличие мирового зла (прим. ред.).

число иерархически расположенных божеств. Приведу пример: головокружительная космогония, приписываемая Иринеем Василиду. В начале этой космогонии находится неподвижный Бог. Из его покоя эманируют семь подчиненных божеств, которые образуют и возглавляют первое небо. Из этого первого демиургического венца исходит второй, также с ангелами, Силами и Престолами, которые составляют другое, нижнее небо, симметричный двойник первоначального. Второй круг, в свой черед, раздваивается, также третий и четвертый (причем божественность все время убывает), и так до 365 небес. Самое нижнее небо — наше. Оно есть создание выродившихся демиургов, в естестве которых доля божественности тяготеет к нулю... С такой религией гностики прожили около девятнадцати веков; с религией аналогичного типа живут ныне сабии Персии и Ирака.

Абатур, неподвижное божество сабиев, глядит в бездну, наполненную илистой водой; после некоего количества вечностей его нечистое отражение оживляется и создает наше небо и нашу землю с помощью семи планетарных ангелов. Отсюда несовершенства мира, созданного всего лишь подобием Бога.

В Ираке живут пять тысяч сабиев и в Персии две тысячи. Эта книга, вероятно, самый обстоятельный труд из всего, что о них написано. Автор, миссис Драуэр, жила среди сабиев с 1926 года. Она присутствовала почти на всех их церемониях — подвиг достаточно трудный, если вспомнить, что самые торжественные церемонии обычно продолжаются часов по восемнадцать. Она также сопоставила и перевела многие канонические тексты.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

"ХРИСТИАНСКИЙ" ГНОСТИЦИЗМ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Э. ПОСНОВ
ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСТИЦИЗМ*

ГНОСТИЦИЗМ ВЕКА АПОСТОЛЬСКОГО

Юные христианские общины были окружены плотным кольцом языческого и иудейского гносиса, который представлял одну из главных ветвей античного синкретического движения. Было вполне естественно, даже неизбежно ожидать, что гностическое течение иудейского и языческого мира будет просачиваться и бродить в христианстве. Так действительно и произошло. Принимавшие христианство иудеи и язычники окончательно не отказывались от своих прежних воззрений. Одни по неведенью, другие — вследствие неискреннего обращения привносили свои верования в новую религию и смешивали одни представления с другими. Неудивительно, что среди последователей христианской религии оказывались и лица, проникнутые гностическим духом. Следы зараженности некоторых христиан "лжеименным знанием" мы встречаем уже в посланиях апостольских. Гносис приблизился к христианству и вкрался в него прежде всего через иудео-христианство, а потом уже и через язычество. Поэтому в апостольских посланиях яснее других заметны следы именно иудейского гносиса. Но, с другой стороны, иудейский гносис не был чисто еврейского происхождения: в иудейских сектах — у ессеев и терапевтов, а также в раввинизме и филонизме дают о себе знать языческие влияния. А затем, в апостольском

* Фрагменты из книги "Гностицизм II-го века и победа христианства над ним".

же веке, появился и начал существовать параллельно с христианством и откровенно языческий гносис в лице Симона мага и других гностиков. Впрочем, в I-ом веке н. э. "лжеименный гносис" выступает еще достаточно случайно, спорадически. Только уже во II-ом веке христианской эры, при благоприятных условиях со стороны самого христианства, определявшего свое отношение к иудейству и язычеству, иудео-языческий гносис сплавляется с христианским учением и складывается в громадное и сильное гностическое движение, оспаривавшее у церкви право на существование.

Главным отличием языческого и иудейского синкретически-гностического движения от христианского гностицизма было то, что первое явление — собирание дорогих результатов работы прошлого, соединение и увековечивание ценностей исчезавшего мира. Христианский же гностицизм представлял собой связь прошлого с будущим, попытку реанимировать язычество и, отчасти, иудейство, привив их к здоровому христианскому стволу...

Гностицизм апостольского века начинается с того, "от которого, по словам святых отцов, произошли все ереси... и получило свое начало лжеименное знание"*, т. е. с Симона мага.

СИМОН МАГ

Первое упоминание о Симоне маге встречается в кн. Деян. VIII, 5 — 24, где он представлен как волхв, изумлявший народ самарийский своим чародейством. Христианство привлекло его совершающимися "силами и знамениями великими". Но, если по своему внешнему проявлению Симон был не более, чем маг, то выдавал он себя за "некоего великого".

Дальнейшие сведения о нем мы находим у св. Иустина мученика... Св. Иустин говорит о том, что Симон и его ученик Менандр находились под непосредственным влиянием демонов, а в своем богохульном лжеучении выдавали

* Творения св. Епифания Кипрского.

себя за богов... Симон водил с собой какую-то Елену (выдавая ее за Елену Прекрасную) и называл ее первой происшедшей от него мыслью. Во времена императора Клавдия Симон маг прибыл в Рим и имел там такой успех, что был признан богом и в его честь воздвигли статую.

Сообщению св. Иустина о Симоне маге придается особое значение, поскольку сам Иустин был родом из Самарии и многие последующие ересеологи, напр. св. Ириней, ссылались на него. Св. Ириней в своей книге "Против ересей" начинает свой рассказ о Симоне маге с кн. Деян. VIII. Выдержка из книги Деян. заканчивается проклятием ап. Петра, произнесенным над Симоном, но нет речи о покаянии Симона. После этого делается "искусственный переход" к синтагме св. Иустина: первоначально сообщается из нее самое главное — о самообожении Симона, о том, что Симон "учил, что он есть тот самый, который между иудеями явился как сын, в Самарию нисходил Отцом, к прочим же народам пришел как Св. Дух"...

Далее учение Симона раскрывается гораздо подробней, чем в извлечениях апологии и в разговоре с Трифоном. Елена — мысль — есть мать всех вещей, ибо через нее Симон замыслил и создал мир. "Эта мысль, выходя из него и зная волю своего Отца, низошла в нижние области и породила ангелов и власти, которыми, по его словам, и сотворен этот мир. После того, как Елена их произвела, она была задержана ими из зависти, так как они не хотели считаться порождением какого-либо другого существа... (она) терпела от них всякое бесчестье... и даже была заключена в человеческое тело и, время от времени, как бы из сосуда в сосуд переходила из одного женского тела в другое. Она была в той Елене, из-за которой произошла троянская война... Странствуя из тела в тело, она, наконец, отдалась в развратный дом; она-то и есть погибшая овца. Поэтому он (Симон) пришел сам, чтобы опять взять ее к себе и разрешить ее от уз, а людям доставить спасение через познание его. Так как ангелы худо управляли миром, потому что каждый из них стремился к верховной власти,

то он сошел для исправления вещей и, преобразившись и уподобившись силам, властям и ангелам, чтобы явиться среди человеков, хотя он и не был человеком, показался пострадавшим в Иудее, хотя и не страдал... Те, которые верили в него и в его Елену, как свободные, делали, что хотели, потому что люди спасаются его благодатью, а не за дела праведные. Ибо дела праведные не по природе, а случайно, так как ангелы, создавшие мир, установили это, имея в виду посредством таких заповедей поработить людей... Поэтому мистические жрецы этой секты живут сладострастно и занимаются делами волхвования". Такие сведения о Симоне маге и его секте мы находим у св. Иринея...

<...> Кто же был Симон маг? Он был крещен, но, конечно, не был христианином в истинном смысле. Его система была составлена и распространена еще до его знакомства с христианством. Дееписатель апостольский прямо говорит, что Симон, изумляя народ своим чародейством, выдавал себя за "некоего великого", и народ самарийский говорил о нем, как о божестве. Это, по-видимому, есть подлинное учение Симона мага о себе и сложившееся о нем представление народа ко времени его неискреннего обращения в христианство. Симон выдавал себя за "откровение бога" и "доказывал" это своими волхвованиями. У его последователей это основное представление Симона о самом себе варьировалось. Самаряне, напр., считали его высшим божеством, которое открылось в Самарии, как отец, среди иудеев, как сын, между прочими народами, как св. дух (св. Ириней, св. Ипполит, Тертуллиан, Епифаний). Но не одни самаряне почитали Симона за бога, а и "некоторые из других народов признают его за первого бога и поклоняются ему; и какую-то Елену... называют первой происшедшей от него мыслью" (св. Иустин. 1 Апол., гл. 26). Таковы, напр., по св. Иустину, римляне, признавшие Симона богом и почтившие его статуей. Здесь был дан повод к мифологизации Симона и Елены. Другие народы постарались сблизить их с известными им божествами. Среди народов Азии Симон и Елена были признаны воплощением мужского и женского

принципов (согласно сиро-финикийской мифологии — богом солнца Ваалом и богиней луны); в эллинистическом миросозерцании они преобразились в Зевса и Афину, или Юпитера и Минерву. У симониан же Симон выступает преимущественно как лже-Христос, хотя и самаряне считали его Христом, открывшемся в Иудее.

Но если Симон выдавал себя за "некоего великого", может быть, за самого бога, и славился своими волхвованиями, если в его системе нет христианских элементов, за исключением слов об отце, сыне и св. духе, почему же он считается христианским ересиархом? Вопрос этот достаточно сложен. Если сам Симон имел только, так сказать, внешнее столкновение с христианством, то некоторые его последователи были христианами, еретически извращавшими христианское учение. Значит, от Симона, как источника, пролился первый поток еретических учений. Родоначальником всех ересей Симон может быть назван еще и потому, что в его системе, как говорит Амелино, находятся в зародыше все ереси века апостольского: и иудео-христианство, и докетизм, и гностицизм.

Менандр представлен у ересеологов как ближайший ученик и продолжатель заблуждений Симона. По св. Иустину, он также выдавал себя за бога, по св. Иринею — за посланника неведомых сил, Спасителя. Он учил, подобно Симону, о сотворении мира ангелами, произведенными мыслью, обладал искусством волхвования и христианское учение о воскресении мертвых изъяснял в духовном смысле, т. е. в смысле воскресения в крещении.

Симон маг и Менандр резко отличаются от последующих лжеучителей — гностиков. Они принадлежат веку чудес и волхвований и сами выдают себя за богов или небесных посланников. У вышедших из их среды Саторнила и Василида ничего подобного уже не встречается...

ГНОСТИЦИЗМ II-го ВЕКА

А. ВОСТОЧНЫЕ (СИРИЙСКИЕ) ГНОСТИКИ

1. ОФИТСКИЕ СЕКТЫ

На горизонте своей истории гностицизм выступает в виде своеобразных сект, получивших свое название от змеи — офиты и наассены. Откуда они произошли, под каким влиянием сложилось их учение, где именно и когда появились — эти вопросы не находят единодушного решения... Можно предположить, что имя "офитов" было дано ряду сект в связи с их особым отношением к змее, напр., ее почитанием, или центральным ее положением в их системе воззрений.

Среди "гностических" сект, описанных св. Иринеем, в системах двух из них фигурирует змей. Одни гностики, по его словам, учили, что Ялдаваоф, сын богини Пруники, не уважавший свою мать и сам подвергавшийся унижениям со стороны собственных детей, "в скорби и отчаяньи обратил взор на лежавшую внизу тину материи и направил на нее свою похоть, отчего родился сын. Это есть Ум (Νους), являющийся в образе змея; отсюда дух, душа и все в мире; оттого произошли всякая забывчивость, злоба, ревность, зависть и смерть. Этот змееобразный Ум получил еще более изворотливости от отца, когда он был с отцом на небе в раю". Следовательно, здесь змей представляется рожденным из хаоса сыном Ялдаваофа, виновником всякого беспорядка. Но, с другой стороны, по учению той же секты, змей как бы переходит в услужение благой силе. Мать Ялдаваофа "постаралась посредством змея обольстить Еву и Адама к преступлению заповеди Ялдаваофа... и змей, противодействовавший отцу, был изгнан им в дольний мир".

Здесь от него произошло шесть сыновей, которые вместе с отцом составляют семь мировых демонов, "противостоящих человеческому роду и всегда противодействующих ему, потому что их отец был низвержен долу за людей". Нельзя говорить, что Пруника воспользовалась змеем, как

орудием для своих целей. Его действие рассматривается, как противление отцу — Ялдаваофу, и последний наказывает его за это. Потом, как мы сейчас увидим, офиане (офиты) Оригена именно прославляли змея за его совет людям. Таким образом, в рассматриваемой системе положение змея двойственно — он существо хаотическое и, в то же время, служит высшему началу.

Относительно другой "гностической" секты св. Ириней сообщает: "Некоторые говорят, что сама премудрость сделалась змеем, поэтому она противостала творцу Адама и принесла знание людям; и поэтому также змей назван хитрейшим из всех. Кроме того, по причине положения наших кишек, через которые проходит пища, и по самой фигуре, какую они имеют, наше внутреннее устроение в образе змея представляет нашу сокровенную родительницу"*...

У офиан Оригена змею приписывается двоякое значение. С одной стороны, он — злой демон, царствующий в тартаре, Левиафан, душа всего; один из враждебных высшему миру архонтов — Рафаил — наделяется змеевидной формой. С другой стороны, говорится, что офиане получили свое наименование от змея, давшего прекрасный совет первым людям; Демиург же, напротив, клеймится как злокачественное божество, потому что он проклял змея, принесшего первым людям познание о добром и злом; круг Софии изображается змеевидно обвитым**. Здесь между змеем, как пневматическим существом, принесшим людям гносис, и змеем тартара проводится, по-видимому, резкое разделение. Но, с другой стороны, не нужно забывать, что у офиан Оригена мы имеем дело только с графическим изображением системы. Очень может быть, что рассказы о двух змеях как бы переплелись между собой.

Подтверждением этого предположения может служить описание гностической секты у Иринея. У Ипполита I имеет место странное смешение: воздается поклонение,

* Св. Ириней. "Против ересей".

** Ориген. "Против Цельса".

по-видимому, тому самому змею, давшему познание о добром и злом, который является и сыном Ялдаваофа, и искусителем Евы. В сектах наассенов, по Ипполиту II, положение змея также двоякое, но иное, чем у указанных ересеологов. Собственно, у наассенов от змея производится как все духовное, так и физическое. У сефиан совершенное слово нисходит свыше от света и, уподобившись змею, входит в нечистую мать, обманув ее подобием змеи, чтобы снять оковы, наложенные на высший разум. В то же время у ператов боги погибели — планеты всякого бренного бытия — змеи пустыни, жалившие сынов Израиля. У сефиан змей, вошедший в нечистую матерь, есть виновник всякого тленного бытия. Следовательно, как отчасти у офиан Оригена, так и у наассенов Ипполита II проводится, по-видимому, довольно резкое разделение между змеем, как началом высшего мира, и змеем, принадлежащим к низшей области бытия. У Епифания мы встречаем такое же, как и у Ипполита I, странное смешение змеи — предмета поклонения, со змеем — сыном Ялдаваофа, соблазнившем Еву. Феодорит, в главе об учении сефиан, объединяет все то, что Ириней говорит о "гностиках" различных видов. Поэтому у него в системе сефиан змей является и как сын непокорного сына Пруники, и как один из семи архонтов — Михаил, и как пневматическое существо, с самого начала пребывавшее с Софией.

Кроме офитских сект, упомянутых отцами и писателями церкви, следует сказать о египетских офитах "Пистис София". У них встречаются только случайные упоминания о змее. Так, о некоторых эманациях Аутогена говорится, что "одна превратилась в образ большой змеи, другая — в образ василиска с семью головами, третья — в образ дракона". В другом месте сказано: "Я (Христос) вывел Пистис София из хаоса, и она наступила на эманацию Аутогена с видом змеи, и на эманацию с видом василиска с семью головами, и на силу с видом льва и дракона".

Таким образом, в сектах, называемых офитскими, змей играет ту или другую роль, по большей части — двоякую: и как существо, принадлежащее к высшему миру, и как хаотическое начало (сын Ялдаваофа). Но там, где змею

приписываются различные роли в одной и той же системе (у офиан Оригена, у ператов и сефиан Ипполита II), там между ними проводится четкое разделение. Только странное положение змея у офитов Ипполита I и Епифания вызывает удивление. Но такая странность была замечена еще самим отцом (Епифанием). Он говорит: "Офиты сами себя опровергают своими собственными догматами, то прославляя змея, то — утверждая, что он — обманщик Евы... то объявляют его Христом, а то сыном Ялдаваофа... Как змей есть царь небесный, если он восстал против отца? И если он дает веденье, то как возвещают о нем, что он обманом прельстил Еву?"

То, что именно вследствие особого положения змея в офитских сектах им и присвоили имя "офитских", об этом свидетельствуют сами ересеологи. Напр., Ипполит I говорит: "офитами называются, ибо змея прославляют". Епифаний замечает: "называются офитами потому, что чтут змея". То же самое подтверждает и Филастрий. Правда, другие ересеологи не говорят о поклонении змею. Однако, напр., "некоторые" св. Иринея и Феодорита весьма близки к тому по своему воззрению. У Оригена мы встречаем чрезвычайно интересное замечание, что офиане получили свое название от змея, давшего первым людям благой совет. В таком случае и "некоторые" Иринея с Феодоритом имели право именоваться "офитами", ибо у них премудрость, принявшая образ змея, принесла познание людям. Весьма почетное положение змея в системах собственно наассенов, ператов и сефиан не вызывает сомнения. Следовательно, было достаточно законных оснований для определения этих сект как "офитских". Но были и другие секты, тоже "офитские", где змей не только не служил предметом поклонения, но и вообще не играл никакой мало-мальски существенной роли. Таковы, напр., гностические системы Аскевианского ("Пистис София") и Брукианского кодексов — офитские системы без "ophis'a", не считая случайных упоминаний о змеевидных драконах.

Заключительный вывод относительно наименования офитов может быть сделан следующий. Название "офиты" появилось только в самом конце II-го в. или даже в

начале III-го. Св. Ириней, излагая гностические системы офитского типа, еще не называет их офитскими, т.к. это не их самоназвание, но определение, данное им позднейшими исследователями. Сами же члены этих сект называли себя гностиками — об этом ясно свидетельствует Ипполит и, отчасти, Епифаний...

В чем же состояло учение офитов? Начнем с самых древних. В самом конце 1-ой книги своего сочинения "Против ересей" св. Ириней описывает ряд родственных сект — барбелитов, "гностиков" и каинитов, — происходивших от симониан и вызвавших появление валентиниан.

Во главе всего, по учению гностиков — барбелитов, стоит Неименуемый отец и вечный, нестареющий и девственный эон Барбело. Они составляют как бы первую высшую сизигию, прославляемую четырьмя низшими сизигиями, явившимися из отца путем эманации. Эти последние сизигии образуют: 1) мысль и слово (эннойя и логос), 2) нетленность и Христа, 3) вечную жизнь и волю, 4) ум и предвиденье (нус и пронойя). Полным отражением этих сизигий служит второй ряд сизигий, излившийся из первых. От первой, более ранней сизигии слова и мысли, как подобие Неименуемого отца и Барбело, является сизигия саморожденного (Аутогена) и истины. Вторая сизигия 1-го ряда — Христос и нетленность — производят из себя четыре светила. От третьей сизигии — воли и вечной жизни — произошли благодать, желание, смысл и разум. "Благодать сочеталась с великим и первым светилом; под ним они разумеют Спасителя и называют его Гармогеном; желание же соединилось со вторым, которое они называют Рагуел; смысл — с третьим светилом, которому они дают имя Дадул; разум — с четвертым, которое они называют Элелет... После того, как все так утвердилось, Аутоген сверх того произвел совершенного и истинного человека, которого они называют Адамант... Вместе с человеком Аутоген произвел совершенное знание и сочетал их друг с другом. Человеку также была дарована девственным духом непобедимая сила, и все стало прославлять великий эон. Отсюда — говорят они — произошли мать, отец и

сын; от человека же и знания произросло дерево, которое они также называют знанием".

Последующее изложение св. Иринеем учения барбелитов тесно не связано с предшествующим фрагментом. По смыслу было бы логично сделать переход от царства света и мира пневматического к миру телесному. Но имеем другое. От первого ангела Единородного произошел св. Дух, также называемый Софией или Пруник. Кто такой Единородный и и откуда он произошел — понять трудно. Гильгенфелд полагает, что здесь имеется в виду "совершенный человек", не имевший себе пары, а поэтому, как бы в качестве компенсации при нем находился ангел. Однако, выше было ясно сказано, что человек находится в сочетании с гносисом. Пруник ищет себе парное существо для сочетания. При этом она из царства света заглянула и в нижние области. Не найдя для себя пары, Пруник, по своей доброте и простоте, но без благоволения отца, произвела первого начальника (протоархонта), создателя этого мира, существо, наделенное незнанием и дерзостью. Этого первого архонта увлекает от матери в нижние области великая сила. Здесь он произвел властителей (архонтов), ангелов, тверди и все земные вещи; а потом — злобу, ревность, зависть, ярость и похоть. После этого мать София, исполненная скорби, удалилась вверх и составила восьмерицу. Оставшийся внизу ее сын сказал: "Я один бог ревнитель".

Здесь изложение внезапно обрывается, ибо о космогонии, антропологии и сотериологии у Иринея ничего не говорится, хотя деятельность протархонта уже начинается. Весь рассматриваемый рассказ св. Иринея о системе барбелитов производит впечатление отрывка, выдержку из какого-то литературного источника...

В главах XXX — XXXI своего труда "Против ересей" св. Ириней излагает учение "других" гностиков, как нечто уже законченное. Систему этих гностиков Ириней уже самостоятельно изучил и представляет следующим образом: в глубине обитает первый свет, называемый также "отцом всего" и "первым человеком". Его мысль именуют его сыном, сыном человеческим и вторым человеком. Ниже

их стоит св. Дух — первая жена и мать живущих. "Когда же впоследствии первый человек со своим сыном возвеселился о красоте Духа, т. е. жены, и озарил ее, то родил от нее нетленный свет, третьего мужа — Христа. Эти четыре божественные существа составили "истинную и святую церковь", или нетленный эон. Ниже божественных существ находятся отдельные стихии: вода, мрак, глубина и хаос, над которыми носится Дух — первая жена. Значит, рядом с миром света изначально соседствует хаос. При "озарении" первой жены отцом и сыном, от нее произошел не только Христос, принадлежащий к "правой стороне", но, вследствие чрезмерного переполнения, часть сил излилось и в "левую сторону", "имея орошение света". Из этих сил явилась Пруника, премудрость, муже-женское существо. Она и является началом творения и движения, космогоническим принципом. Пруника нисходит в самые нижние воды и приводит их в движение. Материя устремляется к ней и к свету, находящемуся в ней, и образуется тело. Будучи крайне обременена материальным телом и боясь быть поглощенной низшим миром, Пруника, благодаря орошению света, поднимается в горний мир. Она создает из своего тела видимое небо, а потом, получив достаточную силу, и совсем отвергает это тело, которое получает название "жена от жены". В результате падения Пруники в материю явился сын — Ялдаваоф, который сам, в свою очередь, произвел сына; последний, подражая отцу, также родил сына, этот — еще сына и т. д. В итоге, последовательно явилось семь сыновей. Имена их очень характерны: Ялдаваоф, Иао, Саваоф, Адонеус, Элосус, Ореус и Астонфеус. Между Ялдаваофом и происшедшими от него сыновьями начались "споры и брани за господство". Ялдаваоф, в отчаяньи и скорби, с вожделением посмотрел на материю, отчего родился сын, извивающийся подобно змее. Ялдаваоф, презирающий свою мать за то, что он произвел детей и внуков без ее помощи, радуясь и похваляясь, воскликнул: "Я отец и бог, и нет никого, кроме меня... придите, сотворим человека по образу нашему". При этом Ялдаваоф надеялся, что подвластные ему существа, вложив в человека свою силу, сами обессилят.

Однако, по внушению Премудрости, дело обернулось иначе. Шесть сыновей создали несовершенного человека, "чрезвычайно толстого и длинного, но умеющего только ползать — и привели его к Ялдаваофу. Последний, не догадавшись о замыслах Премудрости, вдохнул в него дыхание жизни, однако, сам при этом потерял значительную часть своей силы. А, между тем, человек получил ум и помышление, благодаря которым познал и возблагодарил "Первого человека". Желая обессилить человека, Ялдаваоф создает для него жену Еву. Но Пруника, предугадав его замыслы, лишила жену силы, а потом при помощи змея, сына Ялдаваофа, склонила ее и мужа преступить заповедь Ялдаваофа. Последний в наказание изгоняет Адама и Еву из рая. Змей также изгоняется в дольний мир. Здесь он, по примеру отца, рождает шесть сыновей. Вместе с ним образуется седьмица — семь мировых демонов, которые враждебны людям, ибо из-за людей пострадал их отец".

Изгнанием из рая наказание людей не ограничилось. Адам и Ева, имевшие прежде светлые, как бы духовные тела, теперь получили тела тяжелые и темные. Души их также изменились к худшему. Но Пруника сжалилась над ними и возвратила им благоухание орошенного света. Благодаря этому люди познали, что они лишь временно связаны материальными смертными телами. Руководимые Софией, они нашли себе пищу, вступили в плотское общение и родили детей. Их первый сын Каин был развращен змеем и убил своего брата Авеля. После них родились, по предусмотрению Пруники, Сиф и Норея, от которых, в свою очередь, произошли все люди. Затем началась борьба за обладание человеческим родом между светлой седьмерицей, возглавляемой матерью, и низшей, предводительствуемой змеем, имеющим два имени: Михаил и Самаэл. "Люди были вовлечены во всякую злобу, в идолослужение и во все презренное". Однако, высшая мать попечительствовала им, периодически орошая светом.

Ялдаваоф наслал на людей потоп, но премудрость спасла семейство Ноя. Среди потомков Ноя Ялдаваоф избрал себе Авраама и вступил с ним в завет, что "он даст ему, если его семя постоянно будет ему служить, землю в

наследие". Потомки Авраама были выведены из Египта через Моисея и получили закон. У них были установлены семь дней в соответствие со священной седьмерицей архонтов, каждый из которых имел пророков для своего прославления и проповеди. Эти пророки принадлежали к царству Ялдаваофа. Высшая же Премудрость имела своих пророков, которые возвещали о первом человеке и горнем Христе, чье пришествие ожидалось. Архонты царства Ялдаваофа были этим известием поражены. Между тем, Пруника через Ялдаваофа, не разгадавшего ее планов, произвела на свет двух великих людей — Иоанна и Иисуса. Так как просить горнего Христа о сошествии Пруника возможности не имела, то она в раскаяньи обратилась к своей первой матери, прося ее облегчить ее участь. Мать, сжалившись над Пруникой, умолила первого человека послать Христа, который "и низошел, таким образом, к своей сестре и к орошению света. Узнав об этом, Премудрость возвестила через Иоанна его пребытие, установила крещение покаяния и предуготовила Иисуса, чтобы Христос при своем сошествии нашел чистый сосуд и чтобы через сына Ялдаваофа была возвещена Христом жена". Христос сошел через семь небес. Сначала он сокрылся в своей сестре, низшей премудрости, "как жених у невесты", а потом, соединившись с нею, вошел в чистого, мудрого и праведного Иисуса, и, таким образом, произошел Иисус Христос. Иисус Христос начал проповедовать о неведомом первом человеке, как о своем отце, и творил чудеса. Ялдаваоф и его архонты разгневались на Иисуса и обрекли на смертную казнь. Однако, Христос с премудростью не страдал на кресте, но удалился в нетленный эон, а затем воскресил Иисуса уже в душевном и духовном теле. Многие ученики Иисуса не знали, что с ним соединился горний Христос, а потому, увидев его воскресшим, ошибочно приняли его духовное тело за тело мировое. Воскреснув, Иисус провел на земле еще 18 месяцев, обучая немногих своих учеников тайным знаниям, полученным им свыше.

Души, признавшие соединение дольнего Иисуса с горним Христом, после земной смерти соединяются с Христом, сидящим одесную Ялдаваофа, чем наносят пос-

леднему ощутимый ущерб. Когда же наступит конец света, тогда "все орошение духовного света соберется вместе и возвратится в нетленный эон".

В конце XXX и начале XXXI св. Ириней указывает разновидности изложенных "гностических" систем. "Некоторые говорят, — замечает он, — что сама Премудрость сделалась змеем,... противостала творцу Адама и принесла знание людям, т. е., следовательно, райского змея объявляют благодетельным началом,... другие же утверждают, что Каин происходит от высшей силы; и Исава, и Корея, и содомлян, и всех таковых признают своими родственниками; и поэтому они были гонимы творцом, но ни один из них не потерпел вреда. Ибо Премудрость взяла себе от них то, что ей принадлежало. И это, говорят, хорошо знал предатель Иуда; и так как он только один из всех знал истину, то совершил тайну предательства; через него, говорят, разрешено все земное и небесное". Таковы сведенья об офитах, которые мы находим у св. Иринея в его труде "Против ересей". Впрочем, термин "офиты" не был ему известен, и он причислял их просто к "гностикам", располагая между симонианами и валентинианами.

<...> У Ипполита I сведенья об офитах довольно кратки.

Офиты, согласно Ипполиту, следовали за николаитами. Название их происходит от слова "змей", ибо они прославляли змея, предпочитая его даже Христу. Змей, — говорили они, — положил начало знанию о добром и злом. Будто бы Моисей, зная о могуществе и величии змея, поставил его медное изваяние, и кто бы ни взирал на него, получал исцеление. Сам Христос в евангелии якобы учил о священном могуществе змея. Змея же они вводят для благословения евхаристии. Вся суть их заблуждения, по словам Ипполита I, заключена в их обрядовых действиях, и учение их проистекает именно отсюда. Они говорят, что от высшего первого эона произошли остальные низшие. Над всеми этими эонами имеет власть один эон, по имени Ялдаваоф. Он произошел от высшего эона, принадлежит к средней области и имеет семь сыновей, от которых он скрыл высший мир и заставил их признать

себя единственным богом. Силы и низшие ангелы создали человека. Но этот человек был "как пресмыкающийся червь". Тогда эон, от которого произошел Ялдаваоф, "движимый ненавистью", вложил искру в лежащего человека, благодаря чему тот сделался разумным и смог понимать высший мир. Огорченный Ялдаваоф произвел силу, принявшую вид змея. Этот змей водворился в раю и убедил Еву вкусить от древа, благодаря чему человеческий род получил познание добра и зла...

Вслед за офитами, Ипполит I описывает секты каинитов и офиан, но уже как принадлежащие к одному семейству с офитами. Как уже известно из Иринея, эти еретики Каина почитали более, чем Авеля. Они также прославляли Иуду; причем у Ипполита мы встречаем и нечто новое, а именно, что Иуда якобы предал Христа потому, что тот хотел разрушить истину, и еще — будто бы силы этого мира препятствовали страданиям Христа, так как без оных страданий не было бы спасения мира.

О сефианах мы, собственно, впервые узнаем от Ипполита I. По их учению, — пишет Ипполит, — богиня-мать, заставив ангелов вместо убитого ими Авеля создать Сифа, думала этим лишить их силы, дабы "только семя человеческое было в мире". Когда же ангелы смешались с людьми, мать наказала этот смешанный род потопом, чтобы искоренить зло и сохранить лишь чистое и невредимое семя. Но ангелы, в тайне от матери, спрятали между "чистыми" в ковчеге и Хама. Благодаря ему зло не погибло и распространилось по всему миру, заполнило его и, наконец, окончательно им овладело. Далее Ипполит говорит об отношении сифиан к Христу. "О Христе же они думают так, что считают его только Сифом, или же говорят, что вместо Сифа явился он сам".

Весьма интересные сведенья об офитах, или, по его терминологии, наассенах, содержатся у Ипполита II.

В пятой книге своего антигностического сочинения "Refutatio..." и в суммариуме, т.е. в последней книге этого сочинения, Ипполит излагает учение наассенов и сходных с ними систем — ператов, сефиан и Иустина. Наассены, по его представлению, это то же самое, что и офиты,

ибо по-еврейски "наас" — змея (хотя, с другой стороны, он мимоходом упоминает и об офитах в собственном смысле, о каинитах и о ни у кого еще не названных ноахитах). О наассенах Ипполит замечает, что сами себя они называли гностиками...

Сущность учения наассенов — и даже всего гностицизма — прекрасно выражена в одном их гимне. Гимн этот приводится у Ипполита в 5-й книге, в конце 10-й главы... По словам Гарнака, "мы не имеем другого такого отрывка, который в немногих строках давал бы столь ясное и ценное представление о христианском гностицизме, как эти стихи".

"Производящий принцип всего, первейший был Нус. Второй же принцип, излившийся из перворожденного — Хаос. Третий принцип получила созданная (из них) Душа".

Приводить дальнейшие слова гимна в данном случае нам нет нужды. Речь в них идет о бедственном положении Души, находящейся между Нусом и Хаосом и блуждающей в лабиринтах зла. Иисус испрашивает у своего Отца дозволения ее спасти.

В приведенном трехстишьи мы, прежде всего, видим ясно выраженный монизм и эманатизм. Хаос представляется "излившимся из первородного", след., не имеющим самостоятельного бытия. Душа же произошла от них обоих. В этой двойственности — источник ее страданий. Итак, изначальный монизм путем ряда эманаций приводит к трем принципам: Нусу, Хаосу и Психе, или даже к четырем, ибо в дальнейшем выясняется, что Первый Нус — это отнюдь не "перворожденный", из которого излился Хаос. "Перворожденный" — это Иисус, сын, происходящий от Первого Нуса. Он — Демиург — творец Хаоса.

Очевидно, что учение наассенов претерпело много всяких изменений и наслоений. Мы встречаем у них самые различные наименования для высшего божественного мира. Особенно чтили они два верховных существа — Человека и сына Человека, признавая их единство. Первочеловек представлялся началом муже-женским — первоотцом и первоматерью. Первоматерь есть Дух. Следовательно, выступают три высших существа: Отец, Сын и Дух-Мать.

Первоотец, чуждый всякого определения, вместе с Матерью — источник эонов (впрочем, эонология у наассенов практически не разработана). Наряду с этим, у наассенов источником всего сущего под небом почитается змея ("наас"), причем явно прослеживается ее непосредственная связь с Первосущим. Так, Наас называется "благом", а, между тем, в учении наассенов подчеркивается, что только Бога можно считать единственно благим. Далее, Наас — "сложная субстанция", но, в то же время, и божество несет в себе хтонические элементы. Кроме того, Наас называется источником всего духовного, значит, его (или ее) нельзя отождествлять с Хаосом. Наас, очевидно, в этом ином представлении — Демиург. В таком случае он совпадает с тем "перворожденным", о котором говорится в гимне. Рассуждая о происхождении Души, наассены приходили к следующим предположениям: либо Душа происходит от Первосущего, либо от Саморожденного (Аутогена), либо от излившегося Хаоса. Здесь Аутоген занимает посредствующее место между Первосущим и Хаосом, след., играет роль Демиурга. Кроме того, наассены говорят еще о неком четвертом, "огненном боге", который именуется "демиургом и отцом особого мира, единым и имеющим власть над жизнью и смертью... Он есть Христос... среди всех рожденных Сын Человека, выразимый невыразимыми словесами".

Обстоятельного и сколько-нибудь продуманного изображения системы наассенов у Ипполита II мы не находим. Он непоследователен, напр., при описании их высших существ: трудно понять, было ли их, по Ипполиту, три или четыре. Очевидно, все-таки четыре, т.к. один из богов назавается Исалдей, т. е. "четвертый бог". С другой стороны, у наассенов повсюду господствует принцип троичности. "Кто говорит, — читаем мы у Ипполита, — что все состоит из одного, заблуждается; кто же говорит, что из трех — высказывает правду и дает истинное свидетельство о целом". О происхождении мира и человека подробно не говорится, лишь упоминается, что Исалдей — "отец особого мира". Что же касается человека, то он произошел от земли и был вначале подобен статуе —

спокойный и недвижный. Прообразом же человека был горний Адамант. В создании человека принимало участие множество сил. Ему также была дарована душа, страдавшая, до прихода Христа, в лабиринтах зла.

К наассенам принадлежала также секта ператов. Ипполит полагает, что назывались они так в честь своего основателя — Евфраата Ператика. Сами же ператы дают своему имени аллегорическое толкование, считая, что только они одни, зная истину о необходимости бытия и путях человека, могут перейти ("ператос") непроходимую для других бездну тления. Ипполит полагает, что корни их учения лежат в астрологии и, тем самым, сближает его с учением халдеев. Сущность учения ператов Ипполит излагает так: в основе универсума лежит единое начало, как бы великий источник, бесконечно делимое на три. Прежде всего выступают три начала — отец, сын и материя; каждое из них заключает в себе бесконечные возможности. Среднее место занимает сын, логос, змей, всегда устремленный к вечно подвижному отцу и колеблющейся материи. У отца сын заимствует силы и идеи, и сообщает их бескачественной и безобразной материи. Таким образом, сын является демиургом. Второе троичное деление порождает благо, бесчисленное множество сил и еще что-то "особое". При этом первое есть нерожденное и благое, второе — благое и саморожденное, третье же — просто рожденное. Отсюда выводят троякого рода богов, логосов и людей, соответствующих каждой части мира. Свыше, из нерожденного мира при Ироде сошел человек Христос, имевший три натуры, три тела и три силы. В нем полнота божия воплотилась телесно. Христос сходит для спасения, но спасает только два мира, третий же гибнет.

К наассенам относят также секту севиан. По их учению, в основе универсума лежат три начала, владеющие бесконечными силами: вверху — свет, внизу — мрак, а между ними — чистый дух. Мрак — "страшная вода" — начало разумное, осознающее, что, лишившись света, он станет пустынным, бессильным и бездеятельным. Поэтому он стремится любой ценой захватить и удержать в себе хоть частицу света, а, заодно, и благоухание духа. Все силы

начал разумны и временами приходят в движение. При этом они сталкиваются, в результате чего образуются отражения идей и образов. Из первого великого столкновения трех начал возникла великая идея неба и земли, в пространстве между которыми начались бесчисленные столкновения сил. На земле рождается множество животных, а из воды появляется первородное начало, сильный и порывистый ветер, подобный змею — виновник всякого рождения. Этот ветер, используя силы света и духа, рождает человека — нус, заключенный в тело. С этого момента вся печаль и забота света направляются на то, чтобы каким-то образом освободить дух от смертного, дурного и мрачного тела. С этой целью был послан совершенный логос, который, приняв образ змея, вошел в нечистую утробу.

Описывая наассенов, Ипполит упоминает систему псевдогностика Иустина, который окружил свое учение завесой таинственности. "Клянись, — говорил Иустин, — если хочешь знать то, чего глаз не видел, и ухо не слышало, и на сердце человеку не пришло, знать верховное Благо, возвышающееся над всем, клянись хранить в тайне и не разглашать это учение"... Учение Иустина, заимствованное отчасти из книги Баруха, Ипполит излагает так: было три нерожденных начала: два мужских и одно женское. Из мужских одно называется всеведающим Благим, другое же — отец всего рожденного, Элохим, лишенный предвиденья, непознаваемый и невидимый. Женское начало также лишено предвиденья, гневное и двоедушное, нижней своей частью похожее на змею. Ее имена — Едем и Израиль. Элохим вступает в супружескую связь с Едем, отчего рождаются двенадцать ангелов для отца, и столько же для матери. Эти 24 ангела населяют рай, причем 3-ий отцовский ангел Барух символизирует древо жизни, а 3-ий материнский — Наас — древо познания добра и зла. Ангелы создали людей, Едем дала им душу, а Элохим — дух... Создав с помощью ангелов мир, Элохим захотел посмотреть на него сверху, для чего он поднялся в верхнюю часть неба. Здесь он увидел лучший свет, чем мог создать сам. Тогда он, раскаявшись, воскликнул: "Отворите мне две-

ри, чтобы я, войдя, мог исповедоваться Господу, ибо я думал, что я Господь". Когда двери отворились, Элохим услышал голос Благого, приглашающий его воссесть рядом с ним. Он повиновался, но вспомнил о своем духе, оставленном в людях, и захотел его вернуть. Однако Благой ему это делать запретил, так как это могло бы уничтожить мир, а по словам Благого: "Не должно делать зла, находясь у меня".

Едем, осознав, что она брошена Элохимом, поначалу пытается его вернуть, а когда ее затея проваливается, задумывает месть. Она намеревается мучить дух Элохима, оставшийся в людях, и для начала посылает Нааса разрушить брак первых людей. Элохим же посылает людям на помощь Баруха, который дает им первую заповедь — не есть с древа познания (т. е. не подчиняться Наасу). Наасу, однако, удается соблазнить Еву и научить Адама педерастии. С этого времени начались страдания людей. Хотя Элохим, возвысившись к Благому, указал людям путь к спасению и послал Баруха, дабы тот открыл людям глаза, но хитрый и бдительный Наас, направляемый мстительной Едем, постоянно разрушал его замыслы. Так, Барух явился к Моисею с заповедями, но Наас эти заповеди подменил. То же случилось и с пророками. Наконец, Барух обратился к великому Гераклу, дабы тот истребил 12 ангелов Едем. Тот совершил 12 подвигов, аллегорически означавших его победу над 12-тью ангелами, и решил, что исполнил задачу. Однако коварный Наас успел заранее подослать к нему Бабель, или Афродиту, принявшую образ Омфалы, которая, отняв у героя силы, ослепила его духовный взор, а потому его подвиги были напрасны.

Тогда Барух приходит в Назарет к двенадцатилетнему сыну Иосифа и Марии Иисусу, пасшему стада, и открывает ему всю правду о делах Едем и Элохима. Иисус начинает проповедовать людям. В данном случае все попытки Нааса сбить его с пути истинного терпят неудачу. Разгневавшись, тот посылает Иисуса на крестную муку, но Иисус, оставив на кресте тело Едем, восходит к Благому, говоря при этом Едем: "Женщина, ты имеешь своего сына у себя", т. е. ей остается лишь земной, животный человек.

Далее следовало бы упомянуть описания офитских сект у ересеологов IV—V веков Епифания, Филастрия и бл. Феодорита. Липсий, однако, доказал, что все они опираются на один и тот же источник — утраченную синтагму Ипполита. Гарнак, скурпулезно исследовавший эти документы, полностью с таким выводом согласился. Таким образом, вряд ли есть смысл на них останавливаться.

2. САТОРНИЛ

Первым лжеучителем, в лице которого могучее гностическое движение, вышедшее из месопотамских равнин и разлившееся по восточному побережью Средиземного моря, вторгается в христианство, был Саторнил. В нем туманное, почти безличностное для нас движение впервые кристаллизуется в известную фигуру и получает более или менее определенные исторические, топографические и хронологические черты.

Источники, из которых черпаются сведенья о Саторниле, довольно скудны. Первое краткое известие мы встречаем у св. мученика Иустина, потом у св. Иринея, у Тертуллиана, псевдо-Тертуллиана или Ипполита I, у Ипполита II, у Евсевия, у Филастрия, у Епифания, у Феодорита, у Августина, в книге Предестината и в апостольских постановлениях; за исключением, конечно, Иустина, все перечисленные авторы или сочинения заимствуют сведенья о Саторниле у Иринея. В этом легко убедиться.

Вот что сообщает о Саторниле св. Ириней.

1. "Из них (т. е. учеников Менандра) Сатурнин (так называет Саторнила Ириней и ряд других ересеологов) из той части Антиохии, что близ Дафны... Сатурнин, подобно Менандру, признает единого неведомого никому отца, который сотворил ангелов, архангелов, силы (и) власти. Семью ангелами сотворен мир и все, что в нем (находится). Человек есть также творение ангелов, которые не могли удержать светлый образ, который явился от высшей силы и быстро возвратился; (ангелы) советовались друг с другом и говорили: "сотворим человека по образу и подобию (высших сил)". Когда тот был создан, то его тело, из-за

слабости ангелов, не могло стоять прямо, но ползало, подобно червю. Тут сжалилась над ним высшая сила и послала искру жизни, которая выпрямила человека, наделила (необходимыми) членами и сделала жизнеспособным. Поэтому, говорит, эта искра жизни возвращается по смерти к тому, что с ней однородно. Прочее же разлагается на то, из чего создано.

2. Спаситель, доказывал он, не рожден, бестелесен, безвиден и (только) казался человеком. А бог иудеев — есть один из ангелов. И так как все князья хотели уничтожить отца Его (т. е. Спасителя), Христос пришел для уничтожения бога иудеев и для спасения верующих в Него; это те, которые имеют искру жизни. Он (Саторнил) первый сказал, что ангелами сотворены два рода людей — добрый и злой. И так как демоны помогали злым людям, то Спаситель пришел для уничтожения злых людей и демонов и спасения добрых. Вступление в брак и рождение детей, говорят, от сатаны. Многие же из его последователей воздерживаются от мяса животных, обольщая других такой мнимой воздержанностью. Некоторые пророчества (по словам Саторнила) изречены ангелами, создавшими мир, другие — от сатаны, которого он также считает ангелом — противником создателей мира, в особенности бога иудеев". Вот что мы можем прочесть о Саторниле у Иринея.

У Тертуллиана встречаем краткую заметку о Саторниле: "Некоторые с великим убеждением верят в то, что они снизошли с неба... Так Сатурнин, ученик Менандра Симонианского, утверждал, что человек создан ангелами, и что он, будучи вначале хилым, слабым и шатким, ползал по земле, как червяк, ибо не имел силы стоять, а потом, по милосердию высочайшего существа, по образу которого, впрочем, не вполне понятному, он случайно был образован, получил малую искру жизни, которая его пробудила, подняла, одушевила и после смерти возвратит его к материи"...

Если сделать как бы выборку сведений о Саторниле, которые мы находим у других ересеологов, то сущность его учения можно представить себе следующим образом:

1. Саторнил признавал одного "неведомого отца", создавшего, очевидно, путем эманации, ибо иного рода творения древние не знали, ангелов, архангелов, силы и власти.

2. Наряду с неведомым богом существовала вечная материя. Эта мысль ясно не выражена, но к ней легко прийти логически, ибо ничего не говорится о творении богом материи, а, между тем, она налицо; притом, сам "неведомый отец" устраняется от создания мира.

3. Из созданных отцом ангелов семь являются образователями мира из готовой материи.

4. В их деятельности особого внимания заслуживает создание ими человека. В источниках говорится о каком-то "светлом образе, явившемся от высшей силы" ангелам-демиургам, внезапно исчезнувшем, но восхитившем их. Желая его запечатлеть, они говорят: "сотворим человека по образу и подобию". Опыт их вышел чрезвычайно неудачным: человек ничем не отличается от низших творений. Но, в виду того, что ангелы намеревались создать человека по образу высшей силы, последняя сжалилась и послала человеку искру жизни. Конец природного человека — разложение на составные части: искра возвращается к высшей жизни, остальное поглощает материя.

5. Весь созданный мир семь ангелов поделили между собой и в нем владычествовали. Один из них стал богом иудейского народа. Среди ангелов произошло, по-видимому, какое-то возмущение против высшей силы, особенно со стороны иудейского бога.

6. Наряду с ангелами выступают: сатана, демоны и злые люди. Их появление остается загадкой...

7. Между ангелами-миросоздателями и сатаной ведется борьба, которая в особенности жестока между иудейским богом и сатаною. Как семь ангелов, так и сатана с демонами посылают своих пророков. Этот пункт в источниках прояснен слабо.

8. Пророчества ангелов, следует полагать, касались пришествия Спасителя, который явился не в полном смысле человеком, но в призрачном теле. Это легко объяснимо, ибо материя считается злым началом. Цель пришествия

практически не объясняется. Из текста следует, что Спаситель пришел уничтожить иудейского бога и других ангелов (?), демонов и злых людей, добрых же, т. е. верующих в него — спасти. Под добрыми людьми, конечно, понимаются прежде всего те, которые получили "искру жизни". Но такие люди должны спастись уже в силу космических законов, поэтому какое-то их "особое" спасение не совсем понятно. Очевидно, ангелы и в особенности иудейский бог, каким-то образом спасению препятствовали, почему и потребовалось их уничтожить.

9. Саторнил выводил из своего учения аскетические принципы для жизни своих последователей. Он запрещал брак и рождение детей, как дело сатаны, а также учил воздерживаться от употребления в пищу мяса животных...

Нам представляется, Саторнил был одним из древнейших исторически известных лжеучителей, относящихся к восточным гностикам и вышедших непосредственно из офитов.

Существенным отличием учения Саторнила от многих офитских систем является его строго аскетическая направленность. .

Саторнил имел последователей и основал свою школу. У св. Иустина, как и у бл. Августина, речь идет о "саторнилианах". Но эта школа не была особенно популярна и многочисленна, да и просуществовала недолго. Никаких сочинений Саторнила и его учеников не сохранилось.

3. ВАСИЛИД

Личность Василида и его учение принадлежат к одним из самых загадочных и спорных явлений в истории гностицизма, и это несмотря на то, что сохранились фрагменты его собственных сочинений и пространные свидетельства ересеологов о нем и о его системе. Очевидно, причины разногласий и споров следует искать в характере имеющихся свидетельств.

По данным Евсевия Кесарийского, Василид написал 24 кн. на евангелие. Сохранились фрагменты 13-ой книги, которые приводятся в Актах Архелая, и 23-ей — в сочинениях Климента Александрийского. Кроме того, у

Климента есть выдержки из сочинения "законного сына и ученика" Василида Исидора, названные "О приросшей душе", а также его "Моралии".

Конечно, эти фрагменты весьма ценны, но они явно недостаточны для того, чтобы воссоздать по ним хоть одну законченную часть системы Василида...

<...> Мы сначала изложим учение Василида по Иринею, а потом — по Ипполиту. У св. Иринея, а также у Ипполита I, Евсевия, Филастрия и Феодорита учение Василида представляется в следующем виде.

Во главе стоит единое, нерожденное, Отец всего. Путем эманации от него исходит ряд эонов: Нус, Логос, София и др., а затем уже из них проистекают "начала, власти и ангелы". Эти ангелы сотворили первое небо и его обитателей, те, в свою очередь, опять-таки через эманацию, создали второе небо и т. д. Так последовательно было создано 365 небес. Глава или архонт небес назывался Абрасакс*.

Далее изложение системы Василида теряет свою последовательность и ясность. Ангелы, находящиеся в последнем, видимом нами небе, сотворили чувственный мир и разделили между собой по жребию землю и живущие на ней народы. Иудейский народ достался главному ангелу. Тот вывел свой народ из Египта и дал ему закон.

Затем главный архонт задумал подчинить иудеям все другие народы, но этому воспротивились прочие ангелы, вследствие чего началась война. Нерожденный, неименуемый отец посылает своего первородного (эона) Нуса Христа, "чтобы освободить верующих в него от власти мироздателей". Христос явился в образе простого человека, будучи, однако, бестелесной силой, способной изменяться как угодно по собственному желанию. Благодаря этому Христос избег крестных страданий. Вместо него страдал Симон Киринейский, всем же казалось, что это Христос. Между тем, Христос невидимо вознесся к Отцу. Те, кто

* Согласно модной в те времена числовой символике букв, "сумма" букв в слове "Абрасакс" (равно как и в слове "Абраксас") равняется 365.

знают это, освобождаются от власти создателей дольнего мира, ибо им ведомо домостроительство нерожденного Отца. Кто же верует в Христа распятого, тот остается рабом демиургов. Василид вполне последовательно допускал спасение лишь души, но никак не тела.

Последователи Василида имели весьма сложный культ с таинствами, заклинаниями, вызываниями и волхвованиями, в быту же имели явную склонность к либертизму. Епифаний прямо приписывает Василиду проповедь разврата.

Василид и его ученики отрицали значение мученичества и исповедания. Сам Василид внушал своему ближайшему окружению — "истинным гностикам" — необычайное чувство горделивости. Его гностик — редкий и исключительный в мире человек: это — "один из тысячи или два из десяти тысяч, он познает ангелов и их причины и, благодаря этому, делается незримым и недоступным для всех ангелов и сил". Истинный гностик должен хранить свои глубокие познания в тайне и пребывать в молчании. В горделивом самопревозношении и презрении ко всему окружающему, он поучал: "Ты знай всех, а тебя пусть не знает никто".

Как видим, изложение взглядов Василида у Иринея и других сродных с ним ересеологов сделано небрежно; все скомкано и затемнено. Неизвестно, для чего, из чего и как явился мир; какая, собственно, была нужда в явлении Христа, что Он сделал и т. п. Система изложена настолько неудовлетворительно, что при желании вполне можно оспаривать ее дуализм. Однако, по нашему мнению, дуализм несомненен. Так, Епифаний свидетельствует, что исходным пунктом учения Василида был вопрос о природе и источнике зла. Полемизируя с Василидом, св. Епифаний говорит, что зло не изначально, что было время, когда зла не было вовсе, что оно несамостоятельно. Далее, согласно Иринею, по Василиду между демиургами с одной стороны, а особенно главным из них — иудейским богом, и нерожденным Отцом, с другой, существует враждебное, хоть и невыясненное почему, отношение. Во взглядах Василида на природу Христа мы видим строгий докетизм.

Наконец, по общему преданию, Василид — ученик Саторнила. Все это свидетельствует о том, что система Василида была дуалистической.

У Ипполита мы имеем дело, как сказал один из исследователей (Шульц), с "нигилистической системой" Василида. Согласно Ипполиту, вначале всего Василид полагал "ничто". "(Оно) было, когда ничего не было; но это "ничто" не было чем-то из сущего, но абсолютное ничто. Когда же говорится "было", то это означает, что не было ничего. И это нельзя даже назвать "неизреченным", ибо то, чего нельзя определить, как-то все же должно быть. Таким образом, это даже не неизреченное,... выше всякого имени и обозначения... Когда ничего не было — ни хаоса, ни субстанции, ни не-субстанции, ни простого, ни сложного, ни бездушного, ни осязаемого, ни человека, ни ангела, ни бога, — словом, ничего, о чем можно было бы говорить, как о сущем,... тогда не-сущий бог захотел создать мир". Но это "захотел" также требует пояснения, поэтому прибавляется: "(захотел) без мысли, без чувства, без желания, непреднамеренно, бесстрастно...". Однако, это еще не есть наш мир, но мир "непротяженный, бескачественный, космическое семя". Семя это, впрочем, потенциально заключало в себе все. Таким образом, не-сущий бог создал не-сущий мир из не-сущего, бросив семя, зерно, содержащее в себе все многообразие и многоразличие мира.

Чтобы пояснить свое учение о происхождении не-сущего мира от не-сущего бога, Василид, volens-nolens, должен был опереться на такое довольно шаблонное по тем временам понятие, как "выделение" (т. е. эманацию). Но если ранее, в своих отрицательных определениях Василид старался быть неуловимым, то теперь, употребив обычное и определенное выражение "эманация", был вынужден ответить на естественные вопросы: что это была за эманация и во что она происходила, т. е. какой потребовался богу материал, чтобы создать мир... "Он сказал и было... как говорит Моисей: да будет свет и был свет". Откуда же был свет? Из ничего: "не написано — откуда, но это только из голоса говорящего; говорящего не было, и

происшедшего не было. Из не-сущего произошло семя мира. Так как в основе всего лежит семя, заключающее в себе все (панспермия), то не следует допытываться: откуда. Ибо мировое семя заключает в себе все семена, (в том числе) и не-сущее, но предназначенное не-сущим богом явиться". Опять Василид прячется за отрицаниями. В этом нагромождении отрицательных определений проглядывается, несомненно, та мысль, что в понятии о боге невозможны и неуместны никакие ни определения, ни ограничения.

В мировом семени заключено "троякое сыновство", единосущное во всем не-сущему богу, рожденное из несущих. При делении первое сыновство оказалось легким, второе — грубым, а третье — нуждающимся в очищении. Первое сыновство быстро, как "перо или мысль", возносится к не-сущему богу. Второе, будучи подражательным, хочет, но не может последовать за первым. Тогда оно создает св. духа, который является связанным с ним, как крылья с птицей. С помощью св. духа второе сыновство возносится и достигает непосредственной близости с первым, а также с не-сущим богом. Но сам дух, который не одной сущности с сыновством, не смог последовать за ним и остался ниже, образовав "твердь", границу между истинным миром и "подмирным". Дух св. издавал благоухание богосыновства, как сосуд после излияния из него драгоценного мирра. Третье сыновство, которое нуждалось в очищении, осталось в семени и начало свою благую деятельность.

Из остальной спермы выделяется "великий архонт", глава мира. Едва явившись, он возносится к тверди, считая ее концом всего. Вообразив, что он — господин, владыка и мудрый устроитель мира, архонт начинает свое творение. Прежде всего, ему не понравилось быть одному, и он создал сына, "более могущественного и мудрого, чем он сам", и посадил его по правую руку; вместе они творят эфирный мир, огдоаду или восьмерицу. Потом из семени выходит другой архонт, слабее первого. Он творит седьмерицу, которая составляет его царство. Он также создает себе сына и также лучшего, чем он сам.

После выделения архонтов и их областей, в мировом семени остается третье сыновство. Оно стремится вверх сквозь ту преграду, которую создал дух, к не-сущему богу. Об этом сказано: "Тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих" (Рим. VIII, 19). "Сыны же, — говорит, — мы духовные (пневматики), обязанные упорядочивать, преобразовывать, направлять и усовершенствовать души, назначенные оставаться в низшей области... Итак, до Моисея от Адама царствовал грех... ибо великий архонт, правящий огдоадой, простиравшейся до тверди, считал себя единственным богом, над которым никого нет; все сохранялось в скрытом молчании. Это тайна, неизвестная ранним родам... Но был еще архонт гебдомады. Он сказал Моисею: "я бог Авраама, Исаака и Иакова", и имя бога не открылось им (т. е. имя неизреченного бога — архонта огдоады). Через него все пророки говорили о спасении, ибо должно было открыться, что мы дети божии, ради которых стенает тварь и мучается, ожидая откровения.

Пришло евангелие в мир, и оно прошло через начальства, власти и господства и всякое именуемое имя... Оно пришло поистине, хотя ничего не сошло сверху, и блаженное сыновство того блаженного и необъятного не-сущего бога ни в чем не потерпело изъяна, но как индийское масло зажигается огнем на расстоянии, так сын великого архонта огдоады воспламенился светом от блаженного сыновства, находящегося под твердью. Сила и мысли сообщаются сыну великого архонта. Это было евангелие, познание подмирного, о чем не знал великий архонт. Теперь он узнал, что он не есть бог всемогущий, но происшедший, и впал в ужас от того, что раньше этого не знал. Но это был страх, о котором сказано, что он "начало премудрости". Явилась премудрость, сокрытая в тайне. Великий архонт сознал свой грех, как написано: "беззаконие мое я познал и грех мой сознаю, и в нем раскаиваюсь всегда" (ср. Пс. 50,5). Вместе с архонтом покаялась и вся огдоада. Потом евангелие дошло также через сына уже второго архонта и до гебдомады и там произвело такое же действие (евангелие это распространилось повсюду между творениями. О нем узнали и

силы, и господства, и триста шестьдесят пять небес, и их великий архонт Абрасакс, имя которого означает 365). После того, как все так произошло, должно было и наше безобразие просветиться; должно было узнать и третье сыновство, остававшееся в безобразии. Об этом и сказано: "по откровению сделалась известною мне тайна" и "я слышал таинственные речи, какие не следует говорить человеку" (ср. 2 Кор. XII,4). Итак, сошел свет от гебдомады — (он сошел свыше от огдоады к сыну архонта гебдомады) на сына Марии Иисуса. Как сказано: "Дух Св. найдет на тебя... и сила вышнего осенит тебя" (ср. Лук. I,35). Это есть сила помазанья свыше через демиурга до творения, т. е. до сына. Это для того, чтобы восстановить весь мир, чтобы оставшееся в безобразии сыновство, очищенное, сделалось легчайшим и вознеслось само собою, как и первое. "Все совершается через Иисуса, потому что начаток разделения смешанного — Иисус". Когда мир разделился на огдоаду, глава которой — великий архонт, гебдомаду, глава которой — демиург, творец нижнего мира, и на нашу, тварную область, "было необходимо, чтобы смешение подверглось разделению через Иисуса".

При разделении в Иисусе страдала телесная часть, "принадлежавшая безобразной области, и обратившаяся в безобразное; психическая часть в нем была от гебдомады, к ней же и возвратилась; пневматическая же часть от великого архонта останется при нем, вознесясь в область духа св.". Страдание Иисуса было именно разделением смешанного, а не за кого-либо другого. Когда повсюду произойдет разделение, как и в Иисусе, тогда бог пошлет на весь мир "великое неведенье". Все будет жить согласно со своей природой и не будет стремиться к тому, что противно его натуре. Не будет никакого ни слуха, ни, тем более, знания о том, что чему подчинено. Даже архонты позабудут обо всем. "И, таким образом, произойдет восстановление всего, что было заложено вначале сообразно натуре в семени целого — в свое время". Для каждой вещи существует свое время, как и Спаситель сказал: еще не пришел час мой. Кто это поймет, тот внутренний, пневматический человек в психическом, облачившийся в

свою собственную душу. Изложенная система носит отвлеченный, теоретический характер: в ней ставятся и решаются проблемы метафизические, а столь важная у гностиков нравственно-практическая область почти совершенно не затрагивается.

Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что данное учение не может быть исходным в развитии мировоззрения Василида. Точка отправления должна быть жизненно-практической. Так, по свидетельству Епифания, и было. Односторонний характер системы Василида у Ипполита осознается и теми, кто противопоставляет ипполитову версию иринеевой (в пользу первой). Один из "защитников" Ипполита Ф. Хорт приводит такое объяснение: "Можно предположить, что это изложение, если оно основывается на произведениях самого Василида, есть резюме введения в книгу или же книги Exegetica, изображающее ту часть искупительного процесса или приготовления к нему, которая была раньше и предшествовала явлению Иисуса. Комментарий на само евангелие, как содержащий, вероятно, много этического материала, — что мы можем заключить на основании работ Климента, — был малопривлекателен для Ипполита". Но, независимо от того, насколько подобное рассуждение помогает реабилитации Ипполита, оно неправильно само по себе. Введение в Exegetica Василида не могло быть монистическим, как это следует из трактата Ипполита, ибо даже 13-ая книга Exegetica или Tractatus, являет собой ярко выраженный дуализм. Каким же образом введение, написанное несравненно раньше, могло быть проникнуто столь монистическим духом?...

Сходства между изложенными системами Василида по Иринею и Ипполиту почти никакого нет; только упоминается Абрасакс, огдоада и гебдомада (последней, впрочем, у Иринея нет) — словом, сходства в двух редакциях учения одного гностика гораздо меньше, чем часто между системами двух разных гностиков. Поэтому любые попытки эти редакции механически объединить заведомо бесплодны...

Теперь посмотрим, к какой из этих двух редакций ближе находятся фрагменты из самого Василида. Мы находим их в актах Архелая и у Климента Александрийского.

Неизвестным нам Гегемонием в актах Архелая изложен диспут, который вел с Манесом в Месопотамии епископ Архелай... Вначале Архелаем указываются еретики, предшествовавшие Манесу. "Не от Манеса начало этого зла (лжеучения) проистекло, но от иного, некоего варвара, и много раньше, и хранилось сокрытым. Манес же, уничтожив имя автора, представил доселе неизвестное и хранившееся в тайне, как свое. Был проповедником у персов также Василид — правда раньше, вскоре после времени апостолов наших. Он и сам, хоть и был изворотлив, но когда увидел, что все наперед захвачено, то хотел утвердить чистый дуализм, который был также у Сцефиана. Потом, когда ничего не имел своего, что мог бы добавить, предложил чужое. И все его книги трудны и весьма грубы. Заслуживает внимания 13-ая книга его трактатов, начало коей таково: "Когда мы пишем 13-ю книгу трактатов (заключающую) содержательную речь, то на первом месте поставим речь спасительную; чрез притчу о богатом и бедном Он показывает натуру без корня и без места, предшествующую вещам, откуда она проистекла"... Василид говорит: "Откажемся от пустого и курьезного разнообразия; старательнее исследуем вопрос о добре и зле; даже варвары исследовали и достигли определенных суждений обо всем этом. Некоторые из них высказали ту мысль, что существуют два начала всего: одному присуще добро, (другому) — зло, поучая, что сами эти начала не имеют начала и не рождены, т. е. этими принципами был свет и мрак, которые существуют сами по себе и из себя и не считаются (рожденными)".

Таким образом, автор актов ясно дает понять, что Василид, "не имея своего", излагал, в сущности, персидский дуализм. Если мы сравним это с тем, что мы нашли у Ипполита, то не сможем не отметить, сколь они между собой несхожи: тут — строгий дуализм, там же — чеканный монизм. И наоборот, не подлежит сомнению принципиаль-

ное сходство системы Василида, представленной у Иринея, Епифания и проч., ибо в ее основание они положили дуализм...

В извлечениях Климента Александрийского из 23-ей книги Василида мы встречаем указание на следующие пункты в его учении.

1. Василид затрагивал вопрос о браке и безбрачии. На основании слов Христа (Мф. XIX, 10—12) и ап. Павла (1 Кор. VII) он, как и его сын Исидор, приходит к выводу, что безбрачие выше брака. Так, они говорили об "евнухах для царствия небесного, воздерживающихся от брака". "Одежда, говорит Исидор, ...и необходима, и естественна: любовные же удовольствия естественны, но не необходимы". Лицам, решившимся на безбрачную жизнь, но подвергающимся искушениям плоти, Исидор советует посещать братские собрания и обращаться за утешениями к кому-либо из братьев.

2. Особенно пространно приведены рассуждения Василида о тех, кто подвергается преследованиям и гонениям за веру, мученичеству и вообще каким-либо страданиям. По убеждению Василида, страдания настигают людей вполне заслуженно. "А если подвергнется пыткам кто-нибудь их таких праведников, в ком нет никакого греха неведенья, что, однако же, редкость, то испытываемые им страдания никто не имеет права приписывать злобе и заблуждению властей, но должен думать о них, как о страданиях безгрешного ребенка". Между тем ребенка, еще не успевшего совершить никакого греха или, по крайней мере, не согрешившего сознательно, пишет далее Василид, могут постигнуть страдания уже за одно то, что он носит грех в самом себе. Цель этих рассуждений Василида — защитить провидение, доказать, что оно вовсе не жестоко и не худо. Своему предполагаемому оппоненту Василид возражает: "Пусть он и не согрешил и страдает подобно ребенку,.. пусть назовут (мне) какого-либо (святого) человека, но ведь все-таки он человек, а Бог правосуден". "Бог, — говорит Василид в другом месте, — наказывает человека до 3-го и 4-го рода". Божье прощение относится, по

Василиду, не ко всем грехам, а только к невольным преступлениям и к грехам, совершенным по неведенью.

3. Убеждение Василида в греховности всякого человека основывалось, по свидетельству Климента, на его учении о прегрешениях душ "в предшествующей жизни"... "Последователи Василида, — замечает Климент, — обыкновенно называют страсти "приложениями" (к душе), это, по существу, некие духи, присоединившиеся к разумной душе по причине беспорядка и первобытного смешения... В связи с рассуждениями о страстях, как "приложениях" к душе, стоит учение Исидора о переселении душ, в силу чего душа носит в себе духов волка, обезьяны, льва и козла.

4. Из других замечаний Климента об учении Василида следует упомянуть о том, что василидиане относились к вере, как правоверные гностики, т. е. смотрели на нее, как на нечто низшее, свойственное всем людям. Вера, по их мнению, — согласие души на признание бытия вещей, недоступных ощущениям. В 8-ой главе 2-ой книги своих "Строматов" Климент сообщает, со слов Василида, об изумлении архонта, услышавшего евангелие: этот-то страх и породил премудрость — разделяющую, различающую, совершенствующую и восстановляющую. В 25-ой главе 4-ой книги Климент приводит то положение из учения Василида, по которому "праведность и дочь ее мир помещены в огдоаде". Согласно сообщению в 5-ой гл. 11-ой книги "Строматов" Василид признает единство мира, но не признает единого Бога.

Из всех выдержек, приведенных Климентом, только одна напоминает систему Василида, представленную Ипполитом II. Мы имеем в виду упомянутое Климентом удивление архонта при прочтении евангелия, — удивление, или страх, послуживший началом премудрости. Все же прочие выдержки у Климента явно указывают не на монизм и эволюционизм Василида, но на откровенный дуализм. Помимо всего прочего, интересно также свидетельство Климента о том, что Василид обоготворял дьявола...

Хотя претензии на оригинальность учения Василида и оспариваются, тем не менее это, несомненно, был выда-

ющийся человек. Он, по-видимому, первым осознал необходимость строгого обоснования древне-христианской традиции. Он ссылается в качестве подтверждения своего учения на Матфея и Главка, толкователя ап. Петра, и составляет — очевидно, опираясь на них — свое евангелие. Ему же, возможно, принадлежит мысль о необходимости установления канона свящ. книг и определении их подлинности. При этом, он, напр., не признавал подлинность пастырских посланий. Мало того, он ясно понимает необходимость установления истинного смысла христианского евангельского предания; поэтому пишет обширные Exegetica. Но главным образом Василид прославился как моралист. Его исследования о грехе, страданиях и особенно — коренной и многотрудной проблемы зла — поражают своей глубиной. Василид, конечно, заблуждается, но важна сама постановка вопроса.

Василид был проникнут искреннейшим убеждением в особом избрании гностиков. Здесь коренится его чувство особой горделивости. Однако, это сознание не доставляло ему никакого удовлетворения. Наш русский исследователь Ю. Николаев справедливо подмечает в учении Василида "печать своеобразного безотрадного пессимизма" и стремление к своего рода нирване. По Ипполиту, для Василида весь мир, кроме гностиков, казался страждущим и стенающим в ожидании откровения сынов Божиих, т. е. гностиков. Известный текст апостола Павла "о воздыхании твари" (Рим. VIII, 19) в системе Василида Ипполит цитирует три раза. Но и это будущее откровение не принесет, по Василиду, блаженства миру. Желанный покой все обретет только в "великом неведеньи".

Если древние находили основания считать Василида учеником или соучеником Саторнила, то по некоторым другим пунктам учения (по мнимому совпадению в мыслях с ап. Павлом по вопросу о древне-христианской традиции и каноне свящ. книг) нужно сближать Василида с Маркионом и считать его либо предтечей последнего, либо, что правильней, его старшим современником.

4. КЕРДОН И МАРКИОН

Если гностицизм офитов был настолько погружен в мир языческих и иудейских представлений, что следы заимствования из христианских учений у них едва заметны, то в теории Маркиона мы встречаемся с диаметрально противоположным явлением. Маркион, конечно, также был порожден эпохой синкретических течений, но, в то время, как прочие гностики широко вводили в свои системы мистико-религиозные, теософские или философские языческие элементы, Маркион только предполагал их, сам же оперировал над христианскими данными, причем, в своем радикализме и страстном стремлении к спасению — к чему стремились все гностики — он думает "исправить", реформировать само христианство.

Предшественником и учителем Маркиона ересеологи называют некоего Кердона. По сообщению Епифания и Филастрия, Кердон был родом из Сирии. Св. Ириней свидетельствует, что он пришел в Рим при Гигине (136—140). Здесь, придерживаясь еретических мыслей, Кердон не имел желания открыто порывать с церковью, и потому вел себя крайне лицемерно... Сущность своего лжеучения он, согласно Иринею, заимствовал у симониан. Он говорил, что "Бог, проповеданный законом и пророками, не есть отец Господа нашего Иисуса Христа, потому что одного знали, другой был неизвестен; один правосуден, другой — благ. Это положение о двух богах приводят также Ипполит II, Евсевий и Феодорит. У Ипполита I Кердону также приписывается учение о двух богах, но второй трактуется уже не как "правосудный", а как злой и жестокий, хотя он же называется и творцом мира. То же самое имеет место и у Филастрия с Епифанием: другой бог — malus. Такая неопределенность в трактовке второго божества говорит о его несамостоятельном положении между высшим богом и хаосом... Помимо учения о двух богах, Кердону приписывается отвержение им Ветхого Завета, радикальный докетизм в учении о Иисусе Христе и отрицание воскрешения плоти...

При такой скудости и неустойчивости наших сведений об учителе столь известного ученика, трудно поверить в полную зависимость Маркиона, этого почти самого знаменитого гностика II в., уступавшего по своей популярности и славе разве что Валентину, — от такого бесцветного гностика, каким был Кердон...

Переходя к Маркиону, мы, прежде всего, перечислим источники, которыми располагает современная наука для выявления его личности и учения.

Маркион принадлежал к гностикам не только учившим устно, но и письменно проводившим и отстаивавшим свои взгляды. Он составил 1) собственное евангелие, положив в его основу евангелие Луки и переделав на свой лад; 2) "апостол", в который он включил 10 посланий ап. Павла, также изрядно их отредактировав; 3) отдельную книгу "антитез", в которой изложил основные положения своей системы; Маркиону приписывается еще ряд сочинений, "известных его ученикам"...

Ни одно из указанных сочинений до нас не дошло, но сохранились выдержки из них у Тертуллиана, Епифания и в комментариях бл. Иеронима, который, в свою очередь, использовал утраченные послания Оригена. Последний полемизировал с Маркионом, приводя буквальные и пространные цитаты из его сочинений...

<...> Гностическими предпосылками Маркион не занимался, к метафизическим проблемам был равнодушен. У него нет рассуждений об эманациях, эонах и демиурге. Его духу и ближайшей задаче более соответствовало оперировать над христианскими понятиями, и то — скорее сотериологическими. Поэтому большое внимание Маркион уделяет личности Христа и делу совершенного Им искупления. Воззрения Маркиона на личность Христа отличаются строгим докетизмом. "Маркион, — пишет Тертуллиан, — чтобы отвергнуть плоть Христа, отрицает даже рождение; или чтобы отвергнуть рождение, отвергает и плоть. Все это, разумеется, для того, чтобы рождение и плоть не соответствовали взаимно и не давали друг другу доказательства, поскольку ни рождения не бывает без плоти, ни плоти без рождения... Но и кто представляет плоть Христа

вообразимою, также мог выдумывать призрачное рождение, так что и зачатие, и беременность, и рождение девы, и, наконец, течение самого детства казались призрачными".

Строго докетическое представление Маркиона о Христе неразрывно связано с его различением двух богов: Иисус Христос, как Сын благого Бога, не может иметь ничего общего с демиургом. Если же считают, что Ветхий Завет, когда господствовал демиург, предсказывал пришествие Христа, то это ошибка. Возьмем, напр., пророчества Исайи, будто бы о Христе; на самом деле оно не имеет к Нему никакого отношения, ибо Христос никогда не назывался Эммануилом, и т. п. Маркион, отвергавший всякий аллегоризм, брал во внимание лишь вербальный смысл пророчеств и, перенося их во времена явления Христа, не находил никакого соответствия. Однако он допускал, что и Ветхий Завет ждал своего Мессию, как сына демиурга. Но между этими двумя мессиями такое же различие, как между законом и евангелием, иудаизмом и христианством. Спаситель, Сын благого Бога, внезапно явился с неба творца, куда Он сошел раньше, в 15 год царствования Тиберия, в Галилее, в Капернауме. Иисус Христос снизошел, чтобы освободить людей из-под власти творца. "Единственного дела, — говорили маркиониты, — достаточно для нашего Бога, чтобы освободить человека своею величайшею и чрезвычайною благостью". Деятельность Мессии изображается как противоположность деятельности демиурга. Последний щадит и награждает только праведных, Христос призывает к себе мытарей и грешников, труждающихся и обремененных. По закону проказа оскверняет, Христос же касается прокаженных. Елисей исцеляет Неемана водой, Христос — одним только словом... Елисей просит демиурга наказать детей, назвавших его плешивым, в евангелии проповедуется нежная к ним любовь, и т. п.

До поводу учения Маркиона об искуплении де-Файе саркастически замечает: "Как наивна концепция искупления у человека, выдававшего себя за ап. Павла"!

Нравственно-практическое учение Маркиона было тесно связано с его теоретическим учением. Иисус Христос принес царство благости вместо космического царства

демиурга. Люди должны стремиться войти в это царство дотоле неведомого благого Бога, Отца Иисуса Христа, а для этого необходимо освободиться от власти демиурга и уз плоти. Приближение к божеству необходимо требует полного отречения от какой бы то ни было связи с материей. Здесь — основа для отрицания брака и проповеди строгого аскетизма...

Таким образом видим, что вся доктрина Маркиона сосредоточилась на учении о Боге, о личности И. Христа, об искуплении и строгой морали.

Изложенное учение Маркиона дает повод некоторым исследователям отрицать его принадлежность к гностикам... Так, Гарнак дает на этот вопрос отрицательный ответ — сначала решительный, потом несколько уклончивый. Обоснование этого мы встречаем в его сочинении: "Lehrbuch der Dogmengeschichte". Он говорит, что 1) Маркионом руководил не спекулятивно-научный и не апологетический, но сотериологический интерес; 2) поэтому он придавал всю важность вере (а не гносису); 3) вследствие этого, для изложения своих воззрений он не пользовался ни элементами семитических тайных культов, ни прибегал к методе греческой религиозной философии; 4) для него было чуждо различие между эзотерической и экзотерической формой религии. Маркион был, в сущности, религиозной личностью; он стремился основать не школу для гностиков или мистический культ для ищущих посвящений, но реформировать христианство, а когда это ему не удалось, он начал основывать "церкви". Однако Гарнак не может отрицать у Маркиона некоторых гностических элементов, напр., в указании ним "этических противоположностей"; но он отказывает ему в "систематической спекуляции о последних причинах констатированной противоположности". Причем, и этот незначительный "гностический налет", который "можно узнать и ясно отличить", нужно отнести на счет влияния на Маркиона в Риме сирийского гностика Кердона. Этим рассуждениям Гарнака придает чрезвычайно большое значение такой серьезный исследователь гностицизма, как де-Файе. Он прямо говорит, что Гарнак

"открыл нам Маркиона", и сам исповедуется в полном согласии с ним.

Конечно, нужно признать, как уже было замечено ранее, что Маркион занимает среди гностиков своеобразное положение. В философско-религиозно-мистическом учении гностиков, сотканном из элементов языческих, иудейских и христианских, он обратил преимущественное внимание на христианские пункты и развивал их в религиозно-практическом направлении. Однако, затрудняться относить его "к гностикам в строгом смысле слова", а, тем более, считать его названным гностиком "по ошибке" — решительно нет никаких оснований. Ведь Маркиона отнюдь нельзя причислить к тем лжеучителям, которые появились внутри христианской церкви, неправильно понявших и извративших ее учение. Де-Файе, впрочем, пытается вывести маркионизм из христианского учения. Так, по его мнению, "дуализм Маркиона... внушен изучением Ветхого Завета". Будто бы из свидетельства Тертуллиана ясно следует, что известные "рефлексии, которые внушило ему изучение христианских книг,... составляют точку отправления ереси Маркиона"; даже учение о демиурге или творце заимствовано из библии. Однако возвести на библию все учение Маркиона де-Файе не решается. Его "манера называть творца, критиковать его и творение... не могли вытекать из простого изучения библии. Черта, которую мы открыли, — замечает де-Файе, — объясняется исключительно чужеземным влиянием".

На самом деле не только в критике творца и его творения проглядываются в системе Маркиона "чужеземные влияния", но и во многих других пунктах. Св. Ириней, напр., находит возможным приписать Маркиону гностическую Плерому. Из библии Маркион никак не мог вывести представление о "материи, нерожденной, несотворенной, современной Богу... и вечной", т. е. фактически признать, что и "материя есть Бог", и из нее создан мир. На библию же не мог опираться и дуализм Маркиона, который приписывается ему древними ересеологами. Демиург для Маркиона хотя и бог, но, в противоположность другому богу, богу света и дружбы, он есть бог мрака. Этот демиург

создал злой мир и человека и господствовал над ним. Поэтому неизвестный бог мог проявить себя лишь "когда наступил роковой час". "Может быть, — иронизирует Тертуллиан, — ему мешал анабибазон, или какая-либо чародейка, или квадратный Сатурн, или треугольный Марс. Ибо маркиониты по большей части астрологи и не стыдятся руководствоваться в жизни звездами творца". Значит, по Маркиону, космический период демиурга, со всеми его неустройствами и бедствиями должен был предшествовать, как нечто неизбежное и роковое, сотериологической деятельности благого бога.

О представлении Маркиона об Иисусе Христе и проповедуемом им крайнем аскетизме мы уже говорили выше... Само спасение он приписывает высочайшему богу, но оно простирается лишь на дух человека. Маркион учит о "пневматическом" спасении и невозможности воскресения плоти, т. е. о чисто гностическом спасении.

Вот элементы в учении Маркиона, которые никак не могут быть выведены из библии и которые, несомненно, почерпнуты в мутных потоках синкретических течений. Об эонах у него не упоминается; строгое различие между пистиками и гностиками не проводится. Но, во-первых, не в этом заключается суть гностицизма и, во-вторых, не нужно забывать, что до нас не дошло ни одного более или менее обстоятельного изложения системы Маркиона. У отцов и писателей древней церкви он возбуждал какую-то особую ненависть к себе: излагать его учение как бы не хватало терпения — неудержимо хотелось порицать его и порицать. Поэтому утверждать, что Маркион гораздо "менее спекулятивен, чем Василид или Валентин", что он "в сущности, религиозный гений, а отнюдь не спекулятивный", — особых оснований нет...

Доказательством гностической природы лжеучения Маркиона служит судьба его дела в последующее за его смертью время...

Б. ЗАПАДНЫЕ (АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ) ГНОСТИКИ

1. ВАЛЕНТИН

Валентин является самым ярким выразителем западного или александрийского гностицизма и, может быть, весьма характерным представителем, как и Карпократ, гностицизма вообще. По крайней мере, Ипполит II свидетельствует, что школа Валентина распалась на западную, италийскую и восточную. Значит, в ней находились зародыши и восточного гносиса. И св. Ириней приписывает Валентину какую-то особую роль в истории гностицизма, говоря, что "Валентин — первый, придавая древним учениям гностической ереси особый характер, учил так...", и, между прочим, сам производит учение Валентина от восточных гностиков, офитов. По представлению Иринея, валентинианство есть "сокращение всех еретиков", и тот, кто "поразит" его, опровергнет всякую ересь.

Что касается личности Валентина, то, как видно из немногих сохранившихся фрагментов его сочинений и из приписываемой ему системы, — это был человек столь богато и разнообразно одаренный, что вряд ли среди гностических учителей, людей, как правило, небесталанных, можно найти ему равных. Он был глубокомысленным философом, воспринявшем дух и идеи отчасти Платона, отчасти Пифагора, проникновенным моралистом, озабоченным вопросом о зле и грехе, знакомым с учением ап. Павла, но не понявшем его основной этической проблемы, прекрасным оратором и, самое главное, редким властителем дум и руководителем совести других. Как незаурядная и обаятельная личность, Валентин имел многочисленных последователей во всех уголках тогдашнего мира. Но, очевидно, он проводил в жизнь афоризм одного из своих учителей (Василида): "ты знай всех, а тебя пусть никто не знает". Он оставался загадкой для своих многочисленных последователей... Лишь немногие отчасти предугадывали цель, к которой стремился Валентин, но и они, должно быть, не проникали в сокровенные мысли своего учителя. Св. Ириней жалуется, что среди последователей Валентина

нельзя встретить хотя бы двух, чтобы они об одном и том же говорили одно и то же и не противоречили друг другу не только в именах, но и в сущности. Очевидно, семя, из которого развилась вся система Валентина, осталось сокрытым даже для его ближайших учеников. Вот почему каждый из них, выдавая себя за последователя Валентина, в то же время развивал свое собственное, в сущности, учение.

<...> Для знакомства с подлинным учением Валентина мы имеем только несколько фрагментов. Из них видно, что они написаны человеком, образованным в духе пифагорейской и платоновской философии. Основа же учения Валентина была чисто мистической. По словам Ипполита, "Валентин утверждает, что он сам видел новорожденное дитя. На вопрос Валентина: "Кто ты?", дитя ответило, что оно — Логос. Затем, рассказав некий трагический миф, Валентин пытается утвердить на этом ересь"... Из сохранившихся фрагментов Валентина, начнем с отрывка из его псалма, приведенного Ипполитом: "В духе я вижу все зависимым от эфира, созерцаю в духе все содержимым: плоть (созерцаю зависимой) от души, душу — от воздуха, воздух — от эфира, плоды — выносимыми из глубины, младенца — от матери"...

В одном из фрагментов у Климента Александрийского ясно выражается взгляд Валентина на трехчастный состав (трихотомия) всего существующего. Валентин учил о невидимом Боге, из которого исходят сизигии и непарные образы. На основании этих образов создается мир феноменов, не имеющий непосредственного отношения к невидимому Богу. Создателем мира по образам невидимого Бога является демиург. О происхождении демиурга рассказывает кн. Бытия под чувственным образом создания человека. Существом, содействующим демиургу была София, называемая "художником"; ее задача заключалась в том, чтобы сообщить созданию образ невидимого Бога. В этом мире душа занимает посредствующее положение: с одной стороны, она — дуновение различающего духа, с другой — принадлежит феноменальному миру. Но это

вдохновение различающего духа произошло неведомым демиургу образом и осталось ему неизвестным.

Следующий фрагмент... проясняет мысль о создании человека. Из него видно, что учение Валентина в этом вопросе подобно доктринам других гностиков, например Саторнила, Василида. Ангелы-мироздатели образовали лишь форму человека из глины. Поэтому они были объяты страхом, когда их произведение начало издавать звуки, так как в него было вложено нечто "через невидимое семя высшей сущности". Собственно, причина страха кроется не во внешней внезапности явления, но глубже, в боязни воскресения в созданном существе первичного человека. Поэтому "они устрашились и тотчас испортили свое дело". В чем состояла порча — из приведенного текста понять трудно. Но в другом фрагменте говорится о мистической власти ангелов над человеческим сердцем. "Ибо многие духи, живущие в нем (т. е. в сердце), не позволяют очищать (его), но каждый из них творит свойственные ему дела, постоянно издеваясь над желаниями, несогласными (с ним)... таким образом (и) сердце, пока провидение не управляет (им), — нечисто и является жилищем множества духов". В этой бессильной борьбе человека с опутавшими его злыми духами у него есть только один могучий помощник, "один есть праведник, явление которого последовало через откровение сына, и от него одного сердце может стать чистым, когда будет изгнан из него всякий злой дух".

Об Иисусе Христе есть замечание еще в одном фрагменте, в письме к некоему Агафоподу. Здесь Христос представлен как образец непобедимого борца с искушениями, пример воздержания, благодаря чему "Иисус снискал божественность". Он ел и пил свойственным ему образом, обратно пищи не извергая; такова была у него сила воздержания, что пища в нем не портилась, так как он сам не был подвержен тлению. Этот фрагмент несколько темен. Де-Файе понимает его так: "Валентин рассматривает плоть как нечто дурное. Она — седалище зла. Тело — враг. Поэтому он приписывает Иисусу тело призрачное;

тело ест и пьет, однако не переваривает, оно не знает физической нужды (или потребностей)"...

В одном из фрагментов у Климента Александрийского мы находим указание на обычное гностическое деление людей у валентиниан на классы, и среди них разряд привилегированных, т. е. пневматиков. "Вы бессмертны по (самому своему) происхождению, — говорит Валентин в одной из своих бесед, — и являетесь чадами жизни вечной; вы пожелали принять участие в смерти, чтобы истощить ее и изгладить, чтобы в вас и через вас смерть прекратилась. Когда же освободите мир, то сами не исчезнете, а будете господтвовать над созданием и всяким тлением". Сам Климент видит в этом изречении указание на общность взглядов Валентина и Василида на особую группу людей, спасаемых в силу своего происхождения. Но у Валентина такое воззрение противоречит его же представлению об Иисусе Христе как "едином праведнике", имеющем силу очистить человеческое сердце от злого духа.

Нам остается упомянуть еще об одном отрывке, который трудно как-либо связать со всем вышеприведенным, но который свидетельствует об эклектическом, синкретическом характере учения Валентина. В одной гомилии "о друзьях" он говорит: "Большая часть изречений народных книг находится в церкви Божией, ибо речи, исходящие из сердца, общи всем, они есть закон, написанный в сердце".

Уже из этих немногих фрагментов сочинений гностика Валентина видно, куда устремлялись его взоры и к чему тяготела его мысль. Вопросы этические и сотериологические прежде всего привлекали его внимание. Перед ним, как и пред другими гностиками стоял вопрос — откуда зло? Ответ: зло, страдания — от ангелов-демиургов. Они "испортили" душу, происходящую из высшего мира; злые духи завладели ею и сделали из нее вместилище пороков...

Хотя зависимость Валентина от греческих философов не вызывает сомнений, однако при разрешении основной этической проблемы он не следует им. По понятиям Сократа, Платона, стоиков и др., зло относится к области теоретической, интеллектуальной и имеет свой источник в неправильном знании, в ошибочных суждениях. Валентин

же, выдвигая проблему зла на первый план, вскрывает его глубоко органические корни...

2. ВАЛЕНТИНИАНСТВО

Валентин был, как уже было замечено ранее, самым популярным гностиком и имел многочисленных последователей. Валентин успел побывать с проповедью своего учения или распространить его иным способом в М. Азии, Сирии, Кипре, Египте и Риме; его последователи во множестве наводнили, во времена Иринея, южную Галлию и стали представлять собой реальную угрозу христианской церкви. В IV-ом в. Епифаний встречает валентиниан в Египте. Но для Феодорита валентинианство было уже делом прошлым; он относит время его распространения к царствованию Антонина I. Ипполит II, которому, как предполагает Липсий, случайно попало в руки в 223 г. главное сочинение валентиниан, делит их на две школы — на анатолийскую (восточную) и италийскую (западную). К первой он относит Аксионика, известного еще из сочинений Тертуллиана, и Ардесиана (вероятно — Варденса); ко второй — Гераклеона и Птоломея. Главным различием в системах этих школ является, по его мнению, то, что италийцы учили о психическом теле Христа, а анатолийцы — о пневматическом. Так как других расхождений не указано, то, очевидно, первоначальное деление валентиниан было лишь географическим, и лишь потом начались сколько-нибудь серьезные расхождения...

Прежде чем начать речь об отдельных учениках и последователях Валентина, мы изложим некоторые системы, находящиеся у ересеологов и относящиеся к валентинианам вообще. Они приведены в ряде работ Иринея, Ипполита II, Феодорита и Епифания. Причем Ириней и Ипполит описывают италийцев, остальные же — анатолийцев.

Во главе всего, согласно описанию, представленному Иринеем, находится диада, производящая посредством эманации новую двоицу. Эта четверица образует далее еще две диады, или сизигии, образуя совместно с ними огдоаду. Две последние диады производят 22 силы, имена

которых приводятся Иринеем: "Глубинный", "Смешение", "Нестареющий", "Единение", "Самородный" (Автократор), "Удовольствие", "Неподвижный", "Слияние", "Единородный", "Блаженная", "Утешитель" (Параклит), "Вера", "Отчий", "Надежда", "Материнский", "Любовь", "Вечный", "Разумение", "Церковный", "Блаженство", "Желанный" и "Премудрость" (София). Всего, таким образом, получилось 30 эонов, которые образуют Плерому (Полноту).

Виновником дальнейшего космогонического процесса является последний эон — София, у которой рождается страсть объять, постигнуть величие Отца. Это становится причиной ее выпадения за пределы Плеромы и происхождения мира. Став "матерью" всего сущего, София вместе с тем явилась и матерью Христа, которого родила, "вспоминая о лучшем", сообща с некоей "тенью". Христос отсек от себя тень и вошел в Плерому. Из-за этого его поступка мать лишилась духовной сущности и произвела на свет другого сына — Демиурга или правого архонта, а также и левого князя или Диавола. София, будучи матерью Христа, Демиурга и Диавола, т. е. представителей мира пневматического, психического и хтонического, таким образом является матерью всего созданного.

От Христа Валентин отделял Иисуса и о происхождении его учил будто бы очень неопределенно, то приписывая рождение его эону "Желанный", который после отпадения Софии лишился своей пары, то Христу, то одной из сизигий. Св. Дух также произведен эоном и его задачей является забота о брачной жизни эонов и, как следствие этого, насаждение истины. Хотя изложенная система приписывается Иринеем самому Валентину, она скорее принадлежит Птоломею или какому-то из его учеников...

Ряд особенностей, не встречавшихся ранее, можно выделить в описании учения валентиниан у Ипполита II. Он поставил как бы своей задачей доказать, что "Валентин, Гераклеон, Птоломей и вся их школа — ученики Платона и Пифагора", а не Христа. Защищая будто бы "чистый догмат пифагорейский", они во главу всего ставили Неизвестного Отца, лишенного женского начала, абсолютно единого. Отец был — всецелая любовь. Однако, любовь

— не любовь, если у нее нет предмета любви. Поэтому единый Отец путем эманации произвел диаду, ставшую принципом, госпожей и матерью всего в Плероме. Эта диада, подражая Отцу, производит вторую диаду, вторая — третью. Первая диада, в благодарность "отцу всего", производит совершенное число эонов — десять. Вторая диада также производит эоны, но уже менее совершенное число — двенадцать. Всего, таким образом, производится 28 эонов. Имена эонов, приведенные Ипполитом, почти те же, что и у Иринея, объяснение же отпадения Софии — несколько разнится. По Ипполиту, Софии стало любопытно, как это Отец, не состоя в сизигии, произвел из себя все сущее. Она не приняла во внимание той громадной пропасти, которая лежала между ними, и сама произвела бытие "безобразное и нестройное". Вследствие этого среди эонов Плеромы явились незнание и безобразность. Напуганные этим эоны просили Отца успокоить огорченную неудачами своего творения Софию и прекратить возникший беспорядок.

По приказу Отца первая диада производит новую сизигию — Христа и Св. Духа, дабы те упорядочили и отделили неудачное создание Софии, а также утешили и успокоили ее саму. Они выделяют из Плеромы несовершенное творение, а Отец эманирует еще один эон, дабы тот ограждал Плерому от подобных безобразий в дальнейшем.

София с огдоадой, в отличие от Христа и Св. Духа, осталась вне Плеромы. Все же прочие эоны, желая порадовать Отца, совместно произвели новый эон — Иисуса. Между тем София, оставшись одна, испугалась и затосковала, и в своей скорби обратилась к Христу. Тот, сжалившись над нею, послал к ней Иисуса. Иисус, утешая Софию, заметил, что появившиеся у нее страсти — страх и печаль, мольба и беспокойство — результат гибели в ней ряда ее сущностей. Чтобы вернуть ей субстанциальные сущности и избавить от страстей, Иисус создал из страха — психическую сущность, из печали — хтоническую, из беспорядка — демоническую, а из чувства оставленности и беспомощности — раскаянье и способность к возвышению. Все это называется "правым". Демиург возник из

страха, но, вместе с тем, он есть огонь, как говорит о Себе Господь: Я — есмь огонь твой, уничтожающий и истребляющий. Все эти сущности составляют гебдомаду, которая находится ниже огдоады, где София и Иисус, и выше материи, где царствует Демиург. Если что-либо из гебдомады уподобляется высшей области, то становится бессмертным и восходит в огдоаду — небесный Иерусалим; а уподобляющееся низшей области, т. е. предавшееся страстям, — погибает. Ниже Демиурга находится Диавол, князь этого мира, а под ним — Веельзевул, демоническая сущность, созданная из страсти оставленности, полного лишения. Выше же всего в этом царстве, находящемся вне Плеромы, стоят София и Иисус.

Демиург создает души и заключает их в тела, изготовленные из дьявольской, хтонической материи. Таким образом, психический, внутренний человек живет в хтоническом теле. Все пророки и закон, будучи неразумными и ничего не сознававшие, говорили о неразумном боге Демиурге. По апостолу тайна им не была открыта (Еф. III, 9,10). Когда же закончилось творение и наступило время откровения сынов Божиих, т. е. Демиурга, родился Иисус от Девы Марии, согласно Писанию (Лк. 1, 35), через схождение на нее Св. Духа, т. е. Софии, и силы Вышнего, т.е. Демиурга. Демиург приготовил тело; Св. Дух создал небесный Логос — нового человека... Таким образом все исправляется: через Христа устраняются беспорядки среди эонов, через него же (и Иисуса) утешается София, находящаяся вне Плеромы, наконец, для спасения душ, заключенных в хтонические тела, рождается от Девы Марии Иисус-Спаситель. Итак, у валентиниан — три Христа...

Excerpta ex Theodoto служит новым доказательством того, что не было большого различия между восточной и западной школой валентиниан... О высших началах и о Плероме речь идет в 29, 6 и 7 параграфах этой работы. Во главе всего стоит "неведомый Отец", который "восхотел, чтобы эоны познали Его, и через помышление о самом себе, с целью познать себя, Духа познания, сущего в гносисе, произвел Единородного... Дух же любви, произойдя от истины, как гносис от помышления, смешался с духом

познания, как отец с сыном и помышление с истиной"... Далее космогония в целом подобна вышеприведенной.

О создании человека или, собственно, человеческой души Excerpta говорят в разных местах не вполне согласно: по разд. 53 сама София тайно влагает в душу Адама пневматическое семя; по разд. 2 в психическое тело избранной душе было вложено Логосом семя мужское, которое есть истечение семени ангельского. В последнем случае душа является как бы двусоставной; и действительно, в другом месте мы встречаем указание на двойственность души (разд. 51, 52). От Адама происходят три породы людей: неразумные (от Каина), разумные и справедливые (от Авеля) и пневматики (от Сифа); есть еще и четвертый, наиболее многочисленный род — хтонический. Первые три рода бестелесны, четвертый одевается "кожанным хитоном". Последние — "неизбранные". Избрано семя духовное (разд. 2, 26), оно составляет церковь (разд. 4, 9), действовавшую еще в Ветхом Завете (разд. 24). Но и избранные нуждаются в искуплении, чтобы проникнуть в Плерому. Ради падшей Софии и чтобы избавить нас от страданий и приобщить себе, сходит Христос, по смирению не как ангел, но как человек (разд. 4). Он имел духовное "тельце" от Софии. И голубь, которого валентиниане называли духом помышления Отца, сошел телесным образом на плоть Логоса. Во время страданий Логос передал Софию Отцу..., чтобы не быть удержанным "левыми" силами, и, вместе с тем, он передал все духовное семя — избранных.

Значение пришествия Христа заключалось в том, что он (у пневматиков, конечно) пробудил душу от сна и возжег искру... и по воскресении своем, вдунув апостолам дух, устранил от себя дуновением землю, как пепел, и отделил, возжег искру и оживотворил. Как рождение Спасителя, учат валентиниане, избавило нас (пневматиков) от существования (т. е. среди кеномы и истеримы), так и крещение его освобождает нас от огня. Через крещение дух изливается на всех членов церкви, "род избранный". Окончательное единение с эонами или ангелами в Плероме — это последнее чаянье пневматиков. Род "праведных"

будет находиться в одном "месте", а прочие понесут наказание во мраке среди "левых", подвергаясь огненным мучениям. При завершении всего верные души, находящиеся у Демиурга, возвратятся в огдоаду, а пневматики, оставив свои души, сделавшись духовными эонами, вместе с матерью, несущею своего жениха, взойдут со своими женихами-ангелами на брачный пир, в лицезрение Отца, и вступят с ними в духовные вечные браки. Это будет общий брачный пир всех спасенных, когда все уравняются и познают друг друга...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зародившееся, вероятно, в месопотамской равнине, на развалинах Ассиро-Вавилонского царства, гностицизм двинулся на запад — в Сирию, Малую Азию, Египет и Рим... Главной силой его было то, что он наиболее основательно отвечал главным запросам тогдашнего мира, удачно решал проблему, над которой трудился древний мир — именно о страданиях человеческой души. Как видим, вопрос о спасении души составил то семя, зерно, из которого развился весь гностицизм. Вероятно, вавилонские маги, занимавшиеся судьбами души, пришли к мысли, что вся причина зла в той нечистой власти, которая господствует в воздушных сферах, окружающих человека. Отсюда мысль и воображение, развиваясь ввысь и вширь, пришли к заключению, что существует более высокое божество, а также и враждебное ему низшее царство, тартар.

Разумеется, нет возможности даже приблизительно прочертить траекторию развития гностических систем, но исходный их пункт определить нетрудно. Бесспорно, верно и то, что в гностических учениях нашли для себя место и древние религии, и мистические, и философские, и этические системы. Синкретический характер гностицизма не вызывает сомнений, но в этом-то и заключена его громадная сила. Гностицизм впитывал в себя, поглощал и ассимилировал все, чем жил в духовном отношении древний мир. Поэтому неудивительно, что в нем находили удовлетворение широкие народные массы, увлекавшиеся

магией и теургией. К нему, к его мистериям влеклись души сентиментальные и мистические. Поставленные и решаемые им вопросы о происхождении зла и страданий, а, как следствие этого, — и вопрос о происхождении мира и человека — захватывало людей, склонных к поверхностной метафизике. К этико-практическому учению гностицизма тяготели люди с сильной волей, привыкшие господствовать над страстями, а равно и те, кто привык потакать страстям и различным плотским порокам. Первым предлагался аскетизм, вторым — разнузданный либертинизм.

Но на своем пути гностицизм столкнулся с христианством, и тогда началась его драма, или даже трагедия. Христианство было озабочено тем же, что и гностицизм — спасением души, но вместо фантастических и мифических способов гностиков, предлагало средства вполне реальные, истинные и, в то же время, — сверхъестественные. Гностицизм, бессознательно почувствовав в христианстве абсолютную религию, захотел привлечь его в качестве союзника и начал делать все возможное, чтобы извлечь из христианства максимум полезного для себя. Среди гностиков было немало людей интеллектуальных и философски образованных — с их-то помощью гностицизм и попытался узурпировать основные источники христианства... Гностицизм наполнил их своим содержанием и выдал за подлинное учение Христа... Христианские таинства он стал ассимилировать со своими мистериями — и обрядовой стороной воспользовался очень широко. Гностицизму казалось, что, обобрав христианство, обогатившись за его счет, он сделает его бессильным и ненужным и станет на его место. Но жизнь показала всю утопичность подобных расчетов... Ассимиляция столь разнородных и чуждых друг другу явлений гностикам не удалась. Скоро и сама церковь прочувствовала инородность гностицизма и отторгла его от себя. Христианство стало той скалою, о которую разбился бурный поток гностицизма, растекся отдельными ручьями, чтобы постепенно затеряться в глубине веков...

ПРОТИВ ГНОСТИКОВ*

1. Мы уже говорили о том, что Благо, Первое начало является простым и неразложимым, в то время как то начало, что следует за ним (т. е. Дух (Нус)), будучи едино-многим, имеет уже сложную природу**; Первоединый же ничего постороннего в себе не содержит и представляет, таким образом, абсолютное единство.

Такова природа того Начала, которое мы называем Единым. Подобно тому, как благость является неотъемлемым свойством Блага, а не чем-либо, привнесенным в Него извне от некоторой другой, более первичной субстанции, так и единство изначально присуще Единому.

Когда мы говорим о Едином или же рассуждаем о Благе, мы не можем не заметить идентичности их природы; очевидно, что как в первом, так и во втором случае речь идет об одном и том же Начале, что Единый и Благо суть одно и то же, хотя это верно лишь настолько, насколько мы вообще можем что-либо утверждать относительно в принципе неопределимой Сущности, обозначая ее теми наилучшими терминами, какие подсказывает нам наш разум.

Даже называя его Первоединым, мы этим обозначаем лишь то, что Он есть абсолютно простой и самодовлеющий в том смысле, что не имеет сложной природы, которая сделала бы Его зависимым от любых составляющих Его частей; Он целиком содержит самого себя, поскольку все, что содержится в чем-то ином, необходимо требует существования, наряду с собой, и этого иного.

Мы не можем составить Его из ничего иного, ибо иное Ему есть "ничто"***. Он не вводится в "ничто" и, тем более, не выводится из "ничто" — "ничто" всегда

---

* Пер. С. Еремеева.

** Напр. в эннеаде V. 5, особенно в гл. 13, которая непосредственно предшествует части большого трактата, окончанием которого является энн. II. 9 ("Против гностиков").

*** Бог, согласно Плотину, есть "сверхсущее", "все-бытие", т. е.

вне Его. А потому нам нет нужды искать какое-либо Первое начало кроме Единого или Блага; за Ним следует первый мыслящий принцип — Дух, третье же начало — мировая Душа. Таков порядок мироздания — меньшее число первичных субстанций умалило бы умный космос, большее было бы излишним.

Те, кто считают, что первоначальных субстанций меньше трех, должны либо Дух и Душу полагать одним и тем же началом, либо Дух и Первоединого. Ранее, впрочем, мы уже доказали, что все эти три субстанции принципиально различны*. Теперь нам остается выяснить, не насчитывается ли их более трех.

Итак, можем ли мы предположить какие-либо божественные субстанции помимо тех, что были названы выше?

Что касается Первоединого, то нельзя представить себе что-нибудь более простое и трансцендентальное. Впрочем, есть и такие, кто склонны разделять в Нем Его сущность и Его энергии. Нелепо, однако, умножать умопостигаемые начала путем противопоставления потенциального и актуального, так как их сущности проявляются исключительно через их же энергии. И как мы не можем допустить разделение в неразделимом Едином, так же непонятен подобный дуализм и в Духе, в котором иные различают, с одной стороны, некое смутное спокойствие, а с другой, непрерывное движение**. Но чем, спрашивается, будет в

абсолютная полнота бытия. Таким образом, "иное" — диалектическая противоположность Блага — есть абсолютное зло и небытие, "несущее", "ничто". Это "ничто" Плотин часто называет "материей", понимая под ней, однако, лишь то нечто, что полностью неоформлено и беспредельно — платоновскую "полную нужду". Та же материя, что уже хотя бы частично причастна форме (например, атом) — уже, тем самым, причастна и бытию, и Благу — это одно из принципиальных отличий неоплатонизма от гностицизма, считавшего злом весь материальный мир вообще.

* Этот вопрос достаточно подробно рассматривается Плотином в ряде трактатов V-ой эннеады.

** Здесь Плотин критикует не столько гностиков, сколько неопифагорейца Нумения, философа, оказавшего на Плотина заметное влияние и отстаивавшего подобные взгляды.

этом случае покой Духа — уж не тем ли, что противоположно его движению? Или же то, что будет в одном случае лишь его потенцией, в другом окажется вдруг актуальной энергией? Разумеется, нет, ибо Дух внутренне целостен, непрерывен и тождественен самому себе в каждом своем акте. Всякое же движение в нем или к нему осуществляется уже Душой, точнее, высшей, духовной и разумной частью Души, которую, впрочем, ни в коем случае не следует рассматривать как некое промежуточное, стоящее между Духом и Душой начало.

Нельзя также утверждать разделения в Духе на то, что мыслит и знает и на то, что знает об этом мышлении, т. е. на мыслимый объект и на мыслящий субъект, нуждающийся в самоосмыслении*. Ведь, в таком случае, помимо знающего и того, кто знает об этом знании, нам прийдется предположить и еще нечто, что уже ничего не знает, т. е. допустить, что некоторая часть Духа лишена разума и духовности. Но это абсурдно, ибо Дух разумен в каждом своем пункте, а, значит, нам следует исключить из представления о нем всякое понятие рефлексии, полагая в Духе абсолютное тождество мыслящего и того, что им мыслится**. В противном случае пришлось бы признать наличие двух отдельных начал, одно из которых только мыслит, другое же — осознает этот мыслительный процесс, т. е. мыслит мыслящего.

Итак, умный Дух, мысля, мыслит всегда самого себя, т. е. свои эйдосы, в каждом из которых пребывает нераздельно во всей своей целости и, таким образом, представляет собою целокупно и мыслящий субъект, и мыслимый объект, и саму мысль о самом же себе, причем, думая и зная самого себя, он знает себя истинно в каждом своем пункте, знает также и о своем знании и поэтому акт его мышления и осознание этого акта в нем суть одно и то же.

---

* Подобную мысль, ссылаясь на диалог Платона "Тимей", пытался развить ученик Плотина Амелий.

** Подробно об этом см. энн. V. 3 и энн. V. 6.

Нелепость любых попыток различения в Духе мыслящего и мыслимого становится еще более очевидной, если мы попробуем продолжить это различение еще дальше, т. е., предположив необходимость осмысления мыслящего, зададимся вопросом: а кто же тогда осмысляет осмысляющего? Очевидно, что подобное разделение можно продолжать до бесконечности.

Всякое умножение первичных сущностей путем различения в Духе мыслящего и того, кто мыслит мыслящего, дабы этот последний, в свою очередь, как посредник между Духом и мировой Душой, привнес в Душу энергии, необходимые для ее внутреннего саморазличения, отрицает, тем самым, разумность самой Души, которая, в этом случае, как бы теряет непосредственную связь с умным Духом. При таком положении дел Душа уже не обладала бы разумным началом, но только его образом, следом. Утратив возможность непосредственно созерцать и познавать Дух, она лишилась бы и способности к мышлению.

2. Таким образом, необходимо и достаточно существование именно трех первоначальных субстанций. Благо, будучи Единым, неразложимо по определению, Дух же, являясь образом своего Отца, хоть и есть целокупность мыслимых им эйдосов, всегда и в каждом своем акте неизменно тождественен самому себе.

Что же касается наших индивидуальных душ, то они, как проявления мировой Души, отчасти всегда пребывают в ее высшей, разумной сфере истинно-сущего, отчасти погружены в чувственный мир, отчасти же — занимают некоторую промежуточную область. Однако из этого вовсе не следует, что существует несколько Душ — речь может идти лишь о различных уровнях энергий одной мировой Души. Наши же человеческие души сами избирают свой путь: сосредоточившись в духовном созерцании, они могут пребывать в мире истинной красоты, в царстве Духа и его эйдосов, покоясь как бы на лоне своего Отца, ибо для управления низшими планами бытия душе вовсе не требуется отторгать себя от планов высших. Если же душою целиком завладеет ее низшая, растительная и рождательная часть, это приведет не только к ее падению и пленению

чувственным миром, но, в конце концов, через приобщение ко всяческому злу, может повлечь за собой и ее гибель*.

3. Всегда освещенная тем неиссякаемым светом, что исходит от Первоединого, мировая Душа наделяет им множество более поздних сущностей, наполняя их, тем самым, той полнотою жизни и разума, которую каждая из них способна воспринять. Ее действие можно уподобить действию огня, согревающего все близлежащие предметы в той мере, в какой они способны согреваться.

Суть мироздания заключается в том, что каждая высшая сущность производит последующую, более низкую, в противном случае ни Благо не было бы Благом, ни Дух — умным Духом, ни Душа — Душой. Таков всеобщий закон: "За первой жизнью следует вторая, тесно связанная, как бы висящая на первой, за второй — третья, и все они составляют одну неразрывную цепь истинного, вечного бытия; все же, что подвержено изменению и распаду, зарождается уже как нечто смешанное и вторичное".

Другими словами, сущности, возникшие (если только подобное слово здесь уместно) в вечности, изначально совершенные (хотя, собственно, они не имеют начала), всегда были и будут. Вечность и неизменность первичных субстанций является залогом неуничтожимости произведенных ими форм**.

Если кто-нибудь возразит, что существует некая причина, которая ограничивает срок жизни тех или иных истинных сущностей, тому мы ответим, что, в таком случае, может быть уничтожима и сама эта причина. Признав такую возможность, нам прийдется также предположить, что, как это ни нелепо, эта причина должна

---

* См. энн. IV. 8.

** Здесь Плотин говорит об "истинно-сущем", т. е. о вещах умопостигаемого мира. Находящиеся вне потока времени, они имеют "действительное" существование (в отличие от вещей нашего, материального мира, которые, пребывая в постоянном становлении, существуют "в возможности", т. е., обладая в некоторой степени прошлым и будущим, впрочем, понятиями тоже достаточно условными, лишены настоящего).

все время заново воспроизводиться. Если же мы решим, что указанная причина неуничтожима и вечна, то, тем самым, прийдем к необходимости признать неуничтожимость и истинно-сущего в целом.

Тем же, кто под уничтожимым началом понимает материю, мы скажем, что если они рассматривают ее как нечто изолированное, ограниченное определенным местом, то, в этом случае, им прийдется признать, что и божественные начала не вездеприсущи, ибо область материи будет для них недоступна. А так как это невозможно, то и материя, воспринимающая божественный свет, вечна.

4. Есть и такие, кто утверждают, будто творение — акт Души, чьи "крылья ослабели"*. Неужто подобное несчастье может произойти с мировой Душой? В чем причина подобного падения, да и когда, собственно, Душа пала? Если в вечности, то Душа, пожалуй, пропащая вещь, если в некоторый конкретный момент, то почему не раньше или не позже?

Мы утверждаем, что созидательная деятельность мировой Души есть свидетельство не ее упадка, но, наоборот, творческой мощи. Падение Души может выражаться только в забвении ею всего божественного. Но как могла бы она созидать, если бы божественное было забыто? Ведь Душа творит по образу эйдосов, которые она наблюдает в Духе, храня же память об увиденном, она не может ниспасть. Даже если предположить, что, обустраивая низшие планы бытия, Душа находится в некотором неопределенном промежуточном состоянии, то и из этого никак нельзя сделать вывод, что она пришла в упадок. Ведь даже временное отпадение от высших сфер потребует ее немедленного возвращения, поскольку забвение истинно-сущего лишит ее возможности творить. Если же она всегда хранит память о наилучшем, что еще она может желать, как не постоянного обращения к этому наилучшему?

---

* В "Федре", на который ссылались некоторые гностики, Платон говорил не о мировой Душе, а об индивидуальных, человеческих душах.

И еще: какую цель может преследовать мировая Душа, творя наш мир? Может быть, ей нужна слава? В подобный мотив способны поверить разве что наши художники и артисты. Да и вообще, что, кроме естественной потребности, может послужить импульсом к созданию вселенной? И почему вдруг Душа захочет уничтожить свою работу? Если даже она в ней и разочаруется, то что последует за этим? Впрочем, если она не раскаялась за сотворенное до сих пор, то уже не раскается никогда. Ведь, помимо всего прочего, она не могла за столь длительный срок не привязаться к своему созданию.

Что же ожидает те души, что все еще здесь? А что ждало их прежде, когда, расставшись было с телом, они вновь вернулись сюда, хотя, имея опыт предыдущей жизни, уже знали о пороках чувственного мира? Ведь их истинное рождение произошло гораздо раньше, чем они вошли в нижние пределы.

Не следует также полагать, будто бы наш мир — источник всяческих бед и несчастий лишь потому, что в нем мы находим много неприятных вещей. Подобное суждение возносит его слишком высоко, уравнивая в чем-то с умопостигаемым миром, в то время как он — просто отражение последнего.

Да и разве можно представить себе более прекрасный образ высшего мира, нежели наш, чувственный мир? Какой образ истинного огня благороднее нашего? Какая другая земля, как образ земли идеальной, лучше нашей? Или какая-то чувственная планета может быть более совершенной, нежели эта, или мы знаем иное чувственное солнце, что более светозарно?

5. А вот и еще одна несообразность: есть такие, кто, будучи привязанным к своей телесной оболочке и предметам своих плотских желаний, вечно печальные и раздраженные, столь, однако, высокомерны, что, признавая свою связь с умопостигаемым миром, в то же время отрицают такую связь у, скажем, солнца, хотя оно в гораздо меньшей степени, нежели они, подвержено всевозможным сторонним влияниям и изменениям; отрицая разумность светил и их более раннее и благородное

происхождение, они, тем самым, препятствуют постижению истины.

Они заявляют, что их душа, равно как и души прочих людей, бессмертна и божественна, в то время как небеса и звезды никак не связаны с бессмертной Душой. Однако же очевидно, что и небеса, и звезды имеют строение гораздо более утонченное и чистое, нежели род людской. Впрочем, подобные люди отнюдь не слепы и прекрасно видят ту стройность образа и гармонию, что царят на небесах, поскольку никто так громко, как они, не жалуется на беспорядок, возмущающий нашу землю. Гораздо естественней представить, что бессмертная Душа избирает себе наиболее приличествующее ей место, то же, что смертно — место менее благородное.

Столь же безосновательно их представление о том, что сложный и прекрасно организованный космос составился как случайная комбинация разрозненных элементов.

Подобного рода смешения могут привести лишь к изменению температуры или влажности той или иной субстанции. И, кроме того, что может удерживать эти элементы вместе? Если же, как утверждают иные, уже составившиеся таким образом вещи производят нечто вроде своей частной души, поддерживающей их существование, то неужто эта душа может обладать разумом и волей?

Более того, некоторые учителя, презирая наш тварный мир, заявляют, что для них должна быть создана другая земля, на которую они вступят после смерти*. Эта новая земля, по их мнению, является первообразом (логосом) нашего мира. Странно, что им столь любезен прототип этого, противного им мира.

Да и откуда бы взялся подобный прототип? И раз уж он лучше мира нашего, то не следует ли из этого, что наш мир возник прежде того, и что Создатель, учтя свои ошибки, сотворил нечто более совершенное?

Можно также предположить, что Демиург, по неведомой нам причине, произвел, помимо Духа, некий промежуточ-

* Выражение "новая земля" встречается в Untitled Text кодекса Брюса (гл. 12).

ный мир раньше нашего. Но зачем? В качестве пристанища для душ? Но тогда им следовало бы пребывать в нем вечно, ибо, как временное убежище, такой мир не имеет смысла.

Если же тот мир возник позже и представляет собой подобие нашего, но только очищенное от материи, то чем он будет так привлекателен для душ? Или ненависть ко всему материальному — это единственное, чему души могут научиться в своем земном воплощении?

6. И что представляет собой это несметное число новых форм бытия, которые они без устали изобретают — все эти "изгнания", "впечатления", "раскаянья"*?

Если они имеют в виду, что душа раскаивается, отклоняясь от истинного пути, впечатляется, созерцая не эйдосы, но лишь их подобия, то, выходит, что тут нет ничего нового, такого, о чем бы не говорили еще древнегреческие мудрецы, ясно и просто учившие о "выходе из пещеры", о продвижении души к все более и более правильному, цельному виденью. И тогда весь этот громоздкий, надуманный жаргон — не более, чем попытка скрыть полное отсутствие собственных идей.

Таким образом, все, что в их доктринах заслуживает внимания, восходит к Платону; остальное же лежит за пределами истины. У Платона они заимствовали свои "наказания", подземные реки, текучесть всего телесного; утверждая множественность, они признают наличие в Духе разумного начала, эйдосов, Демиурга. Но об этом и говорил Платон в своем "Тимее": "сколько и каких идей усматривает ум в живом существе, столько же и таких же он счел нужным осуществить в космосе".

Впрочем, и "Тимея" они трактуют ошибочно. По их представлению, один Дух пассивно содержит все сущее, другой, обладающий виденьем, их различает, третий же созидает мироздание (иногда эту функцию они приписывают Душе, называя ее Демиургом). Разумеется, Платон не имел в виду ничего подобного. Искажая теорию Платона

* Paroikesis, antitypos, metanoia — все эти термины можно найти в Untitled Text кодекса Брюса.

как в рассуждениях о методе творения, так и в прочих вопросах, они, по сути, бесчестят его учение.

Надеясь произвести впечатление на своих слушателей, они постоянно умножают духовные и разумные начала, определяя их самым произвольным образом, и, тем самым, низводят умопостигаемый мир до уровня мира чувственного. Результат их усилий — наложение всевозможных ограничений на потенции высших начал и отнесение их к вещам более позднего происхождения. Куда разумней и достойней было бы для них не оскорблять своими измышлениями древних и мудрых учителей, но принять их благородную доктрину о том, что выше всего, даже истинно-сущего, стоит Единый — абсолютное Благо, за Ним следует Нус — умный Дух, а вслед за Духом — мировая Душа, а также и то, что наши, человеческие души, тоскуя о Благе, стремятся к Нему, бегут от вечно текучего, мнимо-сущего чувственного мира в умопостигаемую область.

В той мере, в какой они следуют этому учению, их мысли ясны и понятны, но как только начинают они, критикуя великих эллинов, выдвигать собственные теории, то тут же становятся грубы и нетерпимы. Если они полагают себя истинными философами, им бы следовало устанавливать критерии и высказывать свои мнения с должной учтивостью, следуя при этом определенному методу, те же мнения, которые они берутся оспаривать, по крайней мере, предварительно рассмотреть.

Тот, кто направляет свой ум на поиск истины, не станет, охотясь за славой, оскорблять и поносить тех, чья мудрость по праву почитается уже столько веков.

Справедливости ради следует заметить, что великие мужи древности не стремились прояснить доктрину о божественных ипостасях, подавая ее в виде отдельных изречений. Целостные учения возникли уже позднее, тем не менее, связь их с мудростью древних очевидна. Этого никак нельзя сказать о новомодных течениях, без разбору смешивающих созидание и уничтожение, огульно порицающих все мироздание в целом, осуждающих Душу за ее связь с телесной природой и, полагая ее Демиургом,

приписывающих ей свойства и качества, присущие вещам другой, низшей сферы.

7. Что этот мир не имеет ни начала, ни конца, но существует вечно — в этом нет ничего нового. Старо также и учение о том, что тело — "темница души". Ново лишь то, что слабости человеческих душ приписываются Душе мировой. Это подобно тому, как если бы из-за того, что какой-нибудь гончар, или даже все гончары вместе, лепили плохие горшки, кто-либо сделал вывод, что город, в котором они живут, уродлив и управляется дурно.

Мы должны признать, что управляя мирозданием, мировая Душа действует несколько иначе, чем наши души, попечительствующие телам. Схваченные, скованные материей, наши души осквернены ложью и всяческим злом. Их свобода крайне ограничена, ибо разве может быть вполне свободен тот, кто пребывает в оковах?

Но мировая Душа свободна от чего-либо, что ограничивало бы ее деятельность. Она суверенна и, следовательно, невосприимчива ко всему, что ниже ее и над чем мы, увы, не властны. Ей, устремленной к божественному и трансцендентному, нет никаких преград; сообщая жизнь телам, она не приемлет в себя ничего от телесной природы.

Общеизвестно, что акцидентальный, привнесенный извне признак, свойство или субстрат (напр., тело) так или иначе разделяет судьбу субстрата приемлющего (напр., души), в то время как последний сохраняет свою независимость. Так черенок, привитый к дереву, умирает, если умирает дерево, но если он засохнет сам по себе, то с деревом в целом ничего не случится. Если погаснет один из огней, то это вовсе не означает, что, как явление, огонь исчезнет вообще. Но, если даже погаснут все огни, то какой ущерб может понести от этого Душа, всецело пребывающая в горних сферах? Да и все прочие элементы: исчезновение любого из них — катастрофа для нашего космоса, но бестелесное всегда пребывает бесстрастным.

Устройство всеобщего отлично от устройства единичных, частных форм. Высшие сущности самодовлеющи и, поскольку пребывают в вечности, неизменны. Вещи же здешнего мира двойственны — лишь отчасти они связаны с

высшим, являя как бы его след, отпечаток, оставленный в изменчивой и текучей чувственной природе. Никто не принуждает их "пребывать в оковах", но, тем не менее, они могут быть именно там, где им назначено быть мировой Душой.

Существует свобода внутри системы, и существует общая тенденция самой системы. Любая сущность, включенная в такую систему, может самопроизвольно действовать наперекор тенденции, но тогда она рискует быть уничтоженной. Так черепахе, если в пути ее нагоняет толпа и нет возможности свернуть, остается либо ускорить движение, либо быть затоптанной.

8. Спрашивать, почему Душа создала космос, все равно, что спрашивать, почему вообще существует Душа или почему Творец творит. Подобный вопрос предполагает также, что вечность имеет свое начало. Кроме того, в этом случае творение представляется продуктом деятельности изменчивой сущности, вынужденной обдумывать и обосновывать каждый свой акт. Те, кто придерживаются подобных заблуждений, должны яснее представлять природу божественных сил, о которых они позволяют себе рассуждать столь легкомысленно и богохульно. Ничто в управлении мирозданием не дает повода для нападок.

Истинное величие Духа заключается в его целостности, о которой никак нельзя судить по тем малым и частным формам, что постоянно нарождаются благодаря изобилию его энергий. Таким образом, и вся вселенная, будучи порождением и подобием такого Отца, движется и живет организованной, эффективной, сложной и всеобъемлющей жизнью.

Разумеется, подобие всегда уступает оригиналу, однако, природа этого подобия истинна, не символична и условна, но вполне реальна. Насколько физический мир может воспринимать прекрасные образы, заключенные в Духе, настолько адекватно они и отображаются в нем.

Подобное, необходимо происходящее и не требующее предварительного обдумывания и планирования воспроизведение, не есть конечный акт Духа, ибо носит двойственный характер: с одной стороны, Дух творит эйдосы

в самом же себе, а с другой, как бы продуцирует их вовне, в нечто более позднее и низшее, в то, далее чего уже не могут проникнуть никакие энергии.

Итак, неисчерпаемые энергии Духа созидают космос, отображая в нем красоту эйдосов, и, так как нет иного космоса, то, значит, нет и иных отображений.

Наш мир полон меняющихся форм жизни и бессмертных сущностей. И звезды высших и низших сфер, неизменно следующие своими путями, — неужто они лишены божественности? Нет сомнения в том, что они не могут быть причастны пороку, или греху, или какому-нибудь иному проявлению зла.

Истинно в полном смысле слова лишь то, что находится в мире истинно-сущего; там же находится и истинное знание. Те же, кто полагают, что их мудрость превосходит мудрость божеств, глупцы и невежды.

И еще: если мы согласимся с тем, что ниспадение наших душ происходит по велению мировой Души, то это, вопреки мнению иных новоявленных учителей, отнюдь не возвышает и не облагораживает человеческие души. Если же нисхождение было добровольным, если мы сами избрали этот мир, зачем же так старательно искать в нем изъяны, тем более, что в любой момент мы вольны его покинуть.

9. Богатство и бедность, да и все другие виды и формы неравенства создают почву для недовольства. Но при этом забывается, что философ не станет искать равенства в дольнем мире. Он не может думать, что обладание многими вещами действительно делает кого-то богаче или что сила предпочтительней добродетели. Пусть подобного рода заботы волнуют других людей — ему же очевидно, что человек в этом мире может избрать лишь два пути: либо путь мудрости, либо путь толпы. Мудрость всегда сосредоточена на главном, тогда как те, кто ищут мирских благ, в свою очередь делятся на два типа: одни из них, которые еще помнят о добродетелях, хоть изредка, но соприкасаются с высшим, остальные же, всецело поглощенные житейской суетой, часто сами того не замечая, служат интересам более мудрых.

Но откуда у людей склонность к насилию и многие другие душевные изъяны, повергающие их в ничтожество и в рабскую покорность собственным страстям? Неужто и это — отражение свойств и качеств Духа? Отнюдь, ибо в горних сферах нет никакого зла. Это скорее следствие неразвитости, необученности самих наших душ. Но, если жизнь — это как бы школа для души, то насколько она оправдана: ведь, наряду с немногими достижениями, мы видим множество неудач.

Но те, кто так сетует на наш мир, — почему они так настаивают на земном бессмертии (реинкарнации)? Ведь, умерев, они достигнут того, к чему так, по-крайней мере, на словах, стремятся.

Никто не отрицает, что даже здесь, в несовершенном мире, существует система законов и наказаний; и если по окончании земного пути каждый получит приговор за свои дела, если добродетель будет награждена, а порок — посрамлен, то почему кое-кто усматривает в этом жестокость или несправедливость богов? Божественное управляет всем мирозданием в целом, следя за порядком и гармонией и формируя жизнь за жизнью. Свою же судьбу мы выбираем сами, и если кто-то доброму предпочитает дурное, а затем в этом винит богов, тот, к прочим своим грехам, прибавляет еще и богохульство.

Одной из основных задач человека является самосовершенствование, но для этого совсем ненужно и даже опасно примыкать к каким-либо обществам или сектам — этот путь совершается в тишине и одиночестве.

Мы не можем не признать, что есть люди, достигшие высот добродетели; нам следует также согласиться с тем, что и небесные духи — добродетельны. Но, предаваясь размышлениям и созерцанию, мы должны возвыситься даже над этим. Видя всю красоту добродетели Души, разве не прозреем мы в ней след еще больших красот Духа, а в нем самом, — неужто не увидим образ того, Единого, абсолютного Блага, чье величие очевидно и в самом множестве богов? И множество это происходит не путем разделения в Едином, но как отображение Его богатства и изобилия. Благо же при этом остается целостным и

довлеющим самому себе. Все же прочее существует благодаря Ему и целиком от Него зависит. И весь наш космос, все населяющие его божества устремлены к Нему, любя и почитая Его, как своего Отца. Разумеется, все эти божества по своей природе ниже Его, но разве это может оправдать то неуважение, а иногда и презрение к ним некоторых нынешних всезнаек?

Чем совершеннее человек, тем более он уступчив и доброжелателен даже по отношению к своим собратьям. Нам следует умерять гордыню и не пытаться преступать те границы, которые предписаны нам нашей природой. Даже в самых дерзких мечтах нельзя полагать, что есть лишь два блага: Бог и ты сам. Тот, кто считает себя выше даже Духа, утрачивает духовность и неизбежно терпит крах.

Увы, находятся глупцы, которых завораживают изречения типа: "Вы благороднее всех — и людей, и даже богов". Воистину, нет пределов человеческой наглости, да и каждый ли сможет устоять, если ему говорят: "Вы, именно Вы являетесь прямым потомком Бога; те люди, которых Вы почитали прежде, люди, прославившиеся своей мудростью в веках — прах перед Вами. Вам даже не нужно ничего делать, что-либо доказывать — Вы и так благороднее самих небес". Иные поднимают вокруг себя такой шум, что ничей другой голос просто не может быть услышан. Все это подобно тому, как если бы кто-нибудь стал утверждать, что он высотой в тысячу футов, а когда другие, измерив его, сказали бы, что в нем всего-то пять локтей, тут же бы ответил, дескать, тысяча футов — аллегорическое указание на его значимость.

И еще: вы утверждаете, что у Бога нет иных забот, как только денно и нощно заботиться о вас. Допустим, но неужто при этом у Него не находится хотя бы минутки для вселенной, в которой вы, кстати заметить, живете?

С другой стороны, вы могли бы упрекнуть Его в том, что Он слишком много внимания уделяет мирозданию в ущерб вам, драгоценнейшим своим творениям. Но как отделить Его, всеобъемлющего и вездеприсущего, от Его творений? А если это невозможно, то как Он должен за

всем наблюдать — так ли, что из самого себя наблюдать самого же себя? Как вселенная нуждается в Нем, так и Ему ведомы ее нужды. Поддерживая всеобщий порядок и гармонию, должен ли Он поддерживать и то, что стемится эту гармонию нарушить?

Все, в чем есть лишь толика блага, стремится к Благу, желая наслаждаться близостью к Нему. Таким образом, никто не имеет права воображать, будто бы он один постиг природу Блага, став как бы благоподобным. Ведь претензия на обладание еще никогда не означала действительного обладания. Более того, скорее мудрец усомнится в собственной мудрости, нежели невежда, и, как правило, чем меньше кто-либо имеет прав на претензии, тем охотнее и чаще он их выдвигает.

10. Учение, которое мы взялись рассмотреть, имеет еще ряд ложных доктрин, опровергнуть которые не составляет большого труда, но мы воздержимся от этого из уважения к тем нашим друзьям, которые в свое время находились под его влиянием.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что в этой школе, как ни в какой другой, свобода мнений в чести — по-крайней мере относительно всевозможных нюансов в определениях, числах, словообразованиях и т. д. Впрочем, мы здесь обращаемся не к учителям и проповедникам — нам нет до них дела, но к друзьям, дабы предостеречь их от того бездоказательного, голословного словоблудия, что так нагло попирает благородные доктрины божественных учителей древности.

Однако, прежде, чем закончить наше исследование, остановимся еще на одном их догмате, чья вопиющая нелепость не позволяет оставить его без внимания.

Итак, вначале они утверждают, что Душа и некая София (Мудрость) ниспали в нижнюю область (не объясняя, впрочем, падение ли Души повлекло за собой падение Софии, или же — наоборот, а, быть может, Душа и София — одно и то же), а затем и другие души, увлекаемые ими, пали и завладели различными телами. Затем, ничтоже сумняшеся, они заявляют, что Душа, вызвавшая падение других, сама никогда и никуда не нисходит. "Она не знает

падений", но только освещает тьму так, что ее образ формирует из тьмы разные сущности. Одна из этих низших сущностей, весьма отдаленная от своей матери (Софии?!), при помощи некоего посредника — то ли "Материи", то ли "Материальности", то ли еше чего-нибудь — термины так часто меняются, что это запутывает все окончательно, — создает нашу вселенную. Сущность эту, дерзко и богохульно, они называют Демиургом.

11. Итак, они говорят о том, что Душа лишь освещает мрак. Но тогда причем здесь ее падение? Освещать что-либо еше не значит двигаться в сторону освещаемого объекта. Светить — это одно, а вступить в непосредственный контакт — совсем другое.

Кроме того, если Душа, оставаясь недвижимой, только освещает низлежащую тьму, то почему ее следует считать единственным светильником во вселенной? А что, сам космос, со всем множеством составляющих его больших и малых сил, — разве он не способен испускать свет? Опять же, если Душа содержит в себе некий идеальный план, эйдос мироздания и через него освещает вселенную, то почему тогда это освещение и сам акт творения не происходят одномоментно? Почему Душа должна ожидать, пока ее план не будет воплощен? И, далее, этот идеальный план или, по их терминологии, "Дальняя Страна" (или "Новая Земля"), в чьем создании принимали участие, по их уверению, столь многие силы, почему он так удален от своих создателей?

Затем, как объяснить, что под воздействием освещения космическая материя производит образы того же порядка, что и Душа, — куда естественней было бы ожидать появление сущностей телесной природы. Образ Души не нуждается в тьме или материи и, где бы он не появился, сохраняет творческие потенции и тесную связь со своим прообразом. И еще: этот образ — реальная сущность или, как они говорят, только нечто "Мыслимое"*.

---

* Термины "Ennoema" и "Ennoia" часто встречаются в различных гностических текстах.

Если это реальность, то чем она отличается от своего оригинала? Возможно, это просто другая форма Души? Но тогда, поскольку оригинал здесь — Душа разумная и духовная, то эта вторая форма должна быть растительной и рождательной Душой. Почему же они заявляют, что она сотворена ради славы и высокомерного самоутверждения?

Эта теория произвольно смешивает творение как представление и как чисто мыслительный акт. Так в чем все-таки нуждается творец — в материи или в образе?

Если речь все же идет о мысленном образе, то что под этим подразумевается? И как нечто может стать сущностью прежде, чем Душа сообщит ему эту созидательную мысленную силу? И, даже допустив возможность этого странного мышления, как можно с его помощью объяснить акт творения? Логичнее предположить, что образ будет порождать другой, следующий образ. И почему первым творением они считают огонь?

12. В какой момент этот образ приступает к творению — немедленно или только после того, как становится сущностью? И хранит ли он при этом память о былом, виденном ранее? Вряд ли, ибо раньше он, как не-сущее, не обладал виденьем, разве что он унаследовал память своей матери.

Далее, их учителя утверждают, что сами они отнюдь не образы и не отражения Души, но суть истинные души. Однако, лишь некоторым из них, избранным, да и то в результате больших усилий удается выйти за пределы здешнего мира и вспомнить то высшее, что было им прежде знакомо. Но, в то же время, этот образ, о котором шла речь выше, едва только став сущностью, уже способен создавать нечто, напоминающее, пускай и смутно, божественный мир. При этом ему не только ведом план творения, но и те элементы, из которых он творит. Но откуда у подобия берутся эти знания, когда даже истинные души пребывают во мраке? И почему он вдруг решает начать с создания огня?

И еще: если он сотворил огонь лишь подумав об огне, то почему он не подумал сразу же о всей вселенной в

целом? Неужели он не знал, что хочет в конце концов получить?

Естественно было бы ожидать, что творение более напоминает тот процесс, что мы наблюдаем в природе, нежели салонное искусство. Ведь спецификой искусств является их подражательность, вторичность, именно они могут последовательно восходить от одного к другому, от, скажем, огня к воздуху и т. д., в то время как живой организм изначально требует для своего развития весь необходимый набора элементов. Создается впечатление, что сочинители подобных теорий не столько пытались достигнуть истины, сколько фантазировали, как бы лично они творили вселенную, будь они на месте Демиурга.

Но никто из них, да и никакой образ, никакое подобие никогда не смогли бы ни придумать, ни тем более создать такую великую, грандиозную систему, как наш космос. Гармония небесных сфер, планетарные орбиты, наклон плоскости эклиптики и многое другое — все это свидетельствует о высшей сущности творца мироздания — мировой Душе.

Впрочем, сами того не замечая, "многознающие" учителя, говоря о "тьме над бездной", дают понять об истинном источнике тварного мира.

Что это за "тьма" и откуда она взялась? Одно из двух: либо она существует согласно со всеобщим порядком в природе, либо же она — противозаконна. Если она — в порядке вещей, то ее существование вечно, если же нет, значит и в высших сферах есть некий изъян, т. е. зло проникло и в горний, умопомтигаемый мир. Более того, в этом случае источник зла следует искать именно в умопостигаемой области, чья ущербность порождает несовершенство всего здешнего.

Словом, приписывая верховным сущностям свойства и качества материи, они, тем самым, объявляют верховной и первичной сущностью саму материю.

Иные из них говорят, что Душа, отклоняясь от своего истинного пути, видит и освещает низлежащий мрак. Но как возник этот мрак? Они объясняют, что сама Душа творит его при своем уклоне. Но тогда во что, собственно,

она уклоняется? И если не мрак был причиной падения Души, то, значит, это заложено в ее природе. Таким образом, мы опять приходим к тем изъянам и порокам, что якобы гнездятся в высших сущностях.

13. Те, которые осуждают устройство космоса, сами до конца не осознают, что делают и куда ведет их подобная наглость. Они не понимают, что существует естественный порядок нисхождения от Первых, высших субстанций последовательно до самых последних и низших. Таков же и обратный путь — путь восхождения. Возводя напраслину на благостные космические сферы, недостойные учителя пытаются изъять их из мироздания, тем самым нарушая естественный процесс.

И что такого ужасного в этих сферах, которыми запугивают неискушенных и доверчивых простаков?

Даже то, что они производят их материю из стихии огня, не несет в себе никакой угрозы. Так или иначе, но движения сфер находятся в гармонии с землей и со всей вселенной. Главное, что нам следует прозревать за всем этим — это действия мировой Души. Что же касается тамошней материи, обширной и прекрасной, то ее неуничтожимость гарантирована вечностью высших сущностей.

Хотя людям и отведено особое и почетное место среди земных существ, однако не все они в равной степени этого достойны, ибо, например, тираны — это одно, а те, кто служат гармонии и красоте — совсем другое. У каждого свой жребий и своя судьба. Мы не вправе ожидать, что все будут умны и добродетельны. Но осуждать людей за то, что большинство из них далеко от совершенства, означает путать подлунный мир с божественными сферами и трактовать зло как простую надостаточность мудрости, т. е. блага. Это все равно, что из того только факта, что у нас отсутствует специальный орган для распознавания зла делать вывод об отсутствии зла вообще. И если зло действительно таково, то понятно, почему они приходят к выводу о наличии зла в умопостигаемом мире, например, в Душе, ибо она, будучи ниже Духа, менее его причастна Благу.

14. Есть еще один пункт в их учениях, который уже попросту вызывает отвращение.

В якобы священных формулах, которые ими же и сочинены, они вещают о самых божественных, трансцендентных сущностях просто произнося заклинания, заговоры и напоминания о предшествующих событиях. Они уверяют, что высшие силы, послушавшись призыва и ведомые словом станут служить нуждам любого из тех, кто обучен ими подобным трюкам: каким-то мелодиям, звукам, особым образом направляемым вздохам, шипящим плачам, взвываниям и т. п., чему приписывается магическая власть над истинно-сущим*. Хотелось бы знать, как, по их мнению, подобные вещи могут воздействовать на бестелесные субстанции. Неужто им не очевидно, что сила, которую они приписывают собственным словам, так бесконечно далека от величия Божия?

Они говорят нам также, что могут избежать или излечиться от любых болезней. Если они имеют в виду размеренный образ жизни и соответствующий режим, они, безусловно, правы, хотя это давно уже известно и без них. Но они настаивают на том, что болезни — это некие духовные сущности, и похваляются, что способны изгнать их при помощи заклинаний. Подобные заявления могут, конечно, на некоторое время поднять их престиж в глазах толпы, видящей в них кудесников и магов, но они никогда не смогут обмануть людей сведущих, которым хорошо известно, что болезни возникают от перенапряжения, невоздержанности, недостатка, разных форм разложения и гниения, словом, от вполне естественных комбинаций разного рода внутренних и внешних факторов.

Если при лечении мы должны исходить из природы болезни, то и наоборот: характер лечения подсказывает нам природу болезни. Подвижный образ жизни, лекарства и припарки, пускание крови — вот что служит излечению. Иногда хорошо действуют различные диеты — так что же, это, по их мнению, должно означать, что злые духи

* Некоторые гностические секты интенсивно использовали в своих обрядах магические имена, заклинания и звуки.

ослабевают от голода? И, далее, либо изнуренный воздержанием и лекарствами дух поспешно покидают злонамеренно захваченное им тело, либо остается внутри. Если он остается, то как исчезает болезнь, когда ее причина все еще существует? Если же покидает свое место, то что его движет наружу? Что с ним происходит? Следует ли нам предположить, что он процветает за счет болезни? В таком случае болезнь существует, как нечто отличное от этого духа. Далее, если он проникает туда, где еще нет причин для существования болезни, то почему не считать его попросту болезнью? Если же должна быть такая причина, то, тем более, в этом духе нет никакой необходимости: одной причины вполне достаточно для того, чтобы вызвать лихорадку. Представление же о том, что, как только появляется подобная причина, бдительный дух быстренько проникает вслед за ней, дабы усугубить разрушительное действие болезни, просто смешно.

На вышеприведенном примере хорошо видна манера и стиль их учения. Далее я советую просто внимательно читать их писания и сопоставлять то, чему учат они и то, чему — мы. Вы не сможете не отметить, что наша философия учит чистоте нравов и честности в мышлении, а также и многим другим хорошим качествам, что она культивирует почтительность и сдержанность в суждениях, что любая новая мысль тщательно обосновывается и доказывается, что продвижение наше осмотрительно и последовательно, а метод точен и неизменен. В то же время вы без труда увидете, что догматы рассматриваемой сейчас нами школы нагромождены вместе достаточно случайно и явно происходят из различных источников.

Впрочем, они не заслуживают дальнейшего исследования.

15. Есть, однако, еще деталь, которую мы не должны просмотреть — это воздействие подобных учений на своих слушателей, которое приводит к тому, что последние начинают презирать мир и все, что в нем существует. Мы знаем две наиболее распространенных теории относительно смысла нашей жизни. Одна говорит о том, что единственная ценность — это всевозможные плотские удовольствия,

другая же утверждает примат добродетели и человеческого достоинства, ищет оправдания жизни в Боге и исследует пути, ведущие к Нему.

Эпикур отрицает божественное провидение, из чего делает вывод о том, что если что-то и заслуживает внимания, то это — телесные наслаждения. Доктрина эта спорная и весьма безнравственная — ведь она, по сути, презирает все — законы, доблесть, добродетель — она все превращает в посмешище. Она подмывает основание всего жизнеутверждающего, того, что делает существование осмысленным и благородным. А что следует за всем этим? За исключением тех случаев, когда врожденные достоинства учеников делают их невосприимчивыми к наихудшим выводам, мы наблюдаем в их среде полную распущенность, безразличие к окружающим, нетерпимость и вечную погоню за приключениями*.

Их ошибка состоит в том, что они не видят ничего действительно хорошего ни в этом мире, ни в этой жизни. Поэтому единственное, что может их волновать, это некое будущее, которое они пытаются прозревать уже здесь, приписывая всему происходящему смысл особых знаков или символов. При таком подходе им недоступно понимание истинной красоты; отвергая добродетель в делах и помыслах, они все больше и больше отдаляют себя от божественного. Можно сказать, что эта школа осуждена вследствие полного пренебрежения ею не только самих добродетелей, но даже и всякого упоминания о них. Никто не помышляет о добродетелях и их не исследует, благородные древние учения отметаются с порога. Многочисленные речи о душе решительно ничем не подкрепляются. Можно сколько угодно повторять: "надейтесь на Бога", но если не объяснять, насколько важна эта надежда и какими действиями должна быть она подкреплена, все это останется пустыми разговорами. Если с утра до вечера твердить слово "Бог", думая при этом об одних только плотских утехах, то

* Имеется в виду крайне безнравственное поведение адептов ряда гностических сект, представлявшееся им как способ "умерщвления" ненавистной плоти.

подобные действия следует считать ни чем иным, как богохульством. К Богу ведут лишь добрые дела да просветляющие душу размышления, без этой же устремленности все прочее — одни только слова.

16. Да и куда может завести презрение к этому миру и его богам? Разве не с этого начинается всякий путь к пороку и злу? Даже люди по своей природе достойные, перестав уважать законы и порядки, исполнившись презрения к другим людям и богам, быстро утрачивают все свои добродетели и становятся закоренелыми грешниками.

Кроме того, преклоняться перед высочайшими божествами духовного мира, пренебрегая миром тварным, его людьми и богами настолько нелепо, что попросту неправдоподобно. Ведь, любя кого-то, мы не можем при этом ненавидеть родных и близких наших любимых, небезразличны нам также и дети наших друзей. Каждая человеческая душа — дитя небесного Отца, но разве наш космос не одухотворен? И если души небесных светил чисты и разумны, почему, за какую вину они должны быть обречены на сиротство?

Впрочем, эти вопросы мы уже обсуждали ранее, теперь же хотим лишь заметить, что нельзя одновременно чтить высочайшие начала и презирать тех, кто им близок.

Да и что может побудить божественное провидение оставить дольний мир без своего попечительства? И что сказать о логике тех, кто, утверждая подобное, себя при этом брошенными провидением отнюдь не считают? Следует ли их понимать так, что сии заботы о них относятся лишь к их жизни на "новой земле", или еще и на этой? Если на той, другой, то отчего они появились здесь, а если и на этой, то почему они еще здесь?

Опять же, как они могут отрицать причастность Господа к нашему миру, — ведь в этом случае Ему были бы неведомы ни добродетели одних, ни пороки других, ни, в том числе, и их удивительные "знания". Если Он никак не относится к этой вселенной, то Его нет и в каждом из нас, и тогда никто ничего не может сказать ни о Нем, ни о Его энергиях.

Тому, кто способен воспринимать гармонию духовных сфер, дано, если он музыкант, отражать ее в гармонии звуков, если он математик или геометр — в симметрии соответствий и принципов упорядоченности, художник же передает ее в образах и красках; и люди, слушающие такие мелодии или рассматривающие такие картины, взволнованные и впечатленные, угадывают лежащие в основе этих произведений эйдосы и вспоминают истину, которая приводит их к любви. Через прекрасные образы и звуки дух прозревает иные, высшие сферы, стройный и соразмерный мир эйдосов, где нет ничего столь тусклого и неприметного, что могло бы не запечатлеться в памяти, не вызвать благоговейный трепет при одной только мысли об этом величии, зарождающемся в еще более великом. Думать иначе могут только те, кто никогда не созерцал умопостигаемый мир и даже не пытался его себе представить.

17. Возможно, что ненависть этой школы ко всему материальному вызвана излишне буквальным пониманием Платона, который обличал тело как серьезную помеху для души и объявлял телесное характерным признаком низменного.

Что ж, оставим в стороне телесное и внимательно рассмотрим то, что осталось. А остается тогда область Духа, включающая в себя все множество эйдосов, проявляющихся в конкретных формах вселенной, остаются также и соразмерно упорядоченные души, оформляющие и управляющие материальным и создающие представление о протяженности пространства, так что, в конце концов, вся сотворенная ими громада мироздания своею мощью и значимостью становится достойным и, в достаточной мере, адекватным отражением величия и красоты божественных сфер. И разве так уж важно — находится ли мировая Душа в движении, руководимая в каждом своем пункте божественным провидением или же, лишенная такого руководства, пребывает в покое: в данном случае любая точка зрения неизбежно должна привести к уважению и почитанию Души, управляющей вселенной.

Теперь вновь восстановим телесное в его правах, но, конечно, не в том смысле, что Душа понесет от этого какой-нибудь урон, и, вспомнив, что божественные начала благи, а "тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти" ("Тимей"), поймем, что даже самое низменное получает от Души все, что только способно воспринять. А если так, то вся их концепция вселенной должна быть пересмотрена: им придется признать, что мировая Душа своей чудесной силой побудила материальное начало, само по себе безвидное и неблагое, приобщиться к добру и красоте, к тому, что волнует и возбуждает наши души.

Впрочем, эти люди могут сказать, что сами они ни от чего подобного никакого волнения не испытывают и что им абсолютно безразлично, красиво то или иное тело, или нет. Но тогда как они могут отличать красоту от безобразия в мыслях и делах? Наш мир нисходит от высших начал, и если он некрасив, то, значит, нет красоты и в его истоке. Кроме того, раз уж они так часто и так охотно заявляют о своем презрении к земной красоте, то почему бы им, для начала, не перестать замечать ее в юношах и женщинах, дабы не истощать себя своей невоздержанностью? Словом, их самодовольство и упрямое, гордое презрение не позволяют им изменить свое мнение даже тогда, когда ложность их воззрений легко доказуема или попросту очевидна.

Конечно, красота частных вещей не идет ни в какое сравнение с истинной, умопостигаемой красотой, как равно и отдельные вещи уступают в своей значимости всеединству. Но мы должны также и признать, что даже в чувственном и разделенном мире имеются вещи, сравнимые по красоте с небожителями, формы, чья прелесть вызывает в нас благоговение перед их создателем и убеждает в божественности их источника. Порой мы можем наблюдать такие красоты, сквозь которые явственно проступает великолепие ноуменальных сфер, и тогда, восхищенные и полные восторга, мы как бы отступаем перед ними, чувствуя, что недостойны, оставляя их другим. Кроме того, хотя это и внутренняя красота, мы не можем не осознавать, что

внутренняя и внешняя красота тесно связаны друг с другом: внутренняя порча неизбежно отражается и во внешнем.

На это, разумеется, возразят, что встречаются порочные люди с прекрасной внешностью. Возможно, но тогда их красота — фальшива, как бывают фальшивы монеты, лишь поначалу кажущиеся золотыми, но не способные обмануть мало мальски опытного человека. Впрочем, внутренняя порча не всегда означает, что обладатель ее изначально плох. Не следует забывать, что в этом мире далеко не каждый способен в полной мере реализовать свои природные возможности.

Как бы то ни было, но в умопостигаемом мире все прекрасно и нет никаких препятствий для осуществления его добродетелей. Неудачи возможны там, где в природу вещи изначально не заложено совершенство, но Дух, пребывая в вечности, не знает ни внутренних изменений, ни, тем более, материального приращения: он всегда есть вместилище всей полноты эйдосов. Равно и в его Душе нельзя представить такого рода изменений, но, даже если и допустить подобное, то все равно они никак не могут привести ее ко злу.

18. Впрочем, как известно, именно это (т. е. зло, гнездящееся в Душе) и утверждает рассматриваемая нами школа. Это естественно, коль скоро главным в их учении является ненависть ко всему телесному и требование полного от него отрешения: мерзостность оков как бы делает отвратным и скованного ими.

Как бы два человека живут в одном величественном доме: одному из них не нравится его планировка и он ругает архитектора, хоть, впрочем, отнюдь не спешит этот дом покинуть, другой же ни на что не жалуется, уверен в полной компетентности архитектора и спокойно ожидает тот день, когда прийдет время уйти. Недовольный, без конца твердя, что стены — бездушные камни и бревна, что этот дом скоро рухнет и на его смену прийдет истинный дом, не замечает, что его отношение ко всему вызвано не столько состоянием самого дома, сколько его собственным, индивидуальным виденьем, что за его излишне пристальным и пристрастным интересом явствен-

но просматривается тайное восхищение этими самыми "камнями". Пока мы имеем телесную оболочку, нам следует населять места, приготовленные для нас нашей доброй сестрой — мировой Душой в ее полном энергий нерукотворном созидании.

Или, возможно, адептам этой школы не нравится слово "сестра"? Иные из них, впрочем, обращаются друг к другу со словом "брат". Почему же, признавая свою связь с другими людьми, им так трудно признать таковую и с солнцем, и с небесными энергиями, и с самой мировой Душой?

Подобное родство, конечно, не для порока: оно может утверждаться только для тех, кто стал добродетельным, кто уже не просто тело, но суть воплощенная душа, кто целомудренен, воздержан, чей ум не потревожит никакая нужда. Мировая Душа невосприимчива к внешним воздействиям; нет ничего, что могло бы повлиять на нее. Но мы, пребывающие здесь, должны защищать добродетель и отражать все нападки на великую концепцию жизни.

Достигнув внутреннего совершенства, освободившись от низменных устремлений, очистившись и став близкими Душе и небесным духам, мы сможем в полной мере устремиться к той высшей цели, к которой стремятся и они, но, не в пример им, будучи подготовленными и просветленными, сродственными высшим, божественным началам.

Эта школа может сколько угодно лгать, претендуя на особое видение, как на достоинство, присущее ей одной, но от этого ее адепты нисколько не становятся ближе к истине. И когда они заявляют и хвастаются, что, в то время как небесные силы навеки скованы материальной вселенной, сами они, умерев, обретают свободу, мы должны понимать, что этот нелепый вывод — следствие неправильно понятого изречения "пребывать вовне", полное забвение того, что "Душа ведает всем неодушевленным"*.

Можно освободиться от любви к своей телесной оболочке, жить добродетельно и не бояться смерти; можно

* Платон. "Федр".

стремиться к высшему в умопостигаемом мире или, по крайней мере, не поносить тех, кто способен на это, и не следовать заблуждениям людей, признающих лишь то, что они могут непосредственно увидеть или пощупать, и потому только отрицающих духовность вселенной, что не могут воочию убедиться в существовании звездных душ.

Л. П. КАРСАВИН

ГЛУБИНЫ САТАНИНСКИЕ
(Офиты и Василид)

I

В начале нашей эры весь эллинистический мир был чреват новой религией и томился в муках ее рождения. Ее, эту неведомую еще вселенскую религию, искали везде, везде чуя ее движение: в раскрывавшем себя христианстве, в философских и теософских теориях, в античных мифах, в красочных теогониях и космогониях, в таинственных культах Востока. Все говорило о "Боге неведомом". Идеею универсальной религии определялся религиозно-философский синкретизм; и ее, эту религию, связывали с особым откровением, хранимым тайными учениями данной группы, школы или общины и раскрываемым путем философского и мистического умозрения. Однако основой большинства новых систем были не новые откровения, а то либо иное религиозное учение в более или менее богатом сочетании его с другими. Это и естественно. Самая идея универсальности исповедуемой религии склоняла к мысли о том, что во всяком религиозном учении, во всех культах, особенно же в окружаемых тайнами мистериях Востока заключено то или иное участненное отражение Истины. Чем сильнее сознание единства и единственности Истины, тем тверже уверенность, что не могут быть всецело ложными искания ее, из которых столь многие прельщали своей глубиной и правдивостью. Этим определены и принципиальная терпимость религиозного синкретизма ко всем

учениям и толкам и, в значительной мере, самый метод построения или "обретения" истинной религии — метод научно-аллегорического истолкования теогоний, космогоний и священных книг. Действительно, убеждение в том, что всякое религиозное учение так или иначе заключает в себе истину, и видимая невозможность согласовать противоречивые утверждения разных религий и текстов необходимо приводят к мысли о каком-то особом, возвышающем над их противоречиями их постижении. Вместе с тем, такой имманентный универсализм религиозности заставляет везде чуять Божество, во всем ловить Его отражения и все рассматривать как Его символы. Символизм и аллегоризм оказываются, таким образом, необходимыми моментами универсалистического синкретизма вообще. Впрочем, они укоренены в самом основании всякой глубокой религиозности. Ведь напряженная религиозная мысль выходит за грани рационального знания, питаясь мистическим постижением: для того же, чтобы выразить мистический опыт, недостаточно обычных слов и понятий: приходится фиксировать свое восприятие символом или образом.

Знаменательное явление — все крупные философские системы предхристианской эпохи и первых веков христианства ориентированы к этике и религии, наиболее глубокие из них носят определенно выраженный мистический и аскетический характер. С другой стороны, и всякое религиозное течение в эту эпоху завершается в мистико-философскую систему. В этом смысле можно говорить о гностицизме, о гносисе или "ведении", как отличительной черте религиозности, о христианском, эллинском, восточном гносисе, хотя, по ясным из нижесказанного основаниям, уместно и предпочтительно применять термин "гносис" только к синкретизирующей религиозности, связанной с христианством.

Указываемая органическая связь теоретической религиозно-философской мысли с религиозной деятельностью по существу естественна; она свидетельствует о напряженности и расцвете религиозной веры, которая столько же есть познание, сколько и деятельность. И гносис первых веков

христианства не был чисто философским движением ни по природе своей, ни по своему происхождению. Как и христианство, он хотел быть и был религией, т. е. некоторым единством ведения и жизнедеятельности, оправдываемом верой. Поэтому, наряду с философскими построениями мы находим в нем культ и религиозно-нравственную деятельность, а в современной науке возможны попытки усмотреть существо гностицизма не в учении, а в морали, попытки столь же односторонние, как и сведение гносиса к одним философемам. Поэтому же существовал гностицизм второго порядка — гностицизм масс и апокрифов, далекий от высот философского умозрения. Именно в силу религиозной целостности своей, пониманию которой мешают противники гностицизма, направившие свои удары как раз на философствование гностиков, гносис и выдвигает на первый план такие проблемы, как связь абсолютного с относительным, нисхождение Божества в мир, искупление, и тяготеет к христианству, к религии искупления.

Однако, настаивая на понимании гностицизма как религии, я не могу не подчеркнуть в нем некоторого понижения религиозной напряженности. До известной степени христианские полемисты правы. — Сами гностики, за исключением основателя церкви Маркиона, не стремились к деятельному преображению человечества и мира. Василид развивал свое учение "для одного из тысячи"; другие проявляли полноту своей религиозности в ограниченном кругу избранников, свысока и снисходительно-терпимо относились к "несовершенным" — к христианам. Сами они более всего были свободными теософами, строителями систем, испытующими "глубины сатанинские". В гностицизме религиозно-философская мысль уже отъединяется от религиозной жизни, что свидетельствует о слабости или ослаблении религиозности. Отсюда — противоречия между теорией и жизнью; отсюда же — противоречия внутри самой теории, которая лишена опоры в целостности религиозной веры.

Признавая большую ценность новейших исследований по истории и генезису гностических систем, я не склонен, тем не менее, видеть в этих вопросах главную проблему

историко-философской мысли. Несравнимо важнее выяснить природу гностицизма, его философский смысл и значение. Этой задаче, взятой, разумеется, в самых общих чертах, с устранением деталей и частных проблем, и посвящены два моих очерка, из которых печатаемый ныне является первым.

II

Одни и те же вопросы, говорит Тертуллиан, занимают и философов, и еретиков, именно: "откуда зло и почему? откуда человек и как?.. откуда Бог?" В этих словах довольно точно выражена проблема гностицизма, стремившегося разрешить вопрос о зле в связи с вопросами о происхождении человека и соединении его с Богом. Надо только прибавить, что гностики задаются целью монистического истолкования мира, вечно колеблясь между дуализмом и пантеизмом. Стремление к монистическому построению характеризует гениальные системы Василида и Валентина, и только оно объясняет развитую и сложную иерархию эманации и промежуточных божеств, воздвигаемую на почве восточных теогоний.

Древнейшие гностические учения, по-видимому, лучше всего сохранились у так называемых офитов или "братьев змия", подразделявшихся на целый ряд групп (собственно офиты, нахашены или наассены, ператы, сифиане, каиниты, варвелиоты, последователи Юстина). Офиты, несомненно, существовали уже в дохристианское время и лишь вобрали в свои системы элементы христианского учения. Еще при Оригене часть офитов стояла совсем вне христианства и не меньше ненавидела имя Иисусово, чем язычник Кельс.

Попытаемся, отвлекаясь от разногласий и терминологических различий между отдельными сектами, уловить за противоречивыми и неясными свидетельствами об офитах их основную религиозно-философскую идею.

Первоначало, источник всего и в космологическом, и в логическом смысле, едино по существу, но тройственно в своих проявлениях или модусах. Это — "Неименуемый", "Отец всяческого", "Первый Свет", от которого родилось

все, или просто "Первое"; это — "Непознаваемое Благо", "Безначальное начало всяческого", единое (еще не троичное), недоступное познанию, мир в божественной основе своей, а потому и "Первочеловек" или "Адам". Отметим сейчас же: Первоначало мыслится как не различенное и неразличимое единство Бога и мира, т. е. пантеистически, и как единое, т. е. не в смысле христианского триединства. И хотя наассены и говорят о тройственной сущности Первоначала: о "Высшем Отце", соприсущем ему Сыне и материальном начале, троичность ими, так же, как и другими офитами, понимается в смысле второго момента в развитии абсолютного. Этим уже отвергнута абсолютная реальность тройственности и высшим бытием признана неразличенность, потенциальность, что, конечно, заключает в себе скрытое отрицание абсолютности Первоначала.

Из "Первого", из "Первочеловека" или абсолютного Бытия, рождается само собою Второе начало или Второй человек, как Мышление, Мысль, Логос или Дух Беспримесный. Это уже модус разъединенности, а следовательно, и постижимости первоначала, первораскрытия Абсолютного, образ или идея мира, его творческое начало и существо. Как единое со Светом Первым, Второе может быть отождествляемо с ним; как начало мира, оно — принцип разъединения и множества (Элогим), в изменчивом раскрытии своем — змий ("наас" или "офис"), но, вместе с тем, и принцип единства и воссоединения (Иисус). Будучи Мыслью, Умом или Логосом, Второе является началом ведения или гносиса, чрез ведение и воссоединяя мир в Первочеловеке. Отношение между Первым и Вторым началом ясно в связи с эллинистически-иудейской философией, в частности, с идеями Филона. Абсолютное (а потому Всеединое), познавая себя, словно раздваивается, рождая Мысль, Логос или Нус. И рожденная Мысль есть само Абсолютное, а будучи им — абсолютная Идея или мир идей. Но именно здесь перед умозрением всплывает новая раздвоенность. Второе мыслится как абсолютная духовность, как "Дух Беспримесный". С другой стороны, оно является началом активным, в деятельности мышления оформляющим и, следовательно, предполагает нечто офор-

мляемое, пассивное, косное, некоторый хаос и материальность. Так необходимым становится предположить третий модус Божества — бездну, глубину, хаос или "hyle", влагу, воду или мрак. Извиваясь мыслью подобно змию, Второе словно отражается в темном зеркале бездонных вод.

Вполне естественно, что Третье может постигаться или в своей самобытности, или в единстве своем с Первым (ведь оно как бы и есть то, что осталось в Первоначале после выделения — рождения Второго), или в единстве со Вторым, субстратом которого является и которое, в этом случае, теряет свою чистую духовность, или, наконец, в связи с Первым и Вторым — как их порождение. В общем, оно резче обособляется от Первого и Второго, чем Второе от Первого. Сифиане прямо говорят о свете и тьме и их сочетании чрез Беспримесный Дух, но связь света с тьмою для сифиан есть, вместе с тем, и их борьба. Свет и Дух стремятся к освобождению от тьмы, а тьма силится обладать ними. К тому же материя, как нечто изменяющееся и тленное, обречена на гибель. Если она вечна, так только в последнем своем основании — как хаос или море. Поэтому и созданный сочетанием трех начал мир временен и, в развитии своем, в видимом бытии своем — божественен.

Итак, мистическое умозрение офитов выделяет в Абсолютном прежде всего момент потенциальности, признавая это единство потенции высшим и совершеннейшим состоянием или модусом Божества. Уклон к подобному же пониманию Абсолютного можно наблюдать и в новоплатонизме, и в ранних триадологических построениях христианской философии. Необходимым следствием его будет признание актуализации Абсолютного его падением или умалением и, в конце концов, несогласимою с идеей абсолютности временностью. Спасти абсолютность Божества возможно только путем данного в догме триединства признания, что Абсолютное в потенциальности своей необходимо соотносительно себе самому в своей актуальности, т. е. представляет единство, а, вернее, двуединство потенции и акта. Далее — офиты постигают Второе противоречиво: и как принцип объединения (отсюда и наименование его

Духом), и как принцип разъединения. Во втором случае оно и должно быть началом материальности, в которой, как в абсолютной разъединенности, заключается цель его активности; в первом оно предполагает уже существующую разъединенность, т. е. само уже не — Второе, а — Третье. Понятно, что превознесение единства потенциальности неизбежно ведет не к превозношению множества во всеединстве, а к отрицанию множества (ибо нет даже идеи всеединства, подменяемой идеею неразличного единства), т. е. к отрицанию всякой разъединенности и материальности. И офиты усматривают первоначальность материи только для того, чтобы материю отвергнуть. Вполне необходимо, чтобы они отвергали реальность мира, реальность воплощения и заменяли христианство религией беспримесного духа.

Я позволил себе это отступление не для того, чтобы умалять значение офитских умозрений, а для того, чтобы чрез показание их недостаточности тем сильнее и резче выдвинуть их положительные стороны. Но мы уже коснулись и второй основной ошибки офитов. Наряду с подменою идеи триединства идеею единства потенциальности, умаляющей свою абсолютность в онтологически-временном тройственном самораскрытии, стоит пантеистическая идея. А она приводит к саморазрушению всю систему. Хаос, как проявление Первоначала, оказывается враждебным ему принципом: пантеизм перерождается в дуализм, что, правду говоря, не должно казаться неожиданным при достаточной оценке противоречия в понимании абсолютного. Конечно, вскрывая диалектику системы, я не стану отрицать и того, что у офитов пантеистическое устремление сплеталось с исконным дуализмом морального и космического умозрения, дуализмом столь ярким в системе Маркиона и связанным с основной проблемой: "откуда зло?". Я только считаю само это "сплетение" не следствием случайного сочетания противоречивых традиций и склонностей, но следствием недостаточного углубления в основную интуицию, которую не позволяет опознать мотив синкретизирующей мысли.

Неопределенное исходное противоречие сказывается в ряде непоследовательностей. Действительно, в гимне наассенов душа, "изнуренная под гнетом смерти", "находясь во зле", стремится "убежать от горького хаоса". Наассены же, считая истинной сущностью человека дух, заключенный в душу, как душа в тело, рядом с людьми духовными (пневматиками) и "душевными" (психиками), выделяют людей материальных (хоиков). Офиты, по изложению Иринея, отличают Дух Святой от хаоса. От брака света и Второго человека с Духом Святым, учат они, родился Христос, вместе с тремя породившими Его составивший Святую Истинную Церковь. Однако брак Духа с Отцом и Сыном привел к тому, что Дух-жена преисполнилась и "перелилась влево". А эта перелившаяся сила, "Орошение Света" или "Пруникос", привела в брожение или кипение "воды", т. е. влажное муже-женское начало. Она снизошла в бывшие ранее совершенно неподвижными воды вплоть до бездны их, создала себе из них тело и привела их в движение. Но, став Светлым центром материи, она оказалась ее пленницей и в борьбе за освобождение образовала из нее видимый мир. И здесь, помимо пленительной художественности мифологемы, ценно усмотрение начала мира в преизобиловании абсолютного бытия. Но мне в данной связи важно подчеркнуть иное — самобытность хаоса, т. е. дуалистический принцип, отрицание материального мира и идею пленения Божества. Офиты Иринея приходят к отвлечению материального мира от Божественного, хотя в Божественности своей и умаленного, Мировой души. Идеалистический мотив пронизывает всю сложную космогонию офитов. Смысл существования мира в борьбе божественного начала с безжизненной материей, последняя цель — в освобождении духовного чрез высшую духовную деятельность, т. е. гносис. При этом — новые противоречия — создание мира рассматривается как творческая деятельность Божественного в соединении с хаосом (Демиург, ангел Ялдаваоф), освобождение Божества из плена — как дело самого Божества.

Преодолеть противоречие между пантеистическим и дуалистическим моментами не так легко. По-видимому, надо

или признать исконность двух взаимоотрицающих начал, или отвергнуть дуализм, т. е. различие света и тьмы, добра и зла. Вторая попытка в области этики ведет к полному либертинизму, в каковом и обвиняли некоторые гностические секты (Каинитов, Николаитов), в области мирообъяснения — к невозможности выйти за пределы конкретной данности; офиты ищут выход путем перенесения противоречий в само Первоначало. Но перенести мало: надо еще преодолеть. Иначе противоречивость Первоначала остается необъясненной и модусы его непонятно не равноценными. Сифиане ничего не объясняют, исходя из факта изначальной борьбы между Светом и Тьмой, нераздельными и неслиянными, и считая целью теогонии и космогонии окончательное их разделение. Этим они только ярче выделяют вторичность множественности в Абсолютном, т. е. отрицают его абсолютность. То же самое у Каинитов, признающих две силы: "силу сильнейшую" как Софию и "последующую слабейшую силу", создательницу мира.

Еще неудовлетворительнее характерная для гносиса попытка прикрыть умаленность Абсолютного чрез посредство допущения того, что переход от положительного начала к отрицательному совершается постепенно — в ряде убывающих по Божественности своей эонов. В этой попытке ценна только неиспользованная возможность истолковать зло как недостаточность Бытия, неиспользованная и потому, что предполагает наряду с Абсолютным еще "иное" тварное, т. е. не пантеизм и не дуализм, а христианскую концепцию. Само же по себе предположение умаления Абсолютного неизбежно ведет к признанию онтологической временности во всякой умаленности его. И ператы то вместе с Юстином учат о неизбежной гибели "Рожденного" или Третьего мира и спасении всего относящегося к первым двум через Вселенского змия или Христа, то склоняются к учению о призрачности мира.

Выхода нет. Дуализм тем непреодолимее, что на нем построена вся этика офитов, причем добро понимается именно как духовность, зло — как материальная стихия. В силу пантеизма офитов абсолютное у них имманентно

миру, ощущаемое в закономерности мирового развития, которым управляют божественные силы — астрономические сферы, планеты, стихийные духи. Но как всецело имманентное, Абсолютное неожиданно оказывается трансцендентным всему видимому миру, в котором ему принадлежит только часть — духовное, а поскольку мир в своей объективности (хотя бы иллюзорной) реален и не абсолютен, жаждущий искупления человек не пал, не исказил своего образа и не достиг идеала: он ниспал в чуждый ему элемент и обременен им. Не может быть и речи об искуплении, но только — об освобождении и разделении. К тому же не всем доступно воскресение, т. е. не все восстают из гроба плоти, изводя из себя Божественную искру. И Христос только очищает Божественное от пленяющей его тьмы, выделяет и собирает его из всех сфер космоса и человека. Его вочеловечение ничего в природе мира не меняет, не нужно, а потому мнимо — только видимо.

III

Одним из основных моментов гносиса, наиболее ярко выраженным у Маркиона, является проблема зла, понимаемого как плотская или материальная стихия мира. В соответствии с этим благо воспринимается как стихия духовная и преимущественно интеллектуальная, а совершенство предстает главным образом в смысле совершенства или полноты ведения. Моральный мотив неумолимо удерживает гностиков в русле дуализма, впрочем — в силу целостности гностицизма — добро и зло являются для них действительно аспектами или категориями бытия. Бытие же они (отчасти по тем же причинам) рассматривают исходя из мира, понимаемого в духе натуралистических религий Востока и в символике восточных мифологий, тео- и космогоний. Однако для гностиков закрыт путь резкого и принципиального дуализма: созерцая мир, они воспринимают единое начало всего и делают основанием своих умозрений пантеистическую идею. Таким образом, природа гносиса определяется для нас как противоречивое

сочетание этико-метафизического дуализма, натуралистического пантеизма и связанного с моральной идеей и жаждою спасения антропоцентризма. Гносису приходится раскрывать себя в атмосфере синкретизирующей религиозности, под постоянным воздействием и влиянием эллинистической религиозно-философской мысли и христианства, высказавшего близкую жаждущей спасения душе идею Богочеловечества.

Все это ясно в офитстве, своего рода панспермии гносиса, еще более в индивидуальных гностических системах.

Мало нового дает нам система традиционного родоначальника гностицизма Симона Волхва, к тому же дошедшая до нас, вероятно, в переработке конца II века. Первоначалом Симон считает непостижимое единство всего видимого и невидимого, материального и духовного. Он видит в этом первоначале волнующуюся огненную стихию, чем напоминает нам и офитов, и еще более — Гераклита. Огонь — "все видимое и невидимое, все говорящее и немое, все счислимое и всяческое число. Он — вполне и совершенно разумное, объемлющее, высказывающее, постигающее и созидающее все, что может быть, разум его без конца и границы". Но для Симона эта "беспредельная мощь" (потенция) "всяческого", этот Первоогонь "был — есть — будет", т. е. должен мыслиться всевременно. Поэтому и развитие или раскрытие его необходимо мыслить не как временный процесс, а в порядке вечности. Раскрывается же он прежде всего в умственной деятельности, которая воспринимается Симоном в ее двуединстве — как супружество или "сизигия" Ума (Нуса) и Мысли (Эпинойи). Мысля себя, Божество умопостигает свою мысль, единую с ним, и в то же время объективную. Но Ум есть абсолютное Божество и, в силу абсолютности своей, и всякая другая деятельность. Деятельность Ума поэтому вовсе не простое мышление, а и становление бытия или высказывание, как объективация его, т. е. Голос; равным образом и объективное понятие или Имя. Голос вместе с Именем и составляет вторую чету или сизигию, за которой следует третья — Разумение (или Рассуждение). Дело в том, что и Ум интуитивен, воспринимает и, как

абсолютный Ум, творит неразличенно, равным образом неразличенны по природе и деятельность его, и ее продукт (мысль — имя). Напротив, отличительной чертой разума или рассудка является различение, разделение, реальность чего и выражена третьей сизигией, как проявлением Абсолютного; чрез умозрение трех сизигий до известной степени постижим недоступный человеку Огонь, как зиждительная сила.

Однако — и тут снова всплывает перед нами уже отмеченная недостаточность гностического умозрения, хотя и в смягченной, близкой новоплатонизму форме — Первоогонь или Божество само по себе выше зиждительной деятельности. Бесстрастное и сверхвременное, оно, в качестве созидающей мир духовно-материальной сущности, проявляется в низшей степени своей Божественности. В себе самом Оно — недвижное и абсолютно-единое начало всего, Молчание, дающее исход уже поименованным трем сизигиям, которые вместе с нею составляют Седмерицу.

Таким образом, и Симону Абсолютное представляется чистою потенциальностью, триединство трех пар сизигий — умалением абсолютности. Основное противоречие системы остается, несмотря на высокую ценность того, что выдвинута сверхвременность Божественного движения. Кроме того, если нет оснований возражать против объективной реальности первой сизигии, нельзя не отметить, что вторая и третья не вносят ничего по существу нового, без нужды умножая моменты Божественности. Ум и Голос столь же едины, сколь и Мысль и Имя; Разум же уже потому не отличен от Ума, что сам Ум, постигая объективную Мысль, тем самым производит разъединение Божественности, т.е. обнаруживает себя как Разум. Следовательно, Седмерица сводится к Двоице — к порождению Единым Ума и возвращению Ума в Единое, причем разъединенность Абсолютного, не получая устойчивости в Третьем, онтологически оказывается только моментом умаления Единого.

Точно так же верен Симон и пантеистической тенденции гносиса. Раскрывая себя, Божество создает духовный мир для того, чтобы потом так же создать материальный, начало которого в Человеке, занимающем в нем место

Огня в первом мире и Молчания во втором. Существо космогонического процесса заключается в пленении Божественной Мысли материей и в освобождении ее "седьмой силой", Великой Силой Бо́жьей. Само собой ясно, что здесь мы не выходим за пределы блужданий гностицизма.

IV

Древние ересеологи — и, на мой взгляд, весьма основательно — видят связь между учением Симона Волхва и гениальной системой Василида (ок. 125 — 130), величайшего из гностиков.

Словно продолжая умозрения Симона, Василид углубляется в идею Абсолютного и с необычайной силою и яркостью вскрывает природу непостижимого Первоначала. Первоначало не просто, но и не сложно. Оно не бытие, но и не небытие, ибо было до небытия. Оно выше определений, ничто, и "было, когда ничего не было. Но это ничто не было чем-то из сущего, а — просто, ясно без всяких софизмов: было всецело ничто". Никаким именем нельзя назвать "Преждесущее ничто"; оно ни "человек", ни "Бог", ни "неизреченное", ибо "неизреченное" все-таки есть нечто, а "то неизреченное... выше всякого поименования или обозначения". Первоначало — "не сущий Бог" (ho ouk on theos), превышающий бытие, небытие и веденье. Мы, таким образом, можем мыслить Первоначало только условно, ограничительно; собственно говоря — мы совсем не можем его мыслить, ибо в мышлении нашем о нем, оно уже не предстает как безусловное. Не должно говорить о нем — и все-таки из него должны исходить в объяснении мифа, ибо из него и в нем все, что существует. Такая концепция Абсолютного, родственная Аристотелевской и Филоновской, по яркости и точности выражения может быть сопоставляема только с Плотиновской. Она в полноте раскрывает в абсолютном сторону непостижимости, самое абсолютность; однако, вместе со всеми языческими и еретическими концепциями ограничена только непостижимостью Божества, хотя уже и не сводимого к чистой потенциальности. Этою однос-

торонностью объясняется, что, в отличие от христианства, Василид понимает Божество все-таки как единое, не как триединство. Триадологический процесс и для него является не раскрытием самой абсолютности в себе, а только обнаружением ее в мире, мыслится, говоря языком богословия, икономически. Тем поразительнее соприкосновение Василида с христианской философией в другом вопросе — в вопросе о создании мира и преодоление им гностического пантеизма.

Все, — говорит Василид, — из "не сущего Бога", но отнюдь не в смысле истечения (эманации) из него, а — совершенно непостижимым образом. Стремясь пояснить происхождение всего из Первоначала, Василид начальным (начальным, конечно, только для относительного мира, не для Первоначала) актом считает воление творчества: "Бог восхотел сотворить". Но восхотел он не мысля, не чувствуя, бесстрастно, без воления и этим своим непостижимым волением или "словом" сотворил все, сотворил не из чего-то уже сущего, не из материи (ведь кроме Него ничего не было), а из не сущего, из абсолютного ничто, причем это ничто не Он сам: оно полное, абсолютное ничто (ouk on). "Не сущий Бог из не сущего безвольно сотворил не сущий мир, извергнув и заложив в Себе единое семя, содержащее в себе всесемянность мира... мира вместе и многообразного и многосущностного".

Не будем обманываться видимою до очевидности "quaternio terminorum"*; она пленяет мистика тем, что в самой двузначности таких понятий, как "не сущее", "ничто", ему ясна ее оправданность. Василид, учащий о "природе без корня и без места, предшествующей вещам", не пантеист: он говорит о творении из ничего, о начальности и конечности всего сотворенного, которое не только явилось из ничего, но остается ничто, не-сущим.

Из сказанного вытекает, что космогонический процесс, как бы мы его себе ни представляли, не есть процесс теогонический. Движение или раскрытие мира, хотя и совершающееся в Боге, должно отличать от самой Божес-

* Учетверение терминов (лат.).

твенной жизни, для которой мир остается в своем развитии не сущим, а несуществующим. Иначе Божество (Первоначало) пришлось бы признать изменяющимся, т. е. не простым, и не высказывать о нем того, что Василид высказал. Но все же в каком-то смысле изменяющийся мир существует: он создан Богом "из не сущего" и, как некоторым образом существующее, должен включаться в абсолютное бытие.

Подлинное начало мира — "панспермия", совокупность семян всяческого, единство потенций всего, подобное первоначалу офитских сект, уподобляемое у Василида яйцу павлина, в бесцветной массе своей скрывающему и содержащему всю будущую многокрасочность оперения. Это — "смешение первичное", неопределенное и неразличимое единство, из которого путем разделения развертывается все определенное бытие. Знаменательным образом Василид характеризует первую потенциальность панспермии как "сыновство" и выдвигает какое-то особенно близкое, интимное родство панспермии с Первоначалом, подчеркиваемое еще признанием "сыновства" за "единосущное Не-Сущему". Не внешне, а внутренне, порождением связаны Первоначало и мир. Благодаря этому как-то обосновывается реальность мира, не противоречащая абсолютности Первоначала потому, что оно выше определений и не может быть названо даже абсолютным. И тем не менее мир иное, чем Первоначало, ибо изменчивость его, односторонность и ограниченность изменчивости уже ни в коем случае не может быть абсолютным. Трудность и загадочность проблемы выведения относительного из абсолютного по-прежнему остаются.

Итак, панспермия прежде всего — "трехчастное сыновство". "Первое сыновство" или непостижимая и неизреченная сущность Божества, выделившись из панспермии с быстротою "пера или мысли", возносится к Не-Сущему. Оно, следовательно, не само Первоначало в его непостижимости. Оно отличается от Первоначала своею относительною постижимостью. Но в то же время Оно сливается с Не-Сущим, а потому и есть само Не-Сущее в его относительной постижимости или определенности. И опреде-

ляется оно отношением своим к созидаемому Первоначалом миру. Его следует понять как Не-Сущее, самоопределяющееся в определении иного, т. е. в творении иного из не-сущего, в раскрытии себя творческою силою. Созидая мир, Первоначало тем самым противопоставляет себя вновь возникающему, определяет себя им; как бы отделяет или рождает второго себя: "отделяет", "рождает" потому, что панспермия — реально иное. Но ограниченное, определенное Первоначало (Первое Сыновство) все же и есть само Первоначало, не могущее умалиться. Поэтому процесс выделения его из панспермии и воссоединения с Не-Сущим быстро, как мысль, отнюдь не временен. Иными словами, Первое Сыновство сразу и отлично от Не-Сущего, и едино с ним.

С выделением "Первого Сыновства" актуализация панспермии не окончилась. В нем выделяется "Второе Сыновство", "Сыновство подражательное", которое уже не единосущно Первоначалу, по крайней мере в целом. Оно, говорит Василид, стремится к Не-Сущему, как и первое, но отягощено чуждыми ему элементами. Из них оно создает себе крылатого "Духа Святого", чтобы на крыльях его вознестись до Непознаваемого. Таким образом, Второе Сыновство, в отличие от первого, представляет собой единство сущности Божества с иносущным миром. Эта сущность одухотворяет мир, делает его Духом Святым и затем, подобно первому, исчезает в Первоначале, причем, конечно, и здесь необходимо мыслить процесс выделения и воссоединения с Не-Сущим так же сверхвременно, как и применительно к Первому Сыновству. Но чистая одухотворенность мира или Дух Святой, как иносущный Божеству, слиться с ним на может. Пронизанный благоуханием Божественности, он воспроизводит в себе ее образ и, достигнув до предела Непостижимого, становится твердью или гранью между Не-Сущим и миром. Дух — благоухание Божества, отблеск Его и одухотворяющее начало мира, который именно поэтому в дальнейшем развитии панспермии и должен воспроизвести образ Не-Сущего. В пределах очерченного Духом Святым выделяется "Великий Архонт", "Глава Мира", "несказанных несказаннейший и

могущих могущественнейший", духовное (пневматическое), но ограниченное и потому считающее себя высшим богом существо. Великий Архонт (демиург), являясь отображением в материальности Не-Сущего, рождает Сына, высшего и лучшего, чем он сам, и вместе с ним создает восьмерицу эфирного мира, что, несомненно, воспроизводит деятельность Первоначала и Первого Сыновства. Вслед за выделением восьмерицы мира эфирного возникает из той же панспермии Второй Архонт, вместе с рожденным им сыном, созидающий седмерицу семипланетного видимого мира. Так раскрывается весь мир в проявлении 365 космических сил или небесных сфер, число которых обозначается таинственным словом Абраксас (Abraxas).

Смысл мирового процесса определяется тем, что в материальности мира заключено "Третье Сыновство", т.е. Божественность и Божественные духовные люди. Это сыновство воздыхает об освобождении от материальных уз и вознесении к Не-Сущему. А вместе с ним состенает и вся тварь. Плененность Третьего Сыновства выражается в неведении его о Не-Сущем, шире — в отъединенности от Него. В состоянии полного неведения и потому греховности живут люди под властью Великого Архонта. Появление Второго Архонта приводит к частичному откровению, но и это откровение не дает знания даже о Великом Архонте, тем менее — о Не-Сущем, непостижимом даже для Сына Великого Архонта. Полнота Божественности отлетела от мира в Первом и во Втором Сыновстве, оставив в Духе Святом только свое благоухание; само же Третье Сыновство в темнице материи о Не-Сущем узнать не может. Божество, ставшее Творцом, должно поэтому стать и Освободителем или Искупителем. И вот Второе Сыновство, непосредственный творец мира, чрез ограничивающий, определяющий мир Дух, т. е. чрез высшее свое Тварное подобие, озаряет ум Сына Великого Архонта. Оно не изливается на него, не сорастворяется с ним и не смешивается, но непостижимо воздействует на расстоянии; так возжигается издали "индийское масло". Обращающее к Не-Сущему благовестие предстает, таким образом, как индуцированная в восьмерице идея. А за

обращением восьмерицы следует подобное же обращение седмерицы, тоже чрез Сына Второго Архонта или Христа. Вместе с тем идея Сыновства пробуждается в первенце сынов Божиих, в центре Третьего Сыновства — в Сыне Марии, Иисусе, дабы и это сыновство, пребывающее в безобразности, стало легким и вознеслось ввысь.

В Иисусе, как в центре, происходит разделение соответствующих трем частям Сыновства элементов: духовного (пневматического), душевного (психического) и материального, и освобождение Божественного из плена. В этом и смысл страданий человека Иисуса. В смерти телесная Его природа возвратилась в первичную безобразность, душа (психическое) отошла в седмерицу, дух (пневматическое) — в весьмерицу, а само Третье Сыновство вознеслось к Не-Сущему. И ясно, что верующий во Христа страдающего далек от истинного ведения и раб сотворивших материю низших сил космоса. Достичь освобождения можно только отвергая Распятие и тем познавая план Бога Несотворенного. Познавшие же, гностики, свободны от низших сил, от ангелов-творцов материального мира, невидимы для них и непостижимы. В Иисусе они чтут истинного Христа, который посмеялся над распинавшими Его.

Христос — "начаток разделения". Вслед за ним воссоединяется с Не-Сущим все Третье Сыновство и наступает полное разделение элементов, полная отъединенность мира от Бога. Таков последний момент развития — всеобщее восстановление, "восстановление всего, заложенного в панспермии сообразно природе своей и подлежащего восстанию каждое в свое время". Но выделение Третьего Сыновства отнимает у мира смысл его существования и движущее развитием его начало. По окончании "разделения" мир должен остановиться в своем движении и достичь уравновешенности. Стремление к высшему должно исчезнуть, ибо вызывалось оно некоторым знанием о Не-Сущем, которого по разделении уже нет. Поэтому даже отъединенное от Бога бытие страдать не будет, погруженное в "великое неведение", в чем и находит себе оправдание создавшее мир веление Божье. "Я готов, — говорит Василид, — утверждать все, только не то, что Провидение

жестокосердно". Великий Архонт не будет знать о Не-Сущем, не будет стремиться к Нему; Второй Архонт не будет знать о Великом; все остановится и успокоится в своих пределах.

Из сказанного ясна этическая система Василида. Она, построенная на жгучем чувстве греховности и относительности, идет навстречу всем жаждущим слиться с Божеством и ощутившим свое Богосыновство. Она обещает им грядущее воссоединение с Богом, указуя на их Божественность. Как бы долог и тяжел ни был заключающийся в освобождении от тварного путь — Василид учил о переселении душ — цель в конце концов достигнута будет и обетование обмануть не может. Страдающий мир осмысляется пониманием его как пути к Божеству. И вполне естественно, что ученик Василида Карпократ признавал для души необходимым пройти весь путь земного очищения, т. е. выполнить все, испытать все чувства и страсти, искупая их по неумолимому закону справедливости. Но тогда и Христос теряет свое исключительное значение, сопоставляемый с Петром, Павлом, Пифагором, Платоном, Аристотелем. Как бы то ни было, система самого Василида, несмотря на суровый ее аскетизм, глубоко оптимистична, а совершившееся в Иисусе откровение тайны Божества и начало разделения вносят в нее радость и свет. Однако — только для "сынов", к которым обращена проповедь Василида. Вне сыновства у мира нет ни цели, ни смысла, и все материальное, душевное и даже духовное чуждо гностикам. Впрочем, по мнению Василида, это не значит, что мир враждебен Богу и в себе самом — зло. По-своему и относительно все мировое целое — прекрасно и благо, а то, что нарушает порядок, временно, искупаемое стихийным развитием мира, как искупается грех и несовершенство в скорбном пути переселений и чрез них восхождении к Не-Сущему. И вполне в духе учителя Карпократ указывает на условность наших понятий о добре и зле, настаивая на различии их лишь по степени, а сын его Епифаний превращает это указание в основу протеста против условностей, нарушающих мировой закон.

V

Система Василида развивалась и осложнялась в среде его учеников, и нелегко выделить ее из противоречивых, частью совершенно несовместимых друг с другом изложений ее — выше дано наиболее вероятное, на мой взгляд, ее истолкование. Но противоречиво не только изложение системы — противоречива она сама, сочетая гениальные прозрения с наивными мифологемами, могучую отвлеченную мысль с бессильною фантазией. Мне кажется, что в ней можно, а для оценки ее необходимо, выделить некоторые основные мотивы.

Выше в достаточной мере указано на значение понимания Василидом абсолютного, которое превышает всякие различия, даже различие себя и иного (ведь оно и абсолютно отрешенное, и первоначало). Как абсолютное, оно ничего не допускает вне себя. И если само Оно Не-Сущее в смысле возвышенности над существованием, вне его — не сущее в смысле абсолютного ничто. Отсюда следует, что все сущее есть Оно, а кроме его нет ничего и мир — не-сущее, сотворенное из не-сущего. Все реальное, действительно — само Божество. Если так, то мир — раскрытие или развитие Бога, как учили и Симон Волхв, и офиты. Этого Василид допустить не может, потому что ему очевидно совершенство Абсолютного, не допускающее изменения, страдания, неполноты. Поскольку мир реален — он само Божество, но в реальной изменчивости своей он не может быть ни Богом, ни излиянием (эманацией) Бога. Как иное, он — ничто, не-сущее и создан из не-сущего истинным Не-Сущим. Христианская идея творения из ничего оказывается выводом из идеи Абсолютного. В этом второе достижение мысли Василида, возвышающее его над современной, а частью и последующей философией, даже над Платоном.

Идея творения из ничего, позволяя сохранить абсолютность Божества, вместе с тем заставляет понимать Его как превосходящее различие или разделение Его на Творца и творение (творение ничто и потому пантеизма со всеми его последствиями здесь еще нет) и предполагать в нем

некоторое двуединство чистого единства и разделенности. Творящее Божество, как противопоставляющее Себя творимому, — неполное Божество, ограниченное противостоянием Своим и творению (ничто), и своей же полноте, но Оно превозмогает свою неполноту и ограниченность, если сверхвременно едино со своей полнотой, отъединившись, сразу же воссоединяется с нею. Так мы с необходимостью приходим к идее рождения и сыновства, ибо ограниченное Божество и отдельно от Не-Сущего, и едино с ним, а потому не сотворено, но единосущно Не-Сущему.

До сих пор диалектика Василида прозрачна и убедительна, обнаруживая интереснейшие совпадения с позднейшей христианской философией. Но почему сыновство трехчастно? Первое Сыновство, конечно, должно быть понято в смысле Божества как творящего, как заключенного в Не-Сущем принципа творения. Это Творец (Сын) в обращенности своей к Первоначалу (Отцу). Напротив, Второе Сыновство является тем же Творцом (Сыном) в обращенности его к миру, действующей, одухотворяющей, творческой силой. Оно единосущно и Первому Сыновству, и Не-Сущему, превозмогая отъединенность от Него слиянием с Ним; и непонятно лишь одно: чем оправдать и обосновать его ипостазирование и отличение от Первого. Нужно ли признавать реальными логические различия, раз реальная отличность Творца от Первоначала уже обоснована в применении к Сыновству вообще.

Еще труднее ответить на вопрос: в чем смысл Третьего Сыновства. Заметим, что все трехчастное Сыновство находится в панспермии, но, единосущее Первоначалу, отлично от нее, созданной волею безвольной самого Не-Сущего. Третье Сыновство — Бог в плену у мира; Бог, вожделеющий о своем воссоединении. Нельзя ничего возразить против того, что отъединенное в творящей своей деятельности Божество страдает и томится и что это страдание, как неполнота ведения и бытия, должно быть реальным. Но, во-первых, это относится ко всему трехчастному Сыновству в целом и не требует ипостазирования отдельности страдания; а, во-вторых, страдает Божество

абсолютное только в том случае, если Его страдание сверхвременно восполняется и объединенность временно не отделена от единства и воссоединенности. Иными словами, отъединенность, муки неведения, весь временный процесс для абсолютного Божества не существуют, иллюзия, корень которой не в Боге, а в чем-то другом. Между тем, можно говорить лишь о том, что для Василида сверхвременно Первое Сыновство, в крайнем случае — и Второе, но никак не Третье. Для него теогонический процесс временен и смешивается с космогоническим, как в предшествующих (по степени развития) гностических системах. Благодаря этому теряет свой смысл основная интуиция Василида, ниспадающего в сатанинскую глубину офитских умозрений. Он сам разрушает найденную им идею абсолютности Божества, правда, все же понимаемого не как потенциальность, а как всеединство, и вынужден прикрывать философскую наготу своей системы теорией иерархически постепенного умаления Божественности. Здесь подлинный корень идеи трехчастности, восьмерицы, седмерицы и всех 365 эонов.

Однако идея абсолютности Божества не исчезает. Она позволяет развивать систему Василида в смысле системы всеединства, заставляет его, по крайней мере в идеале, — мыслить Божество усовершенным. Она же не допускает пантеистического отождествления панспермии и мира с Божеством, вынуждая к принципиальному различению между теогоническим и космогоническим процессом. Для Не-Сущего Бога мир — ничто, абсолютно в буквальном значении этого слова "не-сущее". Для Бога Творца он — иное, иносущное. Поэтому весь космогонический процесс происходит вне Божества, является отображением теогонического индуцирования. И никакими метафорами вроде окрыления, благоухания, "индийского масла" и т. п. пропасти между Богом и миром не заполнить. Да, мир трехчастен, духовен, душевен и материален и во всех своих обнаружениях как-то действителен. В духовности своей он достигает до предела Божественности, замыкает себя, но за предел выйти бессилен. Он тоскует о единении с Богом, но тоскует безнадежно. Равным образом и душевное не

может в нем стать духовным, не только — Божественным, материальное — преодолеть свою безобразность. Мир вне Бога, и обожиться, стать Богом не может. В чем же тогда оправдание его неизбывной тоске? Она не более, как иллюзия; по существу своему она — тоска отъединенного и разъединенного Божества и в существе над миром лежит пелена великого неведенья. Тоскует и томится только Божественное: тварь лишь "состенает". Если так, то истинно тоскующие и есть "Сыны Божьи", гностики; и, как само Божество, гностики вне мира, неведомы и невидимы. Они в оболочке мира и миром не затрагиваются. Отсюда вытекает практическое отвержение мира, крайний аскетизм; но естественно задать вопрос: нужен ли этот аскетизм? Ведь Божество все равно премирно и жизнь мира никакого отношения к нему не имеет. Не лучше ли предоставить мирское миру в чаянии окончательного и неизбежного "разделения". Если так, то нет ни этики, ни аскетизма. Но тогда непонятно, чем объясняется этический идеал, чем оправдывается этическая борьба и жизнь. И как, с другой стороны, объяснить реальное несовершенство Божества, Его страдания, Его тоску и временность. И еще. Мир существует, хотя и не сущий. Как же он может существовать вне Не-Сущего? Или он — иллюзия, но тогда непонятно, откуда сама иллюзия; или он — само Божество, но тогда космогония совпадает с теогонией. Надо же искать какой-то третий выход, третье "или", например — высказываемое христианством учение, или лучше испробовать сначала второй путь, уже откровенно пантеистический. На него вступил Валентин.

С. В. БУЛГАКОВ

ЕРЕСИ, ПРОТИВНЫЕ ХРИСТИАНСТВУ*

ОФИТЫ — гностики, учившие, что змий, будучи орудием эона Софии, сообщил людям гносис о его духовной природе. Они разделялись на "офитов" и "каинитов". Первые учили, что Сиф был послан Софией, чтобы поддержать свет в людях, когда Каин убил Авеля. В лице Иисуса Христа Сиф второй раз был послан на землю. Вторые считали Каина орудием Софии и всех нечестивых людей Ветхого Завета, которые боролись против еврейского Бога — Демиурга. Последним из них был Иуда Искариот, разрушивший царство Мессии, иудейского Бога.

ГЕРМОГЕНИАНЕ. Эти еретики, составлявшие особую отрасль гностиков, получили свое имя от Гермогена, стоического философа, который жил во II в., принял христианскую религию и хотел согласить ее со своей философской системой. Признавая верховное, бесконечное существо, он вместе допускал бытие несотворенной, совечной Богу материи и почитал природу жилищем Бога, утверждая, будто бы Писание нигде не представляет Бога творящим материю.

ВАСИЛИДИАНЕ. Так называются последователи гностика Василида, жившего во II веке. Основания лжеучения его были следующие. От верховного, доброго и нерожденного начала, имя которого Абраксас и которое содержит в себе число 365, родилось семь эонов, или разумных сил, каковы: ум, слово и т. п. Два из них, сила и мудрость, произвели ангелов, а эти создали небо и других ангелов и т. д. до 365 чинов ангельских и небес. Ангелы последнего порядка из вечной, но злой материи, близкой к их небу, создали мир и людей. Верховное начало дало этим людям разумные души, но они пали. Чтоб восстановить их и сказать волю Отца, Ум-Христос явился на землю, приняв на Себя образ человека Иисуса. Иисус, в подтверждение истины своего учения, творил чудеса; но иудеи возне-

---

* Фрагменты из книги "Православие".

навидели Его и осудили на крестную смерть: впрочем, Он, как существо только с кажущимся телом, не страдал и не умирал, а отлетел на небо, оставив после Себя злобе иудеев Симона Киринейского. Таким образом, кровь мучеников льется не за Христа, а за Симона, а потому нимало не грешат те, которые в случае опасности отрекаются от Христа.

МАРКИОНИТЫ — последователи Маркиона, сына синопского епископа, еретика II в., одного из наиболее видных представителей сирийского гносиса. В своем лжеучении Маркион держался того же дуализма, что и все прочие гностики: с одной стороны — Благой Бог, с другой — материя с ее властителем, сатаной. Вместо эонов-творцов, у Маркиона есть среднее между первыми началами существо — Демиург, действовавший в Ветхом Завете, Бог справедливый, но исключающий любовь и милосердие. Мир видимый и его обитатели созданы Демиургом из сущности вещественного хаоса. Душа человека — также творение Демиурга и первоначально отличалась свойствами своего творца. Материя постоянно стремится возвратить в свое обладание ту часть человека, которая прежде находилась в ее составе; Демиург борется против нее, но одолевает материя, и человек впадает в грех, вследствие чего его первоначальная природа изменяется в худшую; таким образом, получает бытие мир языческий с его многобожием и идолопоклонством. В обладании Демиурга остается народ еврейский, но и в нем грех возымел господство. При всех своих усилиях спасти человечество от порабощения материи, Демиург не мог ничего сделать. Сжалившись над людьми, Благой Бог посылает Христа миру, который и проявил свойства пославшего Его — любовь и милосердие. Души спасенных Христом будут освобождены от материи. Отвергая все книги Ветхого Завета, Маркион и из Нового Завета признавал лишь Евангелие от Луки и десять посланий ап. Павла, исключая из них те места, которые противоречат его учению. Он совершенно отвергал также церковное предание. Нравственное учение Маркиона запечатлено характером строгого аскетического ригоризма. Маркион запрещал брак и тре-

бовал обета безусловного целомудрия, отречения от всех удовольствий, воздержания в пище до наименьшей ее меры, причем безусловно запрещалось мясо и вино. Основанное Маркионом еретическое общество было многочисленнее всех других обществ сирийского гносиса.

ВАЛЕНТИНИАНЕ — последователи Валентина, гностика II века. По его учению, истечение эонов совершается попарно: из Верховного Существа, называемого "Глубиною", истекает "Мысль" и "Молчание", из этих — "Ум" и "Истина", а из последних "Слово" и "Жизнь", и т. д. до 30 эонов; все вместе 30 эонов составляют полноту абсолютного бытия — плерому. Этот еретик имел большое число последователей, его ересь существовала в IV в. и даже далее.

ВАРДЕСАНИСТЫ. Эти сектанты-гностики получили свое название по имени главы секты, Вардесана, гностика II в. Вардесан сначала был православный и отличался благочестием; но он заразился мыслями гностика Валентина. Он допускал "два начала мира" — доброе и злое; последнее, по его мнению, существует само от себя, само себя произвело и есть причина всякого зла в мире. Бог благий создал добрый мир и человеков, одаренных небесною душою и эфирным телом; а злое начало повергло их в грех и грубую материю. Поэтому искупление и нравственность должны состоять в отрешении души от уз грубой материи посредством созерцания и воздержания. Вардесан, вместе с тем, не признавал, что вечное Слово, или Сын Божий, действительно принял плоть человеческую. По его мнению, Слово приняло на Себя тело только небесное, эфирное, подобно ангелам, которые неоднократно являлись людям. Таким образом, Сын Божий имел только вид тела; только по-видимому страдал, умер и воскрес. Наконец, Вардесан отвергал будущее воскресение тела. Вардесан впоследствии исправил свои мысли; но его секта осталась и после него в Сирии.

ВАЛЕЗИАНЕ. По свидетельству св. Епифания, эта малоизвестная секта (III в.) гнездилась около Филадельфии, в Палестине. Валезиане держались некоторых гностических мнений, но имели также и свои собственные. Все они

были евнухи и никого не принимали в свое общество; если же кого и допускали, то запрещали ему употреблять в пищу мясо, пока он не оскопится, а после того позволяли уже всякую пищу, предполагая, что тогда он освобождается от плотских греховных вожделений. Валезианская секта недолго существовала и недалеко распространялась.

ЕВИОНИТЫ — гностики (известные также под именем елкизмитов и самеев). Учение их состояло в следующем. Божественный дух, обитавший в Адаме, научил его истинной религии. Но под влиянием злого начала материи род человеческий утратил эту религию. Для поддержания ее и освобождения людей от зла Бог — отец рода человеческого — посылает в мир своего Божественного Духа, который не раз являлся в лице еврейских праведников и патриархов и в лице Моисея. Моисей сообщил свое учение 70 разумным мужам, которое, переходя, по преданию, под влиянием чувственности еврейского народа, утратилось и извратилось, сохранившись только в обществе ессеев. Для восстановления истинной религии и Моисеева закона Бог снова послал в мир Божественного Духа, который, явившись в лице Христа, исполнил свое дело. Евиониты-гностики обитали в пустыне за Мертвым морем, среди обществ ессев, до V в.

ЕВХИТЫ, или МЕССАЛИАНЕ (по переводу с греческого и еврейского языков — молящиеся). Так назывались монашеские общины, отделившиеся от Церкви в IV веке. Они отрицали троичность Лиц в Боге, таинства, посты, внешние подвиги и все церковные установления. Выше всего и единственным средством к спасению они ставили молитву. Для борьбы с демоном, во власти которого, в силу происхождения от Адама, находится, по их мнению, каждый человек, достаточно только усиленной молитвы. Когда усиленной мо́литвой изгоняется демон, место его заступает Всесвятой Дух и обнаруживает Свое присутствие ощутительным и видимым образом, именно: освобождает тело от волнения страстей и совершенно отвлекает душу от наклонности ко злу. Отказавшись от подвигов, первого условия иноческой жизни, монахи-евхиты проводили время в праздности, избегая всякого рода труда, как унижающего

духовную жизнь, и питаясь только милостыней; но в то же время, ощущая в себе мнимое присутствие Святого Духа, они предавались созерцаниям, мистическим пляскам и, в пылу расстроенного воображения, грезили, что телесными очами видят Божество. От этой особенности евхитов называли еще энтузиастами, а также корефами (от мистических плясок) или по именам их представителей — лампецианами, адельфианами, маркианистами и проч. Принадлежа по внешности к Церкви, евхиты старались скрывать от православных свои мнения и учения, и только под конец IV в. Антиохийскому епископу Флавиану удалось изобличить главу их Адельфия. После того духовные и светские власти подвергли евхитов преследованию, но евхитские воззрения, тем не менее, продолжали существовать втайне в восточных монастырях и в последующее время. В XI веке евхиты проникли во Фракийские монастыри и здесь видоизменили свое учение, усвоив дуалистические воззрения древних гностиков и манихеев. По учению евхитов XI в., Бог Отец имел двух сынов: старшего (Сатаниила) и младшего (Христа). Старший господствовал над всем земным, а младший — над всем небесным. Старший отпал от Отца и основал на земле независимое царство. Младший, оставшись верным Отцу, заступил вместо старшего; он разрушил царство Сатаниила и восстановил мировой порядок. Свою молитву евхиты XI в., как и древние их собратья, поставили высшею степенью нравственного совершенства и единственным залогом спасения, равно как разными искусственными средствами достигали экзальтированного состояния, во время которого, как они уверяли, получали откровения и удостаивались видения духов. Искусственная экзальтация, магия и теургия, с присоединением еще животного магнетизма, были у них в большом употреблении. Ересь евхитов скоро потерялась в богомильской ереси, развивавшейся особенно в XII в.

МАНИХЕЙСТВО (явившееся в III в.) представляет собой смесь христианского учения с началами религии Зороастра. Основателем манихейства был Манес, персидский маг, а затем пресвитер в персидском городе Егваце. Лжеучение его состояло в следующем. От вечности

существуют два царства: добра и зла, света и тьмы, которые находятся в постоянной борьбе между собой. Во время этой войны один из эонов царства света, Первый Человек (называемый у манихеев Христом, Иисусом) потерял часть своего светлого существа. Для освобождения ее Отцом света был послан Животворящий Дух. Освобожденная часть Первого Человека была помещена в солнце и есть Бесстрастный Иисус; другая же часть, поглощенная царством тьмы, есть страждущий Иисус. Из смешения поглощенной части света страждущего Иисуса с тьмой и явился видимый мир, так что этот Иисус становится душой мира. Мировая душа стремится к освобождению от уз материи, чему помогают Бесстрастный Иисус и Животворящий Дух. Чтобы положить конец этому, сатана заключает все имеющиеся в царстве тьмы частицы света в материю и творит человека. Подобно миру, человек состоит из смешения света и тьмы, и две души, живущие в нем, добрая и злая, постоянно ведут борьбу между собой. Для освобождения своей страждущей половины, Бесстрастный Иисус сходит с солнца на землю и принимает вид человека, не становясь им по существу. Христос, по учению Манеса, не имеет действительного тела, а только призрачное, и страдания его на кресте были призрачны. Явившись на землю, Он открыл людям, что они духовного происхождения, и указал средства освободиться от материи. Ученики Христа под влиянием чувственности извратили учение Его. Чтобы очистить свое учение от примеси чувственности, Христос, согласно обещанию своему, послал Параклита, который явился в лице Манеса. Средством освобождения от материи, которая есть седалище зла, служит, по учению Манеса, строгий аскетизм. Признавая себя главой церкви, Манес имел 12 учителей, названных апостолами, 72 епископа и потом пресвитеров, дьяконов и евангелистов. Его последователи разделялись на оглашенных и совершенных, и последние должны были быть безбрачны, не вкушать скоромной пищи и питаться только растениями. Убегая от преследователей своих — персидских магов, Манес обошел Индию до Китая, долго жил в пещере Туркестана и здесь изложил учение свое в книге, сделавшейся для его последователей евангелием; а

по возвращении в Персию с него содрали с живого кожу, когда он обещал персидскому царю Бахраму I исцелить его сына и не смог. Манихейство особенно сильно было в IV и V вв. и продолжалось даже в средние века.

БОГОМИЛЫ (название от слов: "Бог" и "милуй"). Эти еретики явились в Болгарии в XII веке. Учение их состояло в следующем: Сатанаил — первородный сын Высочайшего Бога — с частью подчиненных ему духов возмутился против своего Высочайшего Отца и, будучи низвержен с неба, сотворил новое небо и землю и тело первого человека Адама. Но душу человеку он сам сообщить не мог, для чего и обратился к Высочайшему Отцу с просьбой послать божественное дыхание для оживления человека, обещая Ему владычество над духовной природой человека. Высочайший Отец, имея в виду, что человек духовной природы заменит Ему отпадших ангелов, исполнил просьбу Сына и оживил; но Сатанаил захотел подчинить себе и душу человека, для чего через змея обольстил Еву и произвел от нее Каина и сестру Каломену. Потомки Сатанаила взяли перевес над потомством Адама, и Сатанаил успел подчинить себе род человеческий. Люди забыли о своем назначении и считали самого Сатанаила за верховного Бога. Чтобы освободить человека из власти Сатанаила, Отец произвел из Себя второго сына, который есть Иисус, или Слово. Воплощение, жизнь и смерть Иисуса богомилы понимали докетически. Иисус, заключив в оковы Сатанаила, лишил его божественного достоинства, которое заключалось в последнем слоге его имени "ил"; после чего тот стал называться просто Сатаной. Для завершения дела Иисуса Верховный Отец произвел из Себя вторую силу — Св. Духа, Который и действует на душу людей. Последним актом мировой истории будет возвращение всего в первобытное состояние. Богомилы отвергали обряды и внешность церкви и в практической жизни были строгими аскетами. Из таинств они признавали только крещение, которое совершали не водой, но через возложение рук и апокрифического евангелия Иоанна на крещаемого.

Л. Н. ГУМИЛЕВ

АНТИСИСТЕМЫ И АЛЬБИГОЙСКАЯ ЕРЕСЬ*

1. В "полосе свободы"

... Можно ли различить "добрых" людей от "злых", и как это сделать? Ведь никто никогда не скажет о себе, что он служит мировому "злу". Да и правомочно ли считать одну позицию "злой", а обратную "доброй"? Где объективный критерий той или другой оценки? Тупик!

Да, на персональном уровне различие невозможно, но ведь есть популяционный критерий — отношение к окружающей среде, т. е. к миру. И тут представители обоих направлений, искренне уверенные в своей правоте, говорят то, что считают единственно правильным и не требующим доказательств.

Первая позиция: материальный мир ужасен и не имеет права на существование, так как все живое предназначено к смерти, которая есть уничтожение. Вторая позиция: мир прекрасен, а смерть, постоянно сопутствующая жизни, просто выход из сложных, часто невыносимых ситуаций. Смерть — благо, ибо она спасает от внемирового зла, несправедливости, обиды, страдания, которые страшнее смерти. Обе позиции последовательны; можно выбрать любую, по желанию.

В начале нашей эры в Средиземноморье, когда мысль была раскована и свободна от предрассудков, осыпавшихся, как шелуха, при контакте эллинского, иудейского и персидского мировосприятия, люди излагали свои соображения без обиняков. В III — IV вв. н. э. эти концепции кристаллизовались в несколько систем: гностицизм, талмудический иудаизм, христианство, зороастризм. Все они заслуживают специального описания, которое мы отложим, чтобы не отвлекаться от главного — уяснения принципа биполярности. Этот принцип дошел до нашего времени и сформулирован уже в XX в. двумя философскими системами: диалектическим материализмом, постулирую-

* Фрагменты из монографии "Этногенез и биосфера земли".

щим необходимость сочетания жизни и смерти через закон отрицания отрицания, и экзистенциализмом, видящим цель бытия в растворении в конечном "Ничто". И самое любопытное, что эта контроверза прослеживается в прошлое до начала нашей эры. Гностики, буддисты-махаянисты, манихеи — вот истинные предвестники теории К. Ясперса.

Итак, гностические концепции признавали жизнь на планете Земля тяжелым бедствием, от которого необходимо избавиться. Самоубийство не выход, так как душа, или эон, или частица света, снова будет опутана материей или мраком и воплотится для нового цикла страданий. Спасение в аскезе, ослабляющей узы плоти, отказе от соблазнов мира. Можно также совмещать с аскезой пьянство и разврат, вызывающие отвращение к жизни. Важно лишь полное освобождение от материи, т. е. от биосферы.

Следовательно, биосфера, по учению гностиков, — враг человека, а с врагом, как известно, надо расправляться по возможности безжалостно. Хорошо еще, что гностики не популяризовали своих учений из презрения к черни, которая тоже часть биосферы. Они обратили внимание на собственные тела, последовательным воздержанием довели себя до освобождения от плоти и к III в. исчезли без следа, за исключением манихеев, о которых надо говорить особо.

И все же, несмотря на фантасмагоричность гностических идей, в них оказалась и конструктивная деталь: гностики открыли мир энергий, окружающий видимую природу. Как им удалось предвосхитить открытия физиков XX в. без приборов и сложной математики — объяснить не могу. Правда, они употребляли терминологию, которая нам кажется заумной, но зато их мысль была чеканной.

Если мы переведем их идеи на современную терминологию и вместо слов "эоны" и "демоны" поставим слова: "импульсы лучистой энергии" и "радиораспад", то окажется, что пытливые умы II — III вв. занимали те же проблемы, что и нас. Другое дело — оценки! Гностики ненавидели окружающий их мир и чтили умерщвляющий радиораспад. Поэтому, с нашей точки зрения, следует

зачислить авторов гностических учений в разряд губителей окружающей среды.

Существо позиции гностиков составляет стремление заменить дискретные системы (биоценоз) на жесткие, которые по логике развития превратят живое вещество в косное, косное при термической реакции разложится до молекул, молекулы распадутся до атомов, из атомов выделятся реальные частицы, которые, аннигилируя, превратятся в виртуальные. Лимит такого развития — вакуум. И наоборот, при усложнении систем, где жизнь и смерть идут рука об руку, возникает разнообразие, которое немедленно передается в психологическую сферу, создает искусство, поэзию, науку. Но, конечно, за печали и радости бытия придется отплатить закономерной физической гибелью. Логики здесь нет, ибо правильность тезиса дана в опыте и интуитивном обобщении. Такова контроверза. Выбор пути свободен.

Этнос как система неизмеримо грандиознее человека, т. е. персоны как системы. Однако закономерность тут и там одна. Этнос может либо дожить до гомеостаза и стать верхним звеном вмещающего ландшафта, либо при столкновении с иным этносом образовать химеру и тем самым вступить в "полосу свободы". Только во втором варианте возникает поведенческий синдром, при котором возникает потребность уничтожать природу и культуру, ибо вакуум не зеркальное отражение субстанционального мира, не антимир, а мир особых свойств. Поэтому при сопряжении материального мира с вакуумом не возникает гармонии, а идет постоянная борьба противоположностей. Эта борьба происходит на уровне энергетических импульсов, которые древние именовали "силами". В числе этих импульсов находится пассионарность. В критических коллизиях контактов на суперэтнических уровнях она, как безличная энергия, равно питает оба направления деятельности людей, имевших несчастье оказаться в химерной системе.

Механизм такого разделения настолько сложен, что объяснение его можно предложить только как гипотезу. А как иначе можно истолковать импульсы, идущие от сознания, не впадая в идеализм и противоречие с законом сохранения энергии?

2. Прозрение В. И. Вернадского

Наш великий ученый, разбирая второй биогеохимический принцип — учение об увеличении биогенной миграции атомов и направленности эволюции и становлении ноосферы, бросил мысль: "...Человеческий разум не является формулой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие.

Отмечая это как эмпирический факт, я думаю, что дальнейшее развитие научных данных позволит нам выйти из этих, может быть кажущихся противоречий с ...законом сохранения энергии"*.

Эта как бы побочная мысль представляется более ценной и перспективной, нежели учение о ноосфере, которому она категорически противоречит. Решение пришло в виде образа, которым можно открыть экскурс.

Девочка бросает мяч в стену; мячик отскакивает обратно. Толкнула мяч не стена, она его отразила. Это процесс короткий, поэтому причинно-следственная связь ясна, но если такой же процесс длится веками, сведения о которых отрывочны, а иногда запутаны, то связь между биосферным импульсом — рукой девочки и обратным движением — мяча от стены, легко может потеряться для исследователя. Ему будет казаться, что стена бросила мяч от себя, т. е. он увидит прямую связь вместо обратной.

Если же допустить, что человеческий разум, создающий философские концепции, романы, мифы, легенды и т. п., — путь не к ноосфере, а к экрану, отбрасывающему биохимические импульсы, как зеркало отбрасывает солнечный луч, превращая его в блик ("зайчик"), то противоречие с законом сохранения энергии исчезает, а обратный путь биохимического импульса, зафиксированный человеческим сознанием, будет тем, что принято называть мироощущением, которое не следует смешивать с явлением сознания — мировоззрением.

---

* В. И. Вернадский. "Химическое строение биосферы Земли и ее окружения".

Но коль скоро так, то мы уловили связь духовной культуры, в том числе спекулятивной (умопостигаемой) философии с биосферой, к которой принадлежим мы сами. Правда, вывод получается неожиданным. Вакуум выступает как ограничитель импульсов живого вещества; именно он является препятствием для совершенствования, и не кто иной, как он, вносит в биосферу Земли искажения, нанося ей удары за счет смещения направления импульсов, поступивших от нее же. Продолжая аналогию, можно сказать: первоначальное явление природы, отброшенное от экрана-ограничителя — вакуума, превращается в деяние, обусловленное свободной волей человека. А последствия деяний непредсказуемы; они могут быть благодетельны и губительны, тогда как результаты явлений всегда нейтральны: они лежат вне сферы добра и зла, прогресса и регресса, пользы и вреда для порождающей их биосферы. Ей любые процессы безразличны, кроме тех, которые идут от разума.

Итак, мы нашли ответ на вопрос, поставленный Вернадским, и вернулись к первому биогеохимическому принципу: "Биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению". Этого одного необходимо и достаточно для того, чтобы объяснить все процессы биосферы, в том числе этногенезы, как некое сложное и многообразное единство, принцип материалистического монизма.

Может показаться, что с учетом приведенного объяснения гипотеза о роли вакуума остается экстравагантным предположением автора, но так как существуют мировые философские системы с миллионами поклонников, которые считают вакуум своим идеалом, то для охраны природы эти настроения небезразличны.

3. Ложь как принцип

Слова многозначны. Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы зависит от текста, интонации, ситуации, ради которой данный текст написан, и т. п., а смысл текста — от окружения, социального и природного. Даже такое простое слово, как "стол", само

по себе не имеет значения, ибо может фигурировать в сочетаниях: "письменный стол", "стол заказов", "золотой стол Киевский", "у этой хозяйки хороший стол" и т. д. Но эти семантические различия просты, и любой читатель текста понимает, о чем идет речь. Гораздо сложнее — с понятиями столь же многозначными, но смысл коих вуалируется. Например, "убийство". Всем очевидно, что убийство с целью ограбления — преступление; убийство ради садизма — гнусное преступление; но убийство на дуэли — деяние, хотя и наказуемое, но не преступное, ибо тот, кто остался жив, подвергал себя равному риску быть убитым и защищал свою честь; убийство противника на войне не преступление, а подвиг; казнь преступника палачом, т. е. тоже убийство, — выполнение долга, а казнь заведомо невиновного — хуже, чем преступление — это грех. И бессмысленно философское резонерство графа Л.Н. Толстого, который трактовал смысл слов вне контекста, а значение евангельских текстов — вне исторической обстановки I в. н.э. Видимо, он был при этом искренним, но тем хуже — принципиальная ошибка анализа остается, а глупость — такой же источник людских несчастий, как и злая воля. Даже, может быть, иногда глупость хуже, потому что она требует для себя право на безответственность: "Я, мол, так думал, значит, я не виноват". И тут злая воля получает необходимый ей простор. Она может действовать не прямо, в чем всегда есть доля риска, а опосредствованно, через обманутых дураков, которые уверены в своем праве не продумывать того, что они творят, а действовать по чужой указке. В Евангелии по этому поводу сказано: "передумывайте" (метаноите), что переводится словом "покайтесь", уже потерявшим первоначальный смысл.

Вернемся к понятию "ложь". Находится ли оно в живой природе? В какой-то мере — да! Мимикрия животных — это попытка обмануть хищника или добычу. Но как хищники, так и их жертвы имеют право спасать свою жизнь либо от голода, либо от съедения, так что мимикрия оправдана закономерностями биосферы, находящимися вне добра и зла. Люди на войне часто дезинформируют про-

тивника. Ложь ли это? Формально — да, но война — состояние исключительное, и не следует верить любым сведениям. Нужно проверять информацию, ибо здесь обман входит в правила игры. Очевидно, и тут речь идет о другом понятии, но с тем же названием — "ложь". Пренебрежение оттенками семантики обессмысливает сам термин.

Древние люди в этой проблеме не путались. Они ввели понятие "клятва", т. е. юридически оформленное отречение от полезной, а подчас и спасительной лжи. Право на обман, на двусмысленность, уклончивость за человеком сохранялось, но только в повседневной жизни. Клятва же выделялась как экстраординарный акт, как отказ от следования законам природы, т. е. инстинкта самосохранения. Поэтому в свидетели, а точнее — охранители соблюдения клятвы призывались боги или духи стихий, которые должны были наказать клятвопреступника. Этим оттенялось сверхнатуральное значение клятвы.

В Евангелии для ставших на путь самосовершенствования или святости рекомендовано не клясться, а всегда говорить только правду. Но для всех прочих, обычных людей во всех христианских странах клятва названа присягой и еще сохранена как полуюридический, полурелигиозный акт, до сих пор имеющий значение и смысл. Ибо обман — это просто неблаговидный поступок, а нарушение клятвы, т. е. обман доверившегося, — это преступление, противоестественное и противобожественное, это оскорбление мирового порядка — предательство.

Но нужно ли в географическом трактате заниматься историей забытых фантастических учений? Да, нужно, ибо в их постановке проблемы отношения к жизни на Земле содержится в неявном виде решение задачи, поставленной в начале главы: кто, как и зачем губит биоценозы, в которых живет сам. По сути дела, мы нашли плюс и минус, которые, как в алгебре, можно поменять местами. От такой перемены изменится наша субъективная качественная оценка, но не само объективное противопоставление. Если мы примем за положительное начало утверждение биосферы с ее закономерностями, в число коих

входит убийство живых существ, то обратная позиция будет отрицательной, хотя бы она и была связана с проповедью непротивления злу. Л.Н. Толстой в "Крейцеровой сонате" вполне последовательно указал, что поскольку человеческому роду для продолжения существования убивать необходимо, то лучше бы ему прекратиться. Французские манихеи XIII в. (катары) считали, что нельзя убивать теплокровных животных. Поэтому во время альбигойской войны, чтобы отличить катара от католика, пленному предлагали зарезать курицу. Катары отказывались... и шли на костер.

Но если бы французы не резали кур, они бы их не разводили, а выгнали в лес, где кур переели бы совы и лисы. Курам стало бы, как видно, хуже, но ведь последовательная жизнеотрицающая система оценила бы это как достижение: еще один раздел животных избавлен от ужаса жизни.

А те, кто утверждает жизнь, убивают и гибнут сами, чтобы на их трупах проделали то же самое их потомки и чтобы жизнь, преображенная смертью, ширилась по лику планеты так же, как это происходило в минувшие геологические эпохи. И оба мировосприятия последовательны, но генезис пассионарности их различен, так же как и их цели, и следы их пребывания в ландшафтах Земли.

На индивидуальном уровне ложь — это не только несимпатичный стереотип поведения, но и способ воздействия на окружающую среду, этническую и ландшафтную. На популяционном уровне — это уже массированная дезинформация в антисистемах, — воздействующая на среду социальную и культурную. Но на биосферном уровне происходят процессы упрощения, которые ведут к замене высших животных микроорганизмами (гниение трупов), превращения живого вещества в косное; распад косного вещества на молекулы, молекул — на атомы; внутриатомных реальных частиц — на виртуальные и перенос фотонов в "Бездну", т. е. в вакуум. А ведь начиналось-то как-будто с пустяков.

Но что такое истина, противостоящая лжи? Не надо мудрить и мистифицировать читателя, да и самого себя. Будем называть истиной суждение, адекватное заданной сумме наблюдаемых фактов, где погрешность не превышает законного допуска. При наложении на ось координат истинные суждения будут положительными значениями, а лживые — отрицательными, причем в глобальных масштабах.

И генезис у позитивных и негативных значений разный: первые — прямое порождение энергии живого вещества биосферы, вторые — отражения от вакуума, т. е. мысли.

4. Третий параметр

Вспомним, что, стремясь описать соотношение пассионарности и сферы сознания в процессах этногенеза, мы ввели категорию аттрактивности, положив ее на ординату. Этим мы добились наглядности, необходимой для описания тех этногенезов, которые зачинаются пассионарным толчком или генетическим дрейфом. Но когда происходит наложение друг на друга разнохарактерных этнических систем и связанных с ними "систем сознания", которые ныне принято называть "культурами", то возникают химеры, принципиально отличные от этносов, хотя внешне на них похожие.

Различие между этносом и химерой на глаз неуловимо. Но если этнос проходит все возрасты, если не гибнет насильственной смертью, то химера либо существует, либо распадается. Это значит, что соотношение между этносом и химерой такое же, как между организмом и раковой опухолью. Последняя может разрастаться до пределов организма, но не далее, и живет она только за счет вмещающего организма. Подобно опухоли, химерная антисистема (химеры бывают и безвредными, т. е. пассивными) высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования, используя принцип лжи, описанный выше. Это не разновидность аттрактивности, потому что последняя всегда основана на искренности, а явление иного порядка, для описания которого нужна третья ось координат —

аппликата. На положительную ее часть будут вынесены импульсы жизнеутверждающие, в том числе те, которые приносят в жертву жизнь индивида, часто и свою собственную, для поддержания существования вида, а на отрицательную — те, которые ведут к спасению индивида от тягот мира за счет отказа от горя и радости, заботы о близких и далеких, любви к истине и отрицанию лжи. Этот перечень, далеко не полный, характеризует антисистему. Может показаться, что образцовой антисистемой является буддизм, но это верно лишь отчасти. Там, где почитают бодисатву сострадания — Авалокиту, бодисатву мудрости — Маньчжушри и где есть учение об Ади-будде — создателе мира, мироощущение остается позитивным. Но в школах созерцания и неделания преобладает негативный импульс, подобно тому, как в гностических направлениях христианства и в современном экзистенциализме К. Ясперса открыто выражено жизнеотрицающее мироощущение, хотя последний откровенно атеистичен. Но нас интересует не это.

Отмеченные параметры различны по значению и по характеру. Мощные импульсы пассионарных толчков, как правило, лишают отдельных людей возможности выбирать собственную линию поведения. Если такое желание у кого-либо и возникнет, то императив коллектива не даст персоне развернуться. То же самое бывает в инерционной фазе, где персону формирует традиция накопленной культуры. А в последних фазах субпассионарные особи не имеют повода для пересмотра привычного мироощущения. Так что в потоке нормального этногенеза антисистема не может возникнуть.

Однако при совмещении двух суперэтносов, когда в зоне контакта возникает этническая химера, антисистемы развиваются со страшной силой. Но ведь нельзя сказать, что к приятию негативного взгляда на мир побуждает ухудшение бытовых условий или экономические затруднения. Нет, их не больше, чем было до этого, а иной раз и меньше, ибо в зонах контактов обычно идет интенсивный обмен вещей (торговля), людей (работорговля) и идей (торговля верой). Очевидно, причина в другом.

5. Губительный фантом

Поставим вопрос так: что общего между исмаилитством, карматством, маркионитским павликианством, манихейством, богомильством, альбигойством и другими аналогичными системами и, в частности, с экзистенциализмом Ясперса? По генезису верований, догматике, эсхатологии и экзегетике — ничего. Но есть одна черта, роднящая эти системы — жизнеотрицание, выражающаяся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет; и незачем жалеть — бога не признают, значит, не перед кем держать отчет, и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине, и можно в своих целях использовать ту и другую.

Надо отдать должное средневековым людям: они были последовательны, и потому их речи звучали очень убедительно. Действительность подчас была так ужасна, что люди готовы были "броситься" в любую иллюзию, особенно в такую логичную, строгую и изящную. Ведь, войдя в мир фантасмагорий и заклинаний, они становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, их совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую имели в весьма ограниченных пределах, находясь в той или иной позитивной системе. В ней закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина

подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю, но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и жизнью пожертвовать.

И ведь не только бедствия и обиды приводили неофитов в антисистемы. Люди часто жили плохо, но не везде и не всегда. Бурные периоды сменялись спокойными, но обывательская затхлость мирной сельской жизни действовала диалектически и создавала последствия, противоположные предпосылкам. Когда пассионарного юношу кормили досыта, но запрещали ему что-либо делать или логично размышлять, он искал применения своим затаенным силам. И находил их в проповеди отрицания, не обращая внимания на то, что поставленная перед ним цель — фантазия. Сказка и миф рождались повседневно. Против них были бессильны строгие выводы науки и практические прогнозы действительности. В I тыс. они увлекали людей всех стран, кроме Руси и Сибири, где антисистемы не сложились...

Нами была предложена концепция этноса как поля биофизических колебаний с определенной частотой и ритмом. Теперь она находит подтверждение. Когда два разных ритма накладываются друг на друга, возникает своего рода какофония, воспринимаемая людьми как нечто противоестественное, что в общем-то и правильно. Но тогда люди начинают не любить вмещающую их географическую среду, искать выхода при помощи строгой логики и оправдывать свою ненависть к миру, устроенному так неудобно.

Именно такая ситуация возникла в эллинистических государствах древности во II — I вв. до н.э. До походов Александра Македонского эллины не знали иудеев, а иудеи не обращали внимания на "явана" — ионян. Зато в селевкидской Сирии и птолемеевском Египте они оказались соседями. Иудеи изучили Платона и Аристотеля, эллины — Библию в переводе на греческий язык. Оба этноса были талантливы и пассионарны, но из контакта их мироощущений возник гностицизм — грандиозная увлекательная антисистема.

Столкновение эллинства с иранством породило в III в. манихейство, могучую антисистему, подвергавшуюся гоне-

ниям не только в Риме, Византии и Иране, но даже в веротерпимом Китае и, несколько позже, во Франции.

В Индии, куда вторглись кушаны и саки, великий философ Нагарджуна во II в. н. э. создал мироотрицающее учение о пустоте (шуньята), причем дошел в отрицании до того, что даже собственное существование объявил иллюзией...

Равно пассионарный толчок рубежа нашей эры породил оригинальную позитивную систему — христианство, перекрывшую гностические фантасмагории, а новый толчок VI—VII вв., создавший ислам как мироощущение прекратил существование антисистем Ирана — зиндиков.

Однако Халифат быстро превратился в химерную целостность, так как экзогамия, осуществлявшаяся через гаремы, внедрила в новый арабо-мусульманский этнос персов, грузин, армян, сирийцев, греков, турков, берберов и т. д. И уже в IX в. на этом фоне возникла антисистема — исмаилизм, сокрушенная только монголами в XIII в. Монголы были носителями пассионарности, но при столкновении с антисистемами растеряли свой пассионарный заряд и в XIV в. погасли.

В Византии антисистема развилась в Малой Азии в IX в. на границе с мусульманским миром. Отсюда она перекинулась на Балканы, где болгары и славяне, воспринявшие греческую образованность, создали собственную химеру — Болгарское царство. Здесь антисистема называлась богомильством и исчезла после пассионарного толчка XIII в., вытесненная османами.

Но гораздо сложнее была судьба манихеев Прованса. Они погибли в XIII в., но заразили своими мироощущениями Западную Европу, где возник отвратительный социальный институт — инквизиция. Об этом стоит рассказать подробнее.

6. Древний дуализм

Манихейство и христианство равно признают в мире сочетание двух стихий: Света и Мрака. Но манихеи считают "мраком" материю и особенно плоть, а христиане видят

в материальном мире творение Божие и благословляют чистые радости плоти, брак, веселие, любовь к родине... Несовместимость обоих мировоззрений очевидна, а борьба между ними не кончена и поныне.

Западное манихейство соперничало с христианством с конца III в. и подвергалось таким же, как христианство, гонениям при Диоклетиане. Христианские императоры продолжали эти преследования. Феодосий определил за принадлежность к манихейству смертную казнь. Гонорий квалифицировал исповедание манихейства как государственное преступление. Вандальский король Гуннерих истребил манихеев в Северной Африке; спаслись лишь те, кто успел бежать в Италию. В VI в. центром манихейства стала Равенна, ибо жители Ломбардии, ариане, вынужденные бороться против Рима, дали им приют. В X в. манихейство распространилось в Лангедоке и сомкнулось с аналогичными учениями Болгарии. Манихейские проповедники в Южной Франции и даже в Италии так наэлектризовывали массы, что подчас сам папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более, что затронутые пропагандой феодалы отказывались их усмирять.

Во второй половине XI в. манихейское учение охватило Ломбардию, где пороки высшего духовенства вызывали законное возмущение мирян. В 1062 г. священник Ариальд выступил в Милане против брака священников, но встретил сопротивление архиепископа Гвидо и был убит.

Борьба продолжалась, причем архиепископа и его наследника поддерживал император Генрих IV — тайный сатанист, а реформаторов — папы Александр II и Григорий VII. Видимо, и папы, и император не интересовались сущностью проблемы, а просто искали сторонников. За соперничество вождей заплатили жители Милана, который сгорел во время уличного боя в 1075 г. В XII в. манихеи, названные в Италии патаренами, распространились по всем городам вплоть до Рима, причем наименее склонными к ереси оказались крестьяне, а наиболее активными ере-

тиками — дворяне и священники, т. е. самая пассионарная часть населения того времени.

В Лангедоке, находившемся под призрачным покровительством королей Германии, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим наименованием — катары, что значит "чистые". Их община делилась на "совершенных", "верных" и мирян. "Совершенные" жили в безбрачии и посте, обучая "верных" и напутствуя умирающих, которые на одре смерти принимали посвящение в "совершенные", чтобы спастись от уз материального мира. Миряне, сочувствующие катарам, переводили на народные языки книги Ветхого завета как героические сказания, чем понемногу изменяли идеалы рыцарства, а тем самым и стереотип поведения своих читателей. Остальное довершила антипатия провансальцев к французам, как к чуждому и агрессивному этносу. К 1176 г. большая часть дворянства и духовенства Лангедока стали катарами, а меньшая часть и крестьяне предпочитали молчать и не протестовать.

Разочаровавшись в возможностях схоластики, которая в X в. переживала очередной упадок, средневековые богоискатели пытались найти решение проблемы вне школ и получали ответы от приходивших с Востока (с Балканского полуострова) манихеев, учение коих сводилось к следующему.

Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволокшая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенетах материи, следовательно, все материальное — источник зла. А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.

Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения души предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая

материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднялась. Ведь если материя — зло, то любое истребление ее любой ценой — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все это не имело никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

Такая концепция испугала и разозлила средневековых французов. В 1022 г. в Орлеане были сожжены десять катаров, преданных своими учениками; среди них были духовник короля Роберта I Этьен, схоластик Лизой и капеллан Гериберт.

Как людей их очень жалко. Они были честны, искренни, любознательны. В ужасное время кризиса католицизма, когда наглые прелаты получали кафедры как феодальные лены, а полуграмотные священники не умели объяснить прихожанам элементарных основ христианской этики, эти люди искали непротиворечивого, логичного решения наболевших проблем, которые ставила перед ними действительность. Выводы, ими сделанные, были логически безупречны, но противоестественны. Поэтому-то здоровая интуиция средневековых французов взбунтовалась против логики. Система при переходе от фазы подъема к акматической фазе столкнулась с антисистемой и оставила на Земле пепел казненных.

Аналогичное отношение к манихейству наблюдается всегда и везде. Поэтому манихейские общины I тыс. были тайными, вследствие чего ложь стала их стереотипом поведения. Попав в Италию и Францию, манихейские эмиссары называли себя "ткачами", чтобы иметь возможность беспрепятственно переходить из города в город для пропаганды своего учения. На самом деле они были такими же "ткачами", как масоны "каменщиками".

Между тем лживое самоназвание вводило и продолжает вводить в заблуждение людей несведущих, стремящихся всюду увидеть классовую борьбу. Именно так воспринял альбигойцев поэт А. Блок в пьесе "Роза и крест". И вряд ли стоит обвинять его в этом.

По сути дела, альбигойская война была отнюдь не подобием Жакерии, и не феодальной стычкой между Тулузой и Парижем, и не национальной войной провансальцев с французами. И вот почему. В отличие от многих патриархальных и плебейских антицерковных движений, катары были социально разнообразны, что способствовало успешному распространению учения, не стесненному социальными и этническими рамками.

Классовая борьба крестьян и горожан против господствовавших феодалов не прекращалась никогда. Однако шла она по двум линиям, не связанным друг с другом. Крепостные крестьяне негодовали на произвол баронов, но их программа была сформулирована четко: "Наш добрый сеньор защищает нас от нечестивых врагов и злодеев". Резонно, но ведь он не имеет ничего общего с учением о том, что все материальное — проявление мирового зла и как таковое должно быть уничтожено. Напротив, классовая природа крестьян толкала их на то, чтобы добившись свободы и прав, возделывать земли, строить дома, воспитывать детей, накапливать состояния, а не бросать все это ради иллюзий, пусть даже вполне логичных. Вторая линия — это борьба городских общин (коммун) в союзе с королевской властью против герцогов и графов. Опять-таки, зарождавшаяся буржуазия стремилась к богатству, роскоши, власти, а не к аскетизму и нищете. На западе города поддерживали то папу, то императора, на востоке — суннитского халифа, в Византии они были оплотом православия, ибо благополучие горожан зависело от укрепления порядка в мире, а не от истребления мира ради потусторонних идеалов, чуждых и невнятных.

И вряд ли проповедь спасительной бедности можно считать социальной программой. Ведь за бедность духовенства ратовали христианские монахи и мусульманские марабуты и суфии. Роскошь епископов, непотизм и симонию клеймили с амвонов папы и Соборы, но подозрений в ереси они на себя не навлекали. Иной раз бывало, что слишком неугомонных обличителей убивали из-за угла или казнили по вымышленным обвинениям, однако в те жестокие времена и без этого легко было угодить на плаху,

особенно когда увлеченный идеей человек не замечал, что он стоит на пути венценосца. Казни совершались и без идеологических нареканий. Да и в самом деле, как может мистическое учение отражать классовые интересы? Ведь для этого оно должно быть общедоступным, но тогда будет потерян руководящий принцип — тайное посвящение и слепое послушание.

Ну, а каково было поведение самих еретиков? Меньше всего они хотели мира. Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами и горожанами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги — искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, т. е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна...

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, добрее, честнее, благороднее катаров (альбигойцев). Это мнение столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им не проповедовались. Да и почему концепция, согласно которой можно купить прощение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром? И если одно учение лучше другого, то для кого? Поэтому ставить вопрос о качественной оценке бессмысленно и столь же антинаучно, как, например, вопрос о том, что лучше: кислота или щелочь? Обе обжигают кожу!

Но если так, то почему именно этой вражде уделено столько внимания, когда одновременно обострялись социальные конфликты между классом феодалов к закрепощенными крестьянами, развивалось соперничество растущих королевств за территории и торговых городов за рынки? Чем же отличалась от них та полускрытая война, которая нами принята за исходную точку отсчета?

В отличие от борьбы за политическое преобладание внутри одной большой этносоциальной системы и даже

столкновений между разными культурно-системными целостностями, здесь имела место истребительная война. Французские манихеи были слишком похожи на французских католиков для того, чтобы ужиться в одном ареале, ибо высказывались те и другие за развитие системы в противоположных направлениях. Сталкиваясь, они вызывали аннигиляцию той самой материи, которую первые считали не Божиим творением, а мировым злом. И так они вели себя везде: в Византии, Иране, Центральной Азии и даже в веротерпимом Китае. Поэтому гонения на них были повсеместны, а их сопротивление, часто весьма активное, придало раннему средневековью ту окраску, которая просвечивает через видимую историю столкновений государств и становления этносов. Наличие двух несовместимых поведенческих и психологических структур в то время было явлением глобальным. Оттого так мало памятников искусства осталось от этой эпохи.

То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, неудивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, утверждать они должны были даже не смерть, ибо смерть — только момент смены состояний, а антижизнь и антимир. Туда они и перебрались, очистив Землю для эпохи Возрождения. Неудача их состояла только в том, что они не смогли погубить всех людей, проведя их через мученичество, далеко не всегда добровольное. Как они старались! И не их вина, что жизнеутверждающее начало человеческой психики устояло перед их натиском, благодаря чему история народов не прекратила своего течения.

На этом фоне возникла Первая инквизиция, основанная испанским монахом Домиником и направленная против еретиков — катаров или альбигойцев. Конечно, никто не захочет одобрить или тем паче защищать принцип инквизиции: осуждение без предъявления обвинения, на основе личного признания. Признание бывает вынуждено пыткой, донос — ложен, судьи — пристрастны и бесконтрольны, но мотив введения такого судопроизводства ясен. Инквизиторы берегли своих агентов от мести катаров, проникших

в XIII в. во все слои французского и итальянского общества. Война велась не только в Лангедоке. Она велась при всех дворах, во всех цехах, в церковных общинах и даже на базарах. Это была беспощадная резня без линии фронта, причем жертвами ее становились все оклеветанные катарами и агентами инквизиции беззащитные, ни в чем не повинные люди. Катары широко использовали право на ложь, каковое было позволено их вероисповеданием, рекомендовавшем предательство для борьбы с материей. "Бывшие катары, перешедшие в лоно католицизма, Робер Ле Бугр, Петр из Вероны и Райнир Саккони были самыми грозными инквизиторами в XIII в. Их руками были сожжены сотни катаров и вальденсов"*, а также оклеветанных католиков. Робер Ле Бугр, бывший в течение 20 лет катаром в Милане и прекрасно знавший нравы и обычаи этой секты, в 1233 г. был назначен папою Григорием IX инквизитором, после чего применил свои обширные знания. Например, в 1239 г. в Монт-Эме, близ Шалона на Марне, он сжег 182 катара. И позднее было то же: Жак Моле, гроссмейстер ордена тамплиеров и другие рыцари были сожжены в Париже в 1214 г. после процесса, проведенного канцлером Гильомом Ногаре, внуком сожженного катара. Тайный суд — оружие обоюдоострое.

Умирающий дуализм нашел способ перевоплотиться в другую, на этот раз в монистическую концепцию. Ведь для антисистемы такие мелочи, как верность принципам, несущественны, важна цель — избавление от материи и плоти. На вооружение было принято учение Блаженного Августина, талантливого мыслителя V в., начинавшего свой путь с членства в тайной манихейской общине, а кончившего дни епископом города Гиппона (в Африке) и после смерти признанного отцом церкви. Он был автором одного из трех направлений схоластики — учения о предвечном предопределении людей либо к раю, либо к аду. Были, конечно, оговорки, но суть в этом.

Аргументация Бл. Августина сводилась к тому, что Адам согрешил и передал грех всем потомкам генетически, как

* С. Лозинский. "Роковая книга средневековья".

"первородный грех". Поэтому все люди — мерзавцы, и всем им место только в аду. Бог предвечно и безусловно постановил некоторых спасти, а прочие пусть гибнут. И любые заслуги и подвиги грешников значения не имеют, равно как и злодеяния предизбранных. Для дьявола в такой системе места нет, ибо все за него творит Бог.

Надо отдать справедливость тогдашним теологам: они учение Августина не приняли. Сторонники концепции Августина подвергались осуждению: монах Готшальк даже был пожизненно заключен за проповедь идеи предопределения, т. е. ответственности Бога за грехи людей.

Но прошли средние века, наступила Реформация, и Жан Кальвин воскресил идеи Августина. На них же была построена теория Второй инквизиции. Примирение Бога с Сатаной устраивало всех злодеев Европы...

II. ДОКУМЕНТЫ

АПОКРИФ ИОАННА*

1. Учение [спасителя и откровение тайн], скрытых в молчании, [всех вещей], которым он обучил Иоанна, своего ученика.

Случилось же это [однажды], когда Иоанн, [брат] Иакова, — они сыновья Зеведея — вышел и подошел к храму. Встретил его фарисей — имя его Ариман — и сказал ему: "[Где] твой господин, которому ты последовал?" И он [сказал] ему: "Место, откуда он пришел, туда он снова возвратился". Сказал ему фарисей: "Обманом [этот назареянин] ввел вас в заблуждение, и наполнил [ваши уши ложью], и запер [ваши сердца, и повернул вас] от предания [ваших отцов]". [Когда] я, [Иоанн], услышал это, я [двинулся] от храма [к горе, месту пустынному]. Был я [очень] опечален сердцем и сказал: "Почему [избран спаситель]? И почему [он послан в мир своим отцом? И кто его] отец, который [послал его? И каков] тот эон, [к которому мы пойдем?] Ибо что [подразумевал он, когда сказал нам]: "Этот эон, [к которому вы пойдете, принял] вид эона [того, нерушимого"? Но он] не учил нас [о том, каков он]". В то время, [когда я думал об этом в сердце моем, небеса раскрылись, и все] творение, [что] ниже неба, осветилось, и [весь мир] содрогнулся.

2. [Я испугался и пал ниц, когда] увидел в свете [юношу, который стоял] предо мною. Но когда я смотрел на него, [он стал подобным старцу.] И он изменял [свой] облик, став как дитя в то же время предо мною. Он был [единством] многих форм в свете, и [формы] открывались одна в другой. Будучи [одним], почему он был в трех формах? Он сказал мне: "Иоанн, Иоанн, почему ты сомневаешься или почему страшишься? Разве тебе чужд

* Фрагменты. Пер. М. К. Трофимовой.

этот образ? Это так: не будь малодушным! Я тот, кто [с вами] все время. Я — [отец], я — мать, я — сын. Я незапятнанный и неосквернённый. [Ныне я пришел наставить тебя] в том, что есть, [что было и что] должно [произойти, дабы ты мог узнать] вещи, которые не открыты, [и вещи, которые открыты, и научить] тебя... [о совершенном Человеке]. Теперь [же, подыми лицо свое, иди и слушай], чтобы ты [узнал те вещи, о которых я скажу] сегодня, и мог [передать это своим сотоварищам по] духу, тем, кто [из рода недвижимого] совершенного [Человека". И я попросил его: "Скажи], дабы я [мог постигнуть это". Он сказал]: "Единое — это [единовластие], над которым нет ничего. Это [Бог истинный] и Отец [всего, Дух незримый, кто надо [всем, кто] в нерушимости, кто [в свете чистом], — тот, кого [никакой свет глаза не может] узреть.

3. Он [Дух незримый]. Не подобает [думать] о нем как о богах или о чем-то [подобном]. Ибо он больше бога, [ведь нет никого] выше него, нет никого, кто был бы господином над ним. Он ни в каком бы то ни было подчинении, ибо [все существует] в нем одном. Он... потому что он не нуждается в чем бы то ни было, ведь он полностью совершенен.

У него нет [в чем бы то ни было недостатка], нет того, чем бы он мог быть пополнен. [Но] все [время] он полностью совершенен в [свете. Он безграничен], ибо нет никого [перед ним], чтобы ограничить его. Он непостижим, ибо нет никого перед ним, кто [постиг бы его. Он неизмерим], ибо не было [никого перед ним, чтобы измерить] его. Он [невидим, ибо никто] не видит его. [Он вечен, он существует] вечно. Он [невыразим, ибо] никто не может [охватить его, чтобы выразить] его. Он неназываем, ибо нет никого перед ним, чтобы назвать [его. Это свет неизмеримый], чистый, [святой, ясный]. Он, невыразимый, [совершенен] в нерушимости. [Не в совершенстве], не в блаженстве, не в божественности, но [много избраннее]. Он не телесный, [не нетелесный].

Он не большой, [не малый. Нет] возможности сказать, [каково его количество...], ибо никто не может [постичь

его]. Он не из тех, [кто существует], но много [избраннее. Не так], как [если бы он был избраннее (по сравнению с другими), но] то, что его, не причастно ни [эону, ни] времени. Ибо то, что причастно [эону, было вначале создано. Он не был заключен] во времени. Он не получил... ибо [нет никого] перед ним, чтобы он получил от него нечто. Ибо он созерцает себя вновь в своем свете чистом.

4. [Ведь он] — величие. Неизмеримое... величие. Он — Эон, дающий эон, Жизнь, дающая [жизнь, Блаженство], дающее блаженство, Знание, дающее знание, [Добро], дающее добро, Милость, дающая милость и спасение, Благодать, дающая [благодать] не потому, что имеет, но [потому что дает милость] неизмеримую, [нерушимую. Что я скажу тебе] о нем? Его [эон нерушимый,] он неподвижен, [он пребывает в молчании, он покоится]. Он [до всех вещей. Он] глава всех эонов. [Это он дает им] силу [по своему благу]. Ибо не мы, мы [не познали...], мы не познали тех [вещей, что неизмеримы, кроме того, кто] жил в нем, то есть Отец. Это он [рассказал нам]. Ведь он видит себя самого в свете, окружающем его. [Это источник] воды жизни, [он дает всем эонам и] во всех формах, Он узнает [свой образ, когда] видит его в [источнике Духа. Он] устремляет желание в свой [свет — воду], это источник (света) — воды [чистого] окружающего его. И [его Эннойа выполнила] действие, и она обнаружилась, [она предстала, она появилась] перед ним [в сиянии] его света. Это [первая сила], бывшая до [всех эонов и открывшаяся в] его мысли, это [Пронойа Всего], ее свет, который светит, образ] света, [совершенная] сила, то есть образ незримого девственного Духа совершенного.

5. [Она — си]ла, слава, Барбело, совершенная слава в эонах, слава откровения, слава девственного Духа. И она восхвалила его за то, что открылась. Это первая мысль, его образ. Она стала материнским чревом всего, ибо она прежде, чем все они: Метропатор, первый Человек, святой Дух, трижды мужской, трижды сильный, трижды именный, андрогин и вечный эон среди незримых, первый явившийся.

Она попросила у незримого девственного Духа, то есть Барбело, дать ей предвидение. И Дух согласился. И когда

[он согласился], предвидение обнаружилось, и оно предстало близ Пронойи; оно — из мысли незримого девственного Духа. Оно восхвалило его и его совершенную силу, Барбело, так как оно стало существовать из-за нее. И снова она попросила дать ей [нерушимость], и он согласился. Когда [он согласился], нерушимость [обнаружилась, она предстала] близ мысли и предвидения. Они восхвалили незримого и Барбело, из-за которой они стали существовать. И Барбело попросила дать ей вечную жизнь. И незримый Дух согласился. И когда он согласился, вечная жизнь обнаружилась, и [они предстали], и они восхвалили незримый Дух и Барбело, из-за которой они стали существовать. И снова она попросила дать ей истину. И незримый Дух согласился.

6. Истина обнаружилась, и они предстали, и они восхвалили незримый Дух... Барбело, из-за которой они стали существовать. Это пятерица эонов Отца, который есть первый Человек, образ незримого Духа; это Пронойа, то есть Барбело: мысль, и предвидение, и нерушимость, и вечная жизнь, и истина. Это пятерица эонов андрогинных, то есть десятерица эонов, то есть Отец. И он взглянул на Барбело светом чистым, который окружает незримый Дух, и его блеском, и она понесла от него. И он породил искру света светом блаженного образа. Но это не было равным его величию. Это был единородный Метропатора, тот, что открылся; это его единственное [рожденье], единородный Отца, свет чистый. Незримый девственный Дух возликовал над светом, который стал существовать, который первым был открыт первой силой его [Пронойи], то есть Барбело. И он помазал его своим благом, пока он не стал совершенным, не нуждавшимся ни в каком благе, ибо он помазал его [благом] незримого Духа. И он предстал перед ним, когда он излил (это) на него. Когда он получил (это) от Духа, он восславил святой Дух и совершенную Пронойю, из-за которой он обнаружился. И он (сын) попросил дать ему сотоварища по труду, то есть ум, и он (Дух) согласился.

7. Когда же незримый Дух согласился, ум обнаружился и предстал близ Христа или блага и восхвалил его и

Барбело. Все они стали существовать в молчании. И ум захотел выполнить дело через слово незримого Духа. И его воля стала делом, и оно обнаружилось близ ума; и свет восхвалил его. И слово последовало за волей. Ибо словом Христос, божественный Аутоген, создал все вещи. И вечная жизнь, и его воля, и ум, и предвидение предстали и восхвалили незримый Дух и Барбело, ибо из-за нее все они стали существовать. И святой Дух дал совершенство божественному Аутогену, сыну его и Барбело, так что тот предстал перед могущественным и незримым девственным Духом как божественный Аутоген, Христос, кому он (Дух) воздал славу громким голосом. Он (сын) открылся через Пронойю, и незримый девственный Дух поставил божественного Аутогена истины надо всеми вещами. И он [подчинил] ему всякую власть и истину, которая есть в нем, чтобы он мог знать все, что было названо именем, возвышенным над всяким именем. Ибо это имя — назовут его те, кто достоин его. Из света же, который есть Христос, и нерушимости через дар Духа (появились) четыре света из божественного Аутогена. Он смотрел, чтобы они предстали пред ним.

8. И трое — это воля, Эннойа и жизнь. И четыре силы — это мудрость, благодать, чувствование, рассудительность. Благодать находится у эона света Армоцеля, который первый ангел. Вместе с этим эоном есть три других эона: милость, истина и форма. Второй свет — это Ориэль, который был помещен у второго эона. Вместе с ним есть три других эона: мысль, чувствование и память. Третий свет — это Давейтай, который помещен у третьего эона. Вместе с ним есть три других эона: мудрость, любовь и форма. Четвертый эон помещен у четвертого света Элелет. Вместе с ним есть три других эона: совершенство, мир и Софиа. Это четыре эона, которые предстали пред божественным Аутогеном. Это двенадцать эонов, которые предстали пред сыном, великим Аутогеном, Христом, по воле и дару незримого Духа. И двенадцать эонов принадлежат сыну, Аутогену. И все вещи были установлены волей святого Духа через Аутогена. И от [предвидения] совершенного ума через откровение воли незримого Духа и

воли Аутогена появился совершенный Человек, первое откровение и истина.

9. Это он, кого девственный Дух назвал Пигераадаман и поместил его у первого эона с великим Аутогеном, Христом, у первого света Армоцеля. И силы его — вместе с ним. И незримый дал ему разумную непобедимую силу. И заговорил он, и восхвалил и прославил незримый Дух, сказав: "Все вещи стали существовать из-за тебя, и все вещи вернутся к тебе. Я же, я прославлю и восхвалю тебя и Аутогена и эоны, которых три: отец, мать и сын, совершенная сила". И он (Человек) поместил своего сына Сифа во второй эон ко второму свету Оройэлю. В третий эон — в третий свет Давейтаи было помещено семя Сифа. И души святых (там) были помещены. В четвертый эон были помещены души тех, кто не познал Плеромы и не покаялся сразу, но временно упорствовал и затем покаялся; они — у четвертого света Элелета. Это создания, которые восхваляют незримый Дух. Софиа же Эпинойа, будучи эоном, произвела мысль своею мыслью (в согласии) с размышлением незримого Духа и предвидением. Она захотела открыть в себе самой образ без воли Духа — он не одобрил — и без своего сотоварища, без его мысли. И хотя лик ее мужественности не одобрил и она не нашла своего согласия и задумала без воли Духа и знания своего согласия, она вывела (это) наружу.

10. И из-за непобедимой силы, которая есть в ней, ее мысль не осталась бесплодной, и открылся в ней труд несовершенный и отличавшийся от ее вида, ибо она создала это без своего сотоварища. И было это неподобным образу его матери, ибо было это другой формы. Когда же она увидела свою волю, это приняло вид несообразный — змея с мордой льва. Его глаза были подобны сверкающим огням молний. Она отбросила его от себя, за пределы этих мест, дабы никто из бессмертных не увидел его, ибо она создала его в незнании. И она окружила его светлым облаком и поместила трон в середине облака, дабы никто не увидел его, кроме святого Духа, который зовется матерью живых. И она назвала его именем Иалтабаоф. Это первый архонт, который взял большую силу от своей матери. И

он удалился от нее и двинулся прочь от мест, где был рожден. Он стал сильным и создал для себя другие эоны в пламени светлого огня, (где) он пребывает поныне. И он соединился со своим безумием, которое есть в нем, и породил власти для себя. Первая же — имя ее Афоф, которую поколения называют [...]. Вторая — Хармас, что означает [око] ревности. Третья — Калила-Умбри. Четвертая — Иабель. Пятая — Адонаиу, которая зовется Саваоф. Шестая — Каин, кого поколения людские называют Солнцем. Седьмая — Авель. Восьмая — Абризена. Девятая — Иобель.

11. Десятая — Армупиэль. Одиннадцатая — Мелхеир-Адонеин. Двенадцатая — Белиас, кто над бездной преисподней. И поставил он семь царей — соответственно тверди небесной — над семью небесами и пять — над бездной ада, так что они могли царствовать. И он отделил им от своего огня, но не дал от силы света, которую взял от своей матери, ибо он — тьма незнания. И когда свет смешался с тьмой, он побудил тьму светить. А когда тьма смешалась со светом, она затемнила свет и стала ни светом, ни тьмой, но стала больной.

Итак, у архонта, который болен, три имени. Первое имя — [Иалтабаоф], второе — Сакляс, третье — Самаэль. Он нечестив в своем [безумии], которое есть в нем. Ибо он сказал: "Я — Бог, и нет другого бога, кроме меня", — не зная о своей силе, о месте, откуда он произошел. И архонты создали семь сил для себя, и силы — каждая — создали для себя шесть ангелов, пока не стало 365 ангелов. Это же — тела имен: первое — Афоф, с обличьем овцы, второе — Элоайу, с обличьем осла, третье — Астафайос, с обличьем гиены, четвертое — Иао, с обличьем [змея] семиглавого, пятое — Саваоф, с обличьем дракона, шестое — Адонин, с обличьем обезьяны, седьмое — Саббеде, с обличьем огня сверкающего. Это — седмица недели.

12. Иалтабаоф же имел множество личин, будучи над ними всеми, так что он может перенять личину у них всех, по воле своей. Будучи среди серафимов, он отделил им от своего огня. Вследствие этого он стал господином

над ними — из-за силы славы, которая была у него от света его матери. Вследствие этого он назвал себя богом. Но он не был послушен месту, откуда он произошел. И он смешал с властями, которые были у него, семь сил в своей мысли. И когда он сказал, это случилось. И он дал имя каждой силе. Он начал с высшего. Первая — благо, у первого, Афоф. Вторая — провидение, у второго, Элоайо. Третья же — божественность, у третьего, Астрафайо, четвертая — господство, у четвертого, Иао. Пятая — царствие, у пятого, Санваоф. Шестая — ревность, у шестого, Адонейн. Седьмая — мудрость, у седьмого, Саббатеон. И есть у них твердь, соответственно эону — небу. Имена были даны им согласно славе, которая принадлежит небу, дабы [сокрушить] силы. В именах же, которые были даны [им] их Прародителем, была сила. Но имена, которые были даны им согласно славе, принадлежащей небу, означают для них разрушение и бессилие.

13. Так что есть у них два имени. И всякую вещь он упорядочил по образу первых эонов, ставших существовать, так чтобы создать их по облику нерушимых, не потому, что он видел нерушимых, но сила, что в нем, которую он взял от своей матери, произвела в нем образ порядка. И когда он увидел творение, его окружавшее, и множество ангелов вокруг себя, тех, которые стали существовать через него, он сказал им: "Я, я — бог ревнитель, и нет другого бога, кроме меня". Но, объявив это, он показал ангелам, которые были около него, что есть другой бог. Ведь если не было другого, к кому бы он мог ревновать? Тогда мать начала метаться (перемещаться) туда и сюда. Она узнала об изъяне, когда сияние ее света уменьшилось. И она потемнела, ибо ее сотоварищ не согласился с ней".

Я же, я сказал: "Господи, что это значит: она перемещалась туда и сюда?" Но он улыбнулся и сказал: "Не думай, что это так, как Моисей сказал: "над водами". Нет, но когда она увидела злодеяние, которое произошло, и захват, который совершил ее сын, она раскаялась. И забвение овладело ею во тьме незнания. И она начала стыдиться в движении. Движение же было метанием (перемещением) туда и сюда. Самоуверенный же взял силу от

своей матери. Ибо он был незнающим, ведь он полагал, что нет никого другого, если только не одна мать его. Когда же он увидел множество ангелов, созданных им, он возвысил себя над ними.

14. А мать, когда узнала покров тьмы, что не был он совершенным, она поняла, что ее сотоварищ не был согласен с нею. Она раскаялась в обильных слезах. И вся Плерома слушала молитву ее покаяния, и они восхвалили ради нее незримый девственный Дух. Святой Дух излил на нее от их всей Плеромы. Ибо ее сотоварищ не пришел к ней, но он пришел к ней (тогда) через Плерому, дабы исправить ее изъян. И она не была взята в собственный эон, но на небо ее сына, чтобы она могла быть в девятом до тех пор, пока не исправит своего изъяна. И глас низошел с неба — эона возвышенного: "Человек существует, и сын Человека". Протоархонт Иалтабаоф услышал (это) и подумал, что глас нисходит от его матери, и не узнал, откуда он низошел. И обучил их Метропатор святой и совершенный, Пронойа совершенная, образ незримого, который есть Отец всего, от которого все вещи стали существовать, первый Человек, ибо он открыл свой вид в человеческой форме. Весь эон протоархонта задрожал, и основания ада двинулись. И в водах, которые на веществе, нижняя сторона осветилась через [явление] его образа, который открылся. И когда все власти и протоархонт взглянули, они увидели всю часть нижней стороны, которая была освещена, и благодаря свету они увидели на воде вид образа.

15. И он (Иалтабаоф) сказал властям, которые были с ним: "Пойдем, создадим человека по образу Бога и по нашему подобию, дабы его образ мог стать светом для нас". И они создали общими силами по знакам, которые были даны им. И каждая из властей дала знак в вид образа, увиденного в своей душе. Он (Иалтабаоф) создал сущность, по подобию первого Человека, совершенного. И они сказали: "Назовем же его Адамом, дабы имя его стало для нас силой света". И силы начали: первая, благо, создала душу кости, вторая же, провидение, создала душу сухожилий (нервов?), третья, божественность, создала душу

плоти, четвертая же, господство, создала душу костного мозга, пятая же, царствие, создала душу крови, шестая, ревность, создала душу кожи, седьмая, мудрость, создала душу (глазного) века. И множество ангелов подступило к нему (Иалтабаофу), и они получили от властей семь сущностей душевных, дабы создать согласие членов и согласие органов и упорядоченную связь каждого из членов. Первый начал создавать голову: Этерафаопе Аброн создал его голову, Меniггесстроеф создал его головной мозг, Астерехмен правый глаз, Фаспомохам левый глаз, Иеронумос правое ухо, Биссум левое ухо, Акиореим нос, Банетт-Эфроум губы, Амен рот, Ибикан коренные зубы, Басилиадеме миндалевидные железы, Аххан язычок, Адабан шею, Хааман позвоночник, Деархо гортань, Тебар [правое плечо и] левое плечо, Мниархон левый локоть, Абитрион правое предплечье, Эванфен левое предплечье, Крис правую руку, Белуай левую руку, Тренеу пальцы правой руки, Балбел пальцы левой руки, Крима ногти на руках, Астропос правую грудь, Барроф левую грудь, Баум правую подмышку, Арарим левую подмышку, Арехе живот, Фтхауэ пупок...*

<...> Тех, кто поставлен надо всеми этими, — (их) семь: Михаэль, Уриэль, Асменедас, Сафасатоэль, Ааармуриам, Рихрам, Амиорпс. И те, кто над чувствами, Архендекта; и тот, кто над восприятием, Дейфарбас; и тот, кто над всем воображением, Уммаа; и тот, кто над согласием, Ааахиарам, и тот, кто над всем порывом, Риарамнахо. Источник же демонов, которые во всем теле, сводится к четырем: жаре, холоду, влаге и сухости. И мать всех их есть вещество. И тот, кто господствует над жарой, Флоксофа; и тот, кто господствует над холодом, Ороорофос; и тот, кто господствует над тем, что сухо, Эримахо; и тот, кто господствует над влагой, Афиро. Мать же всех их помещается в их середине, Онорфохрасей, будучи неограниченной и смешанной со всеми ими. И она есть

* Далее следует длиннейшее перечисление в том же духе. Знание всех этих сокровенных имен и было "истинным знанием" гностика. Вряд ли, однако, подобные анатомические списки заинтересуют современного читателя (прим. ред.).

воистину вещество, ибо они питаются ею. Четыре главных демона это: Эфемемфи, относящийся к удовольствию, Иоко, относящийся к желанию, Ненентофни, относящийся к печали, Блаомэн, относящийся к страху. И мать их всех есть Эстенис-ух-эпиптоэ. И от четырех демонов происходят страсти. И от печали — зависть, ревность, горе, беспокойство, боль, бессердечность, забота, беда и прочее. И от удовольствия происходит много злодеяний, и пустое хвастовство, и подобные вещи. И от желания — гнев, ярость, и горечь, и горькая страсть, и жадность, и подобные вещи. И от страха — изумление, льстивость, смятение, стыд. Все они того рода, что полезны и вредны. Но Эннойа их истины — это Ана[ро], которая есть глава вещественной души.

19. Она же — вместе с Эстенис-ух-эпиптоэ. Таково число ангелов: всего их 365. Они все потрудились над ним до тех пор, член за членом, пока душевное и вещественное тело не было завершено ими. Есть и другие над оставшимися страстями, о ком я не сказал тебе. Но если ты желаешь знать их, это записано в "Книге Зороастра". И все ангелы и демоны трудились до тех пор, пока не привели в порядок душевное тело. И труд их был незавершенным и недвижимым на долгое время. И когда мать пожелала взять силу, которую она отдала первому архонту, она попросила Метропатора, коему присуща великая милость. Он послал по святому совету пять светов в место ангелов протоархонта. Они (светы) советовали ему, чтобы вывести силу матери. И они сказали Иалтабаофу: "Подуй в его лицо от духа твоего, и тело его восстанет". И он подул в лицо духом своим, который есть сила его матери; и он не узнал (этого), ибо пребывал в незнании. И сила матери вышла из Иалтабаофа в душевное тело, которое они создали по образу того, что существует от начала. Тело двинулось и получило силу и засветилось.

20. И тогда-то взревновали остальные силы, ибо он стал существовать из-за всех них, и они отдали свою силу человеку, и мудрость его укрепилась более, чем у тех, кто создал его, и более, чем у первого архонта. И когда они

узнали, что он светится и мыслит лучше их и свободен от злодеяния, они схватили его и бросили в нижнюю часть всего вещества. Но блаженный Метропатор, благотворящий и милосердный, имел снисхождение к силе матери, которая была выведена из протоархонта. Ведь они (архонты) могли осилить душевное и чувствующее тело. И он послал через свой Дух благотворящий и свою великую милость помощь Адаму: Эпинойю света, ту, которая произошла от него, которая была названа Жизнью. И она помогает всему творению, трудясь вместе с ним (вар.: сострадая ему), направляя его в его полноту, обучая его о его нисхождении в семя, обучая его пути восхождения, пути, которым оно сошло вниз. И Эпинойа света утаена в Адаме не только затем, чтобы архонты не могли узнать ее, но дабы Эпинойа могла быть исправлением изъяна матери. И человек открылся посредством тени света, которая есть в нем. И его мысль возвысилась надо всеми теми, кто создал его.

21. Когда они снизу глянули вверх, они увидели, что мысль его возвышена. И они держали совет с архонтством и со всем ангельством. И они взяли огонь, и землю, и воду, смешали их друг с другом (и) с четырьмя огненными ветрами. И они соединили их вместе и произвели большое волнение. И они принесли его (Адама) к тени смерти, дабы слепить его снова из земли, воды, огня и духа, который из вещества, — то есть незнания тьмы, и желания, и их обманчивого духа, — это могила вновь слепленного тела, которым разбойники одели человека, оковы забвения; и стал он человеком смертным. Это — первый, который спустился, и первое разобщение. Но Эпинойа света, та, что в нем, она должна разбудить его мысль. И архонты взяли его и поместили в раю. И они сказали ему: "Ешь", — то есть неторопливо. На самом деле, их наслаждение горько и красота их порочна. И их наслаждение обман, и их деревья нечестивость, и их плоды смертельная отрава, и их общение смерть. Древо же своей жизни они посадили в середине рая. Но я научу вас, что есть тайна их жизни, то есть совет, который они держат друг с другом, то есть форма их духа. Корень (этого древа) горек, и ветви его есть смерть, тень его ненависть, и обман обитает в его

листьях, и цветение его — помазание лукавства, и его плод смерть, и вожделение есть его семя, и растет оно во тьму.

22. Место обитания тех, кто вкушает от него, есть место их отдыха. Но то, что они называют древом познания добра и зла, которое есть Эпинойа света, — они стоят перед ним, дабы он (Адам) не мог узреть своей полноты и узнать наготы своего безобразия. Но это я, который заставил их есть". И я сказал спасителю: "Разве не змий научил Адама есть?"

Спаситель улыбнулся и сказал: "Змий обучил их есть от злодеяния, порождения, желания, уничтожения, чтобы он смог быть ему полезным. И он (Адам) узнал, что был не послушен ему (первому архонту) из-за света Эпинойи, которая есть в нем, которая направляет его в его мыслях быть выше первого архонта. И он (первый архонт) захотел забрать силу, которую он сам ему отдал. И он принес забвение Адаму". И я сказал спасителю: "Что такое забвение?" И он сказал: "Это не так, как написано у Моисея (и) как ты слышал. Ведь он сказал в своей первой книге: "Он заставил его уснуть", но это было в его чувствовании. Также ведь сказал он (первый архонт) через пророка: "Я отягощу их сердца, дабы они не разумели и не видели". Тогда Эпинойа света скрылась в нем (Адаме). И протоархонт пожелал извлечь ее из его ребра. Но Эпинойа света неуловима. Хотя тьма преследовала ее, она не уловила ее.

23. И он извлек часть его силы из него. И он создал другой слепок в форме женщины, согласно образу Эпинойи, который открылся ему. И он вложил часть, которую взял из силы человека, в женский слепок, и не так, как Моисей сказал: "его ребро". И он (Адам) увидел женщину рядом с собой. И тогда-то Эпинойа света явилась, и она сняла покров, который лежал на сердце его. И отрезвел он от опьянения тьмой. И узнал он свой образ и сказал: "Так, это кость от моей кости и плоть от моей плоти". Потому человек оставит отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и станут они двое одной плотью. Ведь пошлют ему его сотоварища, и он оставит отца своего и мать

свою. И наша сестра Софиа (есть) та, которая спустилась беззлобно, дабы исправить свой изъян. Поэтому она была названа Жизнью, т. е. матерью живых. Из-за Пронойи высшего самовластия и через нее они вкусили совершенное Знание. Я же, я открылся в виде орла на древе знания, то есть Эпинойа от Пронойи света чистого, дабы научить их и пробудить от сна глубокого. Ибо они оба были в упадке, и они узнали наготу свою. Эпинойа, будучи светом, открылась им, и она пробудила их мысль.

24. И когда Иалтабаоф узнал, что они удалились от него, он проклял свою землю. И он нашел женщину, которая приготовила себя для своего мужа. Он был господином ее в то время, как он не знал тайны, происшедшей из святого совета. Они же боялись хулить его. И он открыл своим ангелам свое незнание, которое было в нем. И он изгнал их из рая, и он окутал их мрачной тьмой. И протоархонт увидел деву, которая стояла рядом с Адамом, и что Эпинойа света жизни открылась в ней. И Иалтабаоф был полон незнания. И когда Пронойа всего узнала это, она послала некоторых, и они похитили жизнь у Евы. И протоархонт осквернил ее, и он родил с ней двух сыновей; первый и второй Элоим и Иаве, Элоим с медвежьей мордой, Иаве с кошачьей мордой. Один был праведный, другой неправедный. Иаве он поставил над огнем и ветром, Элоима же он поставил над водой и землей. И их он назвал именами Каин и Авель из хитрости. И по сей день осталось соитие, идущее от протоархонта. И он посеял жажду к порождению в той, кто принадлежит Адаму. И он произвел через соитие порождение в образе тел, и он наделил их своих духом обманчивым. И он учредил над начальствами двух архонтов, так что они могли править над могилой.

25. И когда Адам узнал образ своего предвидения, он породил образ сына Человека. Он назвал его Сифом, согласно порождению в эонах. Подобным образом другая мать послала вниз свой дух в образе, который подобен ей, и как отражение тех, кто в Плероме, с тем чтобы приготовить место обитания для эонов, которые спустятся. И он дал им испить воду забвения, от протоархонта, дабы

они не могли узнать, откуда они. И таким образом семя оставалось некоторое время, хотя он помогал в том, чтобы, когда Дух спустится от святых эонов, он мог бы поднять его и исцелить его от изъяна, и вся Плерома могла бы стать святой и без изъяна". И я сказал спасителю: "Господи, все ли души тогда будут спасены в свете чистом?" Он ответил и сказал мне: "Великие вещи поднялись в твоем уме, ибо трудно обнаружить их перед другими, если не перед теми, кто от рода недвижимого. Те, на кого Дух жизни спустится и будет с силой, — будут спасены, и станут совершенными, и будут достойны величия, и будут очищены в этом месте от всего злодеяния и заботы испорченности. И нет у них иной заботы, если не одна нерушимость, о которой они станут заботиться из этого места, без гнева, или ревности, или зависти, или желания, или алчности ко всему. Они не заботятся ни о чем, кроме существования одной плоти, которую они несут, ожидая время, когда они будут встречены принимающими.

26. Таковы суть достойные нерушимой вечной жизни и призыва. Они сносят все и выдерживают все, так что они свершат благое и унаследуют жизнь вечную". Я сказал ему: "Господи, души тех, кто не сделал этих вещей, но на кого сила Духа жизни спустилась... Дух, они будут в любом случае спасены и обратятся. Ибо сила спустится на каждого человека, ведь без этого никто не сможет восстать. И после того, как они родились, тогда, когда Дух жизни становится могущественным и сила приходит и укрепляет эту душу, никто не может ввести ее в заблуждение делами лукавства. Но те, на кого дух обманчивый спускается, совращаются им и впадают в заблуждение". Я же сказал: "Господи, а эти души, когда они выйдут из плоти, куда они направятся?" И он улыбнулся и сказал мне: "Душа, в которой сила станет больше духа обманчивого, — она сильна, и бежит от лукавства, и попечением нерушимого спасена, и взята в покой эонов". Я же сказал: "Господи, а тех, кто не познал, кому он принадлежит, — где будут их души?"

27. И он сказал мне: "В тех дух обманчивый набрал силу, когда они впали в заблуждение. И он томит душу,

и совращает ее к делам лукавства, и бросает ее в забвение. И после того, как она выйдет (из тела), ее отдают властям, тем, которые произошли от архонта, и они сковывают ее оковами и бросают ее в темницу и кружат ее до тех пор, пока она не пробудится от забвения и не достигнет знания. И подобным образом, когда станет она совершенной, она спасена". И я сказал: "Господи, как может душа умалиться и возвратиться в естество своей матери или в человека?" Тут он возрадовался, когда я спросил его об этом, и сказал мне: "Воистину ты блажен, ибо ты понял! Эта душа должна следовать за другой, в которой есть Дух жизни. Она спасена через него. Ее не бросают в другую плоть". И я сказал: "Господи, те, кто познал, но отвернулся, — куда пойдут их души?" И он сказал мне: "Место, куда придут ангелы бедности, — туда они будут взяты. Это место, где нет покаяния. И они будут содержаться там до дня, в который те, кто злословил о Духе, будут пытаемы и наказаны наказанием вечным". И я сказал: "Господи, откуда дух обманчивый пришел?"

28. Тогда он сказал мне: "Метропатор, тот, кто богат своей милостью, Дух святой в каждой форме, кто милосерден и кто вам сострадает, т. е. Эпинойа света, — он пробудил семя рода совершенного, и его мысль, и вечный свет человека. Когда первый архонт узнал, что они возвышены более, чем он в вышине, и мыслят лучше, чем он, то он пожелал схватить их мысль, не зная, что они выше его в мысли и что он не сможет схватить их. Он держал совет со своими властями, теми, что его силы, и они вместе совершили прелюбодеяние с Софией, и они породили постыдную судьбу, то есть последнюю из оков изменчивых: она такая, что в ней все изменчиво. И она тягостна и сильна, та, с которой соединены боги и ангелы, и демоны, и все роды по сей день. Ибо от этой судьбы происходят всякое бесчестие, и насилие, и злословие, и оковы забвения, и незнание, и всякая тяжкая заповедь, и тяжкие грехи, и великие страхи. И таким образом все творение стало слепым, дабы они не могли познать Бога, который надо всеми ними. И из-за оков забвения их грехи утаены. Ведь они связаны мерами, временами, обсто-

ятельствами, между тем как она (судьба) господствует надо всем. И он раскаялся из-за всего, что стало существовать через него. Вновь решил он наслать потоп на творение человека.

29. Но величие света Пронойи наставило Ноя, и он провозгласил это всему семени, т. е. сынам человеков. Но те, кто был чужд ему, не внимали ему. Не так, как Моисей сказал: "Они скрылись в ковчеге", но они укрылись в месте, не только Ной, но также много других людей из рода недвижимого. Они вошли в место и укрылись в светлом облаке. И он (Ной) познал свое самовластие. И та, что от света, была с ним и стала светить на них, ибо он (первый архонт) принес тьму на всю землю. И он (первый архонт) держал совет со своими силами. Он послал своих ангелов к дочерям человеков, дабы они могли взять некоторых из них для себя и возбудить семя для их наслаждения. И поначалу они не добились успеха. Когда же они не добились успеха, они снова собрались вместе и держали вместе совет. Они создали дух обманчивый, имеющий сходство с Духом, который низошел, с тем чтобы осквернить души через него. И ангелы изменились в своем образе по образу их (дочерей человеков) напарников, наполнив их духом тьмы, который они присоединили к ним, и лукавством. Они принесли золото, и серебро, и дар, и медь, и железо, и металл, и всякого рода вещи. И они совратили людей, которые следовали за ними, в великие заботы, сбили их с пути многими обманами. Они старели, не имея досуга.

30. Они умирали, не найдя истины и не познав Бога истины. И так все творение было порабощено навеки, от сотворения мира и доныне. И они брали женщин и рождали детей во тьме по подобию их духа. И они заперли свои сердца, и они затвердели в твердости духа обманчивого доныне. Я же, совершенная Пронойа всего, я изменилась в семени моем. Ведь была я вначале, ходя путями всякими. Ибо я — богатство света. Я — память Плеромы. Я вошла в величие тьмы, и я вытерпела, пока не вступила в середину темницы. И основания хаоса двинулись. И я, я сокрылась от них из-за лукавства, и они не познали меня.

Снова вернулась я во второй раз. И я шла, я вышла из принадлежащего свету — я, память Пронойи, — я вошла в середину тьмы и внутрь преисподней, я искала домостроительство мое. И основания хаоса двинулись, так что они могли упасть на тех, кто в хаосе, и уничтожить их. И снова бежала я к моему корню света, чтобы они не были уничтожены до времени. Еще шла в третий раз — я, свет, который в свете, память Пронойи, — чтобы войти в середину тьмы и внутрь преисподней.

31. И я наполнила лицо мое светом завершения их эона. И я вошла в середину их темницы, это темница тела, и я сказала: "Тот, кто слышит, да восстанет он ото сна тяжелого". И он заплакал, и он пролил слезы. Тяжелые слезы отер он с себя и сказал: "Кто тот, который называет имя мое и откуда эта надежда пришла ко мне, когда я в оковах темницы?" И я сказала: "Я Пронойа света чистого. Я мысль девственного Духа, который поднял тебя до места почитаемого. Восстань и вспомни, ибо ты тот, который услышал, и следуй своему корню, который есть я, милосердие, и укрепи себя перед ангелами бедности и демонами хаоса и всеми, кто опутал тебя, и стань, оберегаясь от сна тяжелого и заграждения внутри преисподней". И я пробудила его и запечатлела его в свете воды пятью печатями, дабы отныне смерть не имела силы над ним. И смотри, ныне я иду в совершенный эон. Я наполнила тебе всеми вещами уши твои. Я же, я сказала все вещи тебе, чтобы ты записал их и передал их своим духовным сотоварищам сокрыто. Ибо есть это тайна рода недвижимого". И спаситель дал это ему, чтобы он записал это и положил надежно.

32. И он сказал ему: "Да будет проклят всякий, кто обменяет это на дар, или на пищу, или на питье, или на одежду, или на какую-нибудь другую вещь подобного рода". И это было дано ему втайне, и тотчас он скрылся от него. И он пошел к своим ученикам и объявил им то, что спаситель сказал ему. Иисус Христос. Аминь. От Иоанна апокриф.

ТАЙНАЯ КНИГА БОГОМИЛОВ

Когда я, брат ваш Иоанн, разделивший скорби Иисуса Христа, чтобы последовать примеру Его терпения и попасть в Царствие Небесное, припав к груди Иисуса, сказал Ему на Тайной вечере: "Господи! кто предаст Тебя?", Иисус отвечал: "Тот, кто возьмет от блюда вместе со Мною. Тогда Сатана войдет в него, и он предаст Меня".

Потом спросил я: "Господи, какую славу перед Отцом Твоим имел Сатана прежде, чем низвергли его?" "Слава его была такова, — ответил Господь, — что он мог повелевать небесными добродетелями. Я же сидел рядом с Отцом моим. Сатана был творцом всех вещей и подражал Отцу моему. Он спускался с неба в преисподнюю, а из преисподней восподнимался к престолу невидимого Отца. И видя славу Того, Кто движет небесами, замыслил он поместить обиталище свое над облаками и захотел стать подобным Всевышнему. И, сойдя на воздух, сказал он ангелу, повелевавшему им: "Открой врата воздушные!" И тот открыл. Потом, устремившись вниз, встретил он ангела, повелевавшего водами, и сказал ему: "Открой врата водные!" И тот открыл. И, спускаясь, очутился он перед лицом земли, покрытой водою. И, проникнув под землю, нашел он двух лежащих на воде рыб в одной упряжке, подобно волам на пахоте. По воле невидимого Отца подпирали они землю с Запада и Востока. И когда спустился он еще ниже, то встретил нависшие облака, держащие море, а еще ниже обнаружил пекло, то есть геенну огненную. Дальше он не мог спуститься из-за жара пылающего огня. Тогда, исполнившись злобой, воротился Сатана назад, и появился перед ангелом воздуха и перед тем, кто стоял над водами, и сказал им: "Это все — мое. Ежели послушаетесь меня, помещу я свое обиталище над облаками и уподоблюсь Всевышнему. И ежели подниму одни воды на эту твердь, а другие соберу в широкие моря, тогда не будет воды на всей поверхности земли. И стану царить я с вами на веки вечные". Сказав это, поднялся он к другим ангелам до самого пятого неба и каждому из них говорил: "Сколько должен ты хозяину

своему Богу?" Первый ответил: "Сто мер пшеницы". И сказал ему Сатана: "Возьми перо, чернила и пиши: шестьдесят". И второго спросил: "А ты сколько должен Хозяину своему?" Ответил он: "Сто больших кувшинов масла". "Садись, — сказал Сатана ему, — и пиши: пятьдесят". И поднимаясь на небеса до самого пятого неба, повсюду говорил он так, совращая ангелов невидимого Отца.

И раздался голос от престола Отца, глаголящий: "Что ты творишь, отцеотступник и совратитель ангелов? Ты, источник греха, делай то, что задумал!" Тогда приказал Бог-Отец ангелам своим: "Возьмите у них одежды". И отобрали они одежды, престолы и венцы у всех ангелов, внимавших Сатане.

И тогда я, Иоанн, спросил Господа: "Когда Сатану низвергли, где обитал он?" Ответил Он: "Отец Мой преобразил его за высокомерие: был у него отнят свет, лицо стало словно раскаленное железо и во всем уподобилось человеческому. Своим хвостом Сатана увлек третью часть Божьих ангелов. Тогда он низвергнут был с Божьей обители и лишен власти на небесах. Но, сойдя сюда, на твердь, ни Сатана, ни те, кто с ним, не обрели покоя. Тогда взмолился он к Отцу, прося: "Будь милостив ко мне, и я все Тебе возвращу".

И смилостивился над ним Бог-Отец, и дал покой ему и тем, кто с ним, чтобы мог он свершить, что желает, до седьмого дня. И так сел Сатана на твердь и приказал ангелу, повелевавшему воздухом, и ангелу, повелевавшему водой, чтобы приподняли они землю, бывшую в воде, и стала она сушей. Потом взял он венец ангела, повелевавшего водами, и из одной его половины сделал лунный свет, а из другой — звездный. А из камней венца создал все небесные воинства и звезды. И после этого сделал ангелов своих слугами по чину, установленному Всевышним, и создал он гром, дождь, град и снег, и над ними поставил ангелов. Приказал Сатана земле плодить пернатых и пресмыкающихся, деревья и травы, а морю — рыб и птиц небесных. Потом надумал он создать человека по подобию своему, чтобы тот служил ему. Для этого приказал Сатана ангелу третьего неба войти в

глиняное тело. Взяв часть этого тела, изготовил он другое — в виде женщины, и приказал ангелу второго неба войти в женское тело. Как только увидели ангелы себя облаченными в смертные одежды и разными по облику, т. е. мужчиной и женщиной, горько заплакали. Потом повелел им Сатана совершить плотское деяние, т. е. совокупиться глиняными телами, и не ведали они, что грешат.

В это время решил Создатель сотворить рай и поместить там людей. Позже посадил диавол среди рая тростник и из своей блевотины создал змея, приказав ему вползти в тростник. Так скрыл диавол намерение свое от людей, чтобы не ведали они о кознях его. Потом приблизился он к ним и сказал: "Ешьте все плоды, что растут в раю, но не вкушайте плод от древа познания добра и зла". Но в то же самое время вошел он в змея и обольстил ангела женского пола. Другой ангел преисполнился греховного желания и удовлетворил похоть свою с Евой под змеиный свист. Вот почему называют детьми диавола и змея тех, кто предается сладострастию подобно отцу своему, диаволу, до скончания века. И затем снова влил диавол в ангела, бывшего Адамом, отраву своего сладострастия, которая будет плодить детей змея и диавола вплоть до скончания века".

Потом я, Иоанн, вопросил Господа: "Если это так, то почему тогда рассказывают люди, будто Адам и Ева были созданы Богом и помещены в рай, чтобы исполнять заповеди Отца, и когда преступили их, то были осуждены на смерть?" И Господь ответил: "Слушай, Иоанн, возлюбленный Отца моего. Невежды злоумышляют также, говоря, будто сотворил Отец Мой тела из земли. И вправду создал Он через Духа Святого все небесные добродетели, однако за вероломство свое получили они тленные тела из праха и были наказаны смертью". А я же, Иоанн, спросил Господа: "Как так: человек от Духа может быть в плотском теле?" На что Господь сказал: "Павшие с неба ангелы входят в тела женщин и обретают плоть из плотской похоти. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух, так совершается царство Сатаны в этом мире у всех народов".

И спросил я Господа, говоря: "До каких пор сатана будет царствовать в этом мире над человеческим родом?" И ответил Он: "Отец мой позволил царствовать ему семь дней, которые суть семь веков". И опять спросил я Господа: "А что произойдет за это время?" И ответил Он: "Диавол с тех пор, как отвернулся от Божьей славы и захотел возвеличить свою, сел на облака и послал своих огненных служителей — ангелов к людям, от Адама и до Еноха. Поднял он Еноха на небесную твердь, явил ему свою божественность и повелел, чтобы тому дали перо и чернила. Сел Енох и написал шестьдесят семь книг. Потом приказал ему диавол отнести их на землю и передать. Спустил Енох книги на землю, передал сыновьям и начал учить их жертвоприношению и совершению незаконных таинств. И так скрыл он от людей Царствие Небесное. И говорил им диавол: "Знайте, что я бог ваш, и нет иного бога, помимо меня".

Вот тогда Отец послал Меня на этот свет раскрыть глаза людям, чтобы узнали они о злонамерениях диавола. И когда понял Сатана, что сошел Я с неба на землю, то послал ангела, который взял три дерева и передал их Моисею для распятия Моего. Эти деревья стоят и поныне. Моисей проповедовал пред народом божественность диавола, повелевшего ему дать закон сыновьям Израилевым и провести их через море, как посуху. Когда надумал Отец послать Меня на землю, Он прежде Меня отправил ангела своего по имени Мария, чтобы тот принял Меня. Спустившись, Я вошел в одно ухо Марии, а вышел через другое. Сатана же, повелитель мира сего, узнав, что сошел Я с неба, чтобы сыскать и спасти души погибающих, послал своего ангела-пророка Илию, который крестил в воде и называется Иоанном Крестителем. Спросил Илия повелителя здешнего мира: "А как узнаю Иисуса Христа?" На это диавол сказал: "На Ком увидишь Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем, Тот есть Крестящий Духом Святым ради прощения грехов. Это Тот, Кто может губить и спасать".

И опять я, Иоанн, спросил Господа: "Может ли человек спастись, крестившись крещением Иоанновым?" На что

Господь ответил: "Кроме тех, кого крестил крещением покаяния, никто не увидит Царствия Божия, даже если он и крестился в воде, ибо Я есмь хлеб жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную". И спросил я Господа: "А что значит: "Ядущий Твою Плоть и пиющий Твою Кровь?" На что ответил Он: "До того, как диавол и все его воинство отреклись от славы Отца, они прославляли Его и молились Ему так: "Отче наш, иже еси на небесех...", и так все песни их возносились к престолу Отца; а когда были они низвергнуты, то уже не могли славословить Бога этой молитвой".

И спросил я Господа: "А почему все принимают крещение Иоанново, а Твое же — не все?" На что ответил Он: "Потому что дела их несовершенны и не достигнут небес. Ученики Иоанновы женятся и выходят замуж, а Мои нет: ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают как ангелы Божии на небесах". Я сказал: "Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться?" Господь же сказал: "Не все вмещают слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит".

Потом спросил я Господа о Судном Дне: "Каков признак Твоего пришествия?" Господь ответил, говоря: "Когда число праведников сравняется с числом павших венцов, Сатана освободится из заточения своего и, разгневавшись, восстанет войной на праведных, которые возопят громким голосом к Господу. И в час оный пришлет Господь архангела с трубою громогласной и вострубит от четырех ветров, от края небес до края их. И вдруг солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются, и потрясется земля, и небо сокроется, и всякая гора и остров сдвинутся, и солнце затмится до четырех часов. Тогда явится знамение Сына человеческого на небе, грядущего на облаках небесных с силою и славою великой, и сядет Он на престол славы своей и все двенадцать святых апостолов с Ним

на двенадцати престолах славы Его. Открыты будут двенадцать книг, и будет Он судить всю вселенную за веру, которую проповедовал.

И пошлет ангелов своих, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края ветров и до края их. Тогда сын Божий пошлет скверных бесов, и приведут все племена земные, и скажет им: "Идите вы, говорившие: будем есть и пить и получим должное вознаграждение от мира сего". И соберутся все народы, и вострепещут перед судным престолом. И после раскрытия книг жизни выявят неблагочестие их, а праведников похвалят за терпение, добрые дела, почтение, целомудрие и соблюдение ангельских заповедей. Что же до неправедных, то на них изольется гнев Господень, и будут они объяты скорбью и не успокоятся. И отделит одних от других, как пастырь, и поставит избранных по правую сторону Свою, и скажет: "Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царствие, уготованное вам от создания мира". Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: "Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его". И по велению невидимого Отца пойдут сии в муку вечную, а праведники — в жизнь вечную...

Тогда раздастся глас Мой, и будут стадо и пастырь. А из самых глубин земли выползет мрак, исходящий из геенны огненной. Затмит он вселенную снизу, вплоть до тверди воздушной, и будет Господь во тверди до самых нижних концов земли. И если поднимет камень тридцатилетний муж и бросит его в пропасть, то достигнет он дна только спустя три года. Столь велика глубина огненного озера, где обитают грешники! Тогда Сатана со всем своим воинством будет связан и сброшен в огненное озеро. Сын же божий выйдет с избранниками своими на прогулку по небесной тверди и заточит диавола, связав его крепкими цепями. Плачущие же и стонущие грешники возопиют: "Поглоти нас, земля, чтобы ускорить конец наш!" Тогда праведники засияют, как солнце, в Царствии Отца своего. Сын Божий возьмет и выведет их пред престолом невидимого Отца, говоря: "Вот Я и дети Мои, которых дал Мне Бог. Мир не узнал Меня, но Я узнал

истину, ибо Ты послал Меня". И тогда Бог ответит Сыну Своему, говоря: "Сын Возлюбленный Мой, сядь одесную Меня, доколе низложу под ноги Свои всех врагов, которые не признали Меня и говорили: "Мы — боги, и нет иного бога, кроме нас"; которые пророков Твоих убили и избранных Твоих уничтожали. И Ты выбрось их во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов".

Тогда Сын Божий сядет справа от Отца, и повелит Отец ангелам своим, так же как и праведникам, которые причтены к хору ангелов, и облачит их в одежды нетленные, и увенчает их неувядающими венцами, и даст им незыблемые троны. И посреди них будет Бог. И не будут знать они больше ни голода, ни жажды, и не будет солнце палить их зноем своим или иная жара. Осушит Бог слезы в глазах их, и будет царствовать Сын Божий со Святым Отцом Своим во веки веков". Аминь.

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА СИЦИЛИЙСКОГО — ОСУЖДЕНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЕРЕСИ МАНИХЕЕВ, НАЗЫВАЕМЫХ ТАКЖЕ ПАВЛИКИАНАМИ, НАЧЕРТАННАЯ ДЛЯ АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРИИ

1. Хотя и полезно невежество скрывать молчанием, но нельзя предавать долгому молчанию то, что недостойно замалчивания, ибо "Господь отверзает очи слепым" и запутанным, подобно лабиринту, словесным сетям риторов предпочитает заикание в простых словах, но порожденное верой. Так вот и я, не блещущий образованностью, призывая Святую Троицу — нашего единственного истинного Бога, прославляемого среди всех, всеми и во всем, наполняющего все уста, открываемые ради него, призывая также твои молитвы — молитвы архипастыря новоизбранной, святой и чтимой паствы господней, в помощь, как и молитвы окружающих тебя божьих пастырей и всех служителей церкви, решился с последовательностью изложить вам гнусную ересь манихеев, называемых также павликианами, рассказать откуда, каким образом и с чьей помощью она, безумствуя, привела к этому восстанию, ибо речь идет не о разных людях — павликиане являются теми же манихеями, присоединившими к ересям прежних еретиков выдуманные ими грязные учения, вырыв тем самым общую бездну погибели. И хотя утверждают, что они не причастны к постыдным деяниям тех, но бережно соблюдают их учения.

2. Я сделал это по необходимости. Я прибыл туда* по императорскому поручению в начале правления Василия**, нашего великого, избранного Богом, чудесно украшенного

---

* В Тефрику, один из центров павликианства.

** Василий I Македонянин (867—886).

всеми божьими милостями, державшего благочестиво и с любовью к Богу скипетр Ромейской, т. е. самой христианской державы, который еще будет в течение многих лет управлять вместе со своими святыми сынами, нашими боговенчанными императорами, коих неизгладимая, бесконечная и вечная память да будет сохранена в настоящем и будущем молитвами и председательством святейшей владычицы нашей богородицы, присно девственной Марии и всех святых. Наша служба заключалась в обмене военнопленных, что мы хорошо и выполнили во время их (т. е., императоров Василия, Льва и Константина) святого правления.

Я часто беседовал с павликианами Тефрики, где остановился во время выполнения этого поручения; кроме этого у многих там проживающих православных узнал точнее про них, также мне довелось услышать от этих нечестивых болтунов, что они собираются послать своих людей в разные местности Болгарии, с целью отторгнуть некоторых от православной веры и привлечь их к своей мерзкой ереси. Они дерзнули на это, полагая, что в начале божьей проповеди им легче удастся посеять свои плевелы среди чистой и истинной пшеницы. Ибо эти нечестивцы привыкли так поступать и с готовностью возьмут на себя всякие тяготы и опасности, чтобы только заразить своей заразой первого встречного. Поэтому я решил взяться за это дело. Я простой и недостойный, ради безопасности многих, добросовестно передаю вам, достойным пастырям, то что узнал. А ты, божественный и святой глава, не обращая внимания на плохой язык, прими наше изложение, не ища в нем чего-нибудь ценного. Ибо ты у меня не найдешь ни следа мастерства, ни красоты речи, в чем и убедишься, читая нижеизложенное.

Предисловие Петра патриарху Болгарии

3. Присутствие света рассеивает мглу, а охрана пастухов разгоняет скопища разбойников и стаи диких зверей. Настоящий пастырь разумного тот, кто следует за добрым пастырем, кто, подобно ему "полагает жизнь свою за овец

своих", правосудие которого источается, как свет, тот, кто заботливой душой и всеми другими мерами успешно противостоит козням дьявола. Хоть и много ловушек у коварного, но из святого писания мы научились угадывать его намерения и распознавать его козни, как сети паука, с помощью животворящей и прославленной Троицы, единого Бога, Творца неба и земли, всего невидимого и видимого создания, Господа и Властителя. Будьте бдительны и не пренебрегайте тем, что будет сказано. В схватке с дьяволом, в борьбе с догмами противника успех будет за более просвещенными и эти догмы будут потоплены в церковном море святых догм. Но для простаков, говоря словом апостола, еще питающихся молоком, как для детей, правило безопасности — не иметь с ними никаких сношений, как хорошим с дурным. Для простаков это самое лучшее средство — отвращаться и гнушаться этих мерзких и не пытаться отвечать на их вопросы. Узнав их, простой слушатель пусть молчит и бежит от них, как от змей, если это возможно, потому что, все равно, беседующий с ними никакой пользы им не приносит. Они для того беседуют с простаками, чтобы святыни попрали ногами своими и растерзали небесные и божественные догмы, так как нет сопротивляющегося им разумом. Как могут они слушаться людей, когда каждый день и час они окружают бесчисленными поношениями, бранью и проклятиями единого Бога? Поэтому самое лучшее для простого человека — узнать их, но никогда не разговаривать с ними, ибо беседующие с ними, не имея опыта, будут подвергаться опасности; вряд ли простаки не будут захвачены ими, потому что они приводят всяческие изречения Евангелия и апостола и только сами знают свое коварство, будучи большими знатоками святого писания.

4. Эти мерзкие, когда беседуют с кем-нибудь впервые, притворяются нравственными и коварно подтверждают и провозглашают все догмы православных христиан, но выражаются иносказательно, нечестивым и весьма невежественным образом, что признают святую Троицу Богом и предают анафеме не признающих ее. Признают, что наш Господь и наш Бог воплотился в деве, хотя и нечестивым

и безбожным образом, и предают анафеме не признающих этого. Они признают все сказанное о человеческом воплощении Господа, говоря устами одно, а сердцем другое. С готовностью предают анафеме Манеса* и еретиков, которые действовали вместе с ним, а также Павла Самосатского**, ибо у них были другие учителя и вожди зла, намного хуже вышеупомянутых, о чем будет сказано ниже. Они легко меняют образ, лицо, подобно тому, как полипод или хамелеон, чтобы ловить кого-нибудь из доверчивых. И когда увидят, что кто-нибудь обращает внимание на их пустословие, немного знакомят его со своими таинствами. Поэтому знание вредного полезно не меньше здравого. Знайте это не ради того, чтобы сойтись с ними, а чтобы избегать пагуби, причиняемой ими. Пора обратиться к предстоящему.

История

5. Первопричина зла — змей и коварнейший дракон, сеятель плевел, вождь и учитель всякой несправедливости, отец и проводник лжи, болотная трясина гордыни, зыбкая высота хвастовства, попирающий ногами верующих право младенца, он разлучил своим советом Бога и человека — его драгоценное творение; он уготовил из-за своей безмерной злости изгнание человека из блаженной жизни в раю, дав ему взамен дурное наслаждение. Он купил его по собственному почину, как продажного раба. Единый бог позволил ему это из-за греха и послал его охранять в аду души людей, как в тюрьме, до воплощения Божьего Сына, Господа нашего и Бога Иисуса Христа, одного лица святой и православной Троицы. Коварный поработил человека служить многим, разнообразным и мерзким идолам, творить постыдные деяния и отдаваться наслаждениям, полагая, легко победимый, что тот, находившийся под его

* Крупный ересиарх, основатель манихейства.

** Антиохийский патриарх (260 — 272), основатель ереси павлианистов.

властью, не будет признан Богом. Но коварному не удастся его ловля, ибо он, вечный лжец, ошибся в своих ожиданиях. Потому что единородный Сын и Слово Божье, не имеющий, подобно своему Отцу, начала, вечный, вместе с единосущным, животворящим и пресвятым Духом, в своем безмерном человеколюбии пожелал опять владеть человеком, которого вылепил из глины и дуновением своим дал ему божественный образ. Соизволением Отца и содействием Святого Духа, снизошелся и, получив плоть от святой девы, одушевленную разумной и мыслящей душой, он становится человеком, не изменив свое божественное начало, ибо он неизменен, а получил плоть, которую не имел, ибо он человеколюбив. После его рождения его мать осталась девой, она сияла светом девственности и была внутри, говоря словами пророка, прославленная. Закон и все пророки чудесно предвозвещали о ней и предусмотрительно предсказали о ее славе. Один предсказал, что "ворота затворенные, стерегающиеся только Богом", другой "источник запечатанный", третий — "произойдет корень Иессеева — дева и как цветок от корня произойдет Господь и Бог наш, получая от нее плоть", тот же самый "се дева сказал — во чреве приимет и родит Сына". Ясно, что Господь, обитая в ней демиургически, от нее получил плоть и от нее происходит воплощенный Бог. Но к чему перечислять все эти свидетельства, которые добромыслящие люди принимают?

6. Пусть никто не подумает, что напрасно сейчас мы приводим свидетельства о присно деве и богородице Марии. Делаем мы это не напрасно, ибо враги истины считают божественные ее роды не истиной, а предположением и болтают, что после божественных родов она родила и других сынов от Иосифа. Они не считаются со свидетельствами пророков о ней, о чем потом будет сказано точнее. Они говорят, что следуют изречениям святого Евангелия и апостолов, желая коварным и обманным образом, эти безумные, одеть волка в овечью шкуру. Не только книга святого Евангелия, но и апостолы приводят часто свидетельства пророков и утверждают, что они достойные доверия свидетели, предсказавшие все верно, свидетельст-

вовавшие истину, пробуждающие в слушателях зоркость и проницательность, чтобы те не ошиблись, ибо истина в их изречениях льется потоками. Они полагали действительность за основу наблюдения.

Но прервем на короткое время разговор о прославленной богородице и присно деве Марии, хотя и ужасные павликиане расторжались бы, и вернемся туда, где остановились немного раньше.

7. С явлением на земле нашего великого Бога и Спасителя Иисуса Христа и с Его общением с нами — с людьми, изгоняется вон всякое идолопоклонство. "Истинное богосознание, подобно обилию воды, наполнило землю". С этого времени небесная благодать управляет на земле и люди, призывая Бога, соревнуются в добродетели с ангелами. На земле был вознесен крест, и хлеб жизни спустили с неба с человеколюбием и божественностью. Иисус не спустил свое тело, а получил его на земле, и оно не отличается от нашего. Он поднялся на древо креста и, оросив землю каплями Своей святой крови, сделал ее благоуханной. После того, как она была орошена освящением Его драгоценной крови и воды, не прекращает и теперь прорастать всюду разнообразные благовонные словесные цветы. Поэтому почитается древо, коим дается в дар человеческому роду спасение и коим первопричина зла — враг, низвергнутый на землю, получил смертельную рану в своем сердце. Ни с одним другим символом страданий Христа не произошли такие страшные чудеса, как с чтимым и животворящим крестом Господа: воскресенье мертвых еще до сошествия Господа и нашего Бога в ад, разрывание завесы, землетрясение, затмение солнца и его воспламенение, которое с одной стороны, показало мрак иудеев, а с другой — радость воскресения; наконец, спасение всех душ, заточенных в аду, которое произошло с явлением к ним Господа и Бога нашего; также упразднение ада, чтобы он больше не владел душами усопших во Господе. Все эти страшные чудеса творила непобедимая сила святого креста с силой пригвожденного на нем Христа и нашего Бога. Да понесут позор и будут пристыжены и погублены не признающие его славу, непоклоняющиеся

ему, божьему дару и непобедимому памятнику победы с непоколебимой верой. Поэтому колдун, самый злой и ненавидящий добро дьявол, разбив свою голову и получив удар в сердце крестным копьем, больше не может, как прежде, по своему обычаю открыто творить приятные себе мерзости, а тайком, смутив души и оморочив умы некоторых несчастных, обманывает их "чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей", сделав их вместе с собой топливом, подобающим неугасимому огню.

8. Не перестал добрый, добрейший и вседобрейший Господь по обыкновению своему благодетельствовать своему честному творению человеку. Сначала назначил он апостолов в церковь, весьма ясно разглашающих Его беспредельную мощь и совершенно правдиво высказывающих о Его божественных чудесах, будучи очевидцами Его и слугами. Они не стыдились телесных страданий Христа и не приписывали чудесам ложь, а будучи целиком озабочены истиной, истинно проповедовали воплощенный промысел Божьего Слова. Затем Он послал пророков, которые божьим мечом Святого Духа искореняли скрытые и неизлечимые страсти и выращивали полезные и произрастающие ростки добродетелей. В третий раз послал Он учителей, говорящих в пользу двух вышеупомянутых и объясняющих с большим совершенством сделанное ими и сказанное ими. И в прошлом, и ныне всякая христианская церковь укрепляется божьими догмами этих всех, которую врата ада — разрушительные ереси, никогда не одолели и, мы точно знаем, не смогут одолеть, согласно божественному изречению. Волны болтливости еретиков всегда превращаются в пену. От времени до времени ересиархи вступали в схватку с защитниками православия, но перед светом истины отступал мрак ересей и церковь божья оставалась непоколебимой. Несчастнейшим еретикам недолго удавалось творить зло своих мерзких размышлений, ибо очень скоро их лживая ересь становилась для всех очевидной. И когда она стала всем известной и была всеми изгнана, воссияла церковь божья. Но ныне и во веки веков она воссияет.

9. Мрачная, грязная, мятежная, отвратительнейшая и злодейская ересь манихеев преследуется всеми народами из-за ее неизлечимости, за то, что она полна всякой нечисти и потому, что еретиками она почитается и чтится в глубокой тайне. Они усердно стараются не знакомить всех своих людей, тем более чужих, со своими таинствами и учением, а лишь некоторых, кого они считают совершенными в нечестии. Немного раньше эта ересь, получив завершение под воздействиями и учением со стороны мятежных сил и побужденная сбивающим с пути водительством зловонного сатаны, породила его предтечу — восстание, выявляя других телесных демонов вместе с их вождем — дьяволом. Пусть никто не сомневается в том, что они — демоны, ибо то, что не осмеливаются (другие) демоны говорить или делать, эти бесстыдно и не краснея делают и говорят против вседержителя Бога и всех людей. Примечательно, что они из-за своих очень постыдных деяний не общаются с людьми и живут, подобно демонам, в пустынях. Эти отвратительнейшие клеветники объявляют странные и неестественные вещи, что якобы они опираются на изречения святого Евангелия и апостолов. Теперь я расскажу вам о том, что собой представляют эти учения, откуда и когда они появились. Для этой цели я привожу кое-что из самого важного и, чтобы оно легко осталось в памяти, отделю цифрами разделы по смыслу. После изложения их истории, приступим, с помощью Бога, к схватке с ними, с имеющейся у нас силой, приводя сразу же в сопоставлении к каждой главе доказательства и свидетельства из святого писания.

10. Их первая отличительная черта та, что они признают два начала — злого бога и доброго, что значит один бог — творец мира, над которым он властвует, а другой — бог будущего. И забавно, что это они часто подчеркивают, когда бывают на свободе всякому, какой бы не был собеседник. "Скажи мне, говорят, что нас отличает от ромеев?" Они — эти беззаконные, негодяи, неверные, неблагодарные, неблаголюбивые, сами себя называют христианами, а нас, настоящих носителей имени Христа, нашего истинного Бога, называют ромеями, пытаясь соб-

ственное имя заменить языческим. Мы — настоящие христиане, если даже каждый из нас владел тысячами и десятками тысяч золота, серебра, драгоценных камней, находящихся во всем мире, гордимся только Христом. Они говорят, что их отличает от нас то, что они признают одного бога творцом мира, и другого бога, называемого ими небесным отцом, обладающего властью не в этом мире, а в будущем. А мы признаем одного и того же Бога Творцом всего и царствующим над всем и Вседержителем. Они нам говорят: "Вы верите в Бога — Творца мира, а мы в того, о ком в евангелиях Господь говорит: "Вы ни гласа его никогда не слыхали, ни лица его не видали". Подобным образом они напрасно и глупо пустословят, о чем мы расскажем потом.

Второе: они прославленную и приснодевственную богородицу не называют даже в числе простых добрых людей. Они говорят, что не от нее родился Господь, а свое тело он принес с неба, и что после рождения Господа она родила и других сынов от Иосифа.

Третье: они отвращаются от божественного, страшного, святого таинства причащения плотью и кровью Господа и нашего Бога. Не только они сами не причащаются, но даже пытаются и других убедить в этом, говоря, что во время вечери Господь своим ученикам давал не хлеб и вино, а символически свои изречения в виде хлеба и вина.

Четвертое: они не признают образ, воздействие и силу честного и животворящего креста и окружают его бесчисленными поношениями, тогда как демоны, увидя только очертания его в воздухе, убегают со страхом вместе со своим вождем — дьяволом.

Пятое: они не признают ни одной книги Ветхого Завета, пророков называют сбивающимися с пути и разбойниками, о чем потом специально будет сказано полнее. Они принимают только четыре святых Евангелия, четырнадцать посланий святого апостола Павла, соборное послание Иакова, три послания Иоанна, соборное послание святого Иуды и деяния апостолов, все дословно, как и у нас. У них есть также богоненавистные послания их учителя Сергия, полные высокомерием и нечестием. Что касается до двух

соборных посланий великой и настоящей основы церкви, ключаря небесного царства первоапостола Петра, то они не принимают их и относятся к нему с отвращением и окружают его бесчисленными оскорблениями и бранью, не зна́ю почему. Но скорее, как я предполагаю, и много раз говорил им лично, что Петр предсказал, что их будущее будет сообразно их нечестивой и злой природе. Об этом блаженный апостол говорит в своем втором послании: "Итак, возлюбленные, ожидая сего, то есть второе пришествие Господа, потщитесь явиться перед Ним неосквернеными и непорочными в мире, и долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости написал нам, как и во всех своих посланиях, говоря в них об этих, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные к собственной своей гибели, превращают, как и прочие Писания". За эти слова они и порицают апостола, а на самом деле это лишенная всякого риторического сплетения похвала его пророчеству, сделанному с полной ясностью.

Шестое: Они отвращаются от священнослужителей церкви; они говорят, что священнослужители выступили против Господа, и поэтому не нужно их упоминать, отвращаясь даже только от их имени, о чем потом во время более глубокого изучения будет сказано яснее, каждое в собственной главе. Уже пора начать изложение исторических сведений. Начну так: изложу сначала сказанное блаженным Кириллом в катехизисах, после чего, чтобы смысл был более понятным, добавлю то, что мне стало известно о них.

11. Пресловутый Манес, не христианского происхождения, да не будет! Он также не был изгнанным, подобно Симону, из церкви, ни он, ни остальные учителя подобной ереси. Он вор, усваивающий дурные учения других ересей; а как это он делал и каким образом, слушайте! В Египте жил некий Скифиан, по происхождению сарацин, не имеющий ничего общего ни с иудаизмом, ни с христианством. В Александрии, где он жил, он подражал Аристотелю и сочинил четыре книги. Первая называлась "святое Еван-

гелие", которая, однако, содержала не деяния Христа, а смертные деяния, и только название было у нее такое. Другая называлась "Главное", третья — "Таинство", цель составления которой — опровержение закона и пророков. Четвертую называют "Сокровищем жизни", хотя она есть сокровище смерти. Учеником этого Скифиана был некто по имени Теребинт. Вышеупомянутый Скифиан, прибывший в Иудею и оскверняющий ее, был убит болезнью и этим зараза была прекращена. А ученик зла Теребинт, будучи наследником денег, книг и ереси, прибыл в Палестину. В Иудее все его узнавали и осуждали, поэтому он оттуда перешел в Персию, где, чтобы его и там опять не узнали по имени, назвал себя Буддасом. Противниками его там оказались последователи Митры. Во время великих споров и перебранок с ними Буддас был изобличен. Будучи выгнанным оттуда, нашел убежище у некоей вдовы.

Затем, поднявшись на крышу дома и позвав воздушных демонов, которых и до сих пор манихеи зовут со своего гнусного фигового дерева, получил от Бога удар и, упав с дома, умер. Таким образом был истреблен второй зверь.

12. Но остались книги, упоминающие нечестие, наследником которых, как и денег, оказалась вдова. Не имеющая ни родственников, ни кого-нибудь другого, она решила на эти деньги купить мальчика по имени Кубрик. Усыновив его, она дала ему персидское образование, точа против человечества злую стрелу. Дурной раб Кубрик рос среди философов. После смерти вдовы он унаследовал деньги и книги. Затем, чтобы его рабское имя Кубрик не принесло ему позора, вместо Кубрика назвал себя Манесом, что по-персидски значит "собеседование", ибо ему казалось, что он какой-нибудь диалектик или искусный оратор. Он, хотя персидским значением этого слова и получил добрую славу, но промысел Божий невольно так сделал, чтобы он стал своим осудителем. Думая о своем почете в Персии, у греков он сделался носителем значения слова мании. Он дерзнул говорить, что сам есть Параклит, чем он хулил, называя себя святым духом, ибо написано, что "Кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения". Если из выступивших до него Скифиан дерзнул себя

назвать Отцом, то Буддас назвал себя сыном Бога и Отца, родившимся от Евы и вскормленным в горах. Поэтому этот антихрист и послал двенадцать учеников проповедовать заблуждение. Тот, кто общается с ними, пусть увидит, с кем он пребывает. Потряс раб вселенную и, выступая, объявил, что может совершить сверхчеловеческие дела.

13. Болел сын персидского царя, за которым ухаживало множество врачей. Манес объявил, что он сможет вылечить его. Удалились врачи, а вместе с ними и жизнь мальчика. После этого срамили его за его нечестие и заключили в тюрьму. Философ был заключен в тюрьму не потому, что был осужден в порицании царя относительно истины и не потому, что он уничтожил идолы, а потому, что обещая спасти мальчика, он солгал. Но скорее, правду сказать, за убийство. Ибо он стал причиной смерти того, которого можно было спасти врачебной заботой; удалив врачей, своей небрежностью он убил мальчика. Из множества его злодеяний, изложенных мною, припомним, во-первых, его богохульство, во-вторых, его рабское происхождение, не потому, что рабство позорно, а нехорошо ему, будучи рабом, противостоять свободе. В-третьих, его ложное обещание спасти мальчика. В-четвертых, убийство мальчика, и в-пятых, позор тюрьмы; и не только позор тюрьмы, а также и позор побега из тюрьмы, ибо называющий себя Параклитом и поборником истины убежал. Он не был преемником Христа, шедшего добровольно к кресту, а наоборот, он был беглецом. Персидский царь приказал повесить тюремщиков. Таким образом, Манес своей гордыней стал причиной смерти мальчика, а своим побегом — причиной смерти тюремщиков. Стоит ли поклоняться ему, причине смерти, как Параклиту? Он не должен подражать Христу и сказать: "Если меня ищете, оставьте их, пусть идут", но должен сказать подобно Ионе: "Возьмите меня и бросьте в море, ибо ради меня эта буря".

14. После побега из тюрьмы он приходит в Месопотамию, где встречает его орудие правосудия — епископ Архелай, который против него устроил суд философов и судил его при язычниках, чтобы потом не говорили, что судьи, будучи христианами, были пристрастны. Архелай

обращается к Манесу и спрашивает: "Расскажи нам, в чем заключается твоя проповедь?" Тот, уста которого были похожи на открытую могилу, начал с богохульства Творца всего, что, дескать, Бог Ветхого Завета есть изобретатель бедствий, ибо о себе он говорит: "Я поядающий огонь". А мудрый Архелай, ослабляя богохульство, говорит: "Если Бог Ветхого Завета называет себя, по твоим словам, огнем, чьим Сыном является говорящий: "Огонь пришел Я низвесть на землю"? И если порицаешь говорящего: "Господь умерщвляет и оживляет", почему почитаешь Петра, который воскресил Табифу, а умертвил Сапфиру? Если порицаешь Бога Ветхого Завета за то, что он приготовил огонь, почему не порицаешь говорящего: "Идите в огонь вечный"? Если порицаешь говорящего "Я бог, делаю мир и произвожу бедствия", почему не порицаешь Иисуса, говорящего: "Я пришел установить не мир на земле, а меч"? Оба то же самое говорят и оба хороши в своем единогласии. Если Иисус безупречен, говоря это, почему ты порицаешь Говорящего то же самое в Ветхом Завете?" После этого Манес спрашивает Архелая: "Который бог ослепляет? Ибо Павел говорит: "Поэтому Бог века сего ослепил умы неверующих, чтобы для них воссиял свет познания славы Евангелия Христа". Архелай, подчеркивая, ответил: "Прочти то, что написано здесь: "Если же и закрыто Евангелие наше, то закрыто для погибающих". Видишь, что "закрыто для погибающих"? "Не надо давать святыни псам". Разве только Бог Ветхого Завета ослепил умы неверующих? Разве и сам Иисус, ослепивший Павла, не сказал: "Потому говорю им притчами, что они, видя, не видят"? Разве ненавидя их Он хотел, чтобы они видели? Или за их недостоинство, что закрыли свои глаза? Там, где самовольное лукавство, оттуда удерживается воссияющая благодать. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимается и то, что, как ему кажется, он имеет. Некоторые справедливо толкуют так, это так и есть, ибо не плохо сказано. Он ослепил умы неверующих, как Христос глаза Павла, но он ослепил их ради добра, чтобы они обратили взоры свои к святому. Он не сказал: "ослепил их души", но умы неверующих. Смысл сказанного такой:

ослепи блудные понятия блудника — и спасен человек. Ослепи разбойничьи и хищнические понятия разбойника — и спасен человек. Не хочешь так понять, есть и другое толкование. Солнце ослепляет людей с тупым зрением; люди с больными глазами ослепляются, повреждаясь от света не потому, что солнце ослепительно, а потому, что сущность глаз хворая. Так и неверующие, будучи душой больными, не могут посмотреть на божьи лучи. Он не сказал, что ослепил их умы, чтобы для них не воссияло Евангелие, а чтобы для них не воссиял свет славы Евангелия Христа. Всем разрешается услышать Евангелие, но слава Евангелия Христа предназначалась для Его настоящих рабов. Господь говорил притчами с теми, которые не могли слушать, а своим ученикам отдельно он объяснял смысл притчей. Воссияние славы — для просвещенных, а ослепление — для неверующих. Тебе, новообращенному, сейчас церковь рассказывает эти таинства, ибо не принято об этом рассказывать язычникам. Мы язычникам не рассказываем о таинствах об Отце, Сыне и Святом Духе, а также при новообращенных о таинствах не говорим ясно, а часто говорим скрыто, чтобы знающие верующие поняли, а незнающие не получили вреда".

15. Такими и многими другими путями ниспровергался дракон, и в подобных схватках побеждал Манеса Архелай. Убежавший из тюрьмы убегает и оттуда от противника и приходит в одно очень бедное селение, подобно змею в раю, который оставил Адама и пришел к Еве.

Но добрый Архелай, озабоченный об овцах, узнав о побеге, тотчас поспешно приступил к поискам волка. Манес, увидев супостата, неожиданно выскочил и убежал, но в последний раз. Ибо телохранители персидского царя, ища его повсюду, схватили беглеца и кару, которую он должен был получить от Архелая, дали ему слуги царя. Был пойман Манес, которому поклонялись его ученики, как Параклиту, и повезен к царю. Царь поносил его за ложь, насмехался над его рабским происхождением и над побегом. Он отомстил за убийство мальчика и тюремщиков и осудил его, приказав, согласно персидскому закону, содрать кожу с Манеса. Остальное тело его было выброшено

зверям, как пища, а кожа — сосуд злейшей мысли, — была повешена, подобно мешку, перед воротами. Называющий себя Параклитом и объявляющий предсказать будущее, не предугадал о своем побеге и поимке.

16. До Манеса был и другой учитель такого зла по имени Заранес, который был его единомышленником. У антихриста Манеса было двенадцать учеников: его преемник Сисинний, Фома, составивший манихейское евангелие, носившее его имя, Будда, Гермас, Адант и Адимант, которого послал Манес в разные страны проповедником заблуждения. Толкователями и записывающими его учения были Гиеракс, Гераклид и Афтоний. Остальные три ученика его были: составитель Семисловия Агапий, Заруас и Габриабий. Пусть никто не читает Евангелие от Фомы, ибо оно не труд одного из двенадцати апостолов, а одного из двенадцати грешных учеников антихриста Манеса, также Семисловие Агапия, сборник посланий и вообще не прочтет ни одной книги, изложенной этими нечестивцами на вред многим и на погибель собственной души. Наша святая православная и апостольская церковь их всякую книгу, как содержащую нечестивые учения и как полную всякой хулы, все называемые у них молитвы, но в действительности колдовства вместе с изложившими их, как изобретателей великих бедствий и вождей погибели, предала анафеме; она предала анафеме также их учеников.

17. Поэтому пусть никто не общается, к своему несчастью, с душегубными манихеями, которые, расхлебывая похлебку из шелухи, притворяются, что держат страшный пост, клевещут на Бога — Творца пищи, будучи прожорливыми, которые проповедуют, что вырывающий какое-нибудь растение превращается в него. Но если вырывающий растение или какую-нибудь зелень превращается в него, во сколько таких подобных должны превращаться земледельцы и садовники? На сколько таких растений поднял свой серп садовник, как мы видим, но любопытно, во что он превратился? Правда, что эти учения осудительны, полностью смешны. Тот же самый человек, будучи пастухом овец, пожертвовал и овцу, убил и волка, но в кого он превратился? Манихеи — это рождение праздности, не

работающие, но съедающие заработанное работающими; с улыбкой на лице они получают пищу от приносивших ее им, но вместо благословения дают им взамен проклятия. Когда какой-нибудь безумный приносит им что-нибудь, манихей говорит ему: "Постой немного снаружи, а я благословлю тебя". Потом, как признались раскаившиеся из них, манихей, взяв в руки хлеб, говорит ему "Я не пек тебя" и проклинает единственного всевышнего Бога, и проклинает пекшего его, и после этого кушает приготовленный. Если ты ненавидишь пищу, почему улыбающимся лицом обратил свои взоры к приносившему? Если у приносившего имеешь благодати, почему богохульствуешь приготовившего и творившего Бога? Манихей продолжает, обращаясь к хлебу: "Я не посеял тебя, да будет посеян посеявший тебя. Я не пожинал тебя, да будет пожат серпами пожинавший тебя. Я не пек тебя в огне, да будет испечен пекший тебя". Хорошее возмещение, нечего сказать!

18. Все это, конечно, очень плохо, но никакого сравнения с остальным. Не осмелюсь при женщинах и мужчинах рассказывать об их бане. Не осмелюсь сказать, во что обмакивают смокву и дают несчастным, но скажу только иносказательно. Действительно, мы мараем язык, говоря подобные вещи. Неужели язычники гнуснее их? Неужели евреи нечестивее их? Неужели блудники грязнее их? Занимающийся блудом на час, сделал это ради желания, но потом, замечая худое в поступке, как запятнанный, знает, что нуждается в бане, знает гнусность поступка. А манихей по своему обычаю все это делает в середине алтаря и оскверняет и язык, и уста. Скажи мне, ты принял бы из таких уст учение? Вообще, встречая его, поцеловал бы его? Не считая остальное нечестивее, не избегал бы этих зараженных, наихудших из всех распущенных, самых гнусных по сравнению с прежними еретиками? Итак, завещает это церковь, учит и прикасается к тинам, чтобы ты не пачкался, получает тяжкие ранения, чтобы ты не поранился. Тебе достаточно знать об этом, а испытывать — воздержись.

Громит Бог, мы все дрожим, а они хулят; мечет молнию Бог, мы все наклоняемся, а они обращают свои хулящие языки к небу. Нам Господь и Бог Иисус говорит про своего Отца, что "Он восходит свое солнце над злыми и добрыми, посылает дождь на праведных и неправедных", а они говорят, что дождь происходит от любовной мании. Они дерзают говорить, что на небе находится красивая девушка вместе с красивым юношей, которым во время случки верблюдов или волков приходит постыдное желание. Зимой этот юноша бешенно преследует девушку, которая бежит от него, а он, бегая за ней, потеет. И вот от его пота, говорят, происходит дождь. Это написано в манихейских книгах. Это мы прочли, не веря разговорам. Ради вашей безопасности мы занимались изучением их пагубной ереси. Да спасет нас Господь от такового заблуждения.

19. А Сократ Схоластик, писавший Церковную Историю, коротко излагая о Скифиане и Теребинте, переименовавшемся в Буддаса, и о Манесе, полностью соглашается с великим отцом нашим Кириллом. Но и все священное и божественное Писание сильно порицает их ересь. Поэтому их преемники, не имея возможности переносить порицания, но вместе с тем желая прикрыть зло, замышляют лукавый способ. Отвергают вышеупомянутые безбожные манихейские книги, а содержащуюся в них одну только суть передают от поколения в поколение устно. Они постановляют и следующее: нельзя читать других книг, кроме только Евангелия и святой книги Апостола. Это они делают со следующей целью: чтобы по отсутствии манихейских книг и находившихся у нас древних книг, неоднократным чтением Евангелия и апостолической книги, смогли иметь очевидный повод осуждать истину и обманывать невежественных и простых людей, что от Христа и от проповеди проповедника прославленной веры апостола Павла они получили подобную отвратительную ересь. Кроме того, они стараются благоухающим и чтимым именем Христа покрыть наихудший обман, как волка овечьей шкурой. Читая одни только эти книги, они могут повернуть толкование по собственному желанию, но никоим образом остальных божественных писаний. Итак, они отбрасывают

ветхозаветные книги, как я сказал, чтобы не порицали их, как и книги наших божьих отцов церкви, чтобы корень их зла не был с их помощью побежден и все они избегают их, как огня. Но мы, желая, чтобы корень этот был окончательно побежден, приведем свидетельство и другой книги и поставим его здесь для большей убедительности.

20. Наш великий и чудотворный отец Епифаний Кипрский, упоминая о порицании Манеса и о смертной казни, вынесенной ему персидским царем по божьему правосудию, пишет следующее. В девятом году царствования римских императоров Валериана и Галлиена отправился Манес из Персии, убежав из тюрьмы, куда он был заключен за убийство сына персидского царя. Он, поспорив с епископом Кархаров Месопотамии Архелаем, но без успеха, тайком убежал оттуда. Войдя в селение Диодорис Кархарского округа, он спорил с неким Трифоном, святейшим пресвитером, и окончательно был им опозорен. А Архелай, узнав, что Манес пришел к Трифону и спорит с ним, быстро настигает его и, тотчас же, поспорив с ним, опозорил его. Народ собирался сейчас же умертвить Манеса, но спасенный епископом Архелаем, он вернулся в Персию. Персидский царь, узнав его, приказал содрать с него кожу. Таким образом кончил свою жизнь Манес.

21. Некоторые из его учеников дошли до Самосата в Армении и, посеяв там плевелы коварства, обманули многих тамошних армян. Спустя некоторое время, корень злейшего посева, разрастаясь, принес многим смертоносные плоды на всем протяжении вплоть до Фанарии. Ибо некая женщина из Самосата по имени Каллиника, которая имела двух сынов, Павла и Иоанна, этих двух змей — породившая их ехидна, воспитав и обучив гнуснейшей ереси, послала их из Самосата проповедовать заблуждение. Они перешли в одно селение прихода Фанарии и, найдя жителей его невежественными и неустойчивыми в вере, посеяли там яд коварства и горькие плевелы дьявола. Поэтому до сих пор селение называется Эписпарис, а ересь получила название от имени проповедовавших, ибо с тех пор они начали называться павликианами вместо манихеев. Наши благочестивейшие и православные цари, побуждаемые

божьим решением, чтобы эта зараза, распространяясь, не заразила многих из нас, время от времени убивают манихеев, находившихся на территории Ромейского государства, согласно изречению Господа, сказанному в Евангелиях: "Тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною".

22. Много было врагов у божьей церкви, но всегда у нее бывает гораздо больше побед с помощью Христа. Ненавистник добра, изобретатель козней дьявол, как некий весьма страшный и жестокий враг, неудачно опорожняя свой колчан в виде прежних ересей, свою самую смертельную стрелу против человечества пустил в последние времена, ибо, согласно боговдохновенному и святейшему писанию, дьяволу разрешено будет действовать в конце веков не скрыто, а открыто. Там говорится, что антихрист под воздействием коварного совершает чудеса, "чтобы прельстить, если возможно, и избранных". Итак, выражая свою дерзость во всех ересях, он выказал свое высокомерие в гнусной ереси манихеев, называемых павликианами. Он даже убедил получающих ранения людей не объявлять о них и выпивать яд, как сладкое вино. Теперь все издеваются и смеются над ним и над его последователями, как над смешными и глупыми. Его злость была открыта в дни наших благочестивых, православных и великих царей Василия, Константина и Льва. Поскольку злейший яд был скрытым, почти никто не знал о гнусных павликианах, но теперь их открывают с помощью бессонных молитв и забот, приятной Богу бдительностью и искусным управлением миротворцев и православных великих царей наших. Скрытое коварство этой гнусной ереси осталось неизвестным всем царствовавшим до них, но оно стало ясным нашим святым и великим царям. Ибо пора было, чтобы эти коварства были открытыми...

23. О происхождении этой гнусной ереси мы уже сказали, когда подробно повествовали о Манесе и об остальных — о Павле Самосатском, сыне манихеянки Каллиники, и о брате его Иоанне. Но что касается тех, о которых мы будем рассказывать далее, они, хотя и прибавили к прежним еретическим учениям кое-какие

пустословия, но в общем остались подлинными учениками предшествующих ересиархов, как будет сказано подробнее. Теперь же расскажем о том, кто были эти выступившие в последнее время ересиархи, на которых опираются павликиане и кого считают своими учителями. В царствование Константина, внука Ираклия, в селении Мананалис возле Самосата в Армении выступил некий армянин по имени Константин. Это селение до сих пор вскармливает манихеев. Этот Константин приютил в своем доме на несколько дней некоего дьякона, возвратившегося, как точно мы узнали, из Сирии на свою родину и остановившегося по пути в Мананалисе. Этот пленный принес с собой из Сирии две книги: Святое Евангелие и книгу Апостола, которые отдал в дар Константину, в качестве платы за гостеприимство. Последний, получив обе книги и видя, что его беззаконная, гнусная ересь противна всем и все избегают ее из-за содержащихся в ней богохульств и постыдных деяний и, вместе с тем, желая возобновить зло, с дьявольской энергией измышляет следующее: он повелевает своим ученикам не читать больше никаких других книг, кроме Евангелия и Апостола. Он надеялся с помощью этих книг скрыть вред, причиняемый ересью. Это похоже на то, как дающие пить людям смертельный яд, прикрывают его медом. Таким образом, взяв из вышеупомянутых манихейских книг всю суть каждого богохульства, он смог с помощью сатаны искажать мысли Евангелия и Апостола в толковании по собственному желанию. И он, как уже говорилось, выбросил часто упоминавшиеся нами манихейские книги. Ибо они и есть, главным образом, причина того, что многие из-за них предаются мечу. Ибо наши божественные и православные цари настоящих христиан, наряду со своими всеми добрыми и доблестными деяниями, повелевают и следующее: манихеев и монтанистов карать мечом, их книги предавать огню и если найдется кто-нибудь скрывающий эти книги, вынести ему тот же самый смертный приговор, а его имущество конфисковать.

24. Ученик Манеса Константин, желая обманом окончательно погубить своих учеников и заставить их легко

принять сказанное им, хотел отбросить от себя, как недопустимые, чудовищные высказывания и богохульства Валентия, т. е. о тридцати поколениях и богах, также выдуманную повесть Кубрика о дожде, согласно которой дождь происходит от пота красивого юноши, преследующего девушку, и другое. Он это сделал не с целью спасения от величайших бедствий, а чтобы многих притянуть к себе. Одобряя безнравственность и мерзости пользовавшегося дурной славой Василида и зловонное болото всех остальных, он выступил как некий новый вождь погибели. Поэтому все теперешние наследники манихеев, будучи незнакомыми с этими уловками, с готовностью предают анафеме Скифиана, Буддаса и Манеса, которые были первыми вождями ереси. А этого Константина, называвшего себя также Сильваном, и выступивших после него, почитают как апостолов Христа и приравнивают к Павлу. Этот Константин, он же Сильван, оставив Мананалис, пришел в крепость Кибоссу у Колонии, где и поселился. Он говорил там, что является Сильваном, упомянутым в посланиях апостола Павла, которого Павел, как верного ученика, отправил в Македонию. Он показывал своим ученикам книгу Апостола, которую получил от вышеупомянутого пленного дьякона и говорил: "Вы являетесь македонянами, а я — Сильван, посланный Павлом к вам". И это говорил он, выступая шестьсот лет спустя после мученичества Павла, как было сказано выше, при царе Константине, внуке Ираклия.

25. Там он прожил целых двадцать семь лет и, обманув многих из местных жителей, умер потом смертью, достойной своей проповеди. Царь, не знаю каким образом, узнав о нем, отправляет туда некоего придворного по имени Симеон, поручив ему избить камнями работника ереси, а его учеников, обманутых из-за своего невежества, отдать церквам Бога для обращения и исправления. Но они остались неисправимыми. Так и произошло, Симеон, прибыв туда и взяв с собой некоего из местных архонтов по имени Трифон, пошел на то самое место, схватил всех и, приведя их в южную сторону крепости Колонии, поставил несчастного Константина против его учеников и

приказал последним бить его камнями. Ученики брали камни, но бросали их назад, щадя собственного учителя, как посланного им Богом. Этот Сильван за несколько лет усыновил некоего Юста, которого обучил манихейской ереси и получил тогда от него вознаграждение, достойное его воспитания и учения. Юст, получив приказ от придворного и взяв камень, бросил в него и убил, как нового Голиафа. Исполнились на этом слова Давида, которые гласят: "Рыл ров и выкопал его; злоба его обратится на его голову". И эта местность из-за собранных там камней была названа "Соросом", и так называется поныне.

26. Согласно царскому повелению, Симеон отдал учеников Константина церквам божьим для обращения, но они остались необратимыми, предпочитая умереть еретиками, чем своим покаянием добиться милости Бога и обрести счастье вечного спасения. Их допрашивал Симеон, но сам, не имея богословского образования и, более того, будучи легкомысленным, примкнул к этой губительной ереси. Возвратившись к царю, он три года оставался в Константинополе у себя дома, где основательно подпал под воздействие дьявола и, выбросив все, тайком убежал. Он пришел к вышеупомянутому Кибосу, где собрал вместе учеников Константина и стал наследником ереси. Подобно ересиархам, выступившим до него, желая себе приписать добрую славу, назвал себя Титом. Я его назову не Титом (ибо он не был похож на критского епископа, рукоположенного апостолом Павлом), а Китом, потому, что он был подобен морскому киту, который скрывается в водах. Некоторые рассказывают о морскомките следующее: что он называется аспидолхелоном, величиной он подобен острову, голос у него грубый. Из-за этого моряки не узнают его и бросают на него якоря, вбивают колья, за которые привязывают корабли. Но когда зажигают на нем костер, животное, согревшись, погружается внезапно и так топит всех в глубинах моря. Так и он. Не узнавших силы его зла, не избегавших его грубого голоса, а обративших внимание, забрасывающих на него якорь надежды, он низвел через огонь в глубины ада, ибо он и заблуждавшиеся

вместе с ним погибли на костре и отправились в неугасимый огонь.

27. Там он оставался три года и обманул многих; затем между вышеупомянутым Юстом, убившим ударом камня Константина, и Симеоном-Китом возник спор вокруг апостольского изречения, которое находится в послании к Колоссянам и которое гласит: "Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: Престолы ли, Господства ли, Начальства ли, Власти ли, — все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего и все Им стоит". Выступает Юст и говорит: "Не обманываем ли мы людей и не губим ли души людей безумно, проповедуя противное апостольским изречениям, из-за чего во время страшного суда мы расплачиваемся за грехи их душ?" Симеон остался неубежденным, а наоборот, по своей привычке искажал смысл изречения, пытаясь толковать его по собственному желанию. Между Юстом и Симеоном возникла большая ссора, после чего Юст поднимается к епископу Колонии и, желая узнать настоящий смысл апостольского изречения, сообщает ему все о себе, об остальных своих единомышленниках и о своей ереси. Епископ незамедлительно осведомляет об этом царя Юстина, царившего после Ираклия. Царь, узнав об этом, повелел допрашивать их вместе, остающихся в заблуждении предать огню, что и имело место. Около Сороса сложили большой костер и в нем сожгли всех сразу.

28. Один из них, по имени Павел, по происхождению армянин, вместе со своими двумя сынами: Гегнесием и Феодором, убегает и приходит в вышеупомянутый Эписпарис, о котором мы подробно говорили, когда рассказывали о сынах Каллиники — Павле и Иоанне... Павел своего сына Гегнесия отдает училищу безбожия, переименовав его в Тимофея. Между обоими братьями, Гегнесием и Феодором, возникает распря. Каждый из них говорил, что сам получил божью благодать святого духа. Эти поборники гнусности, споря между собой, ненавидели друг друга большой ненавистью и так продолжалось до конца их жизни.

29. Узнав о них, царь (тогда был Лев Исавр) призывает к себе Гегнесия-Тимофея, скорее Фимофея*, и отправляет его к Константинопольскому патриарху. Увидев его, патриарх спрашивает: "Почему ты отрекся от православной веры?" Он отвечает: "Анафема отрекшемуся от православной веры". Он православной верой считал свою собственную ересь. Патриарх задал ему вопрос: "Почему не веришь и не поклоняешься честному кресту?" Он отвечает: "Анафема не поклоняющемуся и не почитающему честной и животворящий крест". Он крестом считал Христа, который с распростертыми руками создал образ креста. Опять спрашивает его: "Почему не почитаешь святую богородицу и не поклоняешься ей?" Он отвечает: "Анафема не поклоняющемуся пресвятой богородице, в которую вошел наш господь Иисус Христос, матери всех нас". Он считал таковой верхний Иерусалим, в который вошел предтечей за нас Христос. Опять спрашивает его патриарх: "Почему ты не причащаешься нетленным телом и чтимой кровью нашего господа Иисуса Христа, а, наоборот, оскорбляешь это?" Фимофей отвечает: "Анафема не причащающемуся телом и кровью нашего господа Иисуса Христа и оскорбляющему его". Он имел в виду Его изречения. Потом, будучи спрошен о святой православной и апостолической церкви, он отвечал подобным образом, называя православной церковью манихейские сборища. Также и относительно крещения он говорил, что крещение есть сам Господь Иисус Христос и нет какого-нибудь другого, ибо написано: "Я вода жизни". Таким образом, Фимофей, искажая все и каждый раз предавая анафеме, был признан непричастным к злу и, получив от царя сигиллий, пришел опять в Эписпарис. Там он, собрав всех своих учеников, бежит вместе с ними в богоненавистный Мананалис, откуда выступил вышеупомянутый Константин. Там он оставался много лет и, наконец, придя в крайнее бешенство и, получив от злых ангелов послание гнева, ярости и печали,

---

* Игра слов: вместо Тимофей (честь + Бог) — Фимофей (гнев + Бог).

был сражен Богом — умер от чумы, будучи поборником нечестия целых тридцать лет.

30. Он имел сына по имени Захарий, который, когда пас за плату коз, на дороге нашел в пеленках выброшенного незаконнорожденного ребенка. Блудница умеет выбрасывать на улицу своих детей, боясь своего преступления. После смерти Гегнесия его ученики разделились на две части. Одни примкнули к Захарию, остальные к Иосифу Незаконнорожденному (так он звался). После того, как между ними возникла большая распря, как это бывало между ересиархами и до них, каждый из них считал, что он сам получил благодать Духа: оба оказались под воздействием нечистого духа. Захарий разозлился, как-будто лишался отцовского наследства и, побив камнем Иосифа-Афронита, чуть не убил его. Через некоторое время каждый, возглавляя своих учеников, хотел тайком убежать из этой местности, но, как только они удалились от селения, агаряне начали подозревать, что они хотят пройти в Романию и начали отыскивать их. Захарий, как увидел направление агарян, бросил своих учеников и сам убежал, а агаряне, дойдя до них, побили их мечами. Поэтому остальные поносили Захария за то, что он не был настоящим вождем, а наемником.

31. Иосиф-Афронит, узнав об этом, изменяет направление повозки, как будто едет в Сирию, и когда приблизились к нему сарацины, сказал, что они будто идут пасти животных и варить сыр. Агаряне, получив такой ответ, оставили их в покое и ушли. Иосиф-Афронит, пользуясь удобным случаем, побежал вместе со всеми своими от этого места и пришел в неоднократно упомянутое селение Эписпарис, где был с радостью встречен его жителями. Все, зажегши лампады, с большой почестью встречают его, достойного большого нечестия, как будто он был учеником Христа. Узнав об этом, некий благочестивый муж из местных архонтов, по имени Крикорахес, во главе многих воинов окружил дом, где остановился ученик Манеса. Ему удалось схватить его учеников, но сам Иосиф убежал во Фригию, а оттуда в Антиохию Писидийскую. Он также, будучи подвижником этого зла тридцать лет,

говорил своим ученикам, что он сам ученик апостола Павла Эпафродит, и что он послан к ним Павлом. Но вернее назвать его Афронитом*, ибо он был совсем неграмотным и непричастным к благоразумию. Сделав многих ответственными в коварном зле перед вечным наказанием, он кончил свою жизнь там в местности называемой Хортокопион. Еще при его жизни одна из его учениц в Армении имела от незаконной связи с одним из его учеников, как говорят, евреем, сына, пресловутого и грязного Ваана. Этот Ваан и наследует Афрониту и становится учителем зла, а ересь, полную всякой нечисти, он хранил цельной, как ее получил от прежних ересиархов. И привел он много безумных к окончательной погибели.

32. Через некоторое время выступает еще один противник истины из города Тавии. Вблизи него есть селение, называемое Анния, в котором жил некий муж по имени Дриин. Он имел сына, называемого Сергий, поборника дьявола: Сергия, превратившего многих людей из овец в волков и с их помощью разогнавшего паству Христа; Сергия, страшного овцеобразного волка, притворившегося коварно добродетельным и таким путем обманувшего многих людей; Сергия, врага креста Христова, превратившегося в уста безбожия, обидчика богоматери и всех святых; Сергия, врага апостолов Христа, ненавидевшего пророков, искажавшего Святое писание и обратившегося к мифам и лжи; Сергия, ненавистника Христа, врага церкви, презревшего Сына Божьего, осквернявшего кровь завета и хулящего дух милости; Сергия, считавшего себя Параклитом, назвавшего себя Тихиком, которому ученики его поклонялись, как Святому Духу; Сергия, любимца тьмы, назвавшего себя сияющей звездой. Почему же я продолжаю говорить и не заключаю своего слова скорее? Я же знаю, что не хватило бы всего века должным образом рассказывающему о его злости. Этот Сергий еще в молодости беседует с одной женщиной-манихеянкой и, будучи обманутым ею, становится предтечей антихриста. Надо же, чтобы учителя самой противной ереси происходили или

* Афронит (греч.) — неразумный, глупый.

от сарацинов, или от рабов, или были рождены от блуда, или введены женщинами в заблуждение.

33. Расскажем о нем, в частности, чтобы не думали, что напрасно обвиняем его. Прежде всего, скажем о том, как этот несчастный примкнул к этой ереси, затем приведем отрывки из его изречений, чтобы показать вам, какой он, вернее, каким он был, этот несчастнейший. Будучи еще молодым, он встретился с некоей бесстыдной женщиной-манихеянкой, как уже сказано. Эта ученица дьявола, будучи лукавой и коварной, говорит ему: "Я слышала о тебе, владыка Сергий, что ты очень грамотный, образованный и во всех отношениях добрый человек. Скажи же мне, почему не читаешь святые евангелия?" Сергий легко поддается обману ее слов, более того, не имея представления о скрытом в ней яде зла, ответил: "Неудобно читать их нам, светским лицам, а только священникам". Она говорит ему: "Это не так, как ты думаешь; у Бога нет лицеприятия, ибо Господь хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины. Но, так как ваши священники торгуют божьим словом и скрывают находившиеся в евангелиях таинства, не читают вам все, что там написано так, чтобы вы поняли. Одно читают, другое нет, чтобы вы не достигли познания истины. Ибо в них написано: "Некоторые скажут в тот день: Господи, Господи, не Твоим ли именем бесов изгоняли? и многие чудеса творили?" А Царь небесный, отвечая, скажет им: "Аминь, аминь, говорю вам, что не знаю вас". Ищи и увидишь, не написано ли так. Кто они такие, которым Господь скажет: "Не знаю вас?" Безрассуднейший Сергий, будучи невежественным, удивленно молчал.

34. Евангельское изречение надо так понять. И сегодня можно найти таких христиан, которые думают, что живут благочестиво. Они знают, что с помощью волшебства можно часто изгонять бесов, лечить болезни и страсти, как это делали в прошлом сыны Секвы или так называемые заклинатели. О них написано в Деяниях апостолов, что они, заклиная бесноватых, говорили: "Заклинаем вас именем Христа, которого проповедует Павел, выходите вон от людей". Бесы, испуганные напоминанием имени Христа,

изгонялись. Некоторые так поступают и теперь и не ведают, что из-за волшебства они лишаются своего спасения. Они в тот день скажут: "Господи, Господи, не Твоим ли именем бесов изгоняли и многие чудеса творили". А Господь ответит им: "Аминь, аминь, говорю вам, не знаю вас". Есть и такие люди, которые, хотя и вступили в монашество и жили безукоризненно, но из-за своего неумения и невежества примкнули к ересям и поэтому не обретут небесного царства. И чтобы в тот день справедливый судья не остался в чем-нибудь в долгу перед ними, они получают здесь милости лечения, чтобы когда крикнут: "Господи, Господи, не Твоим ли именем многие чудеса творили?", услышали в ответ: "Друг! Я не обижаю тебя; ты получил свое в своей жизни, ныне возьми свое и пойди!"

35. Сергий, не зная этого и тому подобное, ищет в евангелиях и, находя изречения о которых говорила несчастная, спрашивает ее: "Скажи мне, относительно кого сказал это Господь?" Она тогда не ответила, но спросила: "О ком сказал Господь, что "многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковым в царстве небесном? А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю"? Кто они такие, "сыны царства"? Сергий, не зная, не мог ответить, что речь идет об израилитах, которых касается усыновление, вера в обетование (Христос израилитов называет детьми, как, например, он сказал ханаанянке: "Нехорошо взять хлеб у детей". Но они были изгнаны, потому что распяли Его). Несчастный Сергий не был знаком с этим и, думая, что эта неистовая является вождем спасения, начал спрашивать ее подробно об уже сказанном. Она же, будучи вождем погибели, у которой уста были похожи на открытую могилу, начала возводить хулу на святых, говоря: "Сыны царства, это твои святые, которые изгоняют бесов, исцеляют страсти людей, которых ты почитаешь как богов, покинув живого и бессмертного Господа. Они и услышат в тот день из уст справедливого судьи, что "никогда не знал вас". Таким образом, она, прочитав сначала до конца все написанное в евангелиях, искажая смысл каждого слова, так как видела, что он

уступает, через короткое время сделала из него орудие дьявола; и она также точила против человечества страшную стрелу, подобно которой еще не было раньше. Ибо, выступавшие до него, хотя и особо выделялись в своем зловонном болоте разврата гнусными, постыдными делами и богохульством, но люди их избегали и все гнушались их, поэтому число обманываемых ими было незначительно. Но этот, отбросив мерзости и многие распутства прежних, принял все порицания, как спасительные догмы. Он коварно приписал себе некоторые добродетели, под личиной благочестия скрывая волка в овечьей шкуре. Отказавшись от силы благочестия, он показался незнающим замечательным вождем спасения. Зло уподобляется благочестию, а плевелы стремятся считаться пшеницей. Такими уловками до сих пор обманывают неустойчивых. Да будем мы спасены от их злобных уловок с молитвами и предстательством совершенно чистой и всесвятой владычицы нашей, настоящей и истинно богоматери и вечной девы Марии и всех святых. Если даже этих несчастных отдадут окончательной гибели, они не откроют свою великую тайну — отрицание Бога.

36. Поборник дьявола Сергий, обучившись у пагубной женщины ереси и думая, что все люди, верующие в нашу настоящую, чистую и благочестивую веру истинных христиан, близки к гибели, выступает с сатанинским рвением и становится новым проповедником заблуждения. Назвав себя Тихоном, упомянутым в посланиях апостола Павла, он всем говорил, что он ученик апостола и что послан им проповедовать. Но проповедовал он не слово божье, а гибельное заблуждение. Он неутомимо скитался по всем городам и странам, в которых за восемьсот лет до этого апостол проповедовал слово истины, и, отвращая многих от православной веры, принес их дьяволу. Об этом он пишет в одном из своих посланий "с востока до запада и с севера до юга я путешествовал пешком, проповедуя Евангелие Христа и устал". Он действовал целых тридцать четыре года со времен Ирины Августы до времен царя Феофила и подготовил настоящее восстание, о котором предсказал апостол Павел фессалоникийцам и которым

заразилась большая часть церкви Христовой. Одних он лишал преходящей жизни, лишив их имущества и убив преждевременно, других, следовавших за его гнусностями, лишал и вечной жизни; многих супругов он разводил и дал своим ученикам осквернить их ложе; многих младенцев, отрывая от материнской груди, с помощью своих учеников одних умертвил, других же, лишив их родителей и отчуждая от живого Бога, спасшего всех Своей кровью, продал агарянам; много красивых юношей и девушек единородных, разлучая с родителями, отдал варварам в рабство. Он сослал в чужие страны родственников и друзей, многих братьев и сестер, разобщая их и лишая имущества, стон и плач которых поднимается до небесных врат. Многих монахов и монахинь, посвятивших свою девственность Христу, испортил с помощью своих учеников и, отчуждая их от монашеской жизни, удалил их от Бога. Много священников и левитов оторвал от православной веры и, сделав их из овец дикими зверьми, подготовил людоедов. Многих умертвил в оковах и темницах, а других из богатых сделал бедными. Стоит ли поклоняться ему, причине стольких бедствий, как Параклиту? Ибо его ученики, молясь его именем, говорят: "Пусть молитва Святого Духа помилует вас".

37. Сергий говорит: "Я неповинен в этих бедствиях, ибо неоднократно предлагал им прекратить пленение ромеев, но они не послушали меня". Но как ты выставляешь себя невиновным? Если они не слушали тебя, то почему ты согласился быть вместе с непослушным народом, которым ты не был в состоянии править? Почему жил с ними до конца жизни? Если ты исповедовал им путь Христа, почему не учил их следующему, сказанному Господом: "Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой?" Я могу осудить тебя твоими же собственными изречениями. Ты писал твоим ученикам Колонии следующее: "Увидев доказательства вашей веры, напоминаем вам, что как прежние церкви приняли пастырей и учителей (перечисляет Константина и остальных), так и вы приняли светлую лампаду, сияющую как светильник, звезду и проводника к спасению, согласно написанному: "Если око

твое будет чисто, то все тело твое будет светло". О, ты, несчастнейший, полный всякого беззакония, если ты, как говоришь, ученик Павла, почему ты не берешь примера со своего учителя? Он себя называл негоднейшим человеком, выкидышем и самым малым апостолом. А ты, сотворивший столько зла и ничего доброго, проявляешь более чем фарисейскую надменность? Ты не читал изречение, которое гласит, что тот не достоин, кто сам себя хвалит, даже если он говорит правду. Как ты, целиком темный умом и разумом, счел себя сияющей, как светильник, звездой, светлой лампадой, проводником к спасению. Ты, безумный и тупой, погубивший множество человеческих душ, вообразил себя оком тела церкви Божьей? Насчастный, как ты, будучи слепым, стал для других проводником к спасению? Ты не читал, что "если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму"? Какой из твоих добродетелей можно завидовать? Что кричишь: "Подражайте мне и храните предания, которые получили от меня". Плод твоей веры и проповеди породил большое нечестие. Пока твои ученики не были знакомы с тобой, были овцами, а теперь, познакомившись с тобой, а вернее, после того, как ты познакомился с ними, превратились в зверей и людоедов; и дальше он говорит: "Да не обольстит вас никто и никак. Имея от Бога этот обет, крепитесь. Мы, будучи уверены в ваших сердцах, пишем вам, что привратник, добрый пастырь, вождь тела Христова и светильник дома Божьего — это я. Я с вами все время до конца века, и хотя я отсутствую телом, но духом нахожусь с вами. Итак, радуйтесь, усовершайтесь и Бог мира будет с вами".

38. О ты, враг истины, сын дьявола и делатель всякого злодеяния. Как ты дерзнул говорить такие вещи, равняя себя с Богом? Вознесшийся — унизится, и пуста слава, прославляющая себя. А хулящему Святой Дух нет прощения ни в настоящем, ни в будущем веке. А ты повинен во всем этом.

Затем он говорит: "Добавлю, что церковь Коринфа основал Павел, а Македонии — Сильван и Тит". (Македонией он считает Кибосское сборище, а Константина и Симеона называет Сильваном и Титом). "Ахайскую церковь

основал Тимофей". (Он имеет в виду Мананалис, а Геѓнесия называет Тимофеем, настоящего Фимофея). "Церкви филиппийцев служил Эпафродит". (Он имеет в виду незаконнорожденного Иосифа Козопаса, настоящего афронита, а его учеников называет филиппийцами). "В церквах лаодикийцев, ефесян и колоссян проповедовал Тихик". (Колоссянами он называет жителей Аргауса, ефесянами — еретиков Мопсуестии, а лаодикийцами — псов-жителей Собачьего места. Об этих всех говорит, что три последние церкви составляют одно целое и они все представлены только одним Тихиком). Видишь, как он выдает себя за учителя в сборищах антихриста, которым он, с целью обмануть многих, безумно и очень глупо дает имена церквей Христа, упомянутых в посланиях апостола и получивших свои наименования очень давно.

39. Скажи мне, клеветник, обвинитель истины, как мог апостол Павел основать только церковь Коринфа, когда он проповедовал на всем протяжении от Иерусалима до Иллирии? И если упомянутые тобой ересиархи были учениками Павла, каким образом и где учились у него, если они родились спустя восемьсот лет после него? Как ты смеешь бороться против истины? Как не краснеешь, обманув столько народа ложными изречениями и наименованиями? Почему человеческую славу ты предпочел Божьей и призываешь всех, чтобы приняли тебя как апостола Христа? Как в твоем обращении ко Льву Монтанисту: "Ты держи себя прилично и перестань раздроблять непоколебимую веру. Какое у тебя отношение против нас? Ты не можешь сказать, что я корыстолюбив или высокомерен по отношению к кому-нибудь. Если и скажешь, твое свидетельство ложно, но я не стану ненавидеть тебя, а только призываю тебя, чтобы подобно тому, как я принял четырех апостолов и пророков, ты бы тоже принял пастырей и учителей, чтобы не стал жертвой зверей". В другом месте ты сказал: "Первый блуд, который мы приобрели от Адама — благодеяние, но второй — это самый большой блуд, о котором говорит Павел: "Блудник грешит против собственного тела". Ты добавляешь: "Мы — тело Христово, и тот, кто отрекается от преданий тела

Христа, т. е. от моих, грешит, ибо прибегает к поучающим иному и не верует здравым словам". Скажи ты, защитник нечестия, каким образом блуд стал благодеянием, когда сам блудник осуждает его после совершения поступка, и все боговдохновенные писания его укоряют? Как ты дерзнул твоим бесстыдным равнодушием упразднить изречения Господа, которые даже скрыто говорят о прелюбодеянии? Христос говорит, что "всякий, кто смотрит на женщину с вожделением..." и т. д. А ты хочешь подтвердить свои изречения, воздействуя на тщеславие людей, чтобы привлечь к себе раболепных и распутных, говоря им, что они блудят лишь тогда, когда избегают тебя. Кому поверят, истине или тебе, блуждающему и врагу истины?

40. Мы, выбрав некоторые из его богохульств, привели их здесь для осуждения его и его учеников, чтобы показать обильное коварство его сердца, ибо "от избытка сердца говорят уста". Пусть никто не думает, что между ересями, проповеданными Сергием и Манесом, существует какое-нибудь различие. Обе они одно и то же. Когда начал проповедовать Сергий, желая собрать вокруг себя много учеников, отнимая их от Христа, дважды и трижды он лично восставал против Ваана, нечистого ученика и своего единомышленника. Притворившись благочестивым, Сергий начал при всех осуждать его, но не за веру, а за неуместность его беззаконной деятельности. Ваан отвечает ему: "Ты только что появился и не увидел никого из наших учителей и не бывал с ними. А я ученик владыки Эпафродита и с самого начала проповедую так, как он меня научил. Сергий, гнушавшийся зловонной грязи его учения, которое проповедовал Ваан, посрамив его лично, разделил ересь на две части. Кто остался с Вааном, тех он назвал ваниотами, а тот, в свою очередь, назвал сергиотами учеников Сергия. После смерти Сергия его ученики, не будучи в силах переносить позор и порицание, которое получали от всех из-за ваниотов, начали убивать ваниотов, чтобы очистить себя от их порицания, до тех пор, пока один из синекдемов Сергия по имени Феодот не сказал им: "Нет повода для распри между вами и этими людьми, ибо у всех нас до появления нашего

учителя была одна и та же вера". После этого они перестали убивать друг друга.

41. Благочестивый царь Михаил Авва и воцарившийся после него Лев, увидев что значительная часть христиан заразилась этой ересью, послали приказ по всем местам Ромейского государства: убивать всех приверженцев этой гнусной ереси. Приказ царя был получен в феме Армениаков Неокесарийским епископом Фомой и экзархом Паракондакесом. Они, согласно царскому повелению, убивали достойных смерти и вождей погибели. Но потом некоторые ученики Сергия, называемые астаты, путем измены и коварства убили экзарха, а кинохориты, в свою очередь, — митрополита Фому. После этого астаты бежали в Мелитену. Эмиром тамошних сарацин тогда был Монохерарес. Астаты, получив от него Аргаус, поселились там. Итак, собравшись со всех сторон, начали учинять набеги в Романию. Сергий, прожив вместе со своими учениками некоторое время в Аргаусе, потом, по праведному суду Божьему, как рассекавший церковь Божью, был убит и брошен в огонь вечный. Ибо Цанион, который был из крепости Никополя, встретив его на горе, находящейся выше Аргауса, в то время, когда Сергий изготовлял доски, вырвав из его рук топор и ударив, убил. Таким образом, последний, самый страшный зверь ушел из этой жизни в шесть тысяч триста третьем году от сотворения мира. Его самыми близкими учениками были Михаил, Канакарес и Иоанн Аорат — трое лжесвященников, а также упомянутый Феодот, Василий, Зосим и много других. Эти ученики, как некоторые лжепастыри, называющиеся у них синекдемами*, и весь народ, собранный в Аргаусе, будучи испорченными проповедями Сергия и прежних еретиков, после смерти своего учителя Сергия остались равными и больше не провозглашали никого, как раньше, учителем, а все были равными. У них есть также лжесвященники низкого звания, которых они зовут нотариями.

---

* Спутники — так называли себя ученики ап. Павла.

42. Карбеас, появившись в эти времена, возглавляя этот пагубный народ и настолько увеличив его численность, что в Аргаусе не стало места, пришел и построил Тефрику, где и поселил свой народ. Он, с одной стороны, удалившись от находившегося недалеко от него владычества мелитенских агарян, а с другой, не соприкасаясь с людьми, стал совершенно похож на беса. И хотел он приблизиться к Арменият и к Романии. Тех, которые подчинялись ему, он делал своими союзниками и использовал их в деле пленения, а тех, которые не подчинялись, отсылал сарацинам. И ограблял он пограничные районы Романии, расположенные в припонтийских областях. Вместе со всем этим он подготовлял из-за удобства местности убежище для тех, которых убивали в Романии за то, что они принадлежали к этой ереси. И не только этих, а также неустойчивых, распутных и безумных людей, которые жили в тех краях, близ Тефрики, из-за свободы постыднейших страстей, приглашал к себе в это убежище. При его жизни некоторые из упомянутых лжепастырей умерли, а остальные остались в живых.

43. Сразу же после его смерти власть над его пагубным народом наследует его племянник и зять Хрисохерис. В его дни мы и прибыли в Тефрику, посланные туда для исполнения царского поручения, для обмена военнопленных архонтов, что и было исполнено во втором году царствования наших благочестивых, справедливых и великих царей Василия, Константина и Льва. Мы там пробыли девять месяцев, когда еще были живы мерзкие, так называемые синекдемы, Василий и Зосим. Разведывая и исполняя поручение в точности, мы старались, чтобы все это стало всем весьма ясным с Божьим повелением тех же святых, православных и великих царей наших, из большого страха к ним, как ничтожные и недостойные рабы. Но об этом в другой раз. А о некоторых скажем вам после этого. Слава Отцу, Сыну и Святому Духу, единому Богу, Творцу, Господу и Властителю всего видимого и невидимого создания, во веки, аминь.

ОПРАВДАНИЕ ЛЖЕ-ВАСИЛИДА*

Году в девятьсот пятом я узнал, что всеведущие страницы первого тома Энциклопедического англо—американского словаря Монтанера и Симона (от "A" до "ALL") содержат условное и пугающее изображение какого-то царя — с головой петуха в профиль, мужским торсом, разведенными руками, сжимающими щит и кнут, а также конечностью в виде кольцеобразно закрученного хвоста. Году в девятьсот шестнадцатом я вычитал у Кеведо мрачное перечисление; вот оно: "Был там и мерзкий ересиарх Василид. Был там и Николай Антиохийский, и Карпократ, и Керинф, и гнусный Эбион. Позже появился и Валентин, считавший первоначалом море и молчание". А где-то в девятьсот двадцать третьем я листал в Женеве одну немецкую книгу о ересях и понял, что зловещий рисунок изображал конкретного и эклектичного бога, которого безумно почитал сам Лже-Василид. Я также узнал, какие отчаянные и восхитительные люди эти гностики, и познакомился с их пламенными воззрениями. Позже мне удалось проконсультироваться с научными трудами Мида (в немецком переводе: "Fragmente eines verschollenen Glaubens"**, 1902) и Вольфганга Шульца ("Dokumente der Gnosis"***, 1910), а также со статьями Вильгельма Боуссета в Британской энциклопедии. Здесь я попытаюсь подытожить и проиллюстрировать одну из гностических космогоний, а именно космогонию ересиарха Василида. Целиком и полностью положусь на сведения Иринея. Действительно, их часто подвергают сомнению, однако я полагаю, что случайный выбор умерших сновидений подразумевает и такое сновидение, о котором неизвестно даже то, был ли у него сновидец. С другой стороны, ересь Василида — одна из наиболее простых для понимания. Говорят, что появляется

* Пер И. Петровского.

** "Фрагменты тайных религий" (нем.).

*** "Документы гносиса" (нем.).

она в Александрии, около сотого года во Христе, и, как утверждают, среди сицилийцев и греков. А теология в ту пору была повальным увлечением.

В основании своей космогонии Василид полагает некоего Бога. Это божество блистательно лишено как имени, так и происхождения; отсюда его неточное обозначение через "pater innatus"*. Его среда — "плерома", или же "полнота": невиданный музей платоновских архетипов, умопостигаемых сущностей, универсалий. Бог этот неподвижен, однако из его покоя эманируют семь подчиненных ему божеств и, унижаясь до движения, создают и возглавляют первое небо. От этой первой творящей короны происходит вторая, с теми же ангелами, властителями и престолами, которые основывают еще одно нижестоящее небо, полностью симметричное первоначальному. Этот второй конклав воспроизводится в третьем, тот — в нижеследующем, и так вплоть до 365-го. Божество самого нижнего неба — это Господь из Писания, причем содержание божественности стремится в нем к нулю. Он и его ангелы создали видимое нами небо, замесили попираемую нами материальную землю, а затем поделили ее меж собой. Вполне объяснимое забвение стерло сюжеты, связанные в гностической космогонии с происхождением человека, однако примеры из других (современных ей) представлений позволяют восстановить это упущение — по крайней мере, приблизительно или гипотетически. Согласно фрагменту, опубликованному Хильгенфельдом, тьма и свет сосуществуют вечно, не пересекаясь, но, когда наконец они встречаются друг с другом, свет, едва поглядев, удаляется прочь, а влюбленная тьма завладевает его отражением (или воспоминанием); так появляется человек. В сходной системе Саторнила небо открывает ангелам-творцам внезапное видение; по его подобию и создают человека, ползающего, точно змея, по земле, пока Господь не сжалится над ним и не наделит его искрой своего могущества. Для нас важно то общее, что заключено в этих пересказах, а именно: что мы —

* "Нерожденный отец" (лат.).

неосторожная либо преступная оплошность, плод взаимодействия ущербного божества и неблагодатного материала.

Но вернемся к Василиду. Порожденное степенными ангелами бога иудеев, низменное человечество удостоилось снисхождения Бога вечности, и он назначил ему спасителя. Этот спаситель должен принять условное воплощение, ибо плоть унижает. Его бесчувственный призрак прилюдно распинают на кресте, а подлинный Христос проходит сквозь небесные слои и сливается с "плеромой". При этом он остается невредим, ибо ему известны тайные имена божеств. "Знающийся с доподлинной правдой истории, — подытоживает религиозный обет, данный Иринеем, — освободится от власти первоначал, сотворивших наш мир. На каждое небо — свое имя, и на каждого ангела, и божества, и каждого властелина, живущего на нем. Ведающий их несравненные имена вознесется незримо и свободно, точно спаситель. И как Сын Божий никем узнан не был, так же и гностик никем узнан не будет. И тайны эти не разглашать следует, но хранить в молчании. Знай всех, но живи незаметно".

Первоначальная числовая космогония вырождается в конце концов в числовую магию: 365 небесных этажей по семь властителей на каждом требуют умопомрачительного запоминания 2555 паролей; годы сводят этот язык к изящному имени спасителя, Каулакау, и недвижного Бога, Абрашас.

С точки зрения этой дерзкой ереси спасение — всего только предсмертная фантазия покойников, а муки спасителя — один обман зрения; две кажимости, тайно совпадающие с сомнительной подлинностью нашего мира.

Издеваться над никчемным умножением наличествующих ангелов и отражений симметричных небес этой космогонии — дело нехитрое. К ней применим опровергающий ее жесткий принцип Оккама: "Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem"*. И все же подобная строгость представляется мне анахронизмом или бес-

* "Сущность не умножается без необходимости" (лат.).

смыслицей. Удачное использование этих мрачных и зыбких символов — вот что важно. Я вижу здесь две возможности: первая из них — общее место критики; на второй (я не считаю ее своим открытием) до сих пор не останавливались. Начну с более очевидной. Она заключается в том, чтобы спокойно решить проблему зла условным введением иерархии божеств, посредничающих между не менее условным Богом и реальной действительностью. В рассмотренной доктрине по мере удаления от Бога его производные деградируют и опускаются, пока не превратятся в силы зла; они и лепят людей — кое-как, да еще и из неподобающего материала. В доктрине Валентина — а он не считал первоначалом море и молчание — падшая богиня (Ахамот) рождает от мрака двух детей — творца вселенной и дьявола. Искаженную версию этой истории приписывают Симону Магу: будто бы Елену Троянскую — первую дочь Бога, проклятую ангелами на болезненные перерождения, — он спас из портового притона в городе Тир. Тридцать три года человеческой жизни Иисуса Христа и его сумерки на кресте упрямые гностики сочли недостаточным искуплением

Рассмотрим и другой смысл этих зловещих вымыслов. И головокружительная башня небес из еретической доктрины Василида, и плодовитость ангелов, и планетарная тень демиургов, губящая землю, и козни нижних сфер против "плеромы", и плотность населения (по крайней мере, немыслимая и номинальная) этой необъятной мифологии также служат умалению окружающего мира. Не зло предсказано в них, а совершеннейшая наша ничтожность. Как на равнине в час великолепного заката: небеса внушительны и пылают, а земля убога. Таков оправдательный вывод из мелодраматической космогонии Валентина, извлекающей бесконечный сюжет из двух узнающих друг друга братьев, падшей женщины, издевательской и многообещающей интриги злонамеренных ангелов и заключительной свадьбы. В этой мелодраме (или фельетоне) сотворение мира — эпизод второстепенный. Блистательная идея: мир, представленный как нечто изначально пагубное, как кос-

венное и превратное отражение дивных небесных промыслов. Творение как случайность.

Замысел был смелым; ортодоксальная религиозная чувственность с гневом его отвергла. Первоначальное творение для них — свободное и необходимое деяние Господа. Вселенная, как дает понять святой Августин, началась не во времени, а сразу вместе с ним — суждение, отрицающее любой приоритет Творца. Штраус считает гипотезу о первоначальном мгновении иллюзорной, ибо она оскверняет временным измерением не только последующие мгновения, но и "предшествующую" вечность.

В первые века нашей эры гностики полемизируют с христианами. Затем их уничтожают; однако мы вполне можем вообразить предположительный триумф. Тогда победа Александрии, а не Рима, безумные и нечистоплотные истории, приведенные мной выше, покажутся логичными, возвышенными и привычными. Сентенции — вроде "жизнь есть болезнь духа" Новалиса или вроде отчаянной "настоящей жизни нет, мы живем не в том мире" Рембо — будут пламенеть в канонических книгах. Представления вроде отталкивающей идеи Рихтера о звездном происхождении жизни и ее случайного попадания на нашу планету встретят безоговорочное принятие жалких лабораторий. И все же не лучший ли это дар — прозябать в ничтожестве и не вящая ли слава для Господа быть свободным от творения?

Л. П. КАРСАВИН

СОФИЯ ЗЕМНАЯ И ГОРНЯЯ*

<...> О Свет светов, тебе от начала поверила я. Внемли же ныне, о Свет, умопремене** моей! Спаси меня, Свет, ибо злые мысли проникли в меня. Воззрела я долу и там увидела свет, и подумала: "Хочу устремиться туда и объять этот свет". Устремилася я и во Тьме себя обрела, во тьме Хаоса внизу; и не могла поспешить я назад и места моего достичь, ибо утеснена была всеми верженьями Своевольного, ибо Сила с ликом льва отняла у меня во мне находившийся свет... И воззвала к помощи я, но голос мой не донесся из Тьмы; и воззрела горе я, дабы Свет, ему же поверила я, на помощь ко мне низошел... Не оставь меня, Господи, ныне в нужде моей, ибо искони в твой я верила Свет; о Господи, Свет Сил, не оставь в нужде по свете моем! Я к тебе воззрела горе, о Свет, поверила в тебя. Ныне, о Светов Свет, утеснена во тьме Хаоса я. Если ныне хочешь ты снизойти, чтоб спасти меня — велико милосердие твое — внемли во Истине мне и спаси меня. Спаси меня от вещества этой Тьмы, дабы не утонула я в ней... Не допусти этой Тьме меня утопить; не допусти, чтобы Сила с ликом льва поглотила всю силу мою; не допусти, чтобы Хаос силу мою покрыл... Не отвращай лица твоего от меня, ибо я томима весьма... Из средины Хаоса и из средины Тьмы воззрела я, и ждала я Супруга моего, да придет и сразится за меня, но не пришел он; и ждала я, да придет и силу дарует мне, но не обрела его. И когда искала я Свет, они дали мне Тьму; и когда искала силу мою — вещество мне дали... Ныне, о Свет, что в тебе и со мной, песнословлю я имя твое, Свет, во славе. Да угодным будет тебе, о Свет, песнословье мое, как возвышенная тайна, что во врата Света вводит... Ищите все Свет, коим Сила души вашей,

---

* Фрагмент стилизации Карсавина под древние гностические тексты (прежде всего — "Пистис София").

** Т. е. греч. "metanoia" — "покаяние".

что в вас живет. Ибо Свет веществу всяческому внял; и он ни одного не оставит без того, чтобы очистить его... Бог из вещества душу спасет. И в Свете град уготовит, и все спасенные души в граде том будут жить и его получать в удел. И души тех, что тайны прияли, будут в месте том пребывать; и те, что тайны прияли во имя его, будут там пребывать... Свет Светов, в тебя поверила я — не оставь во Тьме меня до исполнения времени моего! Помоги мне и спаси тайнами твоими; преклони ухо твое ко мне и спаси! Да спасет меня Сила Света твоего и да вознесет к высшим эонам, ибо ты спасешь меня, к высоте эонов твоих возведешь... Не отвращай светлого образа твоего от меня, но призри на меня, когда меня они утесняют; поспеши во время спасти меня, когда возопию к тебе. Ибо время исчезло мое как дыханье, и стала я веществом. Отняли они свет у меня, и иссохла сила моя. Забыла я тайну мою, ее же исполняла я ране... Воздвигнись же ныне, Свет, отыщи силу мою и в ней — сущую душу. Исполни веленье твое, его же ты мне в утесненьях уставил. Исполнилось время мое. — Взыскуешь ты силу мою и душу мою... Свет моего спасенья, я песнословлю тебя в месте горнем и в хаосе снова. Песнословить буду тебя в песнословьи моем, коим в месте горнем славила тебя и славила, когда в Хаосе была я... Свет, в тебе воздвигла я силу мою, мой Свет. В тебя уверовала я. Не дай презирать меня, не дай архонтам двенадцати эонов, ненавистникам моим, ликовать надо мной... Свет, яви мне пути твои, и спасуся на них; яви мне дорогу твою, дабы из Хаоса я спаслась... Веди меня в Свете твоем, да узнаю, что ты, Свет, — спаситель мой. На тебя уповать буду я во все время мое.

Так в плаче Пистис Софии взываю к тебе, Праотец Неизреченный. Безмолвен ты, и неисследима Пучина твоя, но зовешь в себя к постижению тайны твоей сокровенной. Минула Черная Ночь; яркий день, из чрева рожденный ее, воссиял...

<...> "Вижу новорожденное дитя", — говорил Валентин. Вижу Рождающегося и я. — Неизреченный Вифос и Безмолвный хочет высказать себя, всего, всецело. Хочет

себя узреть не собою самим — другим, от него отличным, увидеть себя сияющим Светом, услышать Словом звучным. Не может он, темный исконно, в себе себя увидеть; не может, молчаливый нерушимо, себя самого услыхать. Как же тогда во Тьме он пребудет вечно своей, в вечном своем Молчаньи? Как же тогда он Безмолвье и Мрак? Выше он мрака и выше безмолвия: он и мрак и свет, и молчанье и речь. И как речь он не безмолвие, как свет он не мрак. Из себя он рождает Слово свое и Свет свой, но сам не рожден, ибо Тьма ранее Света и ранее Речи Молчанье. Вижу Рожденного. — Вот воссиял он и светом своим пронизал его породившую Тьму, разъял ее, ничего от нее не оставил и в полноте своего сияния сам сиянием быть перестал. Вот прозвучал многозвучным он словом и всю наполнил им Молчаливую Бездну, и сам в звучаньи своем молчанием стал. Предвечным Отцом он рожден. Не незримый лик отчий воззрел и, пламенея любовью, низвергся в отчее лоно.

Вижу в духе. — Отец рождает Сына — Сын свободно и вольно рождается от Отца, от начала ему послушный, всецело свободный. Словно двуострым мечом, сияньем луча рассекает Отца; в свете своем воздвигает Предел или Крест между Светом своим и отчею Тьмою. Весь пламенеет и в пламени бурном и пламенем бурным звенит и звучит. Весь в Отце, он не видит Отца и отходит в особность. Но в себе рассекая Отца, он зрит и другую Отчую Силу, Силу единства, Великую Мощь Единящей Любви. Ею влекомый назад, обращает пресветлый свой зрак в незримость темного отчего лона. Бурно кидается в лоно Отца, упоенный бездонностью Бездны. Весь пламенея Любовью, всего Отца озаряет и оглашает Безмолвную Бездну ликующим кликом своим. Меркнет, светом все пронизав, собою соделав Вечную Ночь; в звучность Молчанье свое претворив, умолкает. Но не померк, не замолк он. — Отчая Сила его сохранила над Бездной и в Бездне. В отчее лоно низвергнув его, воскресила его и пресветлым и звучным. Силой Любви он жив и спасен. И Силой Любви вожделеет Отец, чтобы вечно звучало сыновнее первое слово, сладостным именем вечно его, Отца, именуя. Силой Любви

вожделеет Отец зреть непрестанно сыновний сияющий Свет. Хочет Отец, чтобы Дух Любви не в нем одном пребывал: чтобы Дух покоился в Сыне. Хочет он видеть как с Сыном и с ним, с Отцом, единит себя отделенный сыновним сиянием Дух...

<...> Все только Дух, из Отца изошедший чрез им рожденного Сына, Дух, воскрешающий Сына из лона его породившего Мрака, из лона снова его приявшего Мрака, Дух соблюдающий Мрак в самом озареньи его сияющим Светом. Весь он — Отец в непостижном единстве его; весь и Сын, ибо им лишь Сын и живет, и дышит, и светит.

Дивная, дивная жизнь Полноты! — Вечно рождает Отец, вечно дыханье из уст его вместе с рождаемым Словом исходит. Вечно весь он в Слове звучит и весь в дыхании дышит, весь и светлое Слово и Дух. Вечно и Сын произносит любимое имя Отца, имя Духа его именуя; вечно Мрак озаряет и все, что во Мраке: себя и Духа. Вечно и Дух извергается бурным потоком из Бездны Бездонной, рождающей Сына; но, извергаясь, вечно в Отце он и в Сыне, сливается с ними, сливает их снова, разъятых, и сохраняет в единстве тройство...

<...> Неисчислимы твои имена. Ты Бездна — Молчанье и Истина — Ум. Ты Слово — Жизнь и Человек — Соборность. Ты Четверица совершенная; ты — Восьмерица; ты — вся Плерома. Много имен твоих, раскрытых нам Валентином, и Птолемеем, и Марком. Но во всех их и малой доли нет твоей полноты, совершенно единая в трех совершенных. Близок, близок конец моего блужданья вдали от тебя. Скоро уже упокоюсь навеки в тебе. Стареют глаза мои, но все ярче Свет Истины их озаряет. Немощно слабое тело мое, и невольно дрожат иссохшие руки; медленней бьется усталое сердце, и стынет когда-то кипевшая кровь. Знаю — покой твой объемлет меня; и молитвенно жду я покоя. Скоро ли, скоро ль придет он, желанный? И отчего неизбывна тоска по тебе, отчего я так долго и слепо блуждаю?

В ясном немеркнущем Свете Плеромы предвечно мудрствовала Мудрость-София, в чете с Вожделенным своим.

В Единеньи Любви обретала Блаженство она, от Надежды подъемляся к Вере. Верою в Церкви она узревала супруга ее — Человека: и в Человеке и в Церкви сияли ей Слово и Жизнь, в них же Ум Истиной Бездну Молчащую ей раскрывал. Но до конца непостижна была для нее Молчащая Бездна, и не могла, недвижима, услышать она, что говорит Безмолвное Слово. И забывала она Вожделенного, несказанной красою влекомая, прелестью Бездны безмолвной; Бездны забыть не могла в страстных объятьях супруга. Жгучая страсть зародилася в сердце ее, ненасытная страсть, вожделение Бездны, неизъяснимо зовущей Молчаньем своим, влекущей гибелью черной. Ринулась бурно София, помыслив о Бездне. Страстью влекомая, в Вифосе смерти искала. Мчалася быстро она к воссиявшему ей в беспредельности Тьмы несказуемой Свету. Вся отдаваясь порыву Любви, неминучую гибель искала. Но преградил ей дорогу Предел, ограждавший бездонность, незыблемый Крест. Крест ее спас от гибели в Бездне, но дух ее помутился. Жгучею темною страстью ниспала она в кромешную тьму, в Пустоту и во Мрак. Пала она, Ахамот, не в таинственный Вифоса мрак, не в его всеединое лоно: пала во мрак, которого нет, в небытие. Этот небытный мрак ничего не может родить и не может стать светом. Эта зловещая тишь зазвучать не может, ибо нет ее, ибо нет кромешного мрака. И за Пределом Плеромы утратила все Ахамот, лишилася образа, жизни, всего, чем была и любила: вся она стала лишь черным, слепым стремлением в Бездну, жалким подобием Бездны Великой.

Так тосковала она и томилась, и все стремилася к дальнему горнему Свету. Словно птица ночная, в отчаяньи билась о Крест. Но на Кресте распростерся Христос, и в нем на миг ей видимым стало Сиянье, на миг зазвучало Отчее Слово. И распростершись коснулся ее Он, извел ее из небытности полной, образовал по сущности только. Вновь пробудилася жизнь ее, и в себе ощутила она плод любви к ней Христа; опознала в жгучей и темной страсти своей свое стремление в Плерому. Снова ринулась Дева; и снова стал перед нею незыблемый Крест... Не прекращалась тоска Софии: неустанно стремилась она; и всегда

и везде встречала Предел, его же не в силах была превозмочь и стремленье, не завершаясь, оставалось стремлением...

<...> Вещая мудрость говорит в старой книге о муках Софии, о мире чудесном, ее порожденном тоской и неясным стремленьем познать и любить: И отвечая, Иисус сказал ученикам своим: "Когда пребывала София в тринадцатом эоне, в месте всех братьев ее невидимых, т. е. двадцати четырех вержений Великого Невидимого, по велению Первой Тайны случилося это; и тогда воззрела Пистис София горе. Увидела свет она Завесы Сокровищницы Света и восхотела достичь того места, и не в силах была достичь того места. Но перестала она выполнять тайну тринадцатого эона, а воспеснословила Свет Высоты, его же узрела в свете Завесы Сокровищницы Света.

Случилось же, когда песнословила она место Высоты, что возненавидели ее все в двенадцати эонах бывшие архонты, — они же внизу — ибо отошла она от их тайн, ибо восхотела она возойти к Высоте и над ними всеми быть. Посему гневались они на нее и ненавидели ее. И гневался великий Трехсильный Своевольный, т. е. третий Трехсильный, он же пребывал в тринадцатом эоне и ослушником был, ибо не изверг всего очищенного его в нем пребывающей силы и не дал очищенного из света своего в должное время, когда архонты давали очищенное свое, ибо хотел он владыкою быть над всем тринадцатым эоном и над теми, что ниже его пребывали. Когда же архонты двенадцати эонов гневались на Пистис Софию — она же превыше их — и ее весьма ненавидели, случилось, что и великий Трехсильный Своевольный, о коем сейчас я рассказал вам, примкнул к ним и гневался на Пистис Софию и весьма ненавидел ее, ибо она к Свету, высшему, чем он, помыслила течь. И изверг из себя он великую Силу с ликом льва, и из своего в нем пребывавшего вещества изверг он много других весьма могучих вержений, и послал их к местам внизу, к частям Хаоса, дабы они там нагнали Пистис Софию и из нее взяли силу ее, ибо помыслила она течь превыше их всех и еще — перестала выполнять ее тайну, но скорбела все

время и Свет, что узрела, искала. И ненавидели ее архонты, оставшиеся и упорствующие тайну выполнить, и ненавидели ее все стражи врат эонов.

Случилось же по велению Первого Веления, что великий Трехсильный Своевольный, он же был один из трех Трехсильных, преследовал Софию в тринадцатом эоне, дабы воззрела долу она и увидела Силу Света, Силу с ликом льва, и восхотела ее, и к месту тому притекла, так, чтобы свет ее у нее отнять.

Случилось же после сего — воззрела долу она и увидела его светлую Силу внизу, и не познала она, что это Сила Трехсильного Своевольного, но помыслила, что она от Света, его же изначала увидела она, из света Завесы Сокровищницы Света. И помыслила она в себе: "Потеку я к месту тому без Супруга моего, возьму Свет и созижду себе из него светлый эон, дабы в силах быть к Свету Светов, что в Высоте Высот, потечь". И когда помыслила она это, изошла она из места ее, из тринадцатого эона, и низошла к двенадцати эонам. Преследовали ее архонты эонов и гневались на нее, ибо о величии помыслила она. Но изошла она из двенадцати эонов и потекла к местам Хаоса, и приступила к Силе Света с ликом льва, дабы поглотить ее. Но обступили ее все вещные вержения Своевольного, и Великая Сила Света с ликом льва поглотила Силы Света в Софии, и очистила Свет ее и поглотила его; а вещество ее низвергнуто было в Хаос, и стало оно в Хаосе архонтом с ликом льва, одна половина коего огонь, а другая мрак, т. е. Ялдаваофом, о нем же часто я вам говорил. Когда же случилось это, стала София весьма слабой, и начала еще та Сила Света с ликом льва брать из Софии все Силы Света, и все вещные Силы Своевольного обстояли Софию и утесняли ее. И возопияла громко Пистис София и воскричала к Свету Светов, его же изначала узрела, когда поверила в него...

<...> Когда же Пистис София окончила шестую свою умопремену покаянную о прощеньи проступков ее, случилось, что обратилась она опять к Высоте, дабы видеть, прощены ли грехи ее, и дабы видеть, изведут ли из Хаоса ее. И по велению Первой Тайны не услышала она еще,

что грехи ее прощены и изведена она из Хаоса будет. Когда же обратилась она к Высоте, дабы видеть, приятa ли от нее умопремена ее, узрела она всех архонтов двенадцати эонов, как смеялись они над ней и радовались, ибо умопремена ее не приятa от нее. Но когда возопияла она в седьмой раз, внял Иисус воплю ее...

<...> Когда же возвестила Пистис София девятую умопремену свою, утеснила ее опять Сила с ликом льва, вожделея все силы отнять у нее. И снова возопияла она к Свету, говоря: "О Свет, коему от начала поверила я, ради коего претерпела я эти великие муки, помоги мне!"

И в тот час была приятa от нее умопремена ее. Вняла ей Первая Тайна: по велению ее ниспослан был я. Я пришел помочь ей, и возвел ее из Хаоса, ибо почувствовала она умопремену и поверила в Свет, и эти великие муки, и эти великие опасности претерпела. Была обманута она божественным Своевольным, и ничем иным не была обманута она, кроме как Силою Света по подобию Свету, в него же поверила. Ради сего по велению Первой Тайны ниспослан был я, дабы тайно ей помочь. Но не изошел я к месту эонов, а изшел из средины всех их так, что ни одна Сила не знала, ниже Силы Внутреннего Внутреннейшего, ни — Внешнего Внешнего, и только Первая Тайна знала о том.

Когда же низошел я к Хаосу, дабы помочь ей, случилось, что увидела она, что умен я и весьма сияю и в милосердии к ней. Ибо не своеволен я был, как Сила с ликом льва, она же взяла из Софии Силу Свету и утесняла ее, дабы взять весь сущий в ней Свет. Узрела тогда София меня, что светил я в десять тысяч раз более, чем Сила с ликом льва, и что в великом милосердии я к ней; и познала она, что из Высоты Высот я, в Свет коих изначала поверила она. Объяло тогда мужество Софию и сказала она десятую умопремену свою.

Случилось же, когда Сила с ликом льва узрела меня: как приближался к Софии я весьма сияя, что разъярилась она еще больше и извергла из себя новое множество весьма сильных вержений. Когда же случилось это, сказала Пистис София одиннадцатую умопремену свою...

<...> В час тот исполнилось веление обо всех утеснениях, Пистис Софии определенных, ради исполнения Первой Тайны, что от начала существовала, и пришло время спасти ее из Хаоса и извести ее изо всех мраков. Ибо прията была умопремена ее Первою Тайной. И Тайна эта ниспослала мне с Высоты Великую Силу Света, дабы помог я Пистис Софии и возвел ее из Хаоса. Воззрел я к эонам в Высоту и увидел Силу Света, ее же ниспослала мне Первая Тайна, дабы из Хаоса спасти Софию.

Случилось же, когда из эонов изошел я и узрел спешащим себя — сам же был я над Хаосом — что изошла из меня другая Сила Света, дабы помочь Пистис Софии. И Сила Света, что Первою Тайною изошла из Высоты, низошла на Силу Света, из меня исшедшую, и встретились они и стали Великим Истечением Света"...

<...> Я, София, живу, но живу не собою, небытной, не-сущей. Им создана, образована я, и в девственном чреве моем ношу Его семя, Его самого — плод, рождаемый в муках. Я рождаю Его, Человека; сущая Им, я в Нем исчезаю. Все от Супруга во мне и все для Сына земного. Первым я создана, во Втором живу и являю Его многовидность. В Хаосе черном, небытная я, оставляю небытную мнимость. Ныне же, Дева, в полуденный час выхожу я к Великому Духу, к юному в девстве своем, восхожу, непорочная дева. Ныне, в полуденный час выхожу я к Незримому Богу. Тайну последнюю я отверзаю последней печатью. Имя ее изрекаю — Дзооэ-Дзои-Дзапоо. Имя ее изрекая, десницею тьмы я четыре беру и пять десницею тою же сотен, шуйцею — пять на десять и ею же снова четыре. Я призываю вас Дзоэдзиадзехоэдзоои Оэдзиадз Иодзиаоо Дзадзио Дзадзиадзо...

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НЕОГНОСТИЦИЗМ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. БУЛГАКОВ

О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ И ИММАНЕНТНОМ*

<...> Тайна... — трансцендентное, она может приоткрываться лишь в меру восхождения трансцендентного в имманентное, актом самообнаружения, откровения трансцендентного. Откровение входит как необходимый гносеологический элемент веры. Знание, как бы оно ни было глубоко и широко, в последнем счете есть самопознание. Человек, когда познает мир, в сущности, познает самого себя, ибо он сам есть весь этот мир, как микрокосм. И в этом познании нет принципиальной разницы между его самым элементарным актом и последними достижениями. Знание строго монистично, — в его пределах, которые суть в то же время и пределы имманентного, гносеологически нет места вере, она не имеет здесь себе онтологического основания. Насколько трансцендентное есть "трансцендентальный объект религии", настолько же вера есть неустранимая и непревосходимая ее основа. Трансцендентное опознается, как таковое, только верою. Трансцендентное всегда лежит за пределами познания, вне его, поверх его. Ошибочно поэтому думать, что вера соответствует лишь детскому состоянию религиозного сознания, а в более зрелом возрасте заменяется и вытесняется знанием — философией и наукой (хотя и "духовной"), вообще гнозисом. Отношение между верой и гнозисом вообще принадлежит к тончайшим вопросам религиозной гносеологии. Вера не отрицает гнозиса, напротив, она порождает его и оплодотворяет: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею (т. е. волею), и всем

* Фрагмент из книги "Свет невечерний"

разумением твоим (т. е. гнозисом)" (Мф. 22:37), и, конечно, дух, загоревшийся верой, принесет ее огонь и свет во все области своего творчества. Однако мотив, природа, ориентировка веры и гнозиса вполне различны. Вера есть акт свободы, безумия, любви и отваги, это есть закидывание конца жизненной нити в небо, в уверенности, что он повиснет там без всякого укрепления. Вера имеет дело с недоступным: "Верь тому, что сердце скажет, нет залогов от небес". Вера есть подвиг сердца, верующей любви. "Залоги" и гарантии ей не нужны, они противоречили бы ее существу, ибо она хочет Бога, любит только Бога, отвергается мира, т. е. всего данного, ради неданного, трансцендентного. Она есть высшая и последняя жертва человека Богу — собой, своим разумом, волей, сердцем, всем своим существом, всем миром, всею очевидностью, и есть подвиг совершенно бескорыстный, все отдающий и ничего не требующий. Это любовь человека к Богу исключительно и ради самого Бога, это спасение от самого себя, от данности своей, от своей имманентности... Здесь приносится жертва собой и миром (что означает тут одно и то же) ради сверхмирного и премирного, ради Отца, который на небесах. Это не метод познания с его верной, рассчитанной поступью, это безумие для мира сего, и его хочет Бог. И этот незримо совершающийся в душе жертвенный акт, непрерывная жертва веры, которая говорит каменной горе: ввергнись в море, и говорит не для эксперимента, а лишь потому, что не существует для нее эта каменность и неподвижность мира, — такая вера есть первичный, ничем не заменимый акт, и лишь он придает религии ореол трагической, жертвенной, вольной отдачи себя Богу. И герои веры велики именно этой жертвой, безмерностью своей отдачи. И их-то поминает св. апостол Павел в своем гимне вере (Евр. Гл. 11). Их почитает святыми Церковь. И лишь за этой жертвенной смертью следует воскресенье, так, как за ночью день: радость и победа веры, новое обретение своей погубленной души. Вне этого момента не рождаются к религии; вероятно, вполне возможно быть философом, богословом, мистиком,

гностиком, оккультистом, но при этом... не верить в Бога, не пережив этой свободной отдачи себя.

В истории философии понятию веры придается иногда расширенное гносеологическое значение, этим именем называется всякая интуиция, устанавливающая транссубъективное бытие, — внешнего ли мира или чужого "я". Значение веры в этом смысле выдвинуто было в полемике с Кантом уже Якоби, который считал областью веры не только бытие божественного мира, но и эмпирического, и таким образом профанировал или, так сказать, секуляризировал понятие веры. Такая постановка вопроса вытекала из кантовского учения об опыте, понятого как субъективизм или иллюзионизм. Для того, чтобы схемы понятий наполнялись жизненным содержанием и в сети разума уловлялась действительная, а не воображаемая рыба, надо, чтобы познание имело орган такого удостоверения действительности, чувство реальности, которое не разлагается на отдельные признаки вещи, но связывает их собой в бытии. Это эмпирическое чувство реальности, опирающееся на интуицию, иногда называется верой или же "мистическим эмпиризмом". Так, напр., Владимир Соловьев в своей первой теории познания, развитой в "Критике отвлеченных начал", говорит о вере, как устанавливающей бытие предмета и скрепляющей собой эмпирические показания и их логическую связь. Согласно этому учению, акт веры присутствует в каждом познавательном акте. Сходную точку зрения развивает в своих ранних гносеологических работах кн. С. Н. Трубецкой (особенно в "Основаниях идеализма").

Благодаря этому терминологическому смешению может показаться, что в обоих случаях — имеется ли это в виду интуиция эмпирической действительности или же религиозная вера — речь идет об одном и том же. Между тем, строго говоря, между верой и "мистическим эмпиризмом" столь же мало общего, как вообще между верой и познанием, в составе коего интуиция есть, действительно, совершенно неустранимый элемент. Справедливо, что всякая реальность, будет ли то чужое "я" или внешний мир, устанавливается не рассудочно, но интуитивно, причем интуиция действительности имеет корни в чувстве действен-

ности, т. е. не гносеологические, но праксеологические. Для рассудка ("чистого разума") такое удостоверение, может быть, и является "мистическим" и установляется "верою", но это показывает только всю условность и недостаточность отвлеченно-рассудочного понимания познания, ибо корень познания жизненно-прагматический, и понятие эмпирии должно уже наперед включать в себя признак действенности, ощупывающей вещи и отличающей идеальности от реальностей (кантовские "талеры" в воображении или в кошельке).

Этим праксеологическим моментом и установляется экзистенциальное суждение. Можно, конечно, эту интуицию называть и верой, и "мистическим эмпиризмом", но при этом все-таки не надо забывать основного различия между этой интуицией и религиозной верой: такая интуиция вполне остается в пределах эмпирически данной действительности, области "мира сего". Она подлежит всей принудительности данной действительности, железной ее необходимости; от моей воли, от моей личности нисколько не зависит "верить" или "не верить" в существование этого стола: довольно мне его пощупать или об него стукнуться, чтобы стол предстал предо мной во всей непререкаемой действительности. Равным образом, вовсе не находится в моей власти верить или же отрицать существование лица, написавшего это несимпатичное для меня сочинение. И это откровение внешнего мира (по столь неудачному и фальшивому выражению Якоби) одинаково принудительно для всякого нормально организованного сознания.

Напротив, религиозная вера удостоверяет нас в существовании иной, трансцендентной действительности и нашей связи с нею. Следовательно, объект ее качественно иной. Он опознается не принудительностью внешних чувств, не насильственно, но свободным, творческим устремлением духа, исканием Бога, напряженной актуальностью души в этом направлении. Другими словами, элемент свободы и личности, т. е. творчества, неустраним из религиозной веры: я выступаю здесь не как отвлеченный, средний, безличный, "нормально" устроенный представитель рода,

но как конкретное, неповторяемое, индивидуальное лицо. Вера требует любви, волевого сосредоточения, усилия всей личности.

Моя вера не есть пассивное восприятие, но активное выхождение из себя, совлечение с себя тяжести этого мира. Если мы посмотрим, как описывают свою душевную борьбу люди, шедшие путем веры, напр., блаж. Августин ("Исповедь"), Томас Карлейль ("S. Resartus"), Паскаль ("Мысли"), Л. Толстой ("Исповедь"), Достоевский ("Pro et contra" в "Братьях Карамазовых") и др., если каждый из нас заглянет в свою собственную душу, рвущуюся к Богу среди мрака сомнений, душевной немощи и отяжеления, мы поймем, какой актуальности требует вера, притом не только в первые моменты своего зарождения, во и в каждый миг своего существования. Всегда готов ослабеть и погаснуть ее трепетный огонь, и только на вершинах, у подвижников веры сияет он ровным, невечереющим светом. Вот почему, вообще говоря, так трудно определить момент уверования или утраты веры, ибо в действительности уверование всегда и непрерывно вновь совершается, есть единый растянутый во времени акт, и всегда неверие, как темная трясина, подстерегает каждое неверное движение, каждое колебание на пути веры.

Сказанное дает основание и для суждения о пределах религиозного гнозиса, или вообще о гностическом направлении в религии, которое всегда существовало, в настоящее же время проявляется с наибольшею силой, с одной стороны, в метафизическом рационализме, а с другой — в так называемом теософическом движении, точнее, в современном оккультизме.

Метафизический гностицизм получил самое крайнее выражение в философии Гегеля. Гегелевский панлогизм есть, вместе с тем, и самый крайний имманентизм, какой только знает история мысли, ибо в нем человеческое мышление, пройдя очистительный "феноменологический" путь, становится уже не человеческим, а божественным, даже самим божеством. Если логика, по известному выражению из "Науки логики", есть "истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой" и в этом смысле

"изображение Бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа", если диалектика есть достаточно надежный мост, ведущий человека к свышечеловеческому бытию, к абсолютному духу, то очевидно, что мир и есть этот же самый дух, находящийся на соответственных ступенях своего диалектического саморазвития. Поэтому религия со своими несовершенными формами "представления" и веры есть также лишь ступень развития его самосознания, которая должна быть превзойдена, притом именно в философии. Отсюда известное воззрение Гегеля, выраженное им уже в "Феноменологии духа", что философия выше религии, ибо для нее в совершенной и адекватной форме логического мышления ведомы тайны Бога и мира, точнее, она и есть самосознание Бога. Здесь, правда, еще не утверждается, что человек и есть бог (как провозгласил ученик Гегеля Фейербах), напротив, человек должен преодолеть свою эмпирическую человечность, совлечь себя, став оком мирового разума, абсолютного духа, слившись с его самомышлением. Но в то же время процесс этого феноменологического очищения и панлогического восхождения отличается непрерывностью и связностью на всех ступенях, он может быть проходим во всех направлениях, подобно тому, как из любой точки круга мы можем пройти всю окружность и возвратиться к исходной точке... Здесь нет полярности трансцендентного и имманентного, нет места сверхлогическому откровению, сверхзнанию или незнанию веры, ее "ученому незнанию" (по выражению Николая Кузанского), здесь нет тайны ни на небе, ни на земле, ибо человек держит в руках своих начало смыкающейся цепи абсолютного, точнее, он сам есть ее звено. Панлогизм Гегеля может быть понят только в том смысле, что для него познание — миро- и самопознание, есть вместе с тем и богопознание. Религия, связь человека с божеством, имеет для него значение не связи двух миров, но выражает лишь определенную стадию развития духа.

В родстве с гегельянским имманентизмом в рассматриваемом отношении несомненно находится и религиозная философия оккультизма. Основная мысль оккультизма,

именно, что область возможного и доступного человеку опыта и количественно и качественно может быть углублена и расширена путем соответствующей психической тренировки. "развития высших способностей", сама по себе еще не приводит непременно к имманентизму. Оккультизм есть лишь особая область знания, качественно отличающегося от веры, всякое же знание есть самопознание, т. е. имманентно. Человек рассматривается здесь как представляющий собой совокупность нескольких оболочек или "тел" и принадлежащий в этом качестве к нескольким мирам или "планам". Однако, в связи с этим проскальзывает и иная мысль, именно: что, переходя из одного низшего мира в высший, человек достигает в конце концов мира божественного.

Для теософического гностицизма, для "науки о духе", принципиально познаваемо все, Бог и мир, так же как и для гегельянства. Места для веры и откровения здесь не остается, и если и можно говорить об откровениях высших сфер в смысле "посвящения", то и это посвящение, расширяя область опыта, качественно ее не переступает, ибо и иерархии эти принадлежат тоже еще к "миру", к области имманентного.

Следует видеть различие между расширением нашего опыта, открывающим нам новые миры (безразлично, будет ли это мир, изучаемый телескопом или же астральным ясновиденьем), и его прорывом, которым является соприкосновение с началом, трансцендентным миру, т. е. с Богом.

Вступление в новые плоскости мира, конечно, разбивает прежнюю ограниченность, оно разрушительно для грубого материализма (хотя на его место, быть может, ставит материализм же, лишь более утонченный), но оккультизм может оставаться атеистичен, поскольку, расширяя мир, он еще более замыкает его в себе. Вообще путь оккультного и даже мистического постижения мира отнюдь не есть необходимо путь религиозный, хотя и может соединяться с ним. Теософия притязает (в более откровенных своих признаниях) быть заменой религии, гностическим ее суррогатом, и в таком случае она превращается в вульгарную

псевдонаучную мифологию. Она эксплуатирует мистическое любопытство, люциферическую пытливость холодного, нелюбящего ума. Общение с существами иных миров, если оно действительно возможно и совершается, само по себе может не только не приближать к Богу, но, напротив, даже угашать в душе религиозную веру. Принцип иерархизма, который настойчиво выдвигается при этом, имел бы основание лишь в том случае, если бы и Бог входил в ту же иерархию, образуя ее вершину, так что она представляла бы собою реальную и естественную лестницу восхождения к Богу. Но такое учение есть пантеистический имманентизм и религиозный эволюционизм, который составляет первородный грех оккультизма. Мир (или миры) для него представляет собой реальную эволюцию самого божества; божество включено здесь в механизм мира и доступно раскрытию и постижению методическим, закономерным путем, хотя для него требуются иные методы, нежели для изучения, напр., мира микроскопического. При таком положении вещей оккультизм со своими иерархиями миров неуклонно ведет к политеизму, причем оккультический Олимп имеет ряд ступеней и градаций, поэтому ему соответствует поликосмизм и полиантропизм: меняются миры, меняется и человек. Теперешний человек соответствует настоящей стадии в развитии земли; предыдущие ступени его существования духовно и физически отличаются от теперешней, и еще более надо это же сказать про последующие мировые эпохи: человек есть только звено, его не было и он должен быть преодолен; эволюция ведет не к сверхчеловеку, но от человека и за человека. Эта эволюция не имеет конца и предела; абсолютное для этого радикального эволюционизма существует лишь в качестве возможности беспредельного движения, т. е. "дурной бесконечности", между тем как религия имеет дело с положительной бесконечностью, с трансцендентным и абсолютным Богом, подающим нам вечную жизнь, успокоющим и спасающим от распаленного колеса "дурной бесконечности", этой бешеной, ненасытной "эволюции".

Последовательный гностицизм, несмотря на все свое пристрастие к таинственному, есть радикальный имма-

нентизм, в этом совпадающий с гегельянством. Здесь стирается характерное различие между верою и знанием: соблазн оккультизма заключается именно в полном преодолении веры знанием ("будете, как боги, знать добро и зло", — отсюда культ Люцифера, более или менее общий для всех оттенков оккультизма). "Блаженны не видевшие и уверовавшие" (Иоан. 20:29) — эти слова Господа Фоме не могут достигнуть слуха гностиков; для них это не блаженство, а в лучшем случае детское состояние, низший духовный ранг, "вера угольщика". Но вера не различается по своей природе у угольщика и философа. Герои веры, религиозные подвижники и святые, обладали различными познавательными способностями, иногда же и совсем не были одарены в этом отношении, и, однако, это не мешало их чистому сердцу зреть Бога, ибо путь веры, религиозного ведения, лежит поверх пути знания, хотя бы и оккультного, "мудрости века сего". Вере свойственна детскость, не как отсутствие зрелости, но как некое положительное качество: детям принадлежит Царство Божие. "Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него" (Лк. 18:17).

Вс. СОЛОВЬЕВ

ЧТО ТАКОЕ "ДОКТРИНА ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"

I

Представители индийского "теософического общества" явились в 1884 году в Европу с отпечатанным "уставом", выясняющим сущность и цели этого "ученого" братства. Олкотт в качестве "президента" заявлял:

"Цель "теософического общества", президентом которого я состою, заключается в том, чтобы:

1) развивать чувство взаимной терпимости и братства между людьми различных рас и вероисповеданий;

2) способствовать изучению философии, науки и религии древних, в особенности же арийцев;

3) помогать научному исследованию природы и психических сил, заключающихся в человеке.

Таковы единственные чаяния нашего Общества, и с 1875 года, когда оно было основано в Нью-Йорке, эти цели были открыто признаны нами и публично защищаемы. Иных целей у нас нет — и мы энергично отказались вмешиваться в политику или поддерживать какое-либо религиозное верование в ущерб другим".

Подобный "паспорт", указывая не только на вполне безобидные, но даже высокие стремления его предъявителей, должен был открыть им все двери и внушить к ним симпатии людей самых различных направлений. На все неизбежные вопросы у них были готовые и удовлетворительные ответы. Они доказывали свою ученую состоятельность, по крайней мере относительно "восточных" знаний, присутствием в обществе самых мудрейших "пандитов" Индии, а также получивших университетское образование, весьма способных и даже талантливых "чел", прекрасный экземпляр которых они привезли с собою в лице молодого брамина Могини.

Что касается "психических сил, заключающихся в человеке", — неисчерпаемым источником этих сил и их проявлений выставлялась Е.П. Блаватская, причем и Олкотт, и Могини самым спокойным тоном, каким говорят о простых вещах, случающихся ежедневно, рассказывали про ее чудотворения и "феномены". Сама она, глядя без всякого смущения в глаза собеседнику своими огромными, бледными и загадочными глазами, подтверждала все эти рассказы. Она только уверяла, что удивляться тут нечему, так как чуда во всем этом никакого нет, а есть только известная школа, выучка, постоянное и правильное развитие способностей, присущих не ей одной, а и каждому человеку.

На просьбу предоставить доказательства истины ее слов, показать что-нибудь интересное, она обыкновенно отвечала, что "представлений никаких не дает", что феномены ее происходят не часто, а время от времени, ибо это требует

от нее значительной затраты жизненной силы, а она теперь совсем больная женщина. "Имейте терпение, посещайте меня чаще, — что-нибудь и увидите!", — говорила она любопытным. Эти "феномены", о которых печатно сообщал Синнетт, рассказывали Олкотт и Могини, а потом и некоторые "убежденные" дамы, — феномены, которых, по уверениям Блаватской, можно было дождаться, часто ее посещая, привлекли к ней нескольких серьезных людей во Франции, а в Англии представителей "Общества психических исследований"*.

Скоро однако стало выясняться, что феномены — одна приманка, что ученые цели "общества" — лишь прозрачные ширмы, за которыми скрывалась самая горячая сектантская пропаганда. Блаватская, Олкотт и их ближайшие сотрудники позабыли о своем "уставе" и о своих официальных заявлениях, точно их никогда не бывало, и приступили к распространению своей доктрины всеми зависевшими от них способами.

Доктрина эта получила в их устах наименование "эзотерического буддизма", "единой истины", единой всемирной религии, основанной не на вере (!), а на непреложном, якобы, знании и заключающей в себе все частичные истины, попадающиеся в других религиях. При этом некоторыми теософами или, вернее, теософками были сделаны попытки примирения этой неотеософии, этого эзотерического буддизма, с христианством. Так тогдашняя президентка лондонской ветви или ложи "теософического общества", некая госпожа Кингсфорд, объявила, что она, будучи адепткой и представительницей теософии, остается в то же время и христианкой, католичкой. Но это было очень странное христианство! На публичном теософическом

---

* Здесь необходима оговорка. В 1884 г. это общество организовало особую комиссию для подробной проверки на месте рассказов Блаватской и вообще для исследования деятельности теософического общества. Комиссия представила по данному делу весьма подробный и документальный отчет на 200 страницах, напечатанный в III томе "Proceedings of the Society of Psychical Research". При этом комиссия пришла к крайне отрицательным выводам.

заседании она говорила: "Мы призываем к себе все церкви, ибо знаем, что когда с божественного лика Истины спадет покрывало символизма, — все церкви признают себя сестрами, так как доктринальное основание всех их — тождественно! Наш гость, находящийся рядом со мною, г. Синнетт — буддист; я — президентка английской ложи — христианка римско-католического исповедания. Между тем сердца наши находятся в единении, так как он (Синнетт) принял от своих восточных гуру те же эзотерические доктрины, которые я нашла под языческими символами римской церкви. В сущности все религиозные тайны, будь они происхождения греческого, буддистского, христианского, — одно и то же. И это одно — заключается в разъяснении иероглифов природы, начертанных для нас на небесах, на море и на земле, нарисованных на блестящих картинах дня и ночи, солнечного восхода и заката, внедренных в цветке, в зерне, в растительных и животных клеточках, в могучих феноменах планетарных циклов и катастроф, переживаемых звездами"!..

Махатма Кут-Хуми, в одном из своих писем, выражается на счет этого яснее: "освободясь от смертельной тяжести догматических разъяснений и антропоморфических понятий, основные доктрины всех религий окажутся тождественными в своем эзотерическом значении; Озирис, Кришна, Будда, Христос явятся как различные пути, приводящие к одной и той же цели, конечному блаженству, нирване. Мистическое христианство, т. е. христианство, учащее самоискуплению посредством своего седьмого принципа (высшая сущность духа), называемого одними Христом, а другими Буддой, и равнозначащего возрождению в духе, — есть совершенно та же самая истина, что и буддистская нирвана".

Религия "теософического общества" представляет собой исполненную противоречиями смесь пантеизма, материализма и многобожия. В своей статье "La nouvelle theosophie" Жюль Бэссак говорит: "Основание христианства утверждено на вере в Бога личного, Создателя неба и земли, независимого от природы, которую Он извлек из небытия и которою управляет посредством созданных Им

законов. Христианский Бог, хотя он личный и независимый от своего создания, тем не менее, есть действительная бесконечность, вечная действительность, Единый Живой, перед которым все остальное — как бы ничто. Бог же неотеософии не имеет с Ним ничего общего, является скорее Его принципиальным антагонистом, Сатаною".

Теософы в своем журнале объявляют: "Наше божество, как Бог Спинозы, не мыслит и не творит, ибо оно само есть мысль и творчество, оно есть то, что постоянно развивается, циклическая эволюция, вечное движение видимой и невидимой природы".

Синнетт в "Bouddhisme Esoterique", этой, так сказать, канонической книге "теософического общества", утверждает: "Итак, все — материя, и вне ее — ничего нет"... "Эзотерическое учение вполне материалистично, так как только на одной материи лежит основание его системы"... ("Le Boud. Esoter.", 1890 г., стр. 274). Вытекающей из подобного заявления проповеди полного безбожия и, в то же время, толкованием о существовании множества каких-то временных и ограниченных в своей власти богов, по одному у каждого небесного тела, — посвящены следующие страницы той же книги...

Таково первое основание глубоко материалистического мировоззрения, которым Блаватская постоянно похвалялась посрамить и уничтожить... материалистов! Но вот это нечто или ничто, не мыслящее и не творящее, заключенное в природе и поставленное теософами в основу всего, все же призывается ими к непостижимейшему процессу. Нечто или ничто "дышит", производит "выдыхание" и "вдыхание" — иначе нельзя выразиться. Оно "выдыхает" из себя чистый дух, который инволюирует, постоянно погружаясь в самую глубину грубой материи. Когда этот первый процесс совершен, и дальше, глубже инволюировать невозможно, — начинается второй процесс, несравненно более ясно разработанный в теософском учении, — эволюция духа, выделение его из материи, постепенное развитие, восхождение, очищение и, наконец, возвращение к тому, что его выдохнуло, слияние с ним, "немыслящим

и нетворящим", самоуничижение в нем, переход сознания в бессознательность, бытия в небытие, словом — нирвана.

II

Обратимся к человеку, то есть, по учению теософов, к сознавшему себя существу, выкарабкивающемуся из материи и стремящемуся, через громадную цепь различных существований, в нирвану. Человек заключает в себе семь начал, принципов и делится на три состава: 1) человека материального, 2) человека разумного и 3) человека духовного.

А. Материальный человек представляет собою три первых принципа: 1) физическое тело (рупа), 2) жизненность (жива или прана) и 3) астральное тело или двойник (майави-рупа или лингаша-рира).

Физическое тело разлагается после смерти; но случается, что жизненная сила остается в нем еще долгое время, когда жизнь и сознание, по-видимому, совсем отсутствуют. Теософы объясняют это на примере тех факиров, которых на несколько недель закапывали в землю, после чего они снова оживали. Пример весьма неудачный, так как тут вовсе смерти и разложения тела не происходит.

Жизненность — следствие соединения тепла, электричества, магнетизма и т. д. Она проявляется и действует посредством воли. Она может "передаваться" от одного организма другим, как равным ему по развитию, так и низшим. Этим объясняются феномены животного магнетизма или, например, ненормально быстрого роста растений под влиянием человеческого электромагнетизма, направленного на это действие волей магнетизера.

После смерти физического тела жизненная сила не умирает, а переходит в другие, нуждающиеся в ней тела и развивает новые формы материи. Возникает вопрос: как же смотреть на нее — как на вещество, или как на нечто бесплотное? Теософы на это отвечают, что в природе нет ничего нематериального, бесплотного, а есть только одна материя — более или менее грубая, более или менее

утонченная. То, что обыкновенно называют духом — не что иное, как в высшей степени эфирная форма той же материи, недоступная нашим чувствам.

Таким образом оказывается, что жизненность есть материя под видом силы. Синнетт в своем "Эзотерическом буддизме" говорит: "Когда тело умирает, вследствие удаления из него высших принципов, поддерживавших его в состоянии живой реальности, второй из этих принципов, т. е. принцип жизни, хоть и перестает образовывать целое, но все же еще остается в частицах, стремящихся к разложению. Жизненность эта переходит в организмы, рождаемые самим процессом разложения. Похороните тело — и его жива или прана привьется к растениям, выходящим из земли, или к низшим животным формам, эволюирующим из ее субстанции. Если же вы сожжете тело, неуничтожимая жива тотчас же устремится к той планете, из которой она получила свое первоначальное существование, и войдет там в какие-нибудь новые соединения, найдя сродные ей элементы".

Астральное тело есть эфирный двойник тела физического, его первообраз. Посредством него воля действует на жизненную силу. И Блаватская, и ее верное эхо — Синнетт, и статьи "Теософиста" утверждают, что это астральное тело бессознательно, неразумно. По словам Синнетта, "это агрегация частиц в особенном состоянии, не имеющая ни жизни, ни какого-либо сознания. Это точно так же не существо, как не существо облака, принимающие формы живых существ. Майави-рупа не может отдаляться от физического тела на большое расстояние, не подвергая опасности жизнь последнего". В "Теософисте" даже вычислили, что самое большое расстояние, какое осмеливается себе позволить, покидая нас, наш "бессознательный эфирный прототип", — только сто ярдов.

Это не мешало однако, во время жизни и деятельности Блаватской, ее "хозяину", тибетскому мудрецу, состоять у нее в услужении, и то и дело, иногда несколько раз на дню, по звонку ее серебряного колокольчика являться в своем астральном теле из Тибета среди Парижа, Лондона,

Эльберфельда, Вюрцбурга и т. д. Это не мешало также его бессознательному и неживому, как облако, астральному телу диктовать основательнице "теософического общества" ее книги и статьи, давать ей советы, исполнять разные ее желания и желания ее друзей, опускать в чужие карманы записочки и пузырьки с душистым маслом и, наконец, делать разные предсказания, никогда, однако, не исполнявшиеся. Впрочем, астральные тела не только мудрых "махатм", но даже и их "чел" (учеников), как, например, Дамодара, столь прославившегося своими "астральными путешествиями", — имеют совсем иные свойства, чем "двойники" прочих смертных...

По смерти физического тела, астральное тело не тотчас рассыпается или испаряется. Оно остается еще некоторое время подобно дыму потухшего очага. Теософы утверждают, что так называемые спиритические материализации и представляют собою именно этот дым, в тех случаях, когда они не двойники самих медиумов или не "существа низшего разряда".

Б. Человек разумный заключает в себе два следующих принципа: 4) животную или страстную душу (кама-рупа) и 5) человеческую душу (манас).

Животная душа — это "орудие или проводник воли, орган желания и иллюзии": таково значение санскритского слова кама-рупа. В ней заключаются все грубые вожделения, страсти, животные инстинкты. Она не сознательна и не разумна сама по себе; но, при соединении с 5-м принципом, она способна развиться в нечто высшее. Она так же, как и астральное тело, может в некоторых случаях отделяться от физического тела и внушать далеко находящимся людям разные предчувствия, передавать им свое страстное желание и т. д. Каким образом отличить ее от астрального тела, если она, например, явится в виде призрака, — это остается невыясненным.

Она может на весьма значительное время пережить разрушение первых трех принципов. У людей, при жизни очень развитых духовно, ее жизненность слаба, она бессознательна и после физической смерти такого человека уничтожается тотчас же вслед за жизненностью. Но если

человек был обуреваем страстями, ненавистью или любовью, — кама-рупа сильна и живет долго после его смерти. Она тоже может появляться на спиритических сеансах, хотя, опять-таки, не указываются признаки, по которым ее можно отличить в таких случаях от астрального тела, от "дыма".

В иных людях кама-рупа настолько сильна, что при земной жизни полностью поглощает высший 5-й принцип — человеческую душу — и тогда она после смерти превращается в вампира, "элементария", демона — является на клич духовызывателя, высасывая жизненную силу из живых людей.

Человеческая душа (манас) происходит от развития низших принципов в нечто более возвышенное. В ней заключаются разум и память, и ее орган — мозг. В настоящее время, т. е. при современном развитии человечества, как говорят теософы, манас еще очень слаб, и редко кто им обладает. Большинство смертных имеют его лишь в зачаточном состоянии.

После смерти высшие части манаса разделяются на две группы. Чистейшая из них, более одухотворенная, соединяется с 6-м принципом и восходит в область бессмертных духов. Там пребывает она в покое, продолжительность и блаженство которого пропорциональны чистоте мыслей и поступков человека во время его земной жизни. Высшие частицы манаса переживают там подобие детства, юности, зрелости, старости и дряхлости, а затем снова окунаются в материю, т. е. перевоплощаются или на нашей земле, или на другой какой-либо планете. Группа же менее возвышенных частиц манаса присоединяется к элементарному остатку 4-го принципа и укрепляет его.

Бывают исключительные случаи, когда, вследствие чисто звериных своих поступков, человек теряет все духовные элементы, а следовательно и какую-либо надежду на нирвану. Это и есть уничтожение, смерть души, новое и уже безнадежное падение в глубину материи. Равно и идиоты и кретины не могут развить годного для нирваны духа, ибо не заключают в себе никаких элементов бессмертия.

Тут мы наталкиваемся на некоторую неожиданность. Нам все время толкуют о добрых и злых делах, от которых, очевидно, зависит вся дальнейшая судьба человеческого "материального духа", стремящегося к нирване. Между тем это только "теософическая" хитрость. Оказывается, что для того, чтобы за гробом, после некоторого "астрального" томления, не рассыпаться прахом, вовсе не надо добрых дел при жизни, и что творя самые злые дела и величайшие преступления — отлично можно, тем не менее, сохранить свою душу и благополучно, даже несравненно скорее самых святых людей, достигнуть нирваны.

Все это развивает и, по своему, доказывает Синнетт в VIII-ой главе "Эзотерического буддизма", названной им: "Прогресс человечества". Так, между прочим, мы читаем: "Весьма заблуждаются те, кто думает: то, что мы, при наших теперешних взглядах и мыслях, называем пороком и добродетелью, могут, как две единственные причины, произвести хорошие или худые результаты... Вовсе не достаточно знать, будет ли порочен или добродетелен человек, ибо эти недостатки или качества характера окажутся вещью ничего не стоящей в тот критический час, когда станет решаться вопрос: жить ли человеку и развиваться в высшем существовании, или погибнуть раньше своего расцвета... Истина заставляет нас, коснувшись новой тайны, сказать, что пороки и добродетели человека даже не будут положены на весы при последнем взвешивании, после которого окончательно решится вопрос: быть или не быть" (Le Boud. Esoter.", 1890 г.).

Далее разъясняется, что для того, чтобы жить вечно (по теософскому понятию о вечности), надо только одно: развитие в себе духовности, не имеющей ничего общего с добром и злом. Эту же духовность можно получить только сделавшись теософом и проникнувшись доктриною буддизма, излагаемой "теософическим обществом".

В. Человек духовный состоит из высших частей 5-го принципа, к которому присоединяются 6-й и 7-й принципы: 6) духовная душа (будди) и 7) чистый дух (атма).

Духовная душа — это самое высокое начало в человеке, "чистейшее соединение духовности с материальностью",

по выражению "Теософиста". Подобного состояния до сих пор достигли весьма немногие. Достигнувшие его называются иллюминатами, посвященными или адептами; в них пребывает познание. Духовная сознательность, которую человек в своем обыкновенном состоянии только едва предчувствует, получает здесь самое широкое развитие; личное бессмертие окончательно завоевано. Слившись с этим принципом, человек делается всезнающим, он понимает свое могущество и понимает также все, на что способна природа, которой он отныне становится руководителем и властелином. Он может уже направлять теперь сам свое будущее и сознательно приготовлять себе такое новое воплощение, какого он желает. Но это все же еще не вершина духовного развития. Человек продолжает прогрессировать. Его разум становится мудростью. Он Будда — и в конце концов творит общую работу с источником всех вещей.

Теософы полагают, что мы вмещаем в себя только малое зерно 6-го принципа, и некоторые уверены даже, что он в нас совсем еще не существует, что он еще должен быть привлечен человеком посредством концентрации мысли и воли. Однако Синнетт, вдохновляемый Кут-Хуми (Блаватская тоже), пишет, что все сущее, от человека, животного, растения и до минерала включительно, обладает всеми семью принципами и что их оживляет, собственно говоря, только седьмой принцип.

Но первоначальная неотеософическая доктрина объясняет, что на земле светятся лишь самые слабые отблески шестого принципа; современное человечество, в своей арийской расе, развивает еще только пятый принцип, другие же расы, например, желтая, не достигли и этого, так как развивают четвертый принцип.

Чистый дух — это, по словам "Теософиста", состояние непостижимое, в нем заключается всемирный источник, из которого, посредством таинственного вдыхания и выдыхания, все исходит и к которому все возвращается. Это нирвана или парабрама.

Вот сущность учения теософического общества относительно человека, — учения, изобилующего противоречиями

и явными следами чисто Бюхнеровского материализма. Я извлек ее из обстоятельного изложения Жюля Бэссака, проверив и дополнив по другим, уже официальным, цитируемым мною, теософическим источникам.

III

По мнению неотеософов, существует только одна действительность: это — именно то самое непостижимое, не мыслящее и не творящее ничто, которое все выдыхает и все в себя вдыхает. Вселенная же или мир явлений — только призрак (майа), формы которого постоянно видоизменяются и затем навеки исчезают, соединяясь со своим таинственным первоисточником, перейдя из призрачного, несуществующего в действительности бытия в реальное, единое сущее небытие. Теософы находят, что это "факт" совершенно ясный сам по себе и, кроме того, вполне согласный со всеми данными современной науки.

Как уже было сказано выше, изойдя из непостижимого "Единого" или "Всего", чистый дух низвергается в бездну материи. Но это не есть падение, а какая-то медленная, постепенная инволюция, нисхождение по семи ступеням тех же "принципов", начиная с атмы и кончая рупой. Надо заметить при этом, что ступеней, собственно говоря, бесчисленное множество, так как каждый принцип, в свою очередь, подразделяется на семь частей, от высшей до низшей, каждая часть делиться тоже на семь частиц и т.д., до чисто гомеопатических доз материи или духа, ибо майа природы разнообразна до бесконечности. Так, для примера, первый принцип "рупа", т. е. физическое тело, заключает в себе тьмы тем существ, населяющих миры беспредельного небесного пространства, и на одной нашей маленькой земле разнообразится от самого совершенного человеческого тела до самого низшего животного, растения и даже минерала.

Человеческому воображению трудно себе представить протяжение времени, необходимое для того, чтобы высшая, концентрированная эссенция чистого духа превратилась в

низшую концентрированную эссенцию материи, чтобы высочайшая частица 7-го принципа, атмы, сделалась нижайшею частицей 1-го принципа, рупы. Но раз все нисхождение, инволюция, доведено до конца, начинается с точно такою же постепенностью и медлительностью, по тем же бесконечным ступенькам и зазубринкам главных семи ступеней восхождение, эволюция, развитие неисчислимо малой частицы духа из недр грубейшей материи в единосущие недр нирваны.

Один из фанатиков "теософического общества" и разъяснителей его первоначальной доктрины, ныне уже умерший Луи Драмар, находит, что этот второй, восходящий фазис почти тождественен с эволюцией дарвинистов. Только дарвинисты, по его мнению, упустили из виду предыдущий фазис, инволюцию, без которой невозможно постигнуть образование объективной материи.

"Мы действительно знаем, — говорит он, — что, с одной стороны, принцип всего существующего не может быть подобен происходящим от него объективным формам, а с другой стороны, что природа, во всех своих творениях, действует посредством медленных и незаметных видоизменений. Таким образом проявление, материализация существ может происходить только прогрессивно; объективное состояние материи, являющейся точкой отправления эволюции дарвинистов, — в действительности есть сложный результат долгого предшествовавшего процесса"*.

Но дело в том, что еще совершенно недостаточно заметить неверность и произвольность точки отправления дарвинистов, недостаточно объявить по ту сторону эволюции — инволюцию. Оставляя в стороне дарвинистов и их теорию, — процесс развития и усовершенствования как в сфере материальной, так и духовной, — ясен и понятен. Инволюция же теософов остается праздным словом, прикрывающим пустоту и неизвестность, — "эзотерическая доктрина", дойдя до этой инволюции, расплывается в туманностях и не дает ровно никакого, хотя бы

* "La Science Occulte, Etude sur la Doctrine Esoterique". 1886.

даже и слабого разъяснения. А между тем, ведь эта доктрина претендует на полноту и ясность, она не провозглашает догматов веры, а убеждает своих адептов, рекламирует о себе, что вся она, от альфы до омеги, состоит из знания, что она есть "религия разума". В данном случае каббалистический "закон соответствий" и магическая фигура равных, черного и белого треугольников, переплетающихся между собою, — оказываются в руках мудрых неотеософов механизмами, ключ к которым потерян. Теория инволюции духа, какою она является в писаниях как Блаватской, так и всех ее последователей, почти самый слабый пункт теософической доктрины.

Объявив свое одобрение Дарвину по случаю догадливости относительно эволюции "низшего принципа на нашей земле", теософы идут далее и рассказывают полное мировое развитие всех семи принципов до самых недр нирваны.

Что касается эволюции человечества и близких к нему существ, она происходит сразу на нескольких планетах, хоть и различных по своему развитию, но сродных, связанных между собою. Группы совместно эволюирующих планет называются "планетарными цепями". Общая эволюция такой планетарной цепи обозначается словом манвантара.

Период покоя, смерти или сна миров (есть и такие периоды, ибо как в великом, так и в малом — все полно соответствий, и соответствия эти производят мировые дни и ночи), носит название пралайа.

В продолжение каждой манвантары бесчисленные породы существ совершают эволюцию. Манвантары подразделяются на круги, то есть периоды, необходимые для полной эволюции одной какой-нибудь породы, например — человеческой.

Эзотерическая доктрина признает, подобно дарвинистам, что высшие породы происходят от развития низших; но она допускает три царства существ, предшествующих царству минеральному. Начиная с минералов, эволюция медленно поднимается до образования человека, проходя через громадное разнообразие растительного и животного царств.

Эволюция человеческой породы продолжается постепенно на каждой из планет, составляющих цепь. "Предположим, — пишет Драмар, — каждую из этих планет в виде башни. Эти башни, числом семь, расположены кругом и образуют поверхность цилиндра. Теперь предположим, что, начиная от основания этого цилиндра, проводят спираль по его поверхности; спираль эта множество раз пройдет по каждой из башен, но всякий раз все выше и выше. Этот пример довольно ясно представляет прохождение каждого существа через планетарную цепь. Если обозначить буквой А первую планету, на которой появляется человек, и буквами Б, В, Г и т. д. те планеты, через которые она проходит впоследствии, развиваясь, — то станет понятно, что полный оборот спирали вернет его снова на А, но только уже на высшей ступени развития, чем он был прежде, и с этой ступени он возобновит свою дальнейшую, на высшем уже плане, эволюцию через планетарную цепь.

Манвантара делится на известное число кругов, обусловливаемых прохождением данной породы через все планеты цепи. Круги, в свою очередь, подразделяются на малые круги, соответствующие продолжению эволюции человечества на одной планете. Такая эволюция совершается посредством опять-таки семи главных рас, подразделенных на подрасы, племена и т. д. Период эволюции главной расы называется циклом, и эти циклы приблизительно равняются миллиону лет.

"Таким образом, — замечает Драмар, — эзотерические философы еще более смелы относительно древности человеческого рода, чем наши ученые натуралисты. Первые человеческие расы не могли оставить по себе заметных следов, ибо эволюция данной породы, согласно эзотерической доктрине, заключает в себе ее прогрессирующую материализацию, также как и ее медленное возвращение к субъективному состоянию. Следовательно, первые расы употребили долгие века на развитие человеческого тела, его способностей и чувств прежде, чем человечество достигло чисто-объективного состояния, от которого оно только начинает освобождаться в настоящее время".

В этих словах заключается очевидная путаница, смешение понятий, незаконное вторжение пресловутой инволюции в эволюцию. Если за минералами есть три низших царства природы, то ведь самая глубокая материальность находится при начале первого из них. Это, значит, и есть то состояние полнейшей, по "эзотерическому учению", объективности, когда материя сжимает до непостижимой минимальности частицу чистого духа (субъективности), выдохнутого парабрамой. Это и есть та самая точка, где заканчивается инволюция и начинается эволюция, т. е. крайне медленное, но все же неизменно прогрессирующее развитие субъективности.

Самое неразвитое растение явно развитее самого высшего минерала, самое низшее животное развитее растения, обладающего чем-то вроде движений, самый первобытный человек, хоть и покрытый шерстью и обменивающийся с подобными себе существами дикими звуками первых слов, все же homo sapiens и развитее самой умной обезьяны на каком-нибудь Марсе, которая его породила.

Мы можем себе представить "теософическую спираль", обвивающуюся, медленно поднимаясь, вокруг "семипланетной цепи". Вот низший минерал на планете А; он развивается очень медленно; на Б он чуть-чуть развитие, на В еще немного развился и т. д. Он, обойдя всю цепь, возвращается на планету А уже минералом среднего развития и, через несколько кругов, где-нибудь, хоть на планете Д, доразовьется до того, что перейдет в самое низшее растение. То же самое, если оставаться последовательным, должно произойти и дальше, при переходе растения в животное, а животного в человека.

Все это мы можем еще себе представить, также как и то, что если у какой-то самой умной, достигшей высшей эволюции своей породы, марсовской обезьяны родился самый грубый урод, но все же homo sapiens, то он чуть-чуть, едва заметно, а все же развивается, ибо с минуты его рождения начинается новая высшая порода, способная на развитие в себе высоких душевных и духовных "принципов". Если бы первый homo sapiens оказался чуть-чуть плоше в своем развитии породившей его обезьяны, тогда

совершилось бы не возникновение нового, высшего человеческого рода, а напротив — началось бы вырождение рода обезьяньего, — не эволюция по медленно поднимающейся спирали, а инволюция.

Очевидно, если, став на теософско-дарвиновскую точку зрения, мы будем оставаться последовательным, то необходимо придем к выводу: самый грубый первобытный человек, развивая свой первый "принцип", то есть материальное тело, рупу, одновременно с этим развивал и свои высшие принципы, субъективность. Говорить же, как делает это Драмар, на основании "эзотерической доктрины", о том, что первобытный человек, только что произведенный эволюцией низшей породы, был несравненно духовнее, а следовательно выше и чище лучших представителей современного человечества и что при этом он стремился, развивая и улучшая свое тело, в самую глубину материи, пренияе всякого минерала, "к крайнему развитию объективности", — значит запутаться в первых буквах собственной азбуки, забыть об остроумной спирали и, объявляя, что в природе нет скачков, а лишь строгая, медленная постепенность, совершенно смешивать инволюцию с эволюцией и обратно.

Такую же точно путаницу, ничуть ее не замечая, производят в своих объяснениях и другие теософы, повторяя за Блаватской и Синнеттом, что эволюция, совершив свой малый круг на данной планете, переходит на другую, а покинутая ею планета погружается в сон, в пралайю, замирает. То же случается и со всеми семью планетами цепи. Одна за другой они засыпают и спят, пока волна жизни, обойдя всю цепь, не вернется снова и не разбудит их к деятельности уже на более высоком плане.

Синнетт разъясняет: "Цепь миров, как единица, имеет свой север и свой юг, духовный полюс и полюс материальный, и работа эволюции производится выхождением из духовного состояния, вступлением в состояние материальное, а из него снова в состояние духовное" (Le Boud. Esoter.", стр. 165). Что же тут выходит? Таинственное и непонятное Единое, Все, существующее, как надо полагать, в единственном числе для всей вселенной, — здесь ока-

зывается существующим для одной лишь планетарной цепи, состоящей из семи миров. Это Единое планетарной цепи как-то вдруг раздваивается, образуя север и юг, духовный полюс и материальный. Но оно творит и свою бессознательную работу — "заставляет дух нисходить в материю и поднимает ее к духу", т. е. производить инволюцию и эволюцию. Таким образом оказывается, что, кроме единого сущего Парабрамы, существует еще бесконечное множество малых Парабрам, по одному для каждой планетарной цепи, состоящей из семи миров!

Далее все лучше и лучше: "В человеческой эволюции на каждом отдельном плане, как и на общем, существует эра нисходящая и восходящая, т. е. проникновение духа в материю и развитие материи в духе... В первом круге человек является существом относительно эфирным по сравнению с теперешним его состоянием. Он не разумен, но высоко духовен. Так же, как и окружающие его растительные и животные формы, он заключен в громадное и легковесное тело.

Во втором круге он все еще гигантского роста и очень мало весит; но тело его уже становится плотным, человек делается более физическим, хотя еще менее разумен, чем духовен.

В третьем круге тело его плотно и крепко, это — гигантская обезьяна (!), разум развивается. Во второй половине третьего круга его гигантский рост уменьшается, тело совершенствуется в форме, и он становится настоящим человеком.

В четвертом круге разум совершает громадный прогресс. Расы, которыми круг начинается, уже владеют понятной нам речью. В мире проявляются результаты разумной деятельности и духовного упадка. На полпути четвертого круга кульминационный пункт периода семи миров пройден.

С этого пункта, возвышаясь, духовное "я" начинает борьбу с телом и разумом для развития своих возрастающих сил. В пятом круге борьба продолжается; и трансцендентные способности сильно развиты, хотя битва между ними и

разумом жарче, чем когда-либо, так как разум и духовность пятого круга более развиты, чем в четвертом.

В шестом круге человечество достигает такого совершенства тела и души, разума и духа, какого мы не можем теперь себе и представить. Дивные способности, в редкие эпохи позволяющие некоторым привилегированным существам узнавать тайны природы, сделаются тогда общим достоянием.

Что касается седьмого круга, то даже самые сообщительные из оккультных учителей (махатм) о нем торжественно умалчивают. Человечество в седьмом круге будет настолько божественно, что мы, люди четвертого круга, не можем этого постигнуть" ("Le Boud. Esoter.", стр. 166—168).

Из этих разъяснений не только выясняется доктрина хотя единых, а все же бесчисленных Парабрам, выдыхающих и вдыхающих чистый дух по всем полюсам планетарных цепей беспредельного мирового пространства, но в них заключается, наконец, и живая картина инволюции. Мы видим каких-то громадных и легковесных духовных идиотов, постепенно переходящих в гигантских обезьян, а затем узнаем, что мы сами только что выскочили из самой что ни на есть глубины материи.

Сначала, еще не зная, в какие "пещеры и дебри" нас приведут, мы следили серьезно за "эзотерической доктриной" и, допустив фикцию, могли себе представить конечную точку инволюции, самую глубь материи, — у низшего предела первого из трех проблематических царств, предшествующих царству минеральному. А вот теперь оказывается, что конечная точка инволюции, глубина материи — это вчерашние мы.

И такая неожиданность — не последняя. С нами просто шутили, когда толковали нам о том, что в природе все происходит от единого и к тому же единому возвращается, что природа подобна висящей цепи, два конца которой находятся во рту таинственного Парабрамы, а рот его есть — нирвана. С нами шутили, когда объявили нам, что в природе нет скачков, что все звенья великой цепи медленно, незаметно переходят одно в другое. Нам неизвестно зачем

показывали модели цилиндра, состоящего из семи башенок, вокруг которых остроумно обходит блестящая спираль, объясняя своим постепенным восходящим движением эволюции "планетарной цепи".

Теперь все это забывается. Единая природа разбилась на бесконечное число Парабрам, и каждый из них держит во рту даже не одну цепочку, а много цепочек. Да, много цепочек, ибо оказывается из вышеприведенного, что у каждого (известного и неизвестного, открываемого теософами) царства природы есть своя инволюция и эволюция. Как прямое и неизбежное следствие всего этого, выясняемое теософскими писаниями, нас приглашают допустить чистый дух, потом чистую материю, затем опять чистый дух и чистую нирвану — под-под-подминералов, под-подминералов, подминералов, минералов, растений, животных... Чистый дух (атма) и нирвана — блаженное состояние единосущного не-бытия подминералов, растений, животных! И при этом, в других местах своей доктрины, объявляют единство природы и последовательное развитие высших жизненных форм из низших. Вот до каких абсурдов и противоречий дотолковались и дописались Е.П. Блаватская и ее помощники, создавая свою "религию разума".

IV

Последуем далее за неотеософской судьбой собственно человеческой эволюции. Во время этого процесса на каждой планете всякая индивидуальная монада многократно перевоплощается. Продолжительность периода круговращения жизненной волны неизвестна. Теософы со вздохом заявляют, что относительно этого их оккультные учителя (махатмы) почему-то хранят глубокое молчание и даже не любят, чтобы к ним обращались с подобными вопросами. Но все же, в конце концов, они удостоили своих верных последователей ответом и дали им цифры, относящиеся к тому периоду эволюции, в котором мы находимся.

По этим откровениям мы находимся в четвертом круге оборота спирали, проходящей через нашу планетарную

цепь. Между нами встречаются однако, как редчайшие исключения, существа, принадлежащие уже к пятому кругу, так как они усилиями своей воли, достигнувшей громадных результатов, выработали себе именно то состояние, какое будет уделом развившегося человечества в пятом круге. Существа эти, как легко догадаться, великие адепты оккультизма, махатмы.

Но все же опередить человечество более чем на один круг, т. е. в четвертом круге стать человеком шестого — никому невозможно. Есть одно исключение — Будда, но к нему применяются совершенно другие законы, ибо он — "our Lord Boddha".

Относительно перевоплощений теософы спешат оговориться, что несмотря на свою многочисленность, перевоплощения эти отделены друг от друга большим пространством времени, и вот тут-то являются на сцену цифры, о которых "проговорились" махатмы. Человеческая раса, эволюирующая в настоящее время, начала свою эволюцию миллион лет тому назад. В одной расе средним числом должно быть сто воплощений; каждая индивидуальная монада может, однако, перевоплотиться до ста двадцати раз. На основании этих данных теософы производят выкладки и объявляют, что период между двумя воплощениями состоит приблизительно из тысячи пятисот лет ("Le Boud. Esoter.", стр. 170—173).

Какие же обстоятельства делают воплотившегося человека таким, каков он есть, и управляют его судьбою в сей грубо-материальной, хотя в то же время и "призрачной" юдоли? Тут мы подходим к так называемому закону кармы, к закону причин и следствий. "Мы подвергаемся, — говорит в своем буддийском катехизисе Олкотт, — только той судьбе, какую заслужили своими прежними деяниями (в прежних воплощениях). Можем ли мы при таких условиях жаловаться на кого-либо, кроме самих себя?" Мало того, мы приготовляем ежедневными нашими мыслями и делами форму нашего следующего воплощения.

Этим законом кармы теософы объясняют все явления человеческой жизни и даже думают найти в нем мирное разрешение социальных вопросов. Карма и перевопло-

шение, заключаясь в чистом буддизме, являются, однако, вовсе не его созданием, а лежат в основании еще браманизма. Браманизм их выдумал ради объяснения неравенства каст и для того, чтобы высшие касты могли спокойно распоряжаться низшими. Буддизм только воспользовался этими понятиями, придал им философскую окраску и подвел их под закон природы. "В этой системе, — говорит Жюль Бэссак, — всякое воплощение скорее есть новое рождение, чем возрождение; это не метампсихоз, но метаморфоза".

Буддисты поясняют свою мысль сравнением с факелом и деревом. Один факел, говорят они, зажжен о другой факел; они различны, но второй из них не горел бы, если бы не получил своего огня от первого. Дерево производит плод; от этого плода родится другое дерево и т. д. Последнее дерево не тождественно с первым, но оно есть его следствие, так как если бы первого дерева не существовало, не было бы и второго. Человек уподобляется здесь дереву, его действия суть плоды, сила, оживляющая плоды, есть желание; пока существует желание жить, эволюция продолжается: добрые и злые дела определяют качество плода, так что существование, происходящее от этих действий, будет счастливым или несчастным, смотря по природе плода, влияющего на дерево, от него рождающееся.

Таким образом, одним из основных положений неотеософической доктрины является то, что человек — полный властелин своей судьбы и сам себе творит ее, постепенно, иной раз с большими остановками, совершая эволюцию своего духа и медленно, шаг за шагом, достигая нирваны.

Теософы, и прежде всего Олкотт, очень любят указывать на согласие этого положения с "научными" взглядами дарвинистов, а также и на простоту, ясность и логичность выводов, вытекающих из законов кармы. Посмотрим, насколько справедливо то и другое. Жюль Бэссак не безосновательно говорит об этом следующее: "Вовсе не отвечая принципу трансформизма, как понимает его наука, теория перевоплощений кажется нам именно его противоположностью. По теософической теории видоизменяется вечная

индивидуальная монада. Карма отдельного существа здесь рассматривается как нечто стоящее во главе изменений видов, пород и рас. Между тем по системе научного трансформизма происходило бы совершенно противное... Индивидуум, в противность учению философии шанкья, тибетскому буддизму и новой теософии, рассматривается здесь не как эволюция самого себя, связанная личной кармой, а как произведение общей коллективной кармы, в которой, следовательно, он не может, как таковой, иметь хотя бы малейшую частицу личной ответственности. Допуская, как делает это новая теософия, единство сущности, из которой все это произошло, необходимо допустить также, что индивидуальная монада создается только в известное мгновение эволюции. Когда бы это ни произошло, все же она имела, значит, свое начало, и за этим началом целую вечность, а потому, значит, она (как индивидуальность) не изначальна, но образовалась вследствие дифференциаций, в произведении или карме которых не участвовала. Предполагая, с другой стороны (как вынуждена это сделать философия шанкья, чтобы объяснить детерминизм личных ответственностей в продолжение эволюции) — изначальные монады, основанием эволюции полагают предвечную общую карму, не имеющую в себе детерминизма, — из чего вытекает явное противоречие. Кроме того, этим колеблется самая основа идеи изначального монона, по необходимости дифференцированного, без чего он не был бы мононом, — идеи, которую буддизм и новая теософия считают, да и должны считать, основанием всего своего учения. Из этого следует: 1) что так как отдельное существо ни при чем в своем изначальном детерминизме, то оно само лично ни при чем и в движении, породившем дифференциации, от которых произошли царства природы, а затем, вследствие наследственности и приспособления, виды, породы, расы и семейства; 2) что мы сознательно не ответственны ни за что из случившегося с нами, так как наша личная карма (подчиненная общей карме) действует только в настоящем, а в эволюции будущего это наше настоящее принимает бесконечно малое участие; 3) что если обстоятельства личной жизни на земле

(чему мы, конечно, верим) суть следствия предшествующих причин, то эти причины не были порождены, как тому учат северный буддизм и новая теософия, тем существом, которое должно выносить на себе их следствия".

Как бы то ни было, главнейшие положения неотеософической доктрины полны всяких противоречий самим себе и нисколько не соответствуют выводам и "мечтам современной науки". А между тем Блаватская и ее сотрудники, при всяком удобном случае, любят заявлять, что их доктрина оправдывает и всегда будет оправдывать научные выводы и открытия, так как она основана не на вере, а на точном знании законов природы. "Наша теософия — не вера, а наука", — пишет Блаватская.

Драмар, мечтающий сделать теософию религией низших классов и положить ее в основу будущей социальной революции, только и делает, что носится с наукой, будто бы подтверждающей все положения "эзотерической доктрины". Он хорошо знает, что при его целях одно уже слово "наука" является могущественным, волшебным оружием, и что он может как угодно злоупотреблять этим чарующим словом, в виду крайней невежественности той среды, куда он направляет свою пропаганду.

V

Объясняя значение принципов, заключающихся в тройственном человеке, теософы, как мы видели, довольно определенно рассказывают о процессе, происходящем после смерти материального тела. Процесс этот заключается, так сказать, в раздвоении существа, причем низшие его принципы остаются в земной атмосфере и, один за другим, уничтожаются, переходят в материал для образования новых форм майи, то есть "объективных призраков природы". Высшие же принципы восходят в область "тонко-материальных духов", где пребывают в долгом блаженстве, а затем снова воплощаются на какой-либо планете.

Как ни фантастично подобное представление, но все же оно совершенно ясно и определенно. Однако это только

так кажется с первого взгляда. Дойдя до "закона кармы" и до перевоплощений, теософы снова останавливаются на мыслях о загробном существовании — и тут сразу же начинают, как и всегда, впадать в противоречия.

Рядом с состоянием блаженного отдохновения, в котором находятся, между двумя воплощениями, высшие принципы человека, и которое называется "дэвакхан", — вдруг неизвестно откуда появляется состояние противоположное, состояние страдания, наказания за грехи — и получает наименование "авичи".

Состояния временного блаженства после смерти и, значит, тоже временного страдания, "дэвакхан" и "авичи", зависят исключительно от кармы человека. Жизнь в них не объективна, а субъективна. "В "дэвакхан", — говорит Синнетт, — от человека остается не его индивидуальная монада, проходящая через все видоизменения эволюционного потока и входящая то в одно, то в другое тело, оказывающаяся то на одной, то на другой планете и т. д., — в "дэвакхан" от человека остается только его сознательная личность". Эта личность, не сознававшая доселе своих видоизменений, не помнившая своих прежних воплощений, таким образом не то что остается, а точнее — узнает себя, очутившись в состоянии "дэвакхан". "В этом состоянии, — продолжает Синнетт, — не имеют понятия о том, что происходит на земле. Не будь это так, не было бы истинного счастья по смерти. Такое небо, откуда, как из обсерватории, можно было бы видеть все бедствия нашей планеты, было бы воистину местом острых нравственных страданий для самых лучших из его обитателей, существованием, тягость которого возрастала бы вместе с достоинствами и любвеобилием человека" ("Le Boud. Esoter.", стр. 108).

Далее мы находим такое определение "дэвакхан": "Это мир теней и форм, с объективностью, но без субстанции". "Точно такой же характер имеет и "авичи", — состояние, противоположное "дэвакхан", состояние загробного страдания за ошибки и преступления, соделанные человеком", — объявляют толкователи "эзотерической доктрины" и затем, все же сознавая, что тут у них происходит нечто

неладное, всячески замалчивают "авичи" — этот свой буддистский ад, явившийся как-то не к месту.

Оставим в стороне всю непроницаемую туманность определений этих состояний, не обратим внимания на то, что жизнь в них "не объективна, а субъективна", и в то же время "в ней есть объективность, но нет субстанций" и т. д. Скажем себе, что все это очень ясно, последовательно, логично и, притом же, "согласно с наукой, опирается не на веру, а на знание". Но причем же тут, однако, проистекающая из закона кармы необходимость перевоплощений, объясненные уже нам, во всех подробностях, свойства и судьбы семи принципов человека и т. д.?

Мы еще можем, хотя и не в удивительных объяснениях Блаватской и Синнетта, кое-как согласовать "дэвакхан" с остальной системой. Будем говорить таким образом: человек, благодаря своей предшествовавшей карме, прожил такую, а не иную земную жизнь. Он много страдал и этим страданием искупил если не все, то хоть некоторые грехи своих прежних материальных воплощений. Больше он уже ничего не может сделать для своего духа в этом воплощении, а потому умирает, чтобы отдохнуть и набраться во время этого отдыха новых сил для дальнейшего пути, для "эволюции".

Все его низшие принципы притягиваются к земле и, мало-помалу, уничтожаются как его части. Они для его духовного "я" не что иное, как ветхая, покинутая одежда, до дальнейшего уничтожения которой ему не может быть никакого дела, так как между ним и ею уже нет никакой связи. Его освободившееся от зловонного рубища духовное "я", собрав весь имеющийся в наличности более или менее скудный запас своих истинных сокровищ, поднимается "в сферу очищенных духов" — и там отдыхает, спит и "видит блаженные сны" до нового пробуждения "на какой-нибудь планете". Прекрасно; скажем, что это и есть "дэвакхан", необуддистский временный рай.

Но откуда же взялся "авичи", когда по здравой логике и следуя той же "эзотерической доктрине", наказанием за грехи является именно страдание от громадного ряда перевоплощений? Ведь не будь именно такого, этого самого

наказания, — не было бы и перевоплощений. Каждая вина, каждый грех данного материального существования искупаются страданием в следующем воплощении — и только одна необходимость искупления и страдания за грех обусловливает и объясняет необходимость "новых падений духа в материю". К чему же "авичи"? Если есть "авичи", тогда закон "кармы" получает совсем иной образ, а последовательные воплощения лишаются всякого смысла.

Но в "авичи", существующем рядом с искупительными перевоплощениями, заключается и еще одна очевидная нелогичность. Если после смерти человека его духовное "я" состоит только из чистых частиц высших принципов, а все низшее, материальное отпадает от него и теряет с ним всякую связь, — то как же это духовное "я" может страдать? Сокровище, уносимое духовным "я" в обитель временного блаженства, может быть очень незначительным; духовное "я", будучи крайне бедным, может испытывать весьма неполное блаженство; но пока оно, как ни бедно, да чисто, и пока отдыхает, страдать оно не может. Остается сделать два предположения: 1) может быть, под "авичи" подразумевается кратковременный "ад" низших, медленно разлагающихся принципов, этой сброшенной человеком в минуту смерти ветхой одежды? Но в таком случае нельзя определять "авичи" как состояние, противоположное "дэвакхан" и относящееся к тому же духовному "я". Страдание материи может ощущаться человеческой душой только пока между ними существует хоть какая-нибудь связь, а не после того, как эта связь окончательно разорвана; 2) быть может, наконец, под "авичи" следует подразумевать "полную смерть души", совершенное уничтожение духовного "я", отсутствие высших принципов в человеке и безнадежное погружение его низших принципов в глубину материи? Но ведь тут, опять-таки, не может страдать сознательное духовное "я", когда его совсем нет, когда оно уничтожено без остатка. Да и грубая, бессознательная материя тоже не может страдать в глубине своей бездны, пока не присоединится к ней хотя бы малейшая частица духа. Притом же тут, во всяком случае, следовало бы противопоставить "авичи" не "дэвакхан", а

нирване, чего, однако, авторы неотеософической доктрины не делают. Они предпочитают просто замалчивать ими же неизвестно зачем провозглашенный "авичи".

Отметив эту новую неудачу "религии разума", скажем несколько слов о некоторых существах нечеловеческого рода, населяющих, по мнению Блаватской и ее адептов, вселенную.

Прежде всего мы встречаемся с элементалами и элементариями. Элементалы — это полуразумные создания "астрального света". Они принадлежат к совершенно отличному от нас царству природы. Это эльфы, сильфы, саламандры и гномы. Когда-нибудь они станут и людьми; но пока не ответственны ни за свое добро, ни за свое зло; они, в сущности, ни злы, ни добры, а безразличны. Много распространяться о них теософы не могут, "на том простом основании, — говорит Олкотт, — что адепты умолчали об этой тайне". О них не молчат однако старинные легенды и сказки всех народов, подробно описывающие нравы и обычаи этих интересных созданий. Неотеософы не в состоянии ничего добавить к этим поэтическим рассказам.

Элементарии — это уж совсем иное дело; они гораздо менее симпатичны. Они стоят несравненно ниже "элементалов", находятся в "земной атмосфере" и неразумны. Это глупые демоны, склонные творить всякие "пакости". Вокруг нас нет местечка, где не находился бы подобный демон. "Природа не терпит пустоты", — повторяют неотеософы и спешат наполнить ее зловредными элементариями.

Рядом с этими духовными существами низшего порядка неотеософы признают существование и высших духов, подобных героям и даже богам древней мифологии. Это так называемые "дьян-чоханы", планетарные духи, демиурги. Они суть "хранители и водители планет", высшие сановники, министры безличных семипланетных Парабрам. У каждой планеты есть свой бог, дьян-чохан, и, таким образом, неотеософы воскрешают мечтания о "Духе Земли", о котором грезил, между прочим, и Кеплер. О дальнейших на эту тему измышлениях нечего распространяться, — они достаточно ясны...

VI

Теософическое общество в настоящее время действует уже открыто. Оно еще при жизни Блаватской и с помощью ее же новейших писаний нашло, что первоначальные блестки "эзотерической доктрины", рассмотренной здесь нами, уже более не нужны и останутся лишь для любителей.

"Теософическое общество", эта "религия будущего", покончив со всеми своими традициями, объявляет себя, и с каждым годом все громче и громче, не "всемирным ученым братством", а "всемирной проповедью буддизма", самого правоверного, воинствующего и кипящего нескрываемой враждой и ненавистью к христианству, которые брызжут со страниц "Теософиста" и других изданий.

Такая вражда и ненависть "теософического общества" к христианству понятна. Христианство не отрицает реальности жизни, а потому способно развивать и цивилизовать общество. Буддизм признает жизнь "майей" (призраком), поэтому общество, его принявшее, не может развиваться и цивилизоваться, а неизбежно вырождается, чему служит ярким примером хотя бы та же Индия. Христианство стремится к жизни, буддизм — к смерти. Учение Христа — истинный альтруизм, а буддизм — олицетворение, возведение в идеал эгоизма. Идеал буддизма — человек, равнодушный к добру и злу, человек — кремень, ибо только такой человек не творит себе ни доброй, ни злой кармы, не желает жить, признавая жизнь надоевшим призраком, и уходит в нирвану.

Блаженство, достигаемое по христианскому идеалу в вечной жизни, есть высочайшее развитие всех лучших качеств души, — значит, оно является прямым следствием предыдущих причин. Блаженство нирваны, даже по понятиям северного буддизма, не имеет никакой связи с земным существованием человека, с его душевными качествами и свойствами, а поэтому земное существование является бессмыслицей, с которой чем раньше покончит человек, тем лучше.

Но эта безнадежная и ядовитая суть для многих трудно различима за соблазнами и всякими чарами, которыми

она прикрыта. Она привлекает больной, ушедший от прежней веры, не знающий и не понимающий этой веры ум в манящую, таинственную даль и показывает в ней золотые миражи.

К несчастью, и помимо "теософического общества" мы уже слышим голоса различных лже-мудрецов и лже-пророков, проповедующих ненависть к жизни и призывающих нас к смерти. После грубого, откровенного материализма, оканчивающего свои дни, с его смертного одра восстают какие-то фантастические, мистические призраки, имеющие с ним несомненную генетическую связь. Это его "астральные тела", его "кама-рупа", выражаясь языком покойной Блаватской.

Эти "астральные тела", эти "кама-рупа" материализма, под видом новых религий, учений, сект, силятся отравлять и действительно отравляют своей смертельной безнадежностью самые свежие, самые молодые ростки нашей жизни.

Но Блаватская и ее сподвижники, а также их "эзотерическая доктрина", перешедшая в явный буддизм, соблазнительны и опасны только до тех пор, пока они показываются издали, в таинственном полумраке, при нашептывании разных нелепых сказок. Стоит только открыть ставни, впустить свет — и всякое очарование, а вместе с ним и опасность, исчезают.

II. ДОКУМЕНТЫ

ЭЛИФАС ЛЕВИ

О ВЫСШЕЙ МАГИИ*

<...> ... есть вещи, которые Соломон запечатал своей тройной печатью. Посвященные знают об этом достаточно. Что же касается других, пусть они смеются, пусть не верят, сомневаются, угрожают или боятся, — что за дело до этого науке и нам?

Действительно, таковы результаты тайной философии, и, утверждая, что все эти привилегии реальны, я не боюсь ни обвинения в безумии, ни подозрения в шарлатанстве. Цель всей моей работы по тайной философии доказать это.

Таким образом, философский камень, всеобъемлющая врачебная наука, превращение металлов, квадратура круга и секрет беспрерывного движения — все это — не мистификации науки, не мечты безумия; это — термины, истинное значение которых надо понять, причем все они выражают различное употребление одного и того же секрета, различные признаки одной и той же операции, которую определяют более общим образом, называя ее великим делом.

В природе существует сила совершенно иначе могущественная, чем пар; благодаря этой силе, человек, который сможет завладеть и управлять ею, будет в состоянии разрушить и изменить лицо мира. Сила эта была известна древним; она состоит из мирового агента, высший закон которого — равновесие и управление, который непосредственно зависит от великой тайны трансцендентальной магии. Управляя этим агентом, можно изменить даже порядок времен года, ночью производить дневные явления, в одно мгновение сообщаться между концами земли, видеть подобно Аполлонию то, что происходит на другом конце света, исцелять или поражать на расстоянии, придавать

* Фрагменты из книги "Учение и ритуал высшей магии".

своему слову успех и повсеместное распространение. Этот агент, едва открывающийся ощупью учениками Месмера, есть именно то, что средневековые адепты называли первой материей великого дела. Гностики сделали из него огненное тело Святого Духа; его же обожали в тайных обрядах Шабаша или Храма, под иероглифическим видом Бафомета или Андрогина, козла Мендеса. Все это будет впоследствии доказано.

Таковы секреты тайной философии; такой является нам магия в истории...

<...> Не следует дерзко вступать на путь высоких знаний, но, если начал идти — необходимо дойти или погибнуть: сомневаться — значит стать безумным, остановиться — упасть, отступить — броситься в пропасть.

Итак, начавший читать эту книгу, если ты ее понимаешь и хочешь прочесть до конца, она сделает тебя монархом или безумцем. Делай с этим томом все, что пожелаешь, ты не сможешь ни презирать, ни забыть его. Если ты чист, эта книга будет для тебя светом; если ты силен, она будет твоим оружием; если ты свят — твоей религией; если ты мудр, она урегулирует твою мудрость.

Но если ты зол, эта книга будет для тебя подобна адскому факелу; она изроет твою грудь, разрывая ее подобно кинжалу; она останется в твоей памяти как угрызение совести; она наполнит химерами твое воображение и посредством безумия приведет тебя к отчаянью. Ты захочешь над ней смеяться и сможешь только скрежетать зубами, ибо книга эта будет для тебя подобна тому подпилку в басне, сгрызть который пыталась змея и который испортил ей все зубы...

<...> Знание (la science) — абсолютное и полное обладание истиной.

Поэтому мудрецы всех веков боялись этого абсолютного и страшного слова; они боялись присвоить себе первую привилегию Божества, приписав себе знание, и удовлетворялись, вместо глагола "знать", словом, выражающим познание, и вместо слова "знание" избрали "гностицизм" (la gnose), слово, выражающее собой только идею интуитивного познания.

Действительно, что знает человек? Ничего, и, однако, ему не позволено чего-нибудь не знать.

Он ничего не знает и призван все узнать.

Но знание предполагает двойное. Бытию познающему необходим объект познаваемый.

Двойное — генератор общества и закона; оно также число гностицизма. Двойное — единство, умножающееся само на себя, чтобы творить; поэтому-то священные символы заставляют Еву произойти из груди Адама.

Адам — человеческая тетраграмма, резюмирующаяся в таинственном йоде, образе каббалистического фалоса. Добавьте к этому йоду тройное имя Евы, и вы составите имя Еговы, божественную тетраграмму, каббалистическое и магическое слово, которое первосвященник в храме произносил: "Йод, и, вау, и".

Так единство, совершенное в плодородии тройного, образует вместе с ним четверное, ключ ко всем числам, ко всем движениям и всем формам. Квадрат, вращаясь вокруг себя самого, производит равный себе круг, а квадратура круга и есть круговое движение четырех равных углов, вращающихся вокруг одной и той же точки.

То, что находится вверху, говорит Гермес, равняется тому, что находится внизу; двойное служит мерой единству, и отношение равенства между верхом и низом образует вместе с ними тройное.

Творческий принцип — идеальный фалос, и принцип созданный — формальный ктеис. Вставление вертикального фалоса в горизонтальный ктеис образует ставрос гностиков или философский крест масонов. Так скрещение двоих производит четыре, которые, двигаясь, производят круг со всеми его градусами.

Богаз и Жакин (единство и двойство) — имена двух символических колонн, находившихся перед главной дверью каббалистического храма Соломона. Эти две колонны объясняют в каббале все тайны антагонизма как естественного, так и политического или религиозного; они же объясняют производительную борьбу между мужчиной и женщиной, ибо, по закону природы, женщина должна

сопротивляться мужчине, а он должен прельстить или подчинить ее.

Деятельный принцип ищет принцип пассивный, полнота влюблена в пустоту; змеиная глотка притягивает свой хвост, и, вращаясь, она сама от себя убегает и сама себя преследует. Женщина — творение мужчины, и мировое творение — жена первого принципа.

Когда бытие-принцип стало творцом, оно воздвигло йод, или фалос, и чтобы найти ему место в полноте несотворенного света, он должен был вырыть ктеис, или яму тени, равную размеру, определенному его творческим желанием и присвоенному им идеальному йоду лучезарного света.

Таков таинственный язык талмудических каббалистов, и, вследствие невежества и злобы толпы, я не в состоянии объяснить его или упростить.

Итак, что такое творение? Это дом Слова-творца. Что такое ктеис? Это дом фалоса.

Какова природа деятельного принципа? Проливать. Какова природа принципа пассивного? Собирать и оплодотворять.

Что такое мужчина? Посвятитель — тот, кто примиряет, орошает и собирает жатву.

Мужчина воюет, женщина доставляет мир; мужчина разрушает, чтобы творить, женщина создает, чтобы сохранять; мужчина — возмущение, женщина — примирение; мужчина — отец Каина, женщина — мать Авеля.

Что такое мудрость? Примирение и соединение обоих принципов; кротость Авеля, управляющая энергией Каина...

<...> Единство человека дополняется правой и левой сторонами.

Примитивный человек — андрогин. Все органы человека расположены по два, за исключением носа, языка, пупа и каббалистического йода.

Божество, единое в своей сущности, для самого существования своего нуждается в двух основных свойствах: необходимости и свободе.

Законы высшего разума необходимо требуют Бога разумной и мудрой свободы.

Чтобы сделать свет видимым, Бог только предположил мрак. Чтобы проявить истину, Он сделал возможным сомнение. Мрак — контраст света, и возможность ошибки необходима для временного проявления истины.

Если бы щит Сатаны не останавливал копья Михаила, сила ангела потерялась бы в пустоте или должна была бы проявить себя бесконечным разрушением, направленным сверху вниз.

И если бы нога Михаила не препятствовала восхождению Сатаны, он сверг бы с престола Бога, или, скорее, сам потерялся бы в неизмеримых глубинах высоты.

Следовательно, Сатана нужен Михаилу, как пьедестал для статуи, и Михаил нужен Сатане, как тормоз для паровоза...

<...> Все религии сохранили воспоминание о примитивной книге, написанной в образах мудрецами первых веков; ее упрощенные и позже введенные во всеобщее употребление символы доставили писанию буквы, слову — его отличительные признаки и оккультной философии — ее таинственные знаки и пентакли.

Эта книга, приписываемая евреями — Еноху, седьмому учителю мира после Адама; египтянами — Гермесу Трисмегисту; греками — Кадму, основателю святого города, была символическим сокращением примитивного предания, позже названного Каббаллой или Каббалой — еврейским словом, эквивалентным преданию.

Все это предание основано на естественном догмате магии: видимое — для нас пропорциональная мера невидимого. Древние, заметив, что в физике равновесие является универсальным законом и результатом кажущейся противоположности двух сил, от равновесия физического перешли к равновесию метафизическому и провозгласили, что в Боге, т. е. живой и деятельней первопричине, необходимо признать два свойства: устойчивость и движение, необходимость и свободу, рациональный порядок и свободу воли, справедливость и любовь, а следовательно, также строгость и милосердие; два эти атрибута еврейские каббалисты до некоторой степени олицетворяют под названием Гебуры и Хезеда.

Над Гебурой и Хезедом расположена верховная корона — уравновешивающая сила, принцип мира или уравновешенного царства; корона эта обозначена именем Мальхут в тайном и каббалистическом стихе молитвы Господней...

Но Гебура и Хезед, поддерживаемые в равновесии вверху короной и внизу царством, — два принципа, которые можно рассматривать либо абстрактно, либо в их реализации. Абстрактные или идеализированные, они получают высшее название "Хохма" (мудрость) и "Бина" (разум). Осуществленные, они называются устойчивостью и прогрессом, т. е. вечностью и победой: "Год" и "Нетца".

Такова, по учению каббалы, основа всех религий и наук, первая и неизменная идея всего существующего — тройной треугольник и круг, идея тройного, объясненная помноженным само на себя равновесием, в области идеала и осуществление этой идеи в формах. Древние соединяли главные понятия этой простой и грандиозной теологии с понятием о числах и следующим образом определяли все числа примитивной декады:

1. "Кетер". — Корона, уравновешивающая сила.

2. "Хохма". — Мудрость, уравновешенная в своем неизменном устройстве инициативой разума.

3. "Бина". — Деятельный разум, уравновешенный мудростью.

4. "Хезед". — Милосердие, вторая концепция мудрости.

5. "Гебура". — Строгость, неизбежное существование которой обусловливается мудростью и добротой.

6. "Тиферет". — Красота — лучезарная концепция равновесия в формах, переход от короны к царству, принцип-посредник между творцом и творением.

7. "Нетца". — Победа, т. е. вечное торжество разума и справедливости.

8. "Год". — Вечность побед духа над материей, деятельного над пассивным, жизни над смертью.

9. "Иезод". — Основание, т. е. основа всех верований и истин — то, что мы называем в философии "Абсолютом".

10. "Мальхут". — Царство — вселенная; все творение, дело и зеркало Бога; доказательство существования высшего разума; точное следствие, заставляющее нас взойти к

первым возможным посылкам; загадка, отгадка которой — Бог, т. е. высший и абсолютный разум.

Эти десять основных понятий, связанных с первыми десятью буквами примитивного алфавита, одновременно обозначая и начала и числа, представляют собой то, что учителя каббалы называют десятью Сефиротами.

Изображенная таким образом священная тетраграмма указывает число, источник и отношение имен Бога. К имени Иотхава, изображенному этими двадцатью четырьмя знаками, увенчанными тройным венчиком света, нужно относить 24 небесных трона и столько же коронованных старцев "Апокалипсиса". В каббале оккультное начало называется старцем, и этот принцип, размножаясь и как бы отражаясь во второпричинах, создает свои образы, т. е. столько же старцев, сколько существует различных концепций его единой сущности. Эти менее совершенные образы, удаляясь от своего источника, бросают во мрак последнее отражение и отблеск, изображающие ужасного и обезображенного старца; а это и есть то, что называют дьяволом. Поэтому один посвященный осмелился сказать: "Дьявол — Бог, по понятиям злых людей", а другой, употребляя еще более странные, но не менее энергичные выражения, добавил: "Дьявол образован из обрывков Бога"...

В. А. ШМАКОВ

О СВЯЩЕННОЙ КНИГЕ ТОТА*

В мире нет ничего нового, человеческая цивилизация движется по спирали, и из века в век люди проходят по тем же самым путям, лишь различно расцвечивая их, согласно своим индивидуальным особенностям. История, ведомая нам, обнимает лишь крохотную часть истинной

* Фрагменты предисловия книги "Священная Книга Тота. Великие Арканы Таро. Абсолютные Начала Синтетической Философии Эзотеризма".

полной истории; она не сохранила памяти о бывших блистательных эрах жизни и деятельности человечества, как в мире духа, так и в мире разума. Истина и стремление к ней человека вечны; как реальность, она не может не быть единой; вот почему Высшее Ведение, почерпнутое из затаеннейших областей духа, не может зависеть от внешних условий; незыблимость сущности должна выливаться в незыблимость разума. Учение об истине на пути веков было преемственно, оно пережило не только расу, впервые поднявшуюся до него, но и самую память о ней; из века в век оно хранилось служителями своими, которые суть истинные представители аристократии духа. Запечатленное в символах, оно дошло до нас в древнейшем памятнике мысли человеческой, происхождение которого теряется в тумане веков. Этот памятник есть Священная Книга Тота, Великие Арканы Таро.

"Через завесу всех иерархических и мистических аллегорий древних учений, сквозь мрак и причудливые испытания всех Посвящений, за печатью всех Священных Писаний, на развалинах Ниневии и Фив, равно как на изъеденных временем камнях древних храмов, на почерневших лицах сфинксов Ассирии и Египта, в чудовищных или чудесных рисунках, переводящих для верующих Индии священные страницы Вед, в странных эмблемах наших старых алхимических книг, в церемониях приема, практиковавшихся всеми таинственными обществами... повсюду мы находим следы Единой Доктрины, повсюду тождественной, повсюду тщательно скрываемой... Оккультная философия, по-видимому, была кормилицей или крестной матерью всех религий, тайным рычагом всех интеллектуальных сил, ключом ко всем Божественным таинствам и абсолютной властительницей общества в годины, когда она была исключительно предназначена для просвещения первосвященников и царей.

Она царила в Персии вместе с магами, которые погибли, как погибают повелители мира, злоупотребившие своим могуществом; она одарила Индию самыми чудесными преданиями и невероятной роскошью поэзии, прелести и ужаса своих эмблем; она просветила Грецию при звуках

лиры Орфея; в смелых вычислениях Пифагора она вложила конечные принципы всех наук и всех успехов человеческого духа, она исполнила сказку своими чудесами; история, как только бралась за учение этого неведомого могущества, сама претворялась в сказку; своими оракулами она потрясала или утверждала империи, заставляла бледнеть тиранов на их тронах и господствовала над всеми умами, маня своей таинственностью или приклоняя их страхом. Для этой науки, говорила толпа, нет ничего невозможного: она повелевает элементами, знает язык звезд, луна на ее зов падает кровавой с неба, мертвецы встают из своих могил, повторяя замогильный шепот ночного ветра, проносящегося через их черепа. Властительница любви и ненависти, наука, может доставить по своему желанию рай или ад сердцам людей; она всецело располагает всеми формами и распределяет, как ей угодно, красоту и безобразие; при помощи палочки Цирцеи она превращает также людей в скотов и животных в людей, она располагает даже жизнью и смертью и может доставить своим адептам богатство посредством превращения металлов и бессмертие при помощи своих квинтэссенций и своего элексира, составленного из золота и света. Вот чем была Магия от Зороастра до Манеса, от Орфея до Аполлония Тианского, до того, как позитивное христианство, восторжествовав, наконец, над прекрасными мечтаниями и грандиозными стремлениями Александрийской Школы, осмелилось публично поразить эту философию своими анафемами и таким образом заставило ее стать еще более скрытой и таинственной, чем когда бы то ни было прежде"*.

Бесчисленные поколения людей отошли в вечность с тех пор, как человек впервые осознал свое царственное на земле достоинство. Самые имена племен и народов заволоклись постепенно веками и исчезли в их тьме. Всепоглощающее время вычеркнуло навсегда из нашего сознания даже мысль о возможности устремить наш умственный взор в седую древность человечества. Справедливо

---

* Елифас Леви. "Учение и ритуал высшей магии".

сказано, что если история человечества длится сутки, то мы едва ли знаем последние пять секунд. Египет, Китай, Вавилон и Индия — вот пределы, за которые не может проникнуть пытливый глаз историка. Былины, легенды и мифы освещают еще несколько тысячелетий в глубь веков, — затем все заволакивается непроглядной тьмой. Бесчисленное множество раз, даже за сравнительно ничтожный период известной нами мировой истории, изменялись клички народов, иссякала и вновь возникла юная кровь, создавалась культура и вновь разрушалась. Как в калейдоскопе сменялись поколения людские с мыслями, надеждой и верой и вновь уходили в область забвения. Ничто не осталось неподвижным, все варьировалось, все изменялось. Волны людские смывали, растворяли в себе, а подчас и совсем уничтожали предшествовавшие цивилизации, катились неудержимо, слабели и затухали. Ничто не вечно, все проходит и все забывается.

Бурное море своими волнами, вечно бурлящими, гордыми и могучими неустанно изменяет лик земли: скалы рассыпаются в песок, спокойно ложащийся на дно, горные вершины исчезают в пучине. Но и само могучее море иногда встречает отпор в своем неудержимом стремлении. Вот встречает оно мощную грудь вулкана; с ревом несутся бешенные волны, гибнет все вокруг, самые скалы — подошвы гиганта колеблются; кажется, еще немного, и наступит его неизбежная гибель. Но вот, как бы проснувшись, вздохнет своей грудью вулкан и из недр его поднимутся волны лавы, — и снова он делается грозным и непреодолимым. А, между тем, вокруг море продолжает свою работу; новые и новые земли захватывает оно, и через несколько тысячелетий вся страна опускается на дно морское; один вулкан остается недвижим и все растет. Забудется имя страны, с недоумением будет встречать мореплаватель гиганта, но если он будет достаточно пытлив, смел и настойчив, то в слоях пепла он найдет остатки былых времен и сможет постигнуть историю злосчастной страны.

Так, средь бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минув-

шего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу противостоять всему — мы не знаем и, вероятно, знать не будем. Но его древность, баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, когда перед нашим восхищенным взором открывается, что кроме самой древности его жизни, в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь?! — Этот памятник нам, европейцам, известен под именем Священной Книги Тота — Великих Арканов Таро.

Многие десятки веков тому назад царствующая ныне на земле белая раса получила от своей предшественницы это великое наследие, этот великий синтез знания человека и доступного его гению Откровения Божественного. Она по достоинству оценила его, и этот Памятник Божественной Мудрости лег в сущность всех посвящений. Эта великая основа проявляется в каждой религии постольку, поскольку она возвышается над дифференциальными частностями, возносится над условиями быта и времени ее народа и выявляет из своего существа отблеск абсолютного учения о вечной истине.

"Вся религии сохранили память об одной первичной книге, написанной иероглифами мудрецами первых веков мира, символы которой будучи впоследствии упрощены и вульгаризированы, послужили Писанию буквами, Слову — категориями, а оккультной философии — ее таинственными знаками"*.

"Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое Слово. То, что в вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть, — результат количества и равновесий. Ключ затаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное Слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это

---

* Там же.

есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские... Древность этой книги теряется в ночи времени. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах, которые были раньше сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов... она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старея с бегом веков, она, тем не менее, сохранилась — благодаря невежеству любопытных — без изменений в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях". Эти сроки цитирует Е. П. Блаватская в своей "Тайной Доктрине" с какого-то манускрипта о Таро — Священной Книги Эноха. Относительно замечания об индийском происхождении Таро, Блаватская пишет следующее: "Говорят, что Таро "индийского происхождения", потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы-Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древен и его след надо искать не здесь, а в Himaleh, в Снежных цепях. Оно родилось в таинственной области, определить местонахождение которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, — области, в которой Браман поместил Свою Kailasa, гору Меру и Parvati Pamir, извращенный греками в Парапамиз".

Истина одна, но к ней можно подходить различными путями и мы, естественно, должны выбрать путь, наиболее доступный. В наиболее чистой форме Божественная Доктрина, вложенная в Великие Арканы, покоится в Посвящении страны иерофантов. Здесь именно они были выражены с наибольшей отчетливостью сознания их величия, они были действительной основой всей религии, в то время, как в других странах они были сокрыты покрывалом эзотеризма. Вместе с тем, учение священной страны Кеми, само по себе, более доступно испытующему духу нашему, ибо вся европейская культура развивалась под его влиянием,

чрез посредство семитического Откровения, иудейства и христианства и через мистицизм оккультных течений Запада, которые источником всех своих знаний открыто почитали учение Гермеса Трисмегиста, Великого Посвященного, Основоположника египетской науки и Посвящения.

С нашествием Камбиза великолепие Египта отошло в область предания. Несколько месяцев подряд победоносное войско тем только и занималось, что, раскалив сначала при помощи костров пилоны и статуи, обелиски и барельефы, вековые творения гения египетского, затем поливало их холодной водой, чтобы добиться их разрушения на такие осколки, которые затем, будучи развезены в разные стороны, могли бы быть без особых усилий бесследно уничтожены. Во всей долине Нила не осталось ни одного храма, ни одного памятника, которого бы не коснулась рука этого непреклонного исполнителя воли судеб.

Несмотря на все их усилия, победители разрушили только то, что должно было быть разрушено. Деяния рук человеческих погибли, но дух древних Иерофантов продолжал жить, таясь в недоступных убежищах. С воцарением Птоломеев, Египет еще раз развернул свою древнюю мощь, и чудо света, — Александрийский маяк, как издревле сфинкс, стал эмблемой страны вечного стремления, блистающим светом своим озарявший весь мир на пути стольких столетий. Но пришел час, предначертанный судьбой, и наступил конец всему. Среди диких воплей черни и иступленных выкрикиваний фанатиков, выдававших себя за лучших служителей Бога-Света, пал древний Серапис, оплот Египетской мудрости. Теон и Ипатия запечатлели кровью своею беззаветную преданность знанию на ступенях александрийского храма Мудрости, ставшего последовательно добычей фанатических орд Омара и епископа Феофана. Полгода горели на площадях костры и топились бани сотнями тысяч папирусов, повествовавших о минувшей жизни людей, их стремлениях, их знаниях. Безмерное погрузилось в область забвения, ушло туда, откуда уже нет возврата.

Истина и стремление к ней человека вечны; нет в мире силы и быть такой не может, которая могла бы их превозмочь; весь мир мог погибнуть, и в наступившей Кали-Юге мог статься лишь один человек, но и тогда Истина продолжила бы кротко сиять в его сердце, а дух его продолжал бы к ней пламенно стремиться. Погиб весь блеск Египта, погибли храмы, погиб оплот мудрых, живших стремлениями вне жизни земной, — наука о Вечной Истине погибнуть не могла, она бессмертна и волны людского безумия не могли ее поколебать! В ослеплении объявляя войну Небу, человек этим лишь сам изгоняет себя из его пределов; Абсолютное и Вечное непрестанно озаряет все вокруг Себя, — слабая воля людская ни на йоту не может ослабить или изменить Его Бытие и Свет; в ее власти — лишь степень восприимчивости самого человека. Когда дух его чист и ясен, он может невозбранно приближаться к Свету, и Истина предстает пред ним в неописуемом великолепии Своей Первородной Чистоты. В годину падения, когда помутившийся или еще спящий разум оказывается не в силах сдерживать беснующихся страстей, человек теряется в их сатанинском хаосе и сам сковывает себя по рукам и ногам. Светлый лик Изиды, объемлющей все в Себе, отражает тогда для его взора лишь свистопляску его безумств и мучений во всей дерзновенности их уродливости. Видя это, и чувствуя внутренне правдивость осуждения, человек бросается в бездну с еще большим неистовством, наивно думая найти себе этим покой. Первые века христианской эры — это, с одной стороны, повальное восстание рабов, а с другой, — появление на арене мира варварских полудиких народов. Античный мир быстро склонялся к закату, а с ним уходили и его боги, его наука и его тайны. Внешним образом — все погибло, но в действительности эта катастрофа была только кажущейся. На лик Изиды, Богини Истины, спустилась вуаль еще более темная и непрозрачная, чем когда бы то ни было прежде. Открыто проповедовавшееся знание укрылось в символах, легендах, мифах и, уйдя, таким образом, от взоров толпы, оно пережило гордое царство фараонов и распространилось по всему миру.

"Одежды Истины меняются, но сама Богиня и Ее Дух непоколебимы и вечно испускают лучи под временными изменениями буквы"*.

Прошло лишь несколько десятков лет и дети полчищ Омара создали великолепный Арабский Халифат. Гарун-Аль-Рашид, Ибин-Юнис, Нарс-Эддин, Табита-Бен-Кара и Сулейман стали все силы свои устремлять к тому, чтобы восстановить величие Александрийской науки. С победой Тарика, мусульманские владения стали надвигаться и на Европу; хотя Карл Мартелл при Пуатье и положил предел их политическому распространению, все же веяние арабского гения проникало далеко и странствующие философы, алхимики и астрологи распространяли обрывки знаний повсюду, пока лютое подавление альбигойцев не заставило ищущих Правды начать скрывать свои стремления густым покровом тайны.

Герольды и трубадуры, странствующие рыцари и монахи нищенствующих орденов разносили отзвуки эзотерического мистицизма повсюду, от турниров гордых вассалов до скромных жилищ простого народа. Иерусалимские войны еще более укрепили связь с сарацинами, и если на западе Крест восторжествовал над Луной, то на востоке мистические искания повергли в прах даже пламенный фанатизм крестоносцев. Рыцари Храма на пути целых веков на острове Мальте стали открытыми искателями в области Неведомого, и самая казнь Жака дю-Молле у Сен-Антуанских ворот Парижа на медленном огне с его ста тринадцатью товарищами Филиппом Красивым привела лишь к созданию "Общества Свободных Каменщиков", которое с учреждением института "macons adoptes" претворилось в массонские толки, скованные впоследствии общностью дела Вестгауптом, и затем открыто соединившиеся во всемирное братство работой Альберта Пайка, благодаря учреждению им "Palladismum Novum Reformatum".

---

* Станислав де-Гюайта. "La Clef de la Magie Noire".

Так, на пути веков, средь хаоса племен и народов, культов и верований, внешних форм и окрасок, сохранилась преемственная связь, начиная с древних иерофантов Египта, переходя последовательно через неоплатоников, гностиков и философию арабов, тамплиеров, розенкрейцеров, Раймонда Люлля, Парацельса, Флудда, Филалета, Кроллиуса, Мейстера Экхарта, Корнелия Агриппу, Иоанна Тритемского, Генриха Кунрата, Николая Фламмеля, Кнор де-Розенрота, Пико Мирандоля, Рейхлина, Беме, Гиштоля, Джордано Бруно, Лэда, Мартинеца ди-Пасквалиса, Дютца-Мамбрини, Сен-Мартена, Мелитора, Фабра д'Оливе, Сент-Ива д'Альвейдра, Гужено де-Муссо, Елифаса Леви, Станислава де-Гюайта и кончая современными новейшими мистическими течениями иогизма и теософии. Но как бесконечно далек мистицизм иллюминатов, розенкрейцеров, этих жалких представителей когда-то столь великого западного Посвящения, от блеска Царственной Науки долины Фив! Из поколения в поколение передавалась лишь буква, дух живой давно отлетел и лишь отдельные, отмеченные выше, искатели в тайниках сердца своего воссоздавали отблеск величия Древнего Знания.

Мировая история всегда делилась, как будет делиться и впредь, на периоды накапливания фактов и на периоды их обобщения и синтеза. Наша эра — последние две тысячи лет, и является именно таким периодом накапливания фактов и отсутствия ярких проблесков человеческого гения.

Мы переживаем грустную эпоху, которой древние индусы дали имя "Кали-Юги", "годины смерти", ибо во время ее призваны к деятельности лишь низшие стороны человеческого существа. Эпоха расцвета Египта — это последний отзвук предшествовавшей расы человечества, отошедшей в вечность. Время Гермеса, Рамы, Орфея и Кришны миновало безвозвратно; пред человечеством лежит задача создать новый синтез, еще более великий и грандиозный, чем все бывшие ранее; исполнение этого и есть миссия грядущих тысячелетий. Наша же задача должна сводиться к тому, чтобы приуготовлять это великое дело, а потому, не разрывая связи с прошлым, мы должны

прилагать его в наши условия, в наше мышление и, при свете древнего синтетического учения, собирать воедино те данные, которые дает нам наша наука, наш опыт и наши переживания. К сожалению глубокому, громадное число мистиков этого не понимало; они цеплялись за букву древней науки, пытаясь воскресить минувшее в тех формах, которые волею судеб погибли безвозвратно. Они не давали себе отчета в том, что разрушение древних цивилизаций и полное уничтожение всего того, что ими было добыто, естественно, должно иметь свое основание, которое и заключается в том, что одна страница мировой истории кончилась и начинается другая. Древний мир сделал свое дело, выполнил положенную ему миссию вполне, а потому должен был отойти, чтобы дать возможность нам, его потомкам и преемникам выполнять нашу работу, не стесняя нашу свободу и не противореча нашим стремлениям. Осознав это, вместо горечи о минувшем, мы будем черпать из него лишь силу великую, ибо то, что могли выполнить одни, могут выполнить другие. Связь с древностью должна быть велика у всякого ищущего Истину, но она должна проистекать не из привязанности к блеску формы ее, а из истинного великолепия ее сущности.

"Евангельская система — не катехизис, не элементарное богословие, но высшее религиозное знание, крайняя вершина религиозного мышления, последняя ступень богословского созерцания. Евангельское учение о Боге примыкает к тем верованиям еврейской религии, которые вместе с тем, оказываются последним религиозным словом общечеловеческого разума, последним пределом доступного человеку в его исканиях Божественной Истины"*.

"Таким образом, наши религиозные обряды древни, как мир, наши празднества походят на таковые наших отцов, и Спаситель христиан не пришел для того, чтобы изменить символическую и религиозную красоту древнего Посвящения; Он пришел, как Он Сам сказал, по поводу

* Проф. М. Тариев. "Основы христианства".

запретительного закона евреев, для того, чтобы все совершить и все исполнить"*.

Начало христианской эры и есть великий момент разрыва с прошлым. С распространением христианства связь с древним миром и его культурой повсюду стала падать, и чем больше отдельные люди стремились остановить этот разрыв, тем скорее он совершался. Задумав воссоздать величие древней науки, Птоломеи собрали в единое хранилище все, что оставалось разбросанным по всему свету, и все это одним ударом судьбы было обращено во прах; не будь их, быть может, многие манускрипты сохранились бы и поныне, теперь же все для нас погибло безвозвратно. Все дальнейшие попытки в этом направлении также, всегда и неизменно, приводили к обратному результату; Марк Аврелий и Юлиан лишь ускорили гибель древности, вызвав реакцию; равно погибли и все мистические школы, которые стремились на христианской почве сохранить остатки знаний древних святилищ.

"Юлиан не был язычником, — это был гностик, привязанный к аллегориям греческого пантеизма, и его несчастье заключалось в том, что он находил имя Иисуса Христа менее звучным, чем имя Орфея"**.

Многие из гностических идей были глубоки и сильны, но они были лишь перепевами древних мистерий, а потому и должны были погибнуть, чтобы дать дорогу новому. Это новое было грозно, ужасно и страдно, но вся последующая история человечества была школой для масс, и мрачные темницы и костры средневековья закаляли дух избранных и были и истинным чистилищем его. Вся современная техническая культура не могла бы вовсе развиться, если бы живы были вполне предания о древности минувшей. Люди не могли бы обратить все свои силы исключительно на знания земли, ибо дух их всегда и неизменно тяготеет к вечности, и удерживать его в этом стремлении может лишь лютый закон. Человек должен сначала познать себя

---

* Елифас Леви. "Histoire de la Magie".

** Елифас Леви. "Учение и ритуал высшей магии".

во всей полноте, должен все выполнить здесь, и только после этого может начать стремиться ввысь; не имея опоры внизу, он не в силах подняться в заоблачные вершины и неминуемо повиснет между небом и землей, подобно гробу Магомета...

Но, несмотря на внешний разрыв с древним миром, дух его неисповедимыми путями управлял все время жизнью европейских народов. Таинственные иерофанты и учителя сказочной Индии своим гением через толпу веков продолжают светить людям. Всегда и вечно, всякий алчущий и жаждущий Правды невольно обращал взор свой к долинам Нила и снежным вершинам Гималай, и теплый живительный луч снисходил в его мятежную душу.

Затерянный среди чуждых ему людей, среди треска аутодафе или грохота Нью-Йорка, он чувствовал себя связанным узами неразрывными с святыми странами Озириса и Брамы; он не один и чем больше он отходит от века сего, тем более он приближается к Миру Истинной Жизни и Правды Нетленной. Почуяв отзвук в душе своей, такой человек с радостью убеждался, что дела древних мыслителей и вещие их словеса живут, не погибли они, и время их не коснулось. Символы древнего мира почти все сохранились до наших дней и тот, кто умеет их читать, тем самым создает себе связь неразрывную с миром отшедшим...

Б. ГЕЛИВЕР

ШКОЛЫ МИСТЕРИЙ И ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ ОРДЕНА

Школы Мистерий

В тусклом рассвете древности, до начала истории, когда человечество было во младенчестве, пришли Великие Сущности из другого мира. Они принесли людям мудрость и знание. Эти Сущности — члены Космического Братства,

возвышенным намерением которого было охранять и вести молодое человечество по направлению к Божественности, к состоянию Богочеловека.

Члены этого Братства составляли и сейчас составляют Духовную Иерархию. Их мудрость шла к людям двумя путями: через притчи и легенды — к простым людям, избранным же передавали свое Учение в Школах Мистерий.

Неофитом приходил Ученик в Школу Мистерий; долгий путь обучения Законам Жизни проходил Ученик, прежде чем достигал последнего посвящения в Учителя.

В до-христианские времена желающие пройти посвящения шли к Школам со всех концов цивилизованного мира. Постепенно знания Школ становились доступными более широкому кругу людей, которые не ставили своей целью совершенствовать себя и служить Братству.

Стремление людей овладевать секретами мудрости привело к созданию различных Школ: "Школы Меньших Мистерий" и "Школы Великих Мистерий". Школы Меньших Мистерий давали знания народу в образе театральных драм и трагедий, где актеры пытались своей игрой изобразить действие законов Бога через природу и человека. Они пытались своей мистической игрой объяснить "непосвященным", что природа есть душа мира, что законы природы постоянны и неизменны, не подчинены прихоти человека, что цель человека — быть в гармонии с природой и с Богом.

Хотя рождение Школ Мистерий произошло в доисторические времена, они продолжали расцветать в эпоху летописи. Хронология учений Школ была реконструирована в одну стройную систему, общепризнанную античным миром. В результате трудов историков современный мир открыл тексты Школ — Мистерии Изиса и Озириса, друидов, финикийцев, Элевсина, Митры и т. д.

Французский историк Шарль Диль писал: "Ничто не может сравниться с чувством благоговения, которое испытывали к Элевсинским Мистериям самые серьезные умы древнего мира, философы, государственные мужи, ораторы, историки и поэты. Начиная от Пиндара и до Платона,

от Исократа и до Цицерона, все согласно признают, что Мистерии глубоко влияли на души людей".

На воротах греческого храма Мистерий Вакха, или Диониса, висела надпись: "Посвященных немного, хотя многие несут жезл". Вакхический жезл, или посох, передавался тому, кто искал мудрость в Мистериях Диониса. Этот посох был сплетен из виноградных лоз и увенчан сосновой шишкой, символизирующей открытие "третьего глаза". Действительно, многим была дана возможность пронести жезл через посвящения в Меньшие Мистерии, но немногие достигали кандидатуры в Великие Мистерии. Лишь избранные попадали в Школы Великих Мастеров, где Иерофанты, или Учителя, побуждали Ученика к совершенствованию через поиск, обучение и медитацию. Каждому предоставлялась возможность войти в Храм, где совершенно одинокий Ученик должен был пройти через "Долину Теней" и выйти к Солнцу посвящения. После посвящения Ученик выходил заново рожденным, находясь под защитой "Небесных Братьев". Он сознает бессмертность Духа и Закона кармы, знает, как использовать силы природы для созидания, помогая человечеству в его трудном пути к совершенству. Принимая Знание от Учителей, Ученик дает клятву Братству не открывать полученные тайны непосвященным. За нарушение данного обета Законы кармы как "саван" окутывали предателя и он становился жертвой насилия публики, которая не понимала суть Великих Знаний.

Школы Мистерий существуют и в настоящее время, и только искатель истины может найти ворота Храма, где Учителя безмолвно ждут Искателя. Принцип Учений Великих Школ целиком основан на практике, потому что религия начинается только там, где кончается теория. Цель Учений — сформировать характер Ученика, раскрыть божественную природу души и сделать жизнь возможной на духовном уровне. Идеал Учений — постижение абсолютной истины и достижение проявления Божественности в делах повседневной жизни. Духовность не зависит ни от чтения писаний, ни от ученых толкований священных книг, ни от тонких теологических рассуждений, но только от пос-

тижения неизменной истины. Совершенно безграмотный человек может достигнуть высшего состояния духовного совершенства, если он сумеет победить свою животную природу путем постижения своего "Я" и отношения ко всеобщему Духу...

<...> Все древние философы и все великие души с незапамятных времен были сыновьями Мистерий. Они были причастны ко всем мировым культурам, ко всем духовным возрождениям человечества. Они определяли земную жизнь как "высший опыт" через познание нашего физического мира. Без этого опыта нельзя осознать величие Божьего Мира, из которого мы пришли для развития полной потенциальности нашего Духа.

Из истории последних времен нам известны некоторые великие имена светил истории, среди них Шри Санкарачара, Вьяса, Магомет, Кришна, Гаутама Будда, Иисус из Назарета, Павел Тарсянин, Лютер и другие. Эти Великие Посвященные всегда были исполнителями замысла, касающегося расы. Они способствовали созданию условий для эволюции рас и всего человечества. Иногда они являлись как благотворные силы, приносящие с собою мир и довольство. Чаще они приходили в качестве разрушителей, уничтожающих устарелые формы религии и правительства, чтобы освободить жизнь от быстро кристаллизирующейся формы и дать ей возможность создать себе новый и лучший проводник.

Величайший из Учителей — Иисус Назаретянин пришел в мир во времена Школ Мистерий. Хотя он был уже Мастером-Учителем, он также прошел испытания посвящениями в Мистерии Египта, Тибета, Индии, Персии, Сирии, Греции. Много лет спустя после его вознесения недопонимание, извращенность и гонение его истинного Учения обернулось трагедией для Школ Мистерий.

Падение Школ Мистерий

В эпоху становления Христианства лидеры Церкви предали "анафеме" Школы Мистерий, обвиняя их в распространении язычества, этим оправдывая последующие разрушительные действия "победоносной инквизиции". В результате преследований, гонений в 3 веке н. э. была сожжена драгоценная Александрийская библиотека. В этой Библиотеке насчитывалось более 700 000 удивительнейших писаний, документов, книг и манускриптов, собранных со всего мира с древнейших времен. Все Писания, связывающие Христианство с древними Мистериями, ревностно уничтожались, однако некоторые драгоценные рукописи были спрятаны и сохранены последователями.

Иногда священные драмы и тайные писания Великих Мистерий были использованы Христианством в литературе и искусстве без объяснения внутреннего смысла. Главы Церкви видели в Школах Мистерий огромную силу, противостоящую окончательному успеху их новой догматической религии. Установленная ими догма была направлена на подчинение, покорность иерархам Церкви, в результате этого выпала логическая основа и сохранилось лишь принятие "на веру", нагромождение нелепых догм, соответствующих уровню сознания иерархов Церкви. Например, тайный документ Школ Мистерий о воплощении души в физическое тело, истолковывался как свидетельство "воскрешения" физического тела в "День Великого Суда" и большинство верующих слепо приняли эту доктрину, отвергающую эволюцию Духа и назначение человека на земле.

На пятом Вселенском Соборе, созванном императором Юстином в 553 г., был принят эдикт, в котором осуждалось учение великого христианского учителя Оригена о перевоплощении души в физическое тело. Некоторые епископы отказывались принять взгляды императора, однако другие члены собора согласились и подписали эдикт. Разброд единого стада Христова — одна из причин, загнавших людей в духовный кризис, переживаемый вплоть до настоящего времени. Странно то, что современные православные богословы признают неопровержимый авторитет

учений Оригена за исключением вопроса о карме и перевоплощении. Законы перевоплощения и кармы тесно связаны между собой. Суть слова "карма" на санскрите означает "что посеешь, то пожнешь", т. е. каждое действие вызывает последствие. Эти последствия, в свою очередь, становятся причинами новых последствий, и так без конца... Слово карма употребляется для обозначения непрерывно-связанной цепи причин и последствий как дурных, так и благих.

Доктрина о перевоплощении являлась краеугольным камнем каждой древней религии Востока. Уже во времена Иисуса эта доктрина претерпела искажение от руководителей церкви и сохранилась в своей первоначальной чистоте лишь среди отдельных сект.

Неспособность иерархов Церкви вскрыть все истины, выраженные согласно древнему стилю в иносказаниях, притчах, аналогиях привело к искажению и непризнанию Космического закона перевоплощения. Не исключена возможность и некоторых искажений преданий при их устной передаче до письменной их фиксации. Полный текст всех 66-ти книг Библии, канонизированных Вселенскими Соборами, стало невозможным полностью проанализировать, понять и свести к единой стройной системе мировоззрения, свободной от противоречий. Свидетельством этому может служить хотя бы различие догм в различных христианских церквах, не говоря уже о часто встречаемых противоречивых трактовках одного и того же текста.

Тина черного времени, охватывающая обе инквизиции (III век н. э. и XII век н. э.) не затронула драгоценный камень Учений Великих Посвященных. Находясь в тени догматического невежества, сокровища Учений передавались от Учителя к Ученику в ожидании рассвета нового Дня. Учителя глубоко скрыли философский камень и одели маску, охраняющую их Ковчег Закона. Учения Школ были переписаны заново и стали недоступными в своей таинственности для непосвященных, только мудрый смог их расшифровать.

С первыми лучами зарождающегося Нового Дня возник Орден Масонов, принеся в мир современный вариант

древнейших Учений. Символ этого ордена — прямоугольник и циркуль.

Затем появилась таинственная роза — символ Розенкрейцеров.

В конце прошлого века появился символ Теософии — крест внутри шестиконечной звезды, окруженный змеей. Это Учение принесла в наш мир Елена Петровна Блаватская. Основа теософии — космос, эволюция духа и существование Великих Учителей Мудрости. Блаватская описала миссию Учителей в эволюции человечества и этим обрекла догму полному пересмотру. Хотя Блаватская была унижена и осмеяна наукой и руководителями Церкви, она указала на 1975 год, как на время, когда должен сойти на Землю новый духовный импульс, который поднимет человечество на более высокую ступень мирового развития. Предсказание, сделанное более полувека тому назад!...

Герметические Ордена

1. Орден Тамплиеров

Конец 11-го века ознаменовался стихийным неудержимым движением западно-европейских христианских народов против мусульманского мира. Крестовые походы, предпринятые в Святую Землю для освобождения гроба Господня из рук неверных, в течение 200 лет привлекали на Восток полчища отважных людей всех сословий, движимых религиозным чувством, жаждавших подвига и славы, приключений и наживы. Когда в 1099 году крестоносцам удалось добраться и основать в Святой Земле христианское государство, поток паломников ко гробу Господнему значительно увеличился. Заботу о снаряжении паломников и охрану их на пути от морского берега к Святым местам взяли на себя духовно-рыцарские ордена, возникшие для защиты Святой Земли и для борьбы с неверными.

Самым могущественным их этих орденов был знаменитый Орден Рыцарей Храма или Тамплиеров, осно-

ванный в 1118 году девятью французскими рыцарями с Гуго-де-Пайеном во главе. Возникновение Ордена, по своим воинственным и благочестивым целям вполне отвечавшего духу и потребностям времени, вызвало всеобщее сочувствие и самое благосклонное отношение со стороны светской и духовной власти. Король Иерусалимский Балдуин II подарил этим рыцарям-монахам дом, построенный на том месте, где, по преданию, находился некогда храм Соломона, откуда и произошло название храмовников или тамплиеров. Св. Бернард Клервосский, величайший религиозный авторитет западных христиан того времени, заинтересовался вновь возникшим Орденом и на церковном соборе в Труа в 1128 году составил для него конституцию, т. е. устав, придав ему почти монашеский характер. Участие, проявленное к Ордену св. Бернардом, придало ему совершенно исключительное значение в глазах монархов, пап и всего католического мира. Тотчас после собора в Труа громадные пожертвования стали притекать в Орден, и число его членов быстро увеличивалось, ибо цвет европейского рыцарства стремился поступить в число этих борцов во славу Божию. Первоначально члены Ордена состояли из рыцарей и служащих братьев. Первые должны были происходить из рыцарского рода, быть холостыми, давать обет целомудрия, бедности и послушания и строго исполнять монашеский устав Ордена. В свободное от воинских дел время рыцари обязаны были проживать в убежищах Ордена, предаваясь молитве в своих уединенных кельях и попечениям о бедных и больных паломниках.

Рыцари носили белые льняные плащи с восьмиконечными крестами — символ сердечной чистоты и мученичества. Служащие братья, которые делились на оруженосцев и ремесленников, могли быть женатыми и, в отличие от рыцарей, носили коричневую или черную одежду. Орден имел и светских членов, дворян и простолюдинов обоего пола, которые добровольно исполняли или все предписания орденского устава, или только часть их, но жили отдельно. К числу светских братьев принадлежали лица, оказавшие услуги Ордену или донаты, и облаты, с детства предназ-

наченные для вступления в Орден и воспитанные по его правилам.

Вначале рыцари, не щадя себя, проливали кровь для защиты Святой Земли и христианских паломников; в бою стояли как один человек, предпочитая смерть плену. Они вели простой и строгий образ жизни, были благочестивы и самоотверженно служили ближнему. К концу 12 века внешнее положение Ордена достигло небывалого блеска. Монархи и папы осыпали его своими милостями и давали ему неслыханные привилегии. Щедрые пожертвования в виде коней, оружия, десятой доли крупных имуществ и громадных имений, позволили тамплиерам основать во всех государствах Европы свои общины, которыми управляли престарелые члены Ордена. Принадлежа по большей части к знатнейшим родам Европы, рыцари Храма занимали самые почетные места при французском, английском и испанском дворах.

Наконец, в 1162 году папа Александр III особою разрешительною буллой освободил тамплиеров от опеки иерусалимского патриарха и епископов и разрешил им иметь собственное духовенство. Орден Рыцарей Храма, имевший уже, в силу особых привилегий, собственное войско, собственную полицию, собственный суд, обладавший громадными денежными богатствами и обширными земельными имуществами во всех государствах Европы, подчиненный непосредственно одному папе, являлся настоящим государством в государстве и по богатству и могуществу мог соперничать со многими монархами. Во главе Ордена стоял гроссмейстер, которому принадлежало, главным образом, предводительство на войне, а также исполнительная власть. Он свободно избирался рыцарями, но писался "Божией милостью". Гроссмейстер подчинялся только конвенту или "великому совету" Ордена и папе. Верховная власть в Ордене должна была собственно принадлежать "генеральному капитулу", т. е. общему собранию, состоявшему из членов конвента, начальников орденских провинций и наиболее влиятельных братьев. Но генеральный капитул созывался очень редко, исключительно по велению гроссмейстера и конвента, так что этот последний,

подчинявшийся единственно только папе, являлся фактически законодательною, административною и исполнительною властью, которой были подчинены не только все рыцари и служащие братья, но и духовенство Ордена.

Некоторые историки считают, что по мере того, как росло внешнее могущество Ордена, как устанавливалось его царственное по своей независимости положение, изменялось и внутреннее его содержание. Мало-помалу прежняя беспредельная преданность Ордена церкви сменилась религиозным безразличием и свободомыслием, близким к еретичеству. Согласно этим новым влияниям изменился и первоначальный устав Ордена, составленный св. Бернардом. Так послушничество, бывшее прежде обязательным для поступления в Орден, было отменено. Параграф 54-ый устава, запрещавший принимать в число тамплиеров рыцарей, отлученных от церкви, был изменен в обратном смысле: признано было желательным вербовать новых членов именно среди этих отверженных церковью, "дабы содействовать спасению их душ". Эти изменения в уставе привлекли в Орден массу недостойных и прямо враждебных церкви членов. В связи с этими изменениями ставят возникновение в начале 13-го века среди рыцарей тайного еретического течения. Считают, что наряду с внешним исповеданием христианского учения и церковных обрядов в подземельях орденских убежищ ночью или на рассвете происходили тайные собрания, где совершались обряды мистического посвящения и поклонения "таинственной силе". Рядом с явным уставом тамплиеры создали новый устав, открывавшийся лишь избранным и заключавший в себе тайное учение Ордена. Исследователи считают, что основа этого тайного учения заключалась в дуализме: тамплиеры признавали существование "высшего Бога" — творца духа и добра, и "низшего Бога" — создателя материи или зла. Идол, упоминаемый всеми историками, был символом Бога материи и зла. Он назывался Бафометом, что в переводе с греческого означает "крещение мудростью", и представлял собой фигуру с головой козла и женской грудью. По другим источникам Бафомет изображался с металлической бородатой головой. Ни одного

изображения тамплиеровского Бафомета не сохранилось до наших дней. Изображение Бафомета, как оно имеется в 15-ом аркане современных изданий Тарота, является позднейшим розенкрейцеровским рисунком. Некоторые считают тамплиеровского Бафомета символом вечно созидающего бога Пана, Бога-Природы. Оккультное описание Бафомета дано в 15-ом аркане "Энциклопедии Оккультизма" Г. О. М. и мы на нем останавливаться не будем. Для нас гораздо интереснее узнать, что посвящаемого в таинства Ордена опоясывали "поясом Иоанна", белым шерстяным шнурком, который через прикосновение к идолу делался священным амулетом. Посвященный в мистерии рыцарь после этого никогда уже не оставлял этого пояса, служившего отличительным знаком его принадлежности к тайному союзу. Название волшебного шнурка тамплиеров "поясом Иоанна" объясняется тем почитанием, которым пользовался Иоанн Креститель у рыцарей Храма. Главным праздником Ордена был день Иоанна Крестителя. К числу достойных внимания обычаев, практиковавшихся на тайных собраниях, было причастие под обоими видами, но не как таинство, а как символ братской любви между посвященными, и исповедь, причем посвященные исповедовались не у духовенства Ордена, а друг у друга, во избежание разглашения тайны.

Масон Клавель говорит: "Теперь уже вполне доказано, что Орден Тамплиеров был ветвью гностицизма, и что учение его в большей своей части является воспроизведением учения древней гностической секты офитов". Далее, тот же Клавель, ссылаясь на восточных историков, указывает, что тамплиеры в разные времена находились в близких сношениях с тайным союзом ассасинов и что оба союза имели одинаковую организацию, одинаковые степени посвящения, и одинаковые цвета одежды: белый и красный. Другой писаталь по масонским вопросам Рагон говорит: "Крестоносцы, явившиеся в Азию с тем, чтобы завоевать Святую Землю и воздвигнуть на ней знамя креста, познакомились там с мистериями гностиков и манихеев, сохранившихся среди небольшого количества проживавших там христиан". Луи Дасте говорит, что в силу изменения,

внесенного в устав рыцарей Храма, согласно которому дозволялось принимать в Орден отлученных от Церкви, после разгрома во Франции в начале 13-го века альбигойцев, многие из них, в том числе и глава их Раймонд VI-ой граф Тулузский, нашли убежище в Ордене Тамплиеров, и что, проникнув в него, альбигойцы заразили рыцарей Храма ядом своего, основанного на Каббале, учения. Мы не будем входить в обсуждение как существующей версии о развратной жизни и противоестественных пороках рыцарей, так и версии религиозного отступничества. Также мало интересны для нас сведения о стремлении Ордена к политической гегемонии в Палестине, к которой он будто бы стремился, равным образом и о недостаточной ретивости в защите этой же Палестины против мусульман. Тамплиеры, по свидетельству Финделя, больше занимались своими внутренними делами: "копили богатства, вербовали богатых и знатных членов, увеличивали число своих провинций в Европе и распространяли всюду храмовнический дух, выказывая в то же время заботу о сохранении благосклонности пап". Прибыльная торговля, предприятия, оживленное банкирское и вексельное дело беспрерывно увеличивали огромные наличные средства Ордена, которые хранились в его главном банке — парижском Тампле. Во второй половине 13-го века ежегодный доход Ордена достигал 54 миллионов франков.

Многие историки объясняют уничтожение Ордена Рыцарей Храма не государственной необходимостью, а алчностью, которую вызвали в Филиппе Красивом, вечно нуждавшемся в деньгах, колоссальные богатства тамплиеров. Но надо отметить помимо экономических, еще и политические причины. Из них самой главной была забота французского короля, направленная к усилению его власти и образованию национальной монархии за счет феодального порядка. Рыцарям Храма усиление королевской власти становилось поперек дороги, ведущей к лелеемой ими Синархии — союзу народов. Орден Храмовников, имевший свои провинции во всех уголках Европы и являвшийся "государством в государстве", был опасен для каждого правительства, таил в себе цементирующую силу, стремив-

шуюся положить конец всем европейским войнам. Мечта о единении народов белой расы, а впоследствии, быть может, и народов всего земного шара, была близка к своему осуществлению. Богатства Ордена копились, как нам кажется, именно для реализации этой высокой цели. Если теперь окинуть взглядом исторические события за семь веков, протекших с гибели тамплиеров, то каждому станет ясно, что Европа могла бы избежать пролития морей крови, если бы была сохранена стабилизирующая сила Ордена, этого ненавистного узким националистам "государства в государстве". Под угрозой второй мировой войны, когда пишутся эти строки, каждому беспристрастному мыслителю особенно ясна глубина тамплиеровской идеи.

Нет ничего удивительного в том, что французский король воспользовался первым предлогом, чтобы положить конец Ордену. Таким предлогом явились показания двух бывших тамплиеров, уголовных преступников, которые в доносе на Орден искали собственного спасения от правосудия. Король воспользовался доносом и обратился за содействием к папе. Климент V не решался поднять руку на Орден, пользовавшийся в течение веков благосклонностью наместников св. Петра. Наконец, побуждаемый королем, от которого он находился в известной зависимости, папа решился вызвать гроссмейстера Ордена Якова Моле с о. Кипра под предлогом переговоров о новом крестовом походе (в 1187 г. Иерусалим был отнят у христиан Саладином и Орден Тамплиеров переселился в Акру, приморскую крепость в Сирии. В 1291 году Акра была занята сарацинами и тамплиеры перенесли свою резиденцию на о. Кипр). Моле прибыл во Францию со всем своим конвентом, архивом и казною. 13-го октября 1307 года все тамплиеры во Франции, с их гроссмейстером и конвентом, были внезапно арестованы по приказанию короля и над ними началось строгое следствие; 12-го августа 1308 г. была издана папская булла, повелевавшая духовным и светским властям возбудить против тамплиеров судебное преследование. Процесс тамплиеров продолжался семь лет. Орден был осужден. Буллою от 2-го мая 1312г.

папа оповестил весь христианский мир о принятом им решении уничтожить Орден Тамплиеров и предал его проклятию. В результате некоторые тамплиеры были сожжены, в том числе и гроссмейстер их Яков Моле (11-го марта 1314 г.), остальные подверглись заключению, из которого многие по уничтожении Ордена были освобождены. Некоторые рыцари нашли спасение в бегстве. Имущество Ордена было конфисковано королями французским, английским, испанским и другими правителями. Яков Моле, будучи уже возведен на костер, громогласно отрекся от всех своих показаний и, призывая на Суд Божий короля и папу, предсказал скорую их гибель. Действительно, оба умерли в том же году в ужасных мучениях.

Любопытно отметить отношение масонства к Ордену Тамплиеров. Большинство масонских писателей являются ярыми защитниками Ордена, отрицают его преступную деятельность и называют тамплиеров и альбигойцев жертвами фанатизма пап и деспотизма монархов. Такое отношение масонов к Ордену объясняется тем, что они считают себя прямыми наследниками тамплиеров, утверждая, что Орден Рыцарей Храма никогда не переставал существовать. Считают, что после разгрома многие тамплиеры укрылись в Шотландии и вступили в союзы каменщиков, из которых впоследствии возникло тайное общество франк-масонов.

Лучшим доказательством некоторой идейной преемственности масонов служит в Древнем и Принятом Шотландском Обряде степень рыцаря Кадоша, посвященная памяти тамплиеров, прославлению последнего гроссмейстера Якова Моле и поруганию короля и папы, виновных в разгроме Ордена. Каким образом тамплиеры через четыре столетия, лежащих между уничтожением Ордена в 1314 г. и официальным возникновением масонства в 1717 г., могли протянуть руку последним, — может рассказать история тайных организаций, которыми была наводнена Европа с 14-го по 18-й век. Среди обществ различного характера, известных как Божьи Друзья, Вальденсы, Бегарды, Братья и Сестры Свободного Духа, Фратичеллы, Пастореллы, Танцоры, Прыгуны, Крестьянский лапоть, Бедный Конрад, Спиритуалы, Интеллигенты, Перекрещенцы-Анабаптисты,

Чешские Братья, Алхимики, литературные общества, философские академии и др. — наибольший интерес представляют розенкрейцеры. Но чтобы понять дальнейшие судьбы Ордена Тамплиеров, нужно не столько проследить деятельность отдельных уцелевших его членов и созданных ими союзов, сколько учесть проявления его эгрегора, усиленного душами казненных рыцарей. Деятельность тамплиеровского эгрегора вылилась в непримиримой ненависти к французским королям Бурбонам и к римским папам. Этот эгрегор вызвал к жизни и поддерживал все общества и заговоры, имевшие целью ниспровержение трона Бурбонов или престола пап. В 18-м веке он проявился в тайных обществах иллюминатов и вздымал яростные волны французской революции. Некоторые считают, что он до сих пор вдохновляет масонские ложи.

К наиболее значительным ударам мертвых тамплиеров по папскому престолу надо отнести учение Виклефа, лишившее католицизм всякой силы в Англии, учение Гуса и гуситов в Богемии, приведшее к ослаблению католического влияния среди чехов, и учение Лютера, лишившее католицизм всякого значения в Германии. Рука могущественных мертвецов чувствуется и в языческом расцвете эпохи Возрождения с ее скептицизмом, направленным против христианских верований, с ее распространением различных оккультных знаний и, самое главное, с ее культом античной старины, вылившимся в воскрешении древней греческой философии. Это направление лучших умов эпохи Возрождения, столь чуждое католическому миропониманию, было весьма удачно названо "гуманизмом", т. е. культом человека. Преклонение перед человеком, признание законности всех стремлений его духовной и телесной природы — вот черты, характеризующие гуманистов и красной нитью проходящие в учении и жизни предшественников реформации и самого Лютера. Что касается посмертной борьбы тамплиеров с французскими королями, то она достаточно хорошо освещена в истории, и мы ее касаться не будем. Отметим лишь "Праздник взятия Бастилии", являющийся официальным в теперешней

Франции, который символизирует собою конечную победу храмовников над французскими королями.

2. Натурфилософы

Прежде чем говорить о деятельности Ордена Розенкрейцеров, следует коснуться тех идей, проводниками которых были Академии Натурфилософов. Эти тайные союзы, члены которых называли себя неоплатониками, а свою науку пансофией или натурфилософией, были настоящими академиями математических и естественных наук. Среди адептов натурфилософии были такие ученые, как Лейбниц, Роджер Бэкон, Раймонд Луллий, Парацельс и др., заслуги которых в области естествознания не могут подлежать сомнению, несмотря на то, что некоторые из этих ученых увлекались алхимией и каббалой. Однако раскрытие тайн природы не было единственной целью этих сообществ, не одни занятия наукой связывали и объединяли между собой эти разноименные и разбросанные по всем странам союзы, но, главным образом, общее миросозерцание, своего рода религия и вытекавшая из нее общая цель, более специальная, чем исследование природы.

Научное познание природы разрушило целый ряд традиционных заблуждений и предрассудков, оно дало пищу и остроту взгляда пробудившемуся духу критики. Наука раскрыла перед взором человечества безграничность мироздания. Еще больший переворот повлекли за собою открытия Коперника, Кеплера, Галилея. Теперь только впервые стало ясно, что уму человека доступно цельное, неопровержимое и вполне удовлетворяющее знание, которое обещает в будущем объяснить все, что пока темно... До сих пор церковная догма была для робкой мысли единственно истинною, теперь знание оказалось надежнее всего. Сообразно с этим освобождением от традиционных заблуждений и предрассудков и в силу безмерной веры в доступное человеческому уму знание, натурфилософы не придавали особенного значения искупительной смерти Христа. Они учили, что тот же божественный дух, который был в теле Христа, заложен и во всяком человеке, что и без познания

Христа и Евангелия блаженство доступно всем, даже евреям и туркам, если они сумеют из закономерности природы вывести законы для собственной своей внутренней жизни, ибо человек и мир управляются одними и теми же законами развития и разрушения.

Академии натурфилософов получили особенное развитие на почве протестантства в 16-м и 17-м веках, Эти научно-философские союзы присвоили себе приблизительно с 16-го века название неоплатоников под влиянием всеобщего в эпоху Возрождения увлечения языческою культурою Греции.

Увлечение греческой культурою начинается в Италии еще с 15-го века, благодаря наплыву в Италию греческих ученых после взятия турками Константинополя в 1453 году.

В Италии тайные академии натурфилософов возникают с 15-го века. Наиболее замечательными из них были: Academia Romana, Academia dei Secreti, Платоновская Академия, Общество лопатки, Academia della Crusa (Crusa — мякина. Официальной целью этого общества было очищение итальянского языка, которое оно отождествляло с очищением зерна от мякины).

В Германии академии, возникшие по образцу итальянской Академии Мякины, носили литературно-научный характер. К их числу следует отнести "Орден Пальмы", "Братство трех роз", "Орден цветов", "Орден Лебедя" и др.

В Англии среди "невидимых" коллегий первое место занимала Academia Londonensis. Ей предшествовали тайные союзы Macaria, Nova Atlantis и др.

Книги Гермеса. Считают, что натурфилософия находится в тесной связи с учением александрийской школы и что она искала подкрепления древних учений в научных исследованиях, тесно связанных с так называемыми "сокровенными знаниями", между которыми главную роль играла Алхимия. Эта мать химии, главным предметом которой было искание философского камня и элексира жизни, стремилась превращать неблагородные металлы в благородные и обновлять человека физически и духовно. Прев-

ращением металлов интересовались еще в Египте и о значительных познаниях в химии египтян свидетельствует их искусство бальзамирования трупов, изготовление врачебных средств и выделка металлов. Наука в древнем Египте была достоянием касты жрецов, которые, позволяя населению пользоваться плодами своих трудов и открытий, окружали свои научные изыскания глубокой тайной. Это тайное знание связывают с именем бога Тота, который якобы изложил свою сокровенную премудрость в 42 священных папирусах. Эта священная литература египтян заключала в себе не только научные сведения, но и догматы их культа и вероучения. Когда в 323 году до Р.Х. полководец Александра Македонского Птоломей основал в Египте династию Птоломеев, произошло особенное сближение греческой культуры с египетской, и греки отождествляли своего бога Гермеса с египетским Тотом. В 240 году до Р. Х. папирусы Тота были переведены на греческий язык под названием книг Гермеса или герметических книг. Дальнейшее развитие герметических идей можно проследить в книгах, приписываемых "Гермесу Трисмегисту", часть которых сохранилась до нашего времени. Впоследствии появилось бесчисленное количество сочинений, трактовавших о теории мироздания и о вытекавших из нее способах искусственно делать золото и серебро. Сочинения эти, отличавшиеся чрезвычайно туманным изложением, понятным только посвященным, стали также приписываться Гермесу. Отсюда принято тайные или оккультные, т. е. доступные лишь посвященным науки, называть герметическими. Сочинения, фигурировавшие под именем книг Гермеса, распространились по всем владениям Римской Империи, а в средние века пользовались величайшим авторитетом среди всех приверженцев сокровенных наук.

Основы алхимии. Алхимические искания представляли в ту пору, когда князья и государи духовные и светские бесполезно приносили целые богатства в жертву обманчивой мечте, широкое поле для низменных, корыстолюбивых стремлений и всякого рода шарлатанства и эксплуатации ближнего. Неудержимое стремление к достижению высших земных благ посредством сокровенных познаний

приняло в средние века характер какого-то стадного безумия и много содействовало популярности тайных организаций и тайных учений.

Основные положения алхимического миросозерцания, из которых вытекала надежда найти философский камень, следующие:

1. Вечность и единство первоначальной материи.

2. Весь мир в его разнообразных формах и проявлениях создался и развился из этой вечной первоначальной материи по тем же самым законам, по которым рождается и развивается все существующее в природе.

3. Основной закон, по которому создался и существует мир, зиждется на первоначальном различии полов (см. Инь и Янь). Согласно этому закону, металлы размножаются таким же путем, как животные и растения, т. е. благодаря взаимодействию двух различных полов.

Исходя из принципа, что природа всегда стремится к совершенству, считая, что золото, в силу единства материи, имеет те же основные части, что и другие металлы, и является совершеннейшим из них лишь благодаря наличности известных благоприятных условий, сопровождавших его образование в недрах земли, алхимики полагали, что низменные металлы были чем-то вроде выкидышей матери-природы. Задача алхимиков сводилась к тому, чтобы исправить ошибки природы и поставить ее выкидышей — неблагородные металлы в те благоприятные условия, которых им недоставало, чтобы стать золотом или серебром.

Для этого надо было доискаться, каким образом металлы размножаются, и заставить их совершить этот процесс в ретортах алхимиков подобно тому, как они совершают его в недрах земли. Такая трансмутация получалась через прибавление к расплавленному неблагородному металлу (обычно олову) незначительной дозы философского камня.

Под философским камнем алхимики понимали следующее: от небесных светил исходит тончайшая, невидимая глазу радиация, которая заключает в себе жизненную силу, необходимую для воспроизведения и развития всех форм природы. Эта радиоактивная энергия проникает во все поры и извилины земного шара и дает жизнь всему

существующему. Алхимики надеялись сконденсировать эти астральные токи сперва в жидком виде, а затем обратить в порошок, который и должен явиться тем философским камнем, который искали фанатики и в который верили ученые.

Интересно отметить, что современная наука не отрицает возможности превращения химических элементов, но видит эту возможность не в философском камне, а в расщеплении атомов.

Натурфилософия в общем смысле — философия природы, наряду с естествознанием она предполагает, что наука о природе не исчерпывает своего предмета, что естествознание оставляет неразрешенными некоторые проблемы, которые разрешимы лишь умозрением, истолковывающим факты, устанавливаемые естествознанием. Так, например, вопросы о пространстве, материи, силе, связи души и тела, эволюции, телеологическом и механическом использовании переступают границы естествознания и относятся к той области философии, которая обозначается словом метафизика и, в частности, натурфилософия.

Когда не было строгого разграничения философии и науки, всякое знание о природе было натурфилософией; так, первый период греческой философии всецело был натурфилософским. Начиная с Платона, философия становится цельным знанием, натурфилософия теряет свое господствующее положение и делается частью системы цельного знания. Средние века — патристика и схоластика — не давали благоприятной почвы ни для естествознания, ни для философии природы; только в эпоху Возрождения вновь появляется древняя греческая натурфилософия — атомистика и самостоятельные попытки философии природы у Телезия. Настоящая наука о природе возникает в конце 17-го века, но главные ее представители в эту эпоху, на основании исследования фактов, строят и философию природы (Декарт, позднее Лейбниц и Кант).

Термин натурфилософия в точном смысле слова применяется к немецкой идеалистической философии, главным образом, к направлению Шеллинга и его учеников (Окена, у нас Велланского и др.). Это направление, вследствие

априорной конструкции не только теории, но и фактов, привело к тому, что наука о природе стала относиться с пренебрежением к философии природы и стала требовать объяснения природы без всякой метафизики. Вражда между естествознанием и натурфилософией, захватившая вторую половину 19-го века, была недоразумением, ибо материалистическое и механическое объяснение явлений было такой же философией природы, как конструкция Шеллинга и его последователей, но построенной на иных, враждебных идеализму началах. Постепенно эта неестественная вражда ослабела, вместе с ослаблением материалистических и позитивных тенденций; естествознание убедилось в необходимости умозрительных идей, связывающих в одно целое различные части научного исследования. Такова, например, идея эволюции, которая, хотя и внешним, схематическим образом объединяет все явления органического мира. Естествознание, как и все другие науки, убедилось в необходимости исследований методологического и гносеологического характера ранее построения какой-либо догматической системы, поэтому Ф. Шульце, в сочинении "Philosophie der Naturwissenschaften" называет натурфилософию "теорией знания о природе или естественной теорией познания". В сближении естествознания с философией большая роль принадлежит новокантианству, старавшемуся выяснить природу "данного". "Природа, — говорит Липпс, — не дана естествознанию, она последовательно строится человеческим духом. Место природы не в начале, а в конце естественнонаучной деятельности; она есть результат этой деятельности". В "Творческой эволюции" Бергсона мы видим полное слияние естествознания и философии природы, т. е. установление того союза философии и науки, который существовал у Платона и Аристотеля.

3. Орден Розенкрейцеров

В 11-ом аркане "Энциклопедии оккультизма", давая оценку различных эгрегоров, говорится, что "Розенкрейцерство первичного типа" возникло приблизительно через

восемьдесят лет после гибели Ордена Тамплиеров. Первичное Розенкрейцерство не могло насчитывать в своих рядах много адептов: слишком много надо было совмещать в себе противоположных черт, чтобы идти к его идеалам, не отрываясь от им же выработанной формы. Оно в 16-ом столетии плавно порождает то течение, которое называют "Вторичным Розенкрейцерством". Если первое назвать "Розенкрейцерство для немногих избранных", то второе заслужит название "Розенкрейцерства для всех сознательных"; если первое навязывало тиранически своим адептам определенные формы путей самосовершенствования, то второе отличалось крайней терпимостью во всех областях, доступных уму и сердцу.

Если не считать указания графа Куте де Кантеле, который говорит, что тамплиеры, после разгрома их Ордена, основали во Франции тайный Орден Розенкрейцеров, распространившийся в 15-м веке в Богемии и Германии, то все предположения о существовании до 17 века тайного общества под этим именно названием имеют единственным своим источником лишь несколько анонимных сочинений, посвященных этому союзу. Из них наиболее замечательно "Fama Fraternitatis R. C." — "Сказание о братстве высокодостохвального Ордена Розового Креста. Всем ученым и правителям Европы. С приложением латинского текста его учения, который раньше никогда не появлялся в печати, ныне же, вследствие многочисленных запросов, доброжелательно печатается и сообщается вместе с немецким переводом всем нравственным, добросовестным душам. От некоего филомагога, любителя, жаждущего Света, Истины и Мира. Печатано в Касселе, Вильгельмом Мейером, Лета 1614". В этом сочинении рассказывается история некоего тайного общества, поставившего себе задачею "реформацию всего мира, приведение человечества к истинной философии, которую познал Адам после своего падения и которой следовали Моисей и Соломон".

Основателем этого общества был якобы некий немец Христиан Розенкрейцер, родившийся в 1378 г., который, побывав в юном возрасте в Палестине, Аравии и Египте и набравшись там мудрости, основал затем в Германии

Орден Розенкрейцеров. Христиан Розенкрейцер умер 106 лет от роду, но Орден продолжал существовать и через 120 лет после смерти своего основателя, получил новую дозу премудрости, открыл могилу Х. Розенкрейцера и нашел в ней рукописи с изложением тайн и откровений Ордена.

Вслед за "Фама фратернитатис" появилось несколько других сочинений подобного же рода, быстро распространившихся по всей Европе и вызвавших, начиная с 1620 г., возникновение многочисленных союзов розенкрейцеров, сперва в Германии, а затем в Англии, Италии, Франции и других странах.

Название Ордена многие исследователи производят от имени его легендарного основателя, но мы полагаем, что другое объяснение, даваемое Келлером, ближе к истине. Члены "Христианского Братства" в качестве отличительного знака имели эмблему страдания в любви — розу с крестом внутри. Кроме этого в академиях натурфилософов, помимо всех прочих символов, были в употреблении крест и роза. Поэтому весьма естественно, что Орден Розенкрейцеров, который был ни что иное, как та же академия натурфилософов, избрал для своего названия именно этот символ.

К характеристике розенкрейцеров 17-го века можно прибавить, что они, по-видимому, усердно занимались алхимией. Так, около 1622 г. в Амстердаме была академия розенкрейцеров-алхимиков. Другая подобная академия была основана в 1664 г. в Нюренберге.

В заключение следует указать мнение Р. Флуда, который говорит: "Общества, которое само себе приписывало бы имя розенкрейцеров, не существовало до 17-го века, а были только такие розенкрейцеры, которые не называли себя розенкрейцерами, а Божьими Друзьями или Братьями".

Розенкрейцерство в России. Появление розенкрейцерства в России тесно связано с масонством. Первой целью Елагинской системы было: "сохранение и предание потомству некоторого важного таинства от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства может быть судьба целого человеческого рода зависит, доколе Бог благоволит ко благу человечества от-

крыть оное всему миру". Сохранение и передачу этой тайны мы находим в древнем английском масонстве. Елагин понимал эту тайну в мистическом духе: он искал "сладкого и драгоценного древа жизни, которого мы с потерянием эдема лишены стали". Если обратиться к тем источникам, из которых он черпал воды "премудрости Соломона", то увидим в них струи розенкрейцерства. Эли — наставник Елагина в масонской премудрости, "в знании языка еврейского и каббалы превосходный, в теософии, в физике и химии глубокий" — был розенкрейцером; книга его представляет собой весьма характерный образчик розенкрейцерского учения. Существует еще известие на страницах дневника некоего немца розенкрейцера, найденного академ. Пекарским в бумагах Елагина, что Елагин "хотел выучиться от Калиостро делать золото". Из другого источника (Вейдемейер. "Двор и замечательные люди в России") мы знаем, что Елагин был близок к Калиостро и что секретарь его дал Калиостро пощечину, может быть, за обман насчет делания золота. Этим, вероятно, объясняется позднейшая ненависть Елагина к делателям "мечтательного золота".

В 1782 году в Москве составился орден "Златорозового креста" под начальством Шварца. Началась серьезная масонская работа, как в общих ложах, так и в самом ордене. Здесь пока были низшие степени; члены занимались "познанием Бога через познание натуры и себя самого по стопам христианского нравоучения". В 1783 году по именным прошениям братьев состоялся прием их в состав главного розенкрейцерского братства; братья перестали интересоваться обрядовой стороной и занялись теоретическими вопросами. 1783 год является годом расцвета собственно масонской и общественной работы московского франк-масонства; в этом году возникли при Дружеском Обществе типографии: две гласные и одна "тайная" для целей собственно розенкрейцерства. В 1784 г. скончался "живой пример и вождь на пути нравственного усовершенствования" — Шварц. Со смертью последнего не стало руководителя розенкрейцеров.

Под влиянием немецких братьев, игравших большую роль в русском розенкрейцерстве (Вельнер, Теден, Шредер), для управления орденом была избрана директория, но вскоре Шредер занял место Шварца. "Итак, — говорит Лонгинов, — недавно еще неизвестный в Москве выходец и проходимец сделался в одно и то же время главным надзирателем теоретических иностранных братьев и управляющим в ордене розенкрейцеров". Уже с 1783 г. главари франк-масонов мало занимались общим масонством и всецело предались розенкрейцерству. Теперь через Шредера они получили иероглифические знаки, аллегорическую азбуку, по которой упражнялись в отыскании высших степеней, формы присяги, нелепой "мистической таблицы" и т. д. К этому времени относится распространение розенкрейцерства и в провинции — в Орле, Вологде, Симбирске, Могилеве. В 1784 г. из Дружеского общества выделилась "Типографическая компания", исключительно для печатанья книг. Душою этой компании был Новиков. Дружеское общество и Типографическая компания выпустили множество книг, частью общего содержания, частью специально масонских. В 1785 г. к масонству присоединился Карамзин и еще целый ряд лиц. Но развитию масонства грозила сильная опасность. Императрица Екатерина II, относившаяся к нему подозрительно в последнее время, предписала произвести обыск в книжной лавке Новикова и поручила митрополиту Платону испытать Новикова в Законе Божьем и осмотреть изданные им книги. Новикова митрополит признал верным правилам церкви, но 461 сочинение было опечатано. В 1786 г. было почти отнято от масонов школьное и больничное дело; из 461 подозрительных сочинений 6 специально масонских, между прочим "Апология или защищение В. К." (вольных каменщиков), было уничтожено, 18 запрещено перепечатывать и продавать; масонам было сделано строгое внушение относительно издания книг. Масонские книги были признаны, вопреки мнению Платона, более вредными, чем книги французских энциклопедистов. Новиков продолжал, однако, издавать книги.

Между тем король прусский Фридрих-Вильгельм II, ревностный масон и враг России, сделал Вельнера своим советником; следовательно, русские франк-масоны оказались подчиненными советнику враждебной державы. В 1787 г. уехал навсегда за границу барон Шредер; по делам ордена поехал туда и Кутузов. В этом году особенно ярко проявилась филантропическая деятельность франк-масонов, помогавших голодавшему вследствие неурожая народу. К 1787 г. относится начало попыток сближения между московскими масонами и великим князем Павлом Петровичем. В том же году было запрещено печатать духовные книги иначе, как в духовных типографиях, что связывало руки Типографической компании. Розенкрейцеры, предавшись работам 4-ой высшей степени "Теоретического градуса", мало заботились о поддержании лож обще-масонских, вследствие чего некоторые ложи закрылись. Таким образом, франк-масонство все более концентрировалось в розенкрейцерстве. С приездом в Москву главнокомандующего кн. Прозоровского деятельность масонов стала окончательно подавляться, а сами они состояли под строгим надзором. В 1791 г. Типографическая компания была уничтожена. В 1792 г. были опечатаны книги, из которых 20 продавались вопреки запрещению, а 48 были изданы вовсе без разрешения; в то же время арестован Новиков. Заточение его в Шлиссельбурге продолжалось по 1796 г. Причина тяжкого наказания, постигшего Новикова, до сих пор неясна; ее видят в сношениях его с вел. кн. Павлом Петровичем. Это тем вероятнее, что приговор относительно остальных масонов, называемых иначе мартинистами, был довольно снисходителен. Книгопродавцы, имевшие у себя в продаже запрещенные книги, были помилованы, франк-масоны на время замолкли.

Розенкрейцерство имело две стороны: духовно-нравственную и научно-философскую. Первая боролась против упадка нравственности в обществе, вызванного отчасти отсутствием просвещения и влиянием непонятной французской философии, отчасти тогдашним общественным строем; вторая стремилась дать положительное знание, в противность скептицизму энциклопедистов. Как и у ела-

гинцев, главное основание этики розенкрейцеров — познание самого себя и указание идеалов, к которым должен стремиться человек. Человек в настоящее время, говорит Шварц, гнилой и вонючий сосуд, наполненный всякой мерзостью. Таким он стал со времени грехопадения Адама, от премудрости которого осталась одна только "искорка света", перешедшая к еврейским сектам ессеев и терапевтам, а от них к розенкрейцерам. Надо сделаться безгрешным, каким был Адам до падения, а для этого необходимо самоусовершенствование. Таким образом, девизом франк-масонов является положение христианское: "будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный". "Возрождение во Христе" (работа над диким камнем) было занятием в низших Иоанновых степенях. В масонском сборнике "Материалы для каменщиков" это занятие определялось так: "Мы работаем в трех преддвериях и притворе. Надпись первого преддверия есть: познай самого себя. Надпись второго: убегай зла. Надпись третьего: стремись к добру. В тенистых переходах притвора: ищи в самом себе истину". Познав свои недостатки, розенкрейцеры готовились к "крещению водою и огнем". Крещением водою было покаяние во всех проступках и мистическое соединение с Богом для познания тайн, открытых в Слове Божием. "Крещения огнем" наши розенкрейцеры не достигли, так как не пошли дальше теоретической степени. Убегание зла состоит в оставлении 7-ми смертных грехов: высокомерия, скупости, неумеренности, похоти, корыстолюбия, праздности и гнева. Убегание зла часто приводило, согласно учению средневековых мистиков, наиболее распространенных в России (Я. Беме, Таулера и др.) к аскетизму: стремись — говорится в одном сборнике масонов — чтобы быть совершенно без "я" в твоем духе, душе и теле. Но аскетизм русских франк-масонов не доходил до отрицания искусств и науки. Наоборот, Шварц, например, сам читал лекции по искусству и высоко его ставил; по учению франк-масонов, "человек, скитающийся по полям без просвещения, менее способен к восприятию истины". Наконец, у франк-масонов нет ненависти к миру, а, наоборот, всегда видна любовь к человечеству. Подобное

этическое учение сослужило хорошую службу русскому обществу. Только зная и понимая сущность франк-масонства, можно понять деятельность "Дружеского общества" и "Типографической компании". Вторая, научно-философская часть учения франк-масонства сводилась к "познанию Бога в природе и природы в Боге". По учению розенкрейцеров, Бог создал мир не из ничего, а из "внутренности Существа своего", для чего Бог соединился с самим собою; в результате явились божественные истечения, которые Бог сгустил и отвердил, и таким образом появилось грубое фигурное явление, которое, в свою очередь, сгустило свои истечения, еще более грубые, в материю. Из одного рисунка, где изображена матъ мироздания, мы видим, что розенкрейцеры понимали процесс сотворения мира аналогично процессу рождения человека. Современным исследователям кажутся нелепыми их взгляды на химию и физику, стремление вызвать духов, делать золото и т. п. Русские розенкрейцеры алхимией не занимались и даже мало интересовались ею, по крайней мере алхимических сочинений у нас мало, и сам Лопухин, из типографии которого они вышли, называет алхимиков "служителями церкви антихристовой".

Политические взгляды русских розенкрейцеров, как и елагинцев, отличаются большою умеренностью. С французской философии они свою ненависть перенесли и на французов, с творцов этой философии и революции — на саму революцию. "Равенство! Свобода буйная! Мечты, порожденные чадом тусклого светильника лжемудрия, расположенные безумными писаниями нечестивых татей философского имени, адским пламенем стремящихся отвращать взор человеческий от тени светлого Софиина лица", — говорит Лопухин. По его мнению в природе и в жизни не может быть равенства, как не может быть и золотого века. Розенкрейцеры примирились со всякими государственными формами, со всяким правительством; они хлопотали только о нравственном и религиозном совершенствовании "внутреннего человека". В царствовании Павла I масоны несколько оправились от удара, нанесенного им Екатериной II. Павел приказал немедленно осво-

бодить Новикова из заточения и отменил все стеснения для других масонов, но ордена возобновить не разрешил. Только в царствование Александра Первого начинается возрождение масонства, во главе которого стояли вначале Лопухин с Ковальковым и Невзоровым, а затем Лобзин. Масоны существовали еще долгое время, особенно в провинции, где они несомненно приносили пользу, облагораживая нравы и содействуя просвещению.

С дарованием религиозной свободы в 1905 г. начинается возрождение розенкрейцеровской работы в России. Эта работа протекает через масонские (не надо смешивать с политическим, революционным масонством), мартинистические и образовательные кружки и относится, главным образом, к изучению оккультизма и мистики. Бурный поток богоискательства, захвативший многие передовые умы русской интеллигенции в предреволюционную эпоху, в значительной степени обязан своим возникновением деятельности розенкрейцеров.

Одним из учредителей автономного отделения Достоховального Братства Р. К. и самым заметным его деятелем был Генрих Оттоннович Мебес, автор "Энциклопедии Оккультизма", которому многие из современных тайноведов обязаны посвящением в эзотерическое учение Ордена.

"Доновиковское" масонство мало исследовано (вернее, о нем сохранилось мало материалов). Масонство эпохи Александра I освещено довольно хорошо, но по нему нет никакой сводки материалов (источники — архивы и журнальные статьи). Масонство позднейшее (1905—1917 гг.), не исследовано, но и не представляет интереса, как преимущественно "карбонарское" (политические кружки). Было несколько лож регулярных (французских послушеств), несколько "мартинистских" и вообще "масоноидных". Кое-какие материалы дает оккультный журнал "Изида" (1902—1911 гг.), слабограмотный и содержавший много вздора.

Изданий антимасонских не приводим по большой их безграмотности и отсутствию сколько-нибудь интересных материалов (на иностранных языках есть издания солидные и заслуживающие внимания). Любопытна антимасонская русская (или переводная) литература екатерининского пе-

риода ("Масон без маски", "Мопс без ошейника", "О некоем противонелепом обществе" и проч.), но все это очень редкие книги.

В литературе иностранной о русском масонстве нет ничего сколько-нибудь значительного. Даже в книгах, издаваемых масонами, сведения крайне сумбурны и толкования поверхностны.

4. Орден вольных каменщиков

Строительные союзы. Из существующих тайных обществ самым распространенным и известным является несомненно франк-масонство. Общество это существует более 200 лет. О происхождении и сущности его имеется громадная литература на всех языках. Одни писатели приписывают создание масонства английской нации; другие видят его начало в Германии; третьи считают масонство наследием тамплиеров; четвертые полагают, что оно естественно развилось из строительных союзов, постепенно утративших свое первоначальное ремесленное значение; пятые видят его источник в древних египетских мистериях и т. д. Относительно самой сущности масонства существуют также различные мнения. Чаще всего ему приписывают характер философско-научного и благотворительного общества.

Французские исследователи тайных обществ пришли к убеждению, что масонство должно быть рассматриваемо не как самостоятельное явление, возникшее в Англии 200 лет назад, а лишь как одно из звеньев непрерывной цепи тайных обществ, тянущейся на протяжении веков.

Большинство масонских писателей производит тайное общество франк-масонов от ремесленных союзов каменщиков, при этом одни имеют в виду средневековые союзы каменщиков, другие — строительные коллегии Египта. В Египте архитектура, как и все отрасли человеческих знаний, находилась в руках жрецов. Поэтому египетские строительные коллегии имели характер религиозных обществ с тайными обрядами посвящения и символами. Вследствие общеизвестной связи, существовавшей между культурами Египта и Греции, организация, обычаи и мистерии еги-

петских строительных коллегий перешли в те строительные союзы Греции, которые, занимаясь преимущественно постройкой храмов, были связаны с культом языческих божеств. Из Греции мистерии, соединенные с изучением архитектуры, проникли в римские строительные коллегии, основание которых приписывается легендарному римскому царю Нуме Помпилию. Эти строительные коллегии распространились затем во всех странах, подпавших под владычество мировой державы Рима, укрепляя повсюду победы римского оружия сооружением городов, крепостей, мостов, дорог и т. д.

Римские строительные коллегии пользовались большими привилегиями: они имели собственный культ, собственный суд и управление. Пополняясь людьми различных национальностей и религий, они издавна отличались величайшей терпимостью и охотно давали в своей среде приют самым разнообразным верованиям и тайным учениям. Благодаря именно этой терпимости и космополитическому составу римских строительных коллегий, туда, приблизительно в эпоху Юлия Цезаря, начали проникать и иудеи, а вместе с ними и тайные иудейские учения, символы и обряды. Христианство также с давних пор нашло себе многочисленных приверженцев среди членов римских строительных коллегий. Когда в 313 г. христианство было признано государственной религией Римской Империи, строительные коллегии стали сооружать христианские храмы. С падением западной Римской Империи в 476 г. строительные союзы, лишенные покровительства государства и не находя применения для своей деятельности, частью распались, частью перешли в Византию, Сирию и Египет.

С 6-го века центрами всякого просвещения, а также и строительного искусства становятся монастыри. При них мало-помалу учреждаются строительные братства, в состав которых входят почти исключительно монахи и послушники, причем настоятели монастырей, в большинстве сведущие архитекторы, составляют планы построек и руководят работами. Весьма возможно, что, как утверждают масонские писатели, к этим монастырским братствам примкнули кое-какие остатки распавшихся после падения Рима строи-

тельных коллегий. Возраставшая постепенно потребность в строительстве заставила монастыри прибегнуть к помощи мирян. С 11-го века уже начали основываться независимые от монастырей строительные ложи. Ложа — строение, в котором каменщики собирались для общей работы и для совещаний. Ложи служили также для хранения инструментов, а иногда и для трапезы и ночлега. В 13-ом веке строительное искусство окончательно перешло в руки организованных мирских союзов каменщиков или масонов.

Если даже допустить, что действительно кое-что из тайных египетских и иудейских учений, символов и обрядов проникло через остатки римских строительных коллегий в средневековые союзы каменщиков, а оттуда и в современное масонство, то, зная о многовековом преемстве тайных обществ, нельзя сомневаться в том, что всю полноту своего учения союз франк-масонов получил не от строительных союзов, а от тайных обществ (по линии тамплиеры — розенкрейцеры).

Для нас, рассматривающих все с точки зрения оккультизма, политическая, общественная, просветительская и другие стороны деятельности первых масонских организаций имеют второстепенное значение. Поэтому мы переходим сразу к т. н. Символическому Масонству, учреждение которого обычно относят к 1717 г.

Символическое масонство. Уже в первой половине 17-го века произошло, по-видимому, слияние английского союза каменщиков с Орденом Розенкрейцеров, так как собрания этого Ордена происходили в лондонских строительных ложах. В 1648 г. член Ордена Розенкрейцеров, знаменитый антиквар и основатель Оксфордского музея, Илья Ашмоль, составил для вольных каменщиков новый ритуал, который был принят всеми английскими ложами. Актом замены прежнего ритуала было положено начало всемирному тайному союзу франк-масонов, хотя руководители его сочли, по-видимому, более осторожным не оглашать этого события, и новое тайное общество продолжало существовать под видом строительного союза еще в течение 71-го года, т. е. до официального своего выступления в 1717 г. Успеху нового союза много содействовало то обстоятельство, что

в силу преследования еретиков и политических противников во время тридцатилетней войны Англия стала сосредоточием различного рода тайных организаций, а вместе с ними и культурных сил. Эти представители "истинного просвещения" приобрели сочувствие в среде английского правительства и, возможно, немало содействовали росту английского империализма.

Чтобы понять взаимоотношения розенкрейцеров с порожденным ими символическим масонством, нужно учесть идеи, которыми в своей деятельности руководилось "Вторичное Розенкрейцерство". Это, прежде всего, была особая политика воздействия на общество, сначала чисто этического характера, а в дальнейшем и практического. Тамплиеровский эгрегор, носитель назидательного клише падения цепи Якова Моле в физическом плане, вибрировал на осторожность каждый раз, когда Розенкрейцерство собиралось сделать тот или иной решительный шаг, и внушал его адептам схемы вернейшего и безопаснейшего пути влияния на общество. Тонкий астрал Розенкрейцерства, весьма пригодный для учительства, мог бы запутаться в решении вопросов практического характера, мог бы проявить недостаток такта в области жонглирования житейскими условностями, мог бы пострадать по существу от непосредственного соприкосновения с мелочами повседневной жизни. И вот, создается телесная корочка, душою которой будет Розенкрейцерство, но которая закалена в житейских делах и не боится черной работы. Эта корочка и есть Масонство — правоверное масонство шотландского ритуала с этико-герметической интерпретацией традиционного Символизма. Эти масоны должны проводить на практике соответствующие эпохе девизы Розенкрейцерства и прикрывать последних своими персонами от могущих последовать несчастий, невзгод и недоброжелательства в физическом плане.

Но всякая медаль имеет свою обратную сторону. Пока масонство составляло в действительности покорную Розенкрейцерству организацию, пока оно признавало начало Преемственности Иерархии, все шло хорошо и масоны выполняли свое назначение. Как только отдельные ветви

масонства стали увлекаться расширением значения выборно-представительного начала, так сейчас же масонские реализации начали менять свой эволютивный характер почти на революционный. Поворотным моментом в этом направлении явилась масонская революция Лякорна и его приверженцев в 1773 г., отделившая от правоверного масонства ассоциацию, известную под именем "Великого Востока Франции". История масонства ничего не говорит о деятельности Великой ложи в первые годы ее существования. Предполагают, что собрания ее до 1722 г. происходили всего раз в год, а именно 24 июня в Иванов день, когда торжественно праздновалось учреждение франк-масонского союза. В 1723 г. Великая ложа формулировала в т. н. "Старых обязанностях" основное положение франк-масонства: "франк-масонство представляет собою центр объединения и создает тесное содружество между людьми, которые иначе никогда не были бы близки друг другу". Второй камень в фундамент франк-масонского союза был заложен Великой ложей в 1724 г. — учреждением кассы для поддержки нуждающихся братьев и ближних.

Высший идеал союза франк-масонов — это гармоническое развитие человека на чисто человеческой основе и гармоническое устройство общества путем воспитательного воздействия на членов при помощи символов, поучения и примера, посредством общей работы и постепенного совершенствования своего общества, дабы оно являлось образцом.

Из недостатков, свойственных в прошлом масонским ложам, следует отметить безучастное отношение к этическим задачам и раздоры между членами, сведение всей деятельности лож к празднествам и пиршествам, исключительное привлечение в организации богатых людей и тщеславную погоню за знаками отличия и степенями.

Организация франк-масонского союза. Принято считать, что союз франк-масонов не имеет какой-либо единообразной организации, не подчинен какому-либо единому центральному или высшему органу и не знает так называемых "неизвестных высших начальников". Для автократических властей этого рода, по словам самих масонов,

нет места при современном государственном строе; при том же они противоречат основным принципам гуманности. Единство союза есть чисто духовное единство. Оно проявляется лишь в идее, в общности основных принципов, стремлений и целей, в отличительных признаках и в сходстве приемов. Напротив того, средства, которыми отдельные страны стремятся осуществить цели масонства, а также внутреннее устройство лож и организация работ — различны.

Тесный кружок масонов, которые собираются вместе, называется ложей. Местонахождение одной или нескольких лож называется Востоком. Для основания "истинной и совершенной ложи", открываемой лишь с разрешения какой-нибудь Великой ложи, требуется, по одним уставам, участие семи, согласно другим — девяти франк-масонов, из которых не менее 5 — 7-ми должны иметь степень мастера.

Отдельные ложи носят особые названия, которые связаны с какой-нибудь исторической личностью или местными отношениями; иногда им дается также название какой-либо добродетели или какого-нибудь масонского символа. Необходимым условием для существования каждой ложи является обладание закрытым помещением, т. е. недоступным вторжению и даже взорам непосвященных. Обыкновенно, кроме зала собраний, имеются комнаты для бесед и отдыха, для библиотеки и для архива.

Ложа представляет собою комнату в виде удлиненного прямоугольника, расположенного в направлении от Востока к Западу, что означает всеобщность франк-масонского союза, — имеет по одному окну на восток, на юг и на запад. С полуночной стороны нет ни одного окна, так как с этой стороны не могут проникать солнечные лучи. Страны света имеют для ложи особое символическое значение. На восточной стороне, там, где восходит солнце, заседают высшие должностные лица, большей частью под балдахином — символом неба. Перед ними возвышается алтарь, к которому ведут три ступени. На нем лежат наиболее священные символы — "три великих светоча": библия, наугольник и круг. Юг означает свет, запад —

закат, север — тьму. Здесь помещаются ученики и подмастерья. В западном, восточном и южном углах ложи возвышаются три столба — мудрости, силы и красоты с тремя маленькими светочами, горящими на них в виде свечей. Они символизируют солнце, освещающее день, луну, светящую ночью, и мастера стула (кафедры), который управляет ложей.

Перед тем, как приступить к работе, среди зала раскладывается ковер (Тапис), масонский рабочий стол. В свободное от работы время он остается сложенным. Он имеет форму прямоугольника, на нем изображены важнейшие франк-масонские символы, выбор и сопоставление которых различны в зависимости от системы. Вокруг ковра располагаются масоны, обыкновенно в черном одеянии и белых перчатках, с шляпой на голове и в переднике из белой овчины. Шляпа служит символом свободы и братского равенства. Белые перчатки, которые получает каждый новичок, служат признаком чистоты его жизни, его мыслей и возвышенного характера его деятельности. Фартук должен напоминать масону, что он рабочий и что высшая честь для него — работа на пользу человечества. Овчина и белый цвет говорят о невинности каждого члена и всего союза, а белый цвет в особенности — о свете и истине, за которые борются масонские ордена.

Члены ложи делятся на действительных, постоянных посетителей с ограниченным правом голоса — они подчинены своим отечественным ложам, и на почетных членов, получивших это звание за особые заслуги перед франк-масонством или ложей; затем на музыкантов и служащих братьев.

Председатель ложи называется мастером стула. Он избирается ежегодно всеми членами, и при первом своем избрании торжественно посвящается в это звание. Он является представителем ложи, руководит работами, следит за исполнением законов, за соблюдением основных принципов франк-масонства и за деятельностью остальных должностных лиц. Кроме того, на нем лежит обязанность заботиться об умственном развитии членов, помогать им словом и делом.

Понятно, что такая трудная и ответственная должность требует людей с характером, обладающих глубоким умом и широким образованием, людей твердой воли и здравого рассудка, одаренных в то же время кротким спокойным нравом, готовых на самопожертвование. Мастер, оставивший свою должность, нередко получает титул почетного или старого мастера.

Наряду с мастером стоят первый и второй надсмотрщики, два делопроизводителя, письмоводитель и казначей. Во многих ложах, кроме того, имеются: прикомандированный мастер стула, оратор, распорядитель, попечитель, эконом, библиотекарь, архивариус и заведующий музыкальной частью. Они также избираются по большей части на один год. Надсмотрщики помогают мастеру в его обязанностях, в случае надобности замещают его, а также следят за поведением братьев вне ложи. Письмоводитель ведет протоколы заседаний ложи и заботится о корреспонденции. В задачу оратора входит произнесение речей в случаях, указанных ритуалом, и разъяснение символов. Распорядитель принимает и экзаменует братьев-посетителей и заботится об их формальном введении в братство. Экономы играют роль товарищей надсмотрщика и помогают распорядителю при приеме братьев-посетителей, при баллотировке и во время застольных заседаний лож. Иногда они должны также раздавать милостыню и ухаживать за больными. Второй эконом исполняет большей частью обязанности кровельщика или брата-сторожа. В особенности же он должен следить за тем, чтобы в ложу не входил ни один человек, не признанный истинным франк-масоном.

Мастера и надсмотрщики носят на шее на голубой ленте особые знаки своего высокого звания: наугольник, ватерпас и отвес. Голубой цвет, напоминающий небесную лазурь, означает верность и постоянство. Кроме того, важнейшим знаком их достоинства, их высшей власти, служит молоток, которым председатель пользуется во время масонских собраний. Это символ силы, разрушающей все преграды и препятствия, которые разделяют людей, и таким образом пролагающий путь к их единению.

Смотря по составу участников, масонские ложи называются ложами учеников, подмастерьев, мастеров, сестер, траурными и застольными. В ученических ложах принимают участие члены всех степеней; задачей их является обсуждение всех дел, касающихся лож, организация выборов и прием новых учеников.

Ложи подмастерьев предназначаются для членов 2-ой степени и для мастеров; они служат исключительно для возведения в эту степень учеников, которые в продолжение известного времени, большей частью в продолжение года, доказали свое усердие и верность.

Ложи мастеров посещаются исключительно мастерами; они обсуждают дела ученических лож и возводят подмастерьев в степень мастера.

Все три степени называются Иоанновыми степенями, а ложи — Иоанновыми ложами, потому что Иоанн Креститель, считавшийся образцом добровольного подчинения, строгой правдивости, мужественной отваги, кроткого смирения и религиозной самоотверженности считался патроном франк-масонского братства. День его рождения, которым начинается год масонов, торжественно празднуется братьями и сестрами; в этот день ложи украшаются цветущими розами. В те дни, когда дневное светило особенно долго остается на небе, природа представляет собою цветущий сад юного веселья и опьяняющей радости. Куда не взглянет глаз, всюду свет и веселье, и любовь, всюду быстро и сильно бьется пульс жизни. Чтобы сделать свой союз источником света, любви и жизни, св. Иоанн в день своего рождения напоминает об этом празднично настроенной толпе своих учеников.

Франк-масоны отстраняют женщин от обычных регулярных работ, но все же дают им возможность принимать участие в исключительных торжественных собраниях и содействовать созиданию великого будущего. Такие собрания, если они сопровождаются особыми торжествами, — называются ложами сестер. Здесь читаются рефераты, имеющие целью познакомить жен, сестер и дочерей масонов с духом и основными положениями союза и наст-

роить впечатлительные женские души в пользу задач братства.

Ложи одного округа или одной страны подчинены обыкновенно одному общему правлению, именуемому Великой ложей или Великим Востоком. В правление входят выборные от лож и избранные ими на определенный срок должностные лица. Главный из членов правления называется великим мастером. Он должен быть человеком государственного ума, философом, понимающим дух времени и глубоко проникающим в сущность человеческой деятельности, человеком с организаторским талантом и твердой волей, человеком решительным, непосредственным и правдивым.

По уставу, Великая ложа не выполняет ни одной из тех обязанностей, которыми заняты Иоанновы ложи. Ее задача состоит в том, чтобы сильнее сплотить ложи одной системы или одной страны и побуждать их к исполнению их обязанностей. Ввиду этого, деятельность Великой ложи сводится к выработке масонских уставов и постановлений для подчиненных ей лож, к наблюдению за их деятельностью, к поощрению братских отношений между ними путем улаживания споров и т. п. Великие ложи, имеющие в своем ведении обширный район, нередко учреждают провинциальные ложи или провинциальные великие ложи для управления отдаленными округами.

В франк-масонский союз принимаются все достигшие, по местным законам, совершеннолетия свободные мужчины с хорошей репутацией. Необходимыми условиями при этом являются: известный уровень образования — дабы понимать сущность франк-масонства, любовь к человечеству, способность к самоотречению, готовность самоотверженно служить возвышенным целям, истинная нравственность, стремление подчиняться авторитету. В некоторых ложах обязательно христианское вероисповедание или хотя бы безрелигиозное христианство. Но прежде всего, вступление в союз франк-масонов должно быть добровольным. Один из членов братства должен поручиться за надежность кандидата. Кроме того, наводятся детальнейшие справки о личных отношениях нового члена и о наиболее сущес-

твенных чертах его характера. Если все условия соблюдены и отзыв испытательной комиссии благоприятен, то вопрос о приеме в окончательной форме решается путем баллотировки шарами. Последняя должна, по возможности, приближаться к единогласному решению.

Франк-масон вычеркивается из списка членов после его смерти, но он может выйти из союза также и добровольно, кроме того члена могут исключить из ложи в случае невыполнения им материальных обязательств и, наконец, его могут исключить из числа членов в виде самой строгой кары за гражданские преступления или проступки против масонства. Это наказание требует предварительного разбора дела судом ложи; оно может ограничиваться исключением только из данной ложи или исключением из всего союза; может быть временным или пожизненным. Но ни один франк-масон не может, не перестав быть тем, чем он есть, отказаться от исполнения своих священных франк-масонских обязанностей, за исключением тех, которые относятся только к внешней обрядовой стороне лож ("Раз масон, навсегда масон").

Прием в члены. Вся деятельность масонов изображается в виде глубокомысленного символа постройки; соответственно этому и основные истины их учения выражаются в аллегорических изображениях или символах и символических действиях, в некоторых частях дополняемых словами. Но "мудрость слова" значительно уступает "красоте формы" и силе действия. "Символика, позаимствованная преимущественно у строительного искусства, проистекает из эстетической потребности воспринимать духовную сущность и наслаждаться ею в чувственно-прекрасной форме". И франк-масон многозначительно определяет свою работу как королевское искусство.

В область символики входят и франк-масонские отличительные знаки, и аллегорические приемы. Порядок их выполнения определяется титулом. Титул этот, в большей своей части воспроизводящий ремесленные приемы древних каменщиков, имеет в разных системах различные формы. Символические обряды совершаются в тех случаях, когда братья собираются для масонской работы в ложах.

Когда братья и должностные лица займут свои места, входная дверь запирается, и кровельщик (привратник) вступает на свой пост. Мастер стула берет молоток и ударяет им по алтарю. Все поднимаются и становятся согласно установленному церемониалу. Затем мастер произносит молитву, обменивается установленными фразами с надсмотрщиками, ударяет три раза молотком, что повторяют затем и надсмотрщики, в это время раскладывается ковер, и мастер объявляет ложу открытой. В таком же порядке происходит и закрытие собрания.

Чтобы получить верное представление о роли и значении масонских обычаев, познакомимся с обрядами, сопровождающими посвящение кандидата.

Прием в члены франк-масонства и в ученики королевского искусства символически делится на три стадии: искания, допущения, подготовки, — вступления, странствования, принятия обязательств, — распространения света, поучения, приветствования. Церемония приема до известной степени символизирует франк-масонское учение.

После того, как "ищущий света" будет допущен к приему в члены, вечером в день, назначенный для посвящения, его вводят в "комнату для подготовки" и на некоторое время предоставляют самому себе. Начертанные здесь аллегорические изречения должны напомнить ему о серьезности предпринимаемого им шага и о значении общества, в которое он собирается вступить. Затем появляется подготовлявший его брат в сопровождении другого брата, чтобы еще раз лично побеседовать с кандидатом и увериться в твердости его намерения. Уведомив об этом ложу, подготовлявший брат возвращается обратно вместе со своим спутником, уже одетым в масонское одеяние. Ищущий подписывает обязательство в том, что он будет хранить нерушимое молчание относительно тех обрядов, которые будут над ним совершены, даже в том случае, если выйдет из союза.

Затем ищущего вводят в "черную камеру", обставленную мрачными предметами смерти, чтобы внушить ему мысль о бренности всего земного, о слабости и несовершенстве человеческой природы и дать ему правильное понимание

его жизненных задач, как масона и как человека. И после того, как он ответит на ряд вопросов в этом направлении, ему дают "внешнее положение", необходимое для приема. У него отбирают "весь металл", все украшения и все то, что его привязывает к внешней жизни, не давая ему возможности воспринимать духовный свет франк-масонства; таким образом, прийдя в состояние величайшей беспомощности, он познает бессилие разобщенности, учится не слишком высоко ценить внешние блага и преимущества, которые препятствуют достижению цели союза, и получает возможность совершенно свободно прислушиваться к внутреннему голосу.

С повязкой на глазах, дабы взор его сосредоточился исключительно на внутренней жизни, неофит, сопровождаемый подготовлявшим его братом, приходит окольными путями к входной двери ложи. Дорогой его несколько раз останавливают и спрашивают о цели, к которой он стремится. Его спутник отвечает на вопросы и отвергает приманки соблазнителей.

У входа в ложу неофит три раза сильно стучит в дверь. Эти три удара означают: ищи и найдешь, проси и дастся тебе, стучи и отворится. Но "врата познания" открываются лишь после ряда дальнейших формальностей, которые должны убедить собрание, что оно имеет дело с человеком действительно достойным. Тут подготовляющий брат передает ищущего первому надсмотрщику. Начинается "путешествие". "С многозначительными словами" надсмотрщик кладет ему на левую сторону груди открытый циркуль, дабы коснуться не столько тела его, сколько его совести, дабы он знал, что, с одной стороны, заблуждения и духовная слепота вращаются в заколдованном кругу, не достигая поставленной цели, а с другой, — что лишь верная дружба тех, кто живет ради света, может быть его истинным руководителем. Трижды повторяется обход прямоугольника. Он символизирует, главным образом, жизненный путь человека — мальчика, юноши и зрелого мужа, и три ступени масонского братства.

Состояние подготовки оканчивается вместе с путешествием. Если ищущий, которому еще предоставляется

возможность вернуться вспять, останется тверд в своем намерении, то он вступает в шестую стадию приема — принятия обязательств. Это высший момент масонской драмы.

Надсмотрщики проводят кандидата по ковру к алтарю истины. Здесь он кладет правую руку на "великие светочи", на Библию и наугольник, в знак того, что он решился быть твердым как в отношении религии, так и в отношении честности. Затем он преклоняет левое колено пред святыней франк-масонства; в это время раздается благочестивая мольба о ниспослании "Всемогущим строителем всех миров" благословения на его вступление в союз, а издали доносятся торжественные звуки органа; тихие и нежные, они проникают ему в душу. Присутствующие братья стоят "в символе". Ищущий узнает, какие обязанности возлагаются на него, как на масона. Главная обязанность — хранить молчание. Он дает обет свято исполнять ее.

Церемониал заканчивается тремя ударами молотка, которым мастер стучит по лбу принятого. "Союз заключен на всю жизнь, брат мой". При этом многозначительном восклицании мастер побуждает "брата ученика" подняться.

Он отступает назад, к западу, братья образуют вокруг него "цепь", а после того, как он заявит свое стремление к "свету", с его глаз падает повязка. Ученик достиг желанной цели внутреннего перерождения.

Посвященного вводят в цепь, и сопровождающий его первый надсмотрщик делает три франк-масонских шага — они должны напомнить ему о ступенях масонской деятельности и означают, что жизненный путь масона должен быть подобен прямоугольнику. Затем его ведут к востоку от столба силы к столбу мудрости.

Восьмой пункт приема — поучения — заключается в сообщении тех отличительных признаков (символ, жест и слово), по которым масоны узнают друг друга. Церемония приема заканчивается чтением ученического катехизиса, излагающего символы этой степени в форме вопросов и ответов, и торжественным приветствием нового брата-ученика "со стороны связанных с ним стремлением к одной цели и общностью духа братьев".

Неофиту вручаются перчатки, фартук, паспорт ложи, выдаваемое в большинстве случаев Великой ложей свидетельство о его законном приеме, устав ложи и список членов.

За посвящением часто следует застольная ложа. Она является в известной степени приятным завершением торжественного и серьезного акта приема. При этом соблюдаются также известные обрядности. Тосты за главу государства, за отечество, за Великую ложу, за братьев-посетителей, неофита, сестер и за всех масонов всего земного шара, музыка и хоровое пение сопровождают обед, оживляя его и поднимая настроение. Но умеренность считается первым правилом во время пиршества; не допускается никакой роскоши. Таким образом, оказывается возможным не только соблюсти в точности весь установленный порядок, но и сохранить восприимчивость умов к серьезным словам ораторов. "Благодаря прекрасному сочетанию серьезности и шутки, бесед и пения, благодаря сочетанию телесных наслаждений с духовными, застольные ложи сплетают венок из высоких наслаждений, являются венцом масонской общественности и внушают всем собутыльникам радостное сознание благородной человечности".

При приеме в различные степени масонство постоянно стремится сообщить какую-нибудь глубокую нравственную истину, "представить жизнь всего мира и человека в одном образе, в одной драме, в одном эпосе". Странствование ученика из тьмы к яркому свету ложи, — "это символическое вступление в мир", символически изображает "сотворение мира, появление света, созданного словом и всемогуществом Бога".

Если ученик "усвоил мысль, что существует вечный Бог, который создал небо и землю, то он будет размышлять дальше и придет к вопросу, что же представляет он сам, что ему делать и к чему стремиться, как ему жить". Когда ученику, возводимому в степень подмастерья, дают наугольник, мастер говорит ему: "Познай самого себя и свои недостатки, чтобы, согласно наугольнику, достигнуть правильных мыслей, слов и поступков". "Кроме света ученичества и веры в Бога, подмастерье приобретает еще

самопознание, учится искусству жизни и строительному искусству, получает наугольник и устав".

Если подмастерье неустанно трудится над светозарным храмом человечества и Божества, то "будет поставлен и последний вопрос: в чем заключается цель, каков конец нашего строительства, наших трудов?" Усталый подмастерье, дойдя до двери ложи мастеров, получает неясный ответ: "Твоя цель — могила".

"Масонство в его глубочайшей сущности, — говорит Шауберг, — это учение о смерти". Подобно античным мистериям, оно рассматривает человеческую жизнь как возвышенную трагедию. Посвящение в мастера служит ее символическим изображением; это высшая мистерия масонства. "Если мастер желает работать для высших целей бытия в духе вечного мирового порядка и в согласии с присущей всему существующему закономерностью, то он должен смиренно принести свои земные радости и свою жизнь на алтарь человечества; он должен иметь силы страдать и умереть за истину, за добродетель и за общее дело". Чтобы глубже внушить эту мысль новому мастеру, его, согласно древнему обычаю мистерий, клали в гроб. Смертный человек со всеми его недостатками и заблуждениями должен быть погребен, чтобы возродился новый человек, который приобщится к более чистой и совершенной жизни и свету.

Символическим характером отличаются и обычаи, употребительные в траурной ложе. Она собирается в честь брата, "вознесшегося к вечному Востоку". Родственники усопшего также имеют доступ в нее. Рабочий зал завешивается черным, свет уменьшается. Среди комнаты возвышается катафалк, украшенный ветвями акации, как немой, но красноречивый свидетель смерти. После молитвы и хорового пения, оратор посвящает несколько слов памяти покойного. Затем произносится речь, обыкновенно кем-нибудь из братьев, которые были наиболее близки к покойному при жизни. Перед саркофагом зажигается огонь, как религиозный символ того, что усопший может вознестись к вечному Востоку, вечной жизни и свету. Свет, которого он искал в жизни, как масон, он надеется найти

теперь в смерти. Наконец, все присутствующие, полные веры и упования, трижды обходят вокруг катафалка, украшая его розами и цветущими акациями: розы — последний долг, акация — символ смерти, но вместе с тем и вечной жизни и бессмертия.

Учение франк-масонов в том виде, как оно излагается мастерами и ораторами в ложах поучения, покоится на преданиях отдельных систем и заключает в себе мораль, историю союза и его символику.

Цель и содержание франк-масонского учения: братская любовь, любовь ко всему человечеству, любовь к Богу или, по более точному определению Финделя: "Истина, нравственность, любовь к человечеству". Этим требованиям должен отвечать как отдельный человек, так и все человечество. "С постепенным познанием истины растет, в общем, и нравственность, с расширением царства добродетели растет и проявление любви к человечеству, а с ростом любви к человечеству и с осуществлением этого триединого идеала увеличиваются мир, радость и простота отношений между людьми".

Особенно подчеркивается "призыв к деятельной любви к ближнему, кроткому, осторожному суждению о ближнем". Из этого явствует, что франк-масонские нравственные правила совпадают со всеобщими нравственными представлениями, сложившимися под влиянием христианства. Своеобразна во франк-масонстве только форма, в которой оно предлагает свое нравственное учение, связывая его с традиционными символами. Нет никакого основания говорить о какой-либо франк-масонской догме. Франк-масонство, вследствие его чисто человеческого и космополитического характера особенно, избегает всяких догматов. Религиозные догматы разъединяют людей и часто приводят к борьбе мнений. Спор же о религиозных вопросах разжигает самые худшие страсти, превращая их во всепожирающее пламя, и в результате неизбежно приводит к озлоблению и взаимной ненависти. Притом жизнь показывает множество примеров того явления, что одна и та же вера одного воодушевляет до отрешения от всего земного, а другого погружает в самую пошлую погоню за наживой. Франк-

масонство не хочет разъединять людей, а, напротив, стремится собрать в своих ложах людей всех вероисповеданий. Благодаря этому оно возвысилось до того понимания религии, которое, по мнению Г. Ф. Трейчке, "одно лишь достойно свободного человека".

Франк-масонство признает, что "религиозные истины — это истины для души; что истины эти для верующего не только не менее, но даже еще более несомненны, чем все то, что может быть измерено и осязаемо, но для неверующего они совершенно не существуют; религия — это субъективная потребность слабого человеческого сердца, и именно потому она не может быть предметом споров. Вопрос о нравственном достоинстве человека решается не тем, во что он верит, но тем, как он верит".

Ознакомление с поучительной, полной превратностей историей союза служит, по мнению франк-масонов, превосходным средством для надлежащей оценки настоящей эпохи, для доказательства того, что традиция должна быть чтима и что, как говорит Гете, в прошлом живет зерно истины.

Опираясь на традицию и историческое развитие и находясь в живой связи с явлениями и успехами человеческой культуры, франк-масонство стремится представить франк-масонские символы в их нравственном значении и живительной силе, — прекрасная, обширная и благородная задача, но именно поэтому особенно трудная.

Франк-масонство различает (по Финделю) 3х3 главных символа и множество (3х3х3х3х3х3) второстепенных. К первым относятся "три великих светоча" — Библия, наугольник, циркуль, "три столба" — мудрость, сила, красота, "три неподвижных драгоценности" — чертежная доска, необтесанный камень, кубический камень; ко вторым относятся "три малых светоча" — солнце, луна, мастер, "три украшения" — пылающая звезда, мозаичная плита, зубчатая оправа, "три подвижных драгоценности" — молоток, ватерпас, отвес. К этому же причисляются 3х3 жизненных явления — ученик, подмастерье, мастер, подготовка, странствование и т. п., три изображения — прямоугольник,

цепь, одежда, три масонских отличия — знак, жест, слово и т. п.

Когда франк-масон занимается своим искусством, ему светят три великих светоча: Библия, наугольник и циркуль. Библия направляет его веру, наугольник — его действия, циркуль определяет его отношение к ближним. Эти символы соответствуют трем столбам и трем драгоценностям. Своей внутренней гармонией они указывают на задачи франк-масонства и франк-масонского союза: религиозность, нравственность и любовь.

Наибольшую роль в масонстве играет Библия. Она служит для франк-масона символом религии, в которой сходятся все люди самых различных вероисповеданий — символом веры в нравственный мировой порядок, в конечную победу добра в мире и того благочестия, которое не ограничивается признанием догматических формул, но, не заботясь о временной или вторичной награде, творит добро ради добра.

Наряду с Библией стоят наугольник и циркуль. В древнем Египте наугольник был красноречивым атрибутом судьи мертвых, Озириса, а у древних пифагорейцев он означал меру времени, пространства и количества. В масонской символике наугольник означает закономерность как основу общественного строя, честности и нравственности. Он направляет деятельность масонов, удерживая их в пределах, поставленных божескими и человеческими законами. Циркуль очерчивает совершенную линию, не имеющую ни начала, ни конца, но во всех своих частях равно отстоящую от центра. Вследствие этого он символизирует замкнутый круг масонов, вызывает сознание общности и единения, указывает совершеннейшую форму отношений масона к своим ближним: всеобъемлющую чистую любовь к человеку.

Три столба — это столпы храма гуманности: мудрость составляет план и руководит постройкой, сила выполняет ее, а красота украшает целое. Это священное триединство должно отразиться в мыслях и действиях как отдельного брата, так и всей общины. Чтобы как можно тверже внушить масону эту мысль, эти столпы олицетворяются

также тремя высшими должностными лицами: мудрость — мастером, сила — первым, а красота — вторым надсмотрщиком.

Три драгоценности означают три ступени — ученика, подмастерья, мастера и круг их деятельности. Неотесанный камень — символ человека, не достигшего совершенства разума и сердца, который со священным рвением стремится к духовному и нравственному совершенству. Неотесанный камень олицетворяет важнейшие обязанности масона: самопознание, самообуздание и самосовершенствование. Масон должен стремиться к тому, чтобы освободить свой разум от заблуждений и предрассудков, чтобы приобрести этим путем ясность мысли и мировоззрения, прийти к познанию истины, красоты и добра и открыть душу побуждениям чуждой эгоизма любви к ближнему. Так, ученик должен при помощи масштаба и молотка обработать неотесанный камень и превратить его в куб с гладкими, пересекающимися под прямым углом плоскостями. Неотесанные камни, собранные вместе, представляют лишь бесформенную груду. Только кубический камень может плотно и прочно соединяться с другими при постройке храма гуманности. Только тот, кто путем самопознания развивает в себе самообладание и облагораживает душу, имеет право содействовать "духовному и нравственному возвышению своих ближних, может быть достойным членом идеального союза нравственно свободных личностей".

На чертежной доске работает мастер. При помощи масштаба истины, наугольника права и циркуля долга он чертит на ней свои планы различных частей постройки, которые должен выполнять каждый мастер. Так, чертежная доска побуждает к мудрому обсуждению работы и к разумному участию в работе каменщиков. В то время как три больших светоча изображают три духовных символа, три малых светоча — это три настоящие свечи, горящие на трех столбах, они напоминают масону об ограниченности и конечности его деятельности на земле. В солнце, вокруг которого в вечном и неизменном порядке вращаются небесные светила и которое своими лучами пробуждает к жизни каждый зародыш, он видит первоисточник твор-

ческой, питающей и управляющей силы. Как вся земная жизнь должна погибнуть без живительных лучей солнца, так и в человеке замирает вся духовная и нравственная жизнь, если свет познания Бога затмевается или совсем погасает в нем. Когда солнце склоняется к закату, оно оставляет луну, кроткий успокоительный свет которой озаряет серый мрак и мрачное молчание ночи. Так "в тихой бесшумной деятельности масон находит радость и награду".

Пылающая звезда принадлежит к числу украшений. Своим светящим согревающим пламенем она символизирует духовную и нравственную жизнь, открывающуюся в свете познания, в силе воли и в теплой братской и человеческой любви. Пять концов ее указывают на добродетели ума, справедливости, силы, умеренности и прилежания.

Мозаичная плита должна изображать пол из мозаики в преддверии храма Соломона. Она символизирует богатое разнообразие божественных даров, и кроме того, изменчивость земного счастья. Она должна склонять масона к смирению в счастье, к устойчивости в несчастье и к постоянной готовности помочь в беде ближнему.

Зубчатая рама образует ограду мозаичной плиты и напоминает масону о том, что "подобно тому, как волны океана омывают, лаская, берега, нежная забота Провидения не покидает его, пока он проявляет добродетели умеренности, стойкости, ума и справедливости".

С помощью ватерпаса каменщик примащивает один камень к другому так, чтобы они образовывали горизонтальную плоскость. Так ватерпас служит франк-масону символом равенства. Их стремления одинаковы, они отказались от всех житейских предрассудков и признают за всеми братьями одинаковые права и обязанности. Так как горизонтальное положение всех частей строения существенно содействует его прочности, то ватерпас служит символом первого надсмотрщика, который стоит у столба силы. "Он должен почитать равенство всех перед законом и признавать все их стремления к их духовному единству, дабы во всем царила братская простота".

Отвес помогает каменщику делать строение вертикальным; он же напоминает масону о прямоте и правдивости по отношению к самому себе и к своим ближним. В знак своей должности отвес держит второй надсмотрщик, который стоит у столба красоты. Прямые линии содействуют красоте внешних форм. Поэтому отвес напоминает надсмотрщику об обязанности постоянно внушать им, чтобы они шли дорогой добродетели и чести; ибо только в таком случае франк-масонская "постройка может вытянуться ровной линией и сиять, озаренная красотой небесного света".

5. Орден Мизраим

Орден Мизраим был перенесен в начале 19 в. еврейским купцом Михаилом Бедаридом из Италии во Францию и здесь был им и его братьями Марком и Иосифом преобразован и расширен. По преданию ордена, Мизраим пришел в Египет, завладел страной и дал ей свое имя. Созданным Мизраимом тайным учением об Озирисе, Изиде, Тифоне и др. воспользовались все философские школы, тайные союзы, большинство религий, а также и масонские общества. Блестящая система "Восточного ордена Мизраима" состоит из четырех серий: символической, философской, мистической и герметически-каббалистической.

6. Орден Мемфиса

Ритуал Мемфиса или "Восточный франк-масонский орден Мемфиса". Как сообщает предание, он основан Ором, который в 46 году был обращен в христианство св. Марком. В 1150 г. рыцари принесли будто бы из Палестины в Эдинбург масонскую премудрость и основали там великую ложу. В 1815 г. Хонис из Каира основал первую ложу ордена во Франции, но ложа эта только в 1836 г. приобретает некоторое значение. Согласно статусам, объявленным тогда, система нового ордена имела особый мистический ритуал в восточном духе. От членов требовалось сохранение доброго согласия с членами всех ма-

сонских корпораций. Возведение в высший сан должно было совершаться по заслугам, а не за деньги, как это часто практиковалось в те времена во многих масонских обществах. "В этом отталкивающем неиспорченный вкус ритуале можно видеть лишь одну из попыток вернуть франк-масонов к теософии давно уже отвергнутых старых систем высших разрядов, совершив предварительно символическую прогулку через различные культурные эпохи".

7. Орден старых франк-масонов

Орден старых франк-масонов мемфисского и мизраимского обряда, а также шотландского и принятого. Не может подлежать никакому сомнению, что этот орден, основываясь на своем законном происхождении от Великого Востока Франции, обладает правом, признанным за ним формально, основывать полномочные Иоанновы ложи.

Высшие ступени не оказывают никакого влияния на чисто деловое управление первыми тремя символическими ступенями. Они разрабатывают только историю и науку франк-масонов. Задачи их можно выразить следующими словами: самопознание, богопознание, любовь к ближнему, мир, терпимость, истина. Во время долгого странствования по градусам и познавательным степеням ордена кандидат получает воспитание, которое делает его способным не только найти прямой путь к истинной франк-масонской тайне, но и действительно пойти по нему. Но, чтобы достигнуть этой цели и усвоить себе франк-масонскую тайну, ученик должен употребить собственное старание и "ту силу, которая живет в его душе и должна им руководить". Тайна, которой владеет орден на своей высшей ступени, заключается, по выражению его мистического языка в том, что он доставляет надлежащим образом подготовленному брату практические средства воздвигнуть в человеке истинный храм Соломона, найти утраченное слово, т. е., другими словами, орден хочет дать посвященному и избранному брату средства уже теперь, в этой земной жизни, добыть доказательства своего бессмертия.

8. Орден иллюминатов

Название иллюминатов носило несколько религиозно-мистических обществ. Первое из них возникло в 1575 г. в Испании под именем Alombrados. В 1623 г. такое же общество (Guerients) возникло во Франции. Оба они погибли от преследований инквизиции. В 1722 г. на юге Франции образовалось новое общество иллюминатов, просуществовавшее до самой революции. Чаще всего под именем иллюминатов подразумевается тайное общество, основанное в 1776 г. немецким мистиком Вейсгауптом под именем союза совершенствующихся (Perfektibilisten). Официальной задачей этого общества была борьба с невежеством и распространение нравственности и просвещения. Вейсгаупт сам получил образование под руководством иезуитов и организацию своего общества заимствовал у них. В ее основу был положен строгий иерархический порядок, подчинение членов общества воле его главы и принцип оправдания средств целью. В 1780 г. в союз иллюминатов вступил Книгге, который сблизил иллюминатов с масонами; среди иллюминатов распространились порядки масонских лож. Подобно масонам, они делились на различные разряды, и только высшему разряду посвященных открывалась тайная цель общества: замена христианской религии деизмом и монархической формы правления — республиканской. В 1780 г. орден иллюминатов насчитывал до 2 тысяч членов и к нему принадлежали многие высокопоставленные лица. В 1784 году между Вейсгауптом и Книгге возникли раздоры; вслед за тем курфюрст баварский Карл Теодор, владения которого были главным центром деятельности иллюминатов, запретил тайные общества (1785) и стал преследовать их участников. Это положило конец существованию ордена.

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)

ПОСЛАНИЕ О МАСОНСТВЕ

"Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире" (Иоан. IV, 1).

Если к какому-нибудь времени, то к нашему наиболее приложимы эти священные слова возлюбленного ученика Христова и тайнозрителя Иоанна. Наше смутное время весьма скудно пророками, но очень богато лжепророками. Мир оскудел "духом Божиим", но очень богат "духом заблуждения".

"Змий древний, который есть диавол и сатана" (Откровение Иоанна Бог. XX, 2) насадил в сердцах людей множество всяких лжеучений, ересей и сект, которыми он прельщает слабых в вере и неискусных в ведении тайн Царства Божия, отвращая их от веры в Бога, в Церковь Христову, в бессмертие души, в загробную жизнь, в будущее воздаяние на суде Божием.

Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. О нем мы намерены по архипастырскому долгу нашему поведать православному русскому миру.

Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно государственностью христианскою.

В этой интернациональной организации первое место по силе влияния и значения принадлежит еврейской нации, которой присуще богоборство со дня распятия Христа Спасителя. Иудаизм исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в мессианских устремлениях к мировому владычеству.

Масонство — непримиримый враг христианства. Оно поставляет своею целью разрушение Церкви, войну со

всеми религиями, потрясение основ национальной христианской государственности и организацию революций во всем мире. Известный масон Вольтер некогда сказал: "Раздавим негодницу", т. е. религию. Эта знаменитая фраза находит отклик свой в масонских кругах и по сей день. В 1881 г. бельгийский масон Флери писал: "Долой распятого! Ты, который вот уже 18 веков держишь мир под твоим ярмом! твое царство кончено! не нужен бог!"

— Наша цель не в том, чтобы восстановить индивидуализм, а в том, чтобы смести христианство с лица земли, — говорила в том же году учредительница Теософического общества Блаватская.

— Атеист — один из самых славных титулов человечества, знак отличия мировых героев... мучеников... спасителей мира. Никакая философия, никакое богословие не несли миру ничего достойного в сравнении с благой вестью атеизма... честь же и слава этим передовым бойцам прогресса, этому почетному авангарду армии свободы. Честь и слава тому, кто в своем усердии о человеке забыл Бога, — говорит теософка Анна Безант.

Видный масон 33-й высшей степени заявил в 1912 году: "Вы чувствуете необходимость раз навсегда покончить с Церковью, со всеми Церквами. Пока мы этого не добьемся, мы не сможем ни продуктивно работать, ни построить что бы то ни было прочное".

В 1913 г. масон Сикар де Плозол говорил: "Есть один мир, который мы не можем заключить, одно разоружение, на которое мы не можем согласиться, есть одна война, которую мы неустанно должны продолжать до победы или до смерти, это война против всегдашних врагов масонства и республики, врагов разума, науки и человеческой справедливости, и эти враги суть все догматы, все Церкви".

Несколько позже, на общем конвенте, раздавались такие речи: "разрушим этот символ ужаса и мерзости, этот очаг мирового злодеяния и возобновим всегдашнюю нашу борьбу. Раздавим негодную. Будем вести борьбу со всеми религиями, т. к. они настоящие враги человечества".

Бельгийский масон Кок заявил на международном масонском конгрессе в Париже: "То, что нам необходимо

разрушить, это религия, догматы", и далее: "Путем пропаганды и даже административных актов добьемся того, что сможем раздавить религию".

Испанский масон-революционер Франциско Фереро в своем катехизисе для светских школ пишет: "Бог — это лишь детская концепция, вызванная чувством страха".

Недостаточно победить влияние духовенства и лишить Церковь авторитета... Необходимо разрушить самую религию, постановляет масонский конгресс 1900 г. "Борьба не на жизнь, а на смерть", заявил на этом конгрессе бельгийский гроссмейстер. Знаменательны следующие слова масонских деятелей: "Напомним, что христианство и масонство абсолютно непримиримы, настолько, что примкнуть к одному, означает порвать с другим. В таком случае у масона долг один — надо смело сойти на арену борьбы и сражаться". "Будем работать, будем прясть ловкими и осторожными руками тот саван, который покроет в один прекрасный день все религии, и тогда мы будем способствовать разрушению во всем мире клерикализма и суеверия, которое от него происходит", — говорит член конвента Великой ложи Франции. Подобных выражений можно было бы привести еще сколько угодно, т. к. ни одно масонское собрание не проходит без выпадов против религии.

Следует отметить, что масонство в своих ритуалах, посвящениях и символике носит ярко кощунственный характер. Так, например, ложа 18-ой степени (Розенкрейцерская) украшена изображением Голгофы. На кресте изображена роза, над которой помещена таинственная еврейская надпись: I.N.P.I.* Заседания ложи открываются в тот час, когда разодралась надвое церковная завеса. Церемония заканчивается кощунственным воспроизведением тайной вечери. Некоторые масоны объявляют себя служителями сатаны: " Мы, масоны, — говорит альтмейстер Брок-

* Возможно, речь идет о надписи I.N.R.I. — первых букв латинской фразы "Иисус Назареянин, царь иудейский", написанной, согласно легенде, на табличке, прибитой к кресту Спасителя (прим. ред.).

линской ложи Лессинг, — принадлежим к роду Люцифера. Треугольник взамен креста. Ложа вместо церкви". Конечно, существование таких кощунственных ритуалов масоны скрывают, тем не менее они имеют место на верхах некоторых масонских лож.

Если в тайной масонской программе на первом месте стоит борьба с религией, то на втором бесспорно значится борьба с государственностью христианскою, исторически воплощенною в монархическом строе.

Масоны часто отрицают это, ссылаясь на особые статьи своего устава, "воспрещающие всякие дебаты по поводу действий гражданских властей и всякое масонское вмешательство в борьбу политических партий", но, как и многое другое, эти статьи масонских лож служат лишь для того, чтобы легче обманывать неосведомленных людей. Так, в заседании своем 12 апреля 1884 года Великая ложа Франции постановила: "Отменить за ненадобностью пункт конституции, по коему Великая ложа отказывается от обсуждения политических вопросов", но в официальном бюллетене Великого Востока Франции за 1886 год мы читаем: "Одно время существовало не столько правило, сколько простая формальность, заявлять, что масонство не занимается ни вопросами религии, ни политикой. Под давлением полицейских предписаний мы вынуждены скрывать то, что является нашей единственной задачей". Тем не менее в официальных статутах статья устава, воспрещающая вмешательство в политику, сохранена. Из этого можно видеть, насколько можно доверять официальным статутам масонских лож. Ряд авторитетных источников свидетельствует, что во всех революциях XVIII, XIX, а также и нашего века, масонство принимало самое живое участие и имело очень большое влияние. Масонские издания и по сей день поддерживают это и даже гордятся этим. Не раз они отмечали, что революционный девиз "Свобода, равенство, братство" искони является девизом масонства. Масон и каббалист Папюс утверждает, что "революции суть применение конституций масонских лож к обществу". Русскую революцию 1905 года один масонский журнал приветствовал словами: "Все республиканцы, и в особенности масоны,

должны выразить самые горячие пожелания скорейшего триумфа русской революции". Но это в прошлом, а что же масоны говорят в настоящем? В 1923 г. на одном собрании ложи города Канже было сказано: "Масонство, которое играло первенствующую роль в 1789 году, должно быть готово выставить кадры для революции, всегда возможной".

"Братья, — читаем мы в другом номере того же официального бюллетеня, — позвольте мне выразить еще надежду на то, что масонство, коему история обязана революциями национальными, сумеет сделать и более крупную революцию — интернациональную".

Следует отметить, что масонские деятели всегда отождествляют безбожную республику и социализм, не гнушаясь даже союзом с коммунистами, прикрываясь, однако, девизом: "свобода, равенство, братство". Председатель Великого Востока Франции Десмон дает такое определение республики: "Для меня республика означает: антиклерикализм, антимилитаризм, социализм". "Только благодаря союзу левых, главной ячейкой которого будет ложа, мы восторжествуем, — говорится в отчете упомянутого конвента. — Мы должны сгруппировать всех республиканцев и даже в союзе с коммунистами выработать программу".

Таким образом, масоны сами подтверждают свою связь с коммунистами и с разрушителями нашей Родины. Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки масонским. 15-летнее наблюдение над разрушением нашей Родины показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину.

Не можем не отметить и того, что наш тяжкий церковный раскол имеет своим первоисточником все то же

растлевающее масонство, с его различными организациями и деятелями, проникшими в церковно-приходские учреждения для расстройства и разложения церковной жизни. Надев на себя тогу ревнителей православия и христианского просвещения, они с такой хитростью и лицемерием, через посредство денег и печати, обольщают доверчивых и несведущих людей, заражают их ядом модернизма и отвлекают от истинной христовой Церкви.

Обычно русские масоны стараются отмежеваться от мирового масонства, утверждая, что русские ложи якобы не имеют ничего общего с ложами других стран. Но такие заявления не соответствуют истине. Масонство имеет определенную организацию. Отдельные масонские ложи, возглавляемые председателем, объединяются в федерацию, во главе которой находится административный орган или совет. Ежегодно центральный орган собирает общее собрание из представителей всех лож данной федерации, причем эти представители избираются ложами одновременно с другими должностными лицами. Таким образом, ни один масон не может не знать, к какой федерации его ложа принадлежит. Русские ложи распределены по многим странам и носят характерные названия: Астрея, Северное сияние, Юпитер, Гермес и др. Ни один русский масон не может утверждать, что не имеет ничего общего с безбожным масонством других стран.

В 1923 году видный русский масон Кузьмин-Караваев заявил на конвенте Великой Ложи Франции: "Мы все, русские беженцы, ваши ученики; мы учимся, как сделаться хорошими масонами, чтобы иметь возможность провести в жизнь масонский девиз: свобода, равенство и братство".

Заявления, что русское масонство за границей является какой-то отдельной и независимой организацией, содержит в себе неправду.

Масонство едино, несмотря на некоторую разницу ритуалов, даже на некоторую кажущуюся, вернее, показную рознь. Весьма часто слышны речи, будто существует масонство "хорошее" и масонство "дурное", однако в речах и писаниях видных масонов мы постоянно встречаем указания на единство мирового масонства, несмотря на

видимую в нем рознь. (В основу всех масонских статутов положена так называемая конституция Андерсона). Брат Кольсон пишет во Всемирных масонских "Анналах": "Нет иностранцев под нашими колоннами" (т. е. в ложах). Общепризнанный масонский авторитет брат Рагон заявляет: "Основной характер масонства — это интернациональность. Масонство едино и всякий ритуал или нация, отступающие от этого принципа, заблуждаются и отходят от масонского пути... Мы не понимаем настоящего масонства, которое могло бы называться английским, шотландским, французским, американским и т. п. Имеется ли математика английская, шотландская, французская? Нет, есть только математика и также есть только масонство. Некоторые особенности в ритуалах, церемониях и формах приема недостаточны, чтобы национализировать масонство вопреки его претензии на интернациональность". Масонство едино, и рознь между различными ритуалами лишь показная, для широкой публики. Принадлежность к этому ритуалу отнюдь не исключает данного "брата" из другого, якобы враждебного ему ритуала. Каждый масон высшей степени обладает и первыми тремя степенями и в качестве мастера является полноправным членом любой ложи земного шара. Всякий масон, какой бы федерации он не принадлежал, должен вследствие этого нести полную ответственность за ту антихристианскую и антигосударственную работу, которую ведет единый масонский орден, и тот, кто скрывается от этой ответственности за национальными или ритуальными этикетками, или обманывает сам себя, или допускает сознательную неправду.

Указав на вредную деятельность масонства, мы не можем не упомянуть о столь же гибельных учениях и организациях, сродных с ним, находящихся с ним в тесной связи и зависимых от него, каковы: теософия, антропософия, "Христианское знание" и ИМКА.

К глубокому нашему сожалению, эти общества имеют широкое распространение среди нашей эмиграции. Посему мы и считаем своим долгом предупредить нашу русскую паству от столь опасных учений и организаций и призываем

всех наших духовных чад не иметь с ними никакого общения.

Принимая во внимание все вышеизложенное, Священный Собор определил:

1. Осудить масонство, как учение и организацию, враждебную христианству и революционную, направленную к разрушению основ национальной государственности.

2. Осудить также все сродные с масонством учения и организации: теософию, антропософию, "Христианское знание" и ИМКА.

3. Поручить епархиальным преосвященным и начальникам миссий преподать подведомому им духовенству указания, необходимые для борьбы с указанными вредными учениями и организациями, и для предупреждения православной русской паствы от увлечения ими или от участия в их вредной деятельности через посредство духовной проповеди, внебогослужебных бесед, печати, преподавания Закона Божия в учебных заведениях и особенно через исповедь.

4. Вменить в обязанность пастырям Церкви спрашивать приступающих к исповеди, не состоят ли они в масонских организациях и не разделяют ли этих учений, и, если окажется, что состоят или разделяют, то разъяснить таковым, что участие в указанных организациях несовместимо со званием христианина — члена Христовой Церкви, что таковые должны или решительно отказаться от масонства или сродных с ним учений, или, если они этого не исполнят, не будут удостаиваться Св. Причастия и при дальнейшей неприкаянности будут отлучаться от Св. Церкви.

Преподав вам наши Архипастырские указания относительно врагов Божиих и врагов вашего спасения, мы хотим напомнить вам Апостольские увещевания: "Возлюбленные! Имея все усердие писать вам об общем спасении, я почел за нужное написать вам увещевание — подвизаться за веру, однажды преданную святым... назидая себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни" (Иуд. 3, 19—21).

"Всякий рожденный от Бога, побеждает мир, и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий... Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная" (1-ое Иоанна V, 4, 5 и 10 — 20).

Аминь.

Председатель Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей Митрополит Антоний.

15/28 августа 1932 г. День Успения Божьей Матери. Сремские Карловицы, Югославия.

СОДЕРЖАНИЕ

О БАШНЕ ВАВИЛОНСКОЙ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ) 3

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ 12

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ДО-ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСТИЦИЗМ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Э. ПОСНОВ
ДО-ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСТИЦИЗМ 13

С. Н. ТРУБЕЦКОЙ
НАЧАТКИ ГНОСТИЦИЗМА 34

II. ДОКУМЕНТЫ

КНИГА ТАЙН ЕНОХА 93

АПОКАЛИПСИС БАРУХА 101

ПОИМАНДРЕС 108

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАКОНЫ МАНУ 111

ПЛАТОН
КОСМОГОНИЯ 118

Л. Х. БОРХЕС
РЕЛИКТ 147

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
"ХРИСТИАНСКИЙ" ГНОСТИЦИЗМ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Э. ПОСНОВ
ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСТИЦИЗМ
ГНОСТИЦИЗМ ВЕКА АПОСТОЛЬСКОГО 149
СИМОН МАГ
ГНОСТИЦИЗМ II-го ВЕКА
А. ВОСТОЧНЫЕ (СИРИЙСКИЕ) ГНОСТИКИ 154
1. ОФИТСКИЕ СЕКТЫ
2. САТОРНИЛ
3. ВАСИЛИД
4. КЕРДОН И МАРКИОН
Б. ЗАПАДНЫЕ (АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ) ГНОСТИКИ 191
1. ВАЛЕНТИН
2. ВАЛЕНТИНИАНСТВО
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 200

ПЛОТИН
ПРОТИВ ГНОСТИКОВ 202

Л. П. КАРСАВИН
ГЛУБИНЫ САТАНИНСКИЕ
(Офиты и Василид) 230

С. В. БУЛГАКОВ
ЕРЕСИ, ПРОТИВНЫЕ ХРИСТИАНСТВУ 253

Л. Н. ГУМИЛЕВ
АНТИСИСТЕМЫ И АЛЬБИГОЙСКАЯ ЕРЕСЬ . . 260

II. ДОКУМЕНТЫ

АПОКРИФ ИОАННА 281

ТАЙНАЯ КНИГА БОГОМИЛОВ 299

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА СИЦИЛИЙСКОГО: ОСУЖДЕНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЕРЕСИ МАНИХЕЕВ, НАЗЫВАЕМЫХ ТАКЖЕ ПАВЛИКИАНАМИ, НАЧЕРТАННАЯ ДЛЯ АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРИИ 306

Л. Х. БОРХЕС
ОПРАВДАНИЕ ЛЖЕ-ВАСИЛИДА 341

Л. П. КАРСАВИН
СОФИЯ ЗЕМНАЯ И ГОРНЯЯ 346

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
НЕОГНОСТИЦИЗМ

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. БУЛГАКОВ
О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ И ИММАНЕНТНОМ . . 355

Вс. СОЛОВЬЕВ
ЧТО ТАКОЕ "ДОКТРИНА ТЕОСОФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА" 363

II. ДОКУМЕНТЫ

ЭЛИФАС ЛЕВИ
О ВЫСШЕЙ МАГИИ 393

В. А. ШМАКОВ
О СВЯЩЕННОЙ КНИГЕ ТОТА 399

Б. ГЕЛИВЕР
ШКОЛЫ МИСТЕРИЙ И ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ ОРДЕНА

ШКОЛЫ МИСТЕРИЙ 411
ПАДЕНИЕ ШКОЛ МИСТЕРИЙ 415
ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ ОРДЕНА
1. ОРДЕН ТАМПЛИЕРОВ 417
2. НАТУРФИЛОСОФЫ 426
3. ОРДЕН РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ 431
4. ОРДЕН ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ 440
5. ОРДЕН МИЗРАИМ 461
6. ОРДЕН МЕМФИСА 461
7. ОРДЕН СТАРЫХ ФРАНК-МАСОНОВ 462
8. ОРДЕН ИЛЛЮМИНАТОВ 463

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)
ПОСЛАНИЕ О МАСОНСТВЕ 464